

Volume 21
№ 1 (74) 2025

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор Римского Университета Сапиенца, Италия

Ван Чэньсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия

Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Иншакова А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия

Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тяги Парул – Ph.D. (менеджмент), преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия

Доктор Герхард Шнайдер – профессор международного менеджмента и политической экономики, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

3 А.Ю. Трубецкой, П.К. Иванов
Образ будущего России как институциональная основа государственного строительства

14 О.М. Гришин
Переход к многополярному мироустройству как ключевой фактор трансформации российской правовой системы

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

22 А.В. Малько
Правовая политика и правовое сотворчество государственных и общественных структур: сравнительный аспект

31 Д.Ю. Полдников
Правовая традиция как основа сравнительного изучения устойчивого правового многообразия мира

40 Н.А. Воронцова, А.Т. Ганиева
Отдельные аспекты судебной практики и доктринальные понятия «параллельного импорта» в международном торговом праве

49 Д.К. Лабин, Чэнь Цимэн
Роль Китая в развитии международного сотрудничества в Антарктике: правовой анализ позиции и действий

58 А.С. Сибатян, Н.Г. Ищенко
Правовые аспекты формирования общего рынка труда Евразийского экономического союза

71 Д.Я. Кузнецова
Правовое регулирование участия государства Японии в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства

82 Т.О. Кузнецова, Л.О. Гордейченко
Практика применения Межамериканским судом конституционных ограничений политических прав и свобод в странах Латинской Америки

89 Н.Е. Колмаков
МУС вопиющего в степи: решение по Монголии

99 В.Б. Данильченко
Роль глобальных международных организаций в формировании универсальных правовых основ участия адвоката в урегулировании споров о детях

111 А.М. Корженяк
Международно-правовой механизм легитимации интервенции США и других стран НАТО в Ливию в 2011 г.

124 А.С. Титов
Вопросы применения института исковой давности к отдельным категориям исков в публичных правоотношениях

132 С.А. Маркус
К вопросу о содержании и задачах правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

140 А.Л. Ермаченко
Характеристика общественно опасных последствий, наступающих в результате превышения полномочий работниками частной охранной организации

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

149 Г.М. Костюнина
Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС): результаты 50-летнего функционирования

№ 1 (74) 2025 Theoretical law journal

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN**

EDITORIAL BOARD:

- Francesco Adornato** – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Law, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Governmental Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of Governmental Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Ph.D. in Management, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
Dr. Gerhard Schnyder – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of Integration and Human Rights Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko

Proofreading – Tamara M. Shrapyan
Computer layout – Dmitry E. Volkov

- 162 Б.И. Черняховский**
Таргетирование инфляции в условиях шоков 2020–2022: международный и российский опыт
- 171 Е.Д. Мантуров**
Криптоактивы как инструмент клиринга в агентской системе расчетов
- 183 А.О. Иншакова, Д.Е. Матющин**
Управление устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0: новое качество цифрового экономического роста в регионах России
- 195 А.Е. Чикова**
Сотрудничество в рамках БРИКС+ как новый формат интеграционного процесса быстроразвивающихся стран
- 207 А.В. Васильев**
Сотрудничество в рамках БРИКС с целью обеспечения национальной экономической безопасности
- УПРАВЛЕНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
- 217 Э.М. Аминова**
Партнерские финансы как альтернативная бизнес-модель финансирования
- 225 А.С. Волков**
Цифровое правительство Российской Федерации и Республики Корея: сравнительный анализ государственных программ цифровизации
- РЕЦЕНЗИЯ**
- 237 Е.В. Охотский**
Рецензия на четырёхтомник И.В. Понкина и А.И. Лаптевой по методологии науки и прикладной аналитики

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Алексей Трубецкой*

Павел Иванов**

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-3-13

***Введение.** В статье рассматривается понимание образа будущего России в качестве ключевого элемента политической, экономической и правовой системы государства и основной мировоззренческой ориентации государственного строительства, который определяет смысловое наполнение национального и международного вектора развития. В условиях современных вызовов эпохи глобализации и неизбежной трансформации мирового порядка, образ будущего необходим для сохранения национальной идентичности и обеспечения безопасного и эффективного функционирования всех сфер жизни общества, включая институты власти. Видение общего будущего исторически трансформировалось, но его современное понимание свидетельствует о частичной дезориентации и разрозненности российского общества, что представляет потенциальную угрозу полиэтническому и мультикультурному единству государства, традиционным ценностям и русскому образу жизни. Какой дорогой пойдут новые поколения России в XXI в. зависит от образа будущего, ответственность за выбор которого лежит на плечах нынешнего руководства страны.*

***Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы: метод системного анализа; аналитический метод; институциональный метод; исторический метод; цивилизационный и идентитарный подходы, а также статистические методы научных исследований.*

* **Трубецкой Алексей Юрьевич**, доктор психологических наук, руководитель фонда «Российский общественно-политический центр» (РОСПОЛИТИКА), Москва, Россия
e-mail: president@ruppc.ru
ORCID ID: 0000-0002-4309-4137

** **Иванов Павел Константинович**, начальник департамента международных проектов фонда «Российский общественно-политический центр» (РОСПОЛИТИКА), Москва, Россия
e-mail: ivanov.pavel.k@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3363-5742

Результаты исследования. Авторы проанализировали специфику понимания образа будущего России и исторической эволюции его видения в Российской Империи, СССР и современной Российской Федерации. Раскрыты основные элементы формирования видения образа будущего, их взаимосвязь, эволюция и проблематика реализации такой политики на государственном уровне в современной России. Полученные результаты позволяют сделать вывод о системном кризисе идеологической ориентации в политической сфере, которая подрывает самостоятельность, целостность и идентичность Российской Федерации и всего постсоветского пространства. При этом обосновывается, что формирование собственного образа будущего России должно быть естественным продолжением национальной идентичности, учитывая историческое наследие и культурный код «русского мира».

Обсуждение и заключение. Системный кризис образа будущего России вызван крахом политики Коммунистической Партии Советского Союза и провалом либерального проекта новой России, который так и не смог сформулировать и обосновать свои цели. В контексте постепенно нарастающего разочарования в западной модели либеральной демократии в международных отношениях, вопрос поиска собственного пути снова стал актуален. Общее видение будущего является наиболее эффективным средством постановки долгосрочных целей и задач, а также эксклюзивных методов их достижения, обеспечивая морально-нравственную и политическую стабильность, самостоятельность и самобытность государства. При этом национальная идентичность является одним из ключевых факторов конкурентоспособности нации и фундаментальной составляющей образа будущего в эпоху глобализации.

Введение

В XXI в. эйфория окончания Холодной Войны и распада СССР быстро развеялась, развенчав надежды России на мессианскую роль западной модели либеральной демократии и рыночной экономики в построении более безопасной, справедливой и эффективной системы международных отношений. Со временем на постсоветском пространстве осознали инфантильность веры в утопические обещания коллективного запада, но после краха биполярного миропорядка правопреемница Советского Союза так и не смогла найти свое место в новом мире. Более того, Россия фактически оказалась страной без будущего, а точнее – без образа будущего.

В каком-то смысле выбор собственного пути в новом столетии, оказался бессмысленным, ведь для понимания выбора верного пути сначала необходимо понять, какова точка назначения. А в такой ситуации «Все ветра попутные, если не знаешь, куда плыть». Сегодня вопрос образа будущего

России снова вернулся в общественный дискурс, поскольку процессы глобализации и новые информационные технологии вызвали неизбежную эрозию традиционных систем ценностей, культурной самобытности и национальной идентичности [20], которая является ядром для построения образа будущего. В условиях геополитического кризиса мирового порядка коллективного запада («мира основанного на правилах»)¹ и становлении многополярного мира, роль России не совсем ясна, прежде всего, в самой России. Страна отвечает на угрозы культурных войн, а сама не может предложить международному сообществу собственного понимания своего будущего.

Следовательно, для построения безопасного, справедливого, эффективного и стабильного общества всем государственным институтам необходимо ориентироваться на долгосрочные цели, которые должны быть основаны на понятных социальных представлениях о будущем во всех сферах жизнедеятельности.

¹ Косачев: "Порядок, основанный на правилах" — это порядок, поддерживаемый США // RG.ru. 22.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/22/kosachev-poriadok-osnovannyj-na-pravilah-eto-poriadok-podderzhivaemyj-ssha.html>

Исследование

Исторический процесс секуляризации привел к перераспределению функций веры в утопическую судьбу правопреемницы религии – идеологии. В XX в. политические идеалы стали семенами для социальных представлений о будущем, которые носили всеобъемлющий международных характер, однако философские доктрины марксизма, фашизма и американской мечты, в значительной степени, потерпели крах. В новом веке можно выделить две основные идеологические модели мировоззрения: западное видение эгоцентризма США («зеленая повестка» и теория перенаселения планеты) и восточное видение «Единого пути» КНР (экономическое и культурное партнерство на международном уровне ради развития и благосостояния общества). Россия на сегодняшний день своей собственной модели представить не может, пытаясь комбинировать существующие с переменным успехом.

Понятие образ будущего находится в междисциплинарном спектре исследований и подразумевает эмоционально-когнитивную модель совокупных социальных представлений о коллективном будущем и национальной идентичности (16), являясь естественным продолжением национальной идеи, основу которой составляет проекция социально-культурной сущности общества и государства в их органическом единстве. В свою очередь, национальная идентичность рождается за счет общих представлений об идеалах, которые формируются в процессе исторического развития общности людей [12].

Проблема формирования коллективного образа будущего и национальной идеи в современной России обусловлена не только необходимостью поддержания стабильности внутриполитической системы, но и многочисленными вызовами эпохи глобализации, при этом именно государственная политика играет ключевую роль в консолидации комплексного и массового видения общей цели [19]. Более того, наличие долгосрочной цели общенационального уровня способствует ускорению экономического развития, кристаллизации политических элиты, объединению общества вокруг

единого видения будущего и приводит к изменению социальных настроений для аккумуляции экономической энергии. Пример Китая, страны, которая сформулировала наиболее понятный образ своего будущего, включая место в мире, убедительно это доказывает [6]. Несправедливо забытая триада развития Количество, Качество и Сила сыграла в успехе КНР не последнюю роль. Благодаря ей Китай повышает эффективность своей экономики и внутренней политики, укрепляя позиции на международной арене, а геополитический кризис лишь подталкивает их к корректировке курса в глобально меняющемся мире [23].

Согласно опросам ФНИСЦ РАН «Куда идешь, Россия?» с 1992 г. по 2022 г., большая часть россиян хотела бы жить в социалистическом обществе, характеристиками которого должны быть: «справедливость» (44%), «коллективизм» (39%), «патриотизм» (39%), «порядок» (35%), «взаимопомощь» (33%) и «равенство всех перед законом» (28%). На протяжении всего периода исследований было выявлено, что в основе будущей России должны быть понятия: «справедливость» (31%), «мир» (27%), «порядок» (22%), «закон» (21%) и «права человека» (19%) (8). По мнению генерального директора ВЦИОМ В. В. Федорова, в российском обществе нет единого образа будущего, но существуют четыре популярных сценария развития: «комфортная Россия», «техно-гаджет-будущее», «справедливая Россия» и «великая Россия», которые в совокупности отображают видение «СССР 2.0» – страны с рыночной экономикой, без коммунистической идеологии, но прочно консолидированной в ценностном плане, в которой государство и граждане ориентированы на социальную справедливость и сокращение экономического неравенства². Социологические исследования среди молодежи «Россия будущего через 5 лет...» демонстрируют, что подавляющее большинство оценивает вероятное будущее позитивно, однако не имеет о нем четких и ясных представлений [9].

Одной из причин идеологической дезориентации постсоветского общества, может быть общий кризис рациональной науки и линейной модели прогресса, который объясняется чрезмерными надеждами

² Глава ВЦИОМ рассказал о четырех образах будущего у россиян [Электронный ресурс] // РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/651721c49a7947ff1dd4d161?ysclid=ltprqurodvtv17052161> (дата обращения: 07.03.2024).

на безграничность возможностей человека. Начиная с XIX века осмысление исторического процесса в рамках европейской философии рационализма привело к линейному и безальтернативному пониманию развития цивилизации по западной модели на основе их расового, национального, антропологического и экономического превосходства над другими. Гегель, Х. Бауэр, Ф. Фишер и другие европейские мыслители заложили основы современного понимания государственного развития, отрицая возможность выбора самостоятельного пути у других народов и культур [15]. После окончания Холодной Войны Ф. Фукуяма выдвинул свою теорию «конца истории», провозгласив либерально-демократическую модель Запада единственной возможной политической системой, которая должна доминировать в мировой политике [21].

Вопреки вере рационализма в индустриальную цивилизацию, науку, технический прогресс, рыночную экономику и общество потребления, его мировоззрение не смогло сформировать надежной основы нравственной системы ценностей, без которых построение образа будущего не способно обеспечить сохранение морально-этических норм, естественной природы человека и окружающей среды [18]. Более того, не имея духовных ориентиров и четкого понимания своего пути, увеличиваются риски полной технологической зависимости, растворения личности в мировом тоталитарном режиме или самоуничтожения [22]. Что мы ясно наблюдаем сегодня в Европе.

В свое время академик А.Т. Фролов в своих трудах указывал на необходимость науки для создания «мира человека», но верил в «единство науки и гуманизма», поскольку построение благополучного будущего возможно только на основе гуманизма, нравственности и духовности. По его убеждению, без ориентации на благо человечества, технологии представляют потенциальную угрозу цивилизации [1].

В.И. Вернадский также указывал на невозможность постижения истины без нравственности, морали и ответственности,

поскольку «познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность по правилам самого человека» [7].

«Отец космонавтики» К.Э. Циолковский тоже утверждал, что человечество может жить за пределами Земли благодаря развитию «техносферы»³, однако достичь общества космического типа способны только «граждане вселенной», которые достигли уровня космического диапазона. Согласно его прогнозам, только сформировав идеалы и душевные потребности, упразднив войны и тяготы жизни, объединив смысловые ориентации и государства в демократическое образование по всей Земле, возможно выйти за пределы нашей планеты [2].

Кризис рационализма и его понимания развития охватил не только науку и технический прогресс, а катастрофическим образом проявил себя в сфере государственного управления, что ярко проявилось на примере Советского Союза. Даже во времена, когда в России строили «царство Божие яко на небеси», общество объединяла общая идея строительства «светлого будущего». С 1917 г. большевики тоже эффективно эксплуатировали этот образ будущего для трансформации общественного сознания и мировоззрения в коммунистической России. Перед лицом экзистенциальной угрозы в 1941 г. И. Сталин обратился к соотечественникам: «Братья и сестры!», а через 2 года встретился с православными иерархами для восстановления Патриаршества ради Победы⁴. В некотором смысле, крах СССР стал не причиной, а следствием потери образа будущего: корни его краха проросли не из-за деградации политических элит, гонкой вооружений или перестройки, а в результате постепенной подмены глобальной идеи «светлого будущего для всего человечества» на стратегическую цель «повышения уровня жизни советского человека» [17]. После исторической американской выставки 1961 г. в Москве, в Сокольниках, с ее фантастическим золотым 30-метровым куполом Фуллера и гигантским компьютером, политические элиты Советского Союза вступили в отчаянное соревнование

³ Концепция техносферы, выдвинутая Циолковским: искусственная оболочка земного шара и космического пространства – часть ноосферы, пронизанная техническими средами. Основными характеристиками техносферы являются однородность, непрерывность и глубокое проникновение в биосферу и среду обитания человека в целях их улучшения. Техносфера возникает в результате взаимодействия ряда технических сред: промышленной, жилищной, транспортной, энергетической, коммуникационной [2].

⁴ Запись беседы И.В. Сталина с иерархами Русской православной церкви. 4 сентября 1943 г. // ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, лл. 1-10. Копия.

с капиталистическими странами, чтобы «догнать и перегнать!»⁵. Достижение этих целей было заведомо невозможно, поскольку показатели задавали наши соперники, а не СССР, ведь партия забыла победоносный суворовский маневр – «не догонять, а встретить».

Другой причиной отсутствия образа будущего можно считать онтологическое видение бытия либеральных элит России после развала СССР, которое не предполагает образа будущего как такового [14]. И в этом его принципиальное отличие от прогрессизма и консерватизма, опирающихся на онтологические сущности – будущее и прошлое. Различия же между консерватизмом и прогрессизмом заключаются в несовместимости образов будущего, а не в споре о том существует ли это будущее или нет. С точки зрения «прогрессистов» (революционеров) будущее воспринимается как «проект», формируемый произвольно с любой заданной точки. При этом получение исходного «сырья» для строительства «прогрессистского» будущего происходит за счет разрушения наследия прошлого. История не может иметь онтологической ценности, если это всего лишь сырье для проекта будущего, ради построения которого можно пожертвовать всем – и прошлым, и настоящим, и уж тем более благосостоянием и безопасностью общества. Социальные опросы Левада-Центра «Восприятие “девяностых”» являются тому показательным подтверждением: в 2020 г. более 40 % не смогли вспомнить ничего хорошего из периода 90-х годов, указывая на острейшие проблемы с преступностью, беззаконие, бедность, разруху и «развал страны»⁶.

Консерваторы смотрят на историю иначе, они исходят из того, что прошлое есть, потому для консерватора возврат, отсылка в прошлое возможен и даже в определенных случаях желателен. В свою очередь, будущее неразрывно связано с прошлым, которое уже нельзя изменить, оно уже свершилось и стало явлением настоящим, потому то проект будущего и опирается на этот уже имеющийся фундамент, какой бы он не был. В то же время будущее воспринимается консерватором в органических категориях –

как растущее дерево, как развивающийся организм, что предполагает ограниченность вариантов развития и невозможность их произвольного превращения один в другой. Попытки неорганичного развития, то есть оторванного от фундамента и не имеющего отношения к природе «проекта» оцениваются консерватором, говоря языком Л. Гумилева, как «химера» или «вывих».

Не случайно К. Поппер, опираясь на свой метод критического рационализма и критерий фальсифицируемости в «Открытом обществе», отказывает в истине консерваторам, признающим вечное бытие и вечную актуальность прошлого, и прогрессистам, заявляющим, что будущего нет и его надо строить⁷. Потому говорить об образе будущего России как о комплексном явлении в рамках самой либеральной философии, которая господствует среди политической элиты страны последние 30 лет не имеет смысла. Её закономерным результатом стал последовательный демонтаж советского образа будущего, который выстраивали с 1920-х годов, в результате чего страна угодила в ловушку безвременья. Можно сказать, что государство заблудилось в идеологическом пространстве, забыв откуда оно пришло и куда оно идет, по причине отсутствия понимания необходимости куда-то идти.

Образ будущего России должен естественным путем рождаться из исторического опыта традиций и практик, опираясь на архетипические особенности национальной идентичности, которая сформировалась в ходе тысячелетнего существования, чтобы не обернуться очередной «химерой». В общественном сознании прошлое проявляется в виде наследия предыдущих поколений, а будущее – целью исторической миссии народа в мире, предельных целях и смыслах национального бытия. Только благодаря связи времен, народ сохраняет свой культурный код, независимо от новых вызовов и испытаний. Знание и почитание героев прошлого и уважение своей истории, формирует общие представления о нравственности и моральных ценностях. Осмысление географических и культурных границ и понимание социальных отношений позволяет

⁵ Речь Н.С. Хрущева на III съезде писателей СССР. 22 мая 1959 г. // РГАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–47. Неправленная стенограмма.

⁶ Восприятие «девяностых» [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (дата обращения: 23.10.2021).

⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М.: Феникс, 1992.

сформировать национальное сознание. Общественное сознание позволяет обществу найти ответы на вопросы: «Почему?» – это прошлое, «Как» – это сегодняшнее и, наконец: «Зачем?» – это будущее.

Необходимость жить в осмысленном мире всегда была невероятно ценным ресурсом в России, недооценивать который недальновидно. Образ будущего предоставляет основу для всех остальных институтов страны, включая экономическое развитие, которое требует понимания нужд государства в долгосрочной перспективе. Для людей необходимо наличие смысла, а для политического руководства нужна стратегия сохранения национальной идентичности, эффективного управления и поддержания суверенитета. Поэтому построение образа будущего России требует принципиального понимания своей идентичности, для сохранения которой Президент страны официально поставил задачу «укрепления российско-гражданской идентичности на основах духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации»⁸. А в последние годы к «скрепам» добавилась и идеология, трактуемая как патриотизм⁹.

Примечательно, что конкурентоспособность нации в американском докладе National Security Research Division определяется за счет ряда характеристик: национальная воля, общие возможности, активная и эффективная деятельность государственных институтов, адаптивность, плюрализм и, главная, единая национальная идентичность¹⁰. Их исследования подтверждают необходимость национальной системы ценностей, социального единства, коллективной гордости и чувства принадлежности каждого гражданина к своей стране для наиболее эффективного противостояния внутренним и внешним вызовам.

Первое, что необходимо подчеркнуть в вопросе идентичности государствообразующего народа, это сам термин «русский», который выражает нацию через характеристику (прилагательным), а не объект (существительное). Причины просты – русскими являются все народы, которые разделяют мировоззрение и чувствуют свою принадлежность к стране. Ведь еще Л. Гумилев убедительно доказал, что этнос – в первую

очередь, явление географическое (10). Очевидно, что «русское» не ограничивается гражданством или этносом, оно является полноценной исторической, культурной, общественно-политической, социальной, психологической цивилизационной системой.

Точно так же, как в Европе, в России за много веков сложилась государственно-национальная идентичность, в основе которой лежали общая культура, язык, историческая судьба и вероисповедание. В России – все русские. Этот лозунг не означает, что «в России не живут татары» или другие национальности, это понимание того, что на территории России живут русские люди, ведь «в России не живут американцы», «Россия – это не ЕС» и «Россия – это не Китай». «Russian», «Russo» или «Russisch» на других языках (тоже прилагательное) означает «Русский», а не «Российский», и граждане России тоже считаются за границей русскими, независимо от этнических корней.

Второй важный аспект национальной идентичности России связан с мирным расширением границ «русского мира», который отражает в себе идею свободы в нашем культурном коде [17]. Понимание границ «русского мира» в научном дискурсе неоднозначно, но в него традиционно включают все постсоветское пространство, российские диаспоры за рубежом и часть международного сообщества, которая чувствует свою причастность к русской культуре, однако ее роль, прежде всего, обусловлена видением места России в мире и ее национальной идентичности в эпоху глобализации [3].

С развитием процесса глобализации после окончания Холодной Войны, появился ряд угроз идентичности «русского мира»:

1) Рост национализма, реабилитация нацизма, развитие радикального ислама, террористическая активность и вмешательство иностранных сил во внутривнутриполитические процессы независимых государств.

2) Подрыв международной системы безопасности, трансформация международных отношений и кризиса западного мирового порядка.

3) Деграция дипломатических отношений и политическая нестабильность на постсоветском пространстве.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

⁹ «Духовные скрепы» как государственная идеология // Россия в глобальной политике. 11.11.2014. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/duhovnye-skrepy-kak-gosudarstvennaya-ideologiya/>

¹⁰ Michael J. Mazarr The Societal Foundations of National Competitiveness / NSRD RAND Corporation. 2022. 418.

4) Усиление воздействия США на внутриполитические процессы России и новых независимых государств на постсоветском пространстве.

5) Военная угроза блока НАТО и расширение военного альянса вокруг границ России [13].

Другой составляющей национальной идентичности русского народа является справедливость, как базовая ценность нашего общественного сознания. До Платона все философы, включая Сократа, считали, что справедливость – это просто одна из человеческих добродетелей, наряду с мужеством, мудростью, умеренностью и т.д., однако Платон утверждал, что среди всех добродетелей справедливость должна стоять особняком, потому что она заложена не в отдельном человеке, а в природе и в обществе в целом. Отсюда у Платона вырабатывается очень простая формула справедливости: справедливость – это когда каждый находится на своем месте и занят своим делом, а правитель заботится о благе всего общества. Платон показал, что все формы правления перетекают одна в другую и все они в итоге имеют общий недостаток – правители начинают думать о своих интересах, а не об интересах государства. Исходя из этого, он предлагает понимание справедливости в качестве состояния, когда общественные интересы поставлены на первое место, а индивидуальные отодвинуты на второй план [4]. Согласно Гераклиту мироздание является проявлением божественной справедливости, а все законы, которые общество должно отстаивать основаны на ней. В свою очередь, Демокрит утверждал, что справедливость объективна и неотделима от природы, поскольку отражает ее сущность, а Аристотель подчёркивал исключительную роль справедливости в государственном управлении и политике, благодаря наличию уравнивающей (равное распределение блага) и распределяющей (распределение блага в зависимости от вклада в общее благо) функций, соединяя мораль и право [5].

Развал советской системы вызвал глубочайшую психологическую травму у российского общества, катализаторами которой стал разгул преступности, наркомании,

переписывание истории, упадок культуры, потеря нравственных ориентиров и т.д. Это привело к возникновению острейшего запроса на справедливость в экономике, политике, социальной и духовной жизни. Несправедливое присвоение советского наследия и колоссальный разрыв между богатыми и бедными существенно усугубляют поддержание общественного диалога в вопросе поиска российского образа будущего, вызывая кризис доверия власти [11].

При этом для «достижения справедливости» и формирования общественного договора и доверия между народом и властью недостаточно только экономического роста и повышения качества жизни граждан, необходимы осмысленные и эффективные действия политического руководства по поддержанию доверия. В 1864 году известный славянофил Самарин Ю.Ф. критиковал западника А.И. Герцена за то, что тот не мог понять специфику российской политической системы, которая основана на доверии между властью и народом, а на Западе она основана на общественном договоре¹¹. Более того, начиная с революционных событий XIX в. систематические попытки вмешательства во внутренние дела России всегда были направлены именно на подрыв доверия к власти, включая эпоху Холодной Войны¹², которые приводили к катастрофическим последствиям.

Национальное сознание зиждется на глубинных, архетипических особенностях мировоззрения, сложившихся в ходе многовекового общественно-политического процесса развития, в результате которого сформировались характерные особенности национальной идентичности «русского мира»:

- русское сознание - это феноменологическое сознание, характеризующееся переживанием бытия, всех жизненных ситуаций, событий и человеческих отношений, т.е. разум у русского человека находится в сердце, а в голове – ум, рацию. Говоря современным языком, русское сознание – не аналитическое;

- защита «общего» – Веры и Дома, а не частного, чаще даже в ущерб частному. Отсюда соборность – собираться вместе для

¹¹ Цитируется письмо Ю. Ф. Самарина к Герцену от 3 августа 1864 г. («Русь», 1883, № 1).

¹² Psychological strategy board Washington 25, D.C. Memorandum for psychological strategy board: The U. S. Doctrinal Program, PSB D-33, June 29, 1953.

общего дела, для общей молитвы, для отпора врагу и т.п., а не потому, что русские ходят в Собор (храм);

- отношения между людьми, сословиями, классами, социальными группами в России исторически строились не на товарно-денежных отношениях, как в Англии и Европе, (их определил еще Адам Смит в 1776 г., введя в человеческие отношения понятия выгоды), а на сословно-нравственных отношениях и понятиях, т.е. говоря современным языком на человеческих отношениях, в основе которых лежат те же отношения к Вере, к Дому, осознаваемому в широком смысле как Отечество;

- понимание свободы в России собственным образом отличается от понимания свободы в интерпретациях западных философов, русский человек всегда жил с Верой в душе, а потому внутренне всегда был свободен, свобода всегда проявлялась в России через уход (беглые крепостные, или, например, побег Л.Н. Толстого, поскольку внешние обстоятельства, которые сложились в доме в Ясной Поляне стали для него невыносимыми), а сегодня проявляется в освоении новых земель, Сибири, Дальнего Востока, Арктики, нового пространства;

- автократичное понимание власти, как Богом данное право, т.е. власть это не мы, а то, что нам «сверху» дано;

- справедливость является базовой ценностью нашего общественного сознания и важнейший элемент национальной идентичности, в процессе разрушения «старой» России и Советского Союза сложился острейший дефицит справедливости, а исторический процесс доказал, что неудовлетворенный спрос на справедливость и традиционно радикальные способы его удовлетворения могут привести Россию к еще одной «загогулине»;

- все социальные отношения, включая институты власти, строятся на доверии, а не на общественном договоре, поскольку доверие в России всегда было одним из столпов национального единства и согласия в обществе;

- полиэтнический и мультикультурный характер русского народа, который предполагает терпимость в отношении альтернативного мировоззрения, вероисповедания, культуры, традиций и т. д., а также свойство выносить испытания и консолидироваться вокруг общей цели.

Исходя из этого, политическое проектирование образа будущего России, на основе базовых особенностей национальной идентичности должно сегодня иметь приоритетное значение. Исключительно при наличии Великой цели, государствообразующий народ видит смысл в существовании государства, поскольку самосознание нации пробуждается, только когда в обществе появляется ответ на вопрос «Зачем?».

Заключение

Таким образом, современная Россия стоит на распутье между западной и восточной моделями будущего, но своей собственной до сих пор не имеет. С одной стороны, страна выстраивает стратегическое партнерство с КНР в рамках «Единого пути», борясь за благосостояние своего населения, а с другой – внедряет зеленые технологии и держится за экологическую повестку США. Выбор западной стратегии ставит государство в заведомо невыгодные условия новой гонки, в которой Россия всегда будем пытаться догнать Америку или Коллективный Запад без всякой возможности выиграть соревнование (как это было в Советском Союзе), выбор восточной – означает признание китайской идеи и движение вперед под их знаменем, а сочетание моделей является потенциальной угрозой внутривнутриполитической стабильности РФ. Соединение противоположных моделей может быть опасно, поскольку увеличивает риски падения уровня доверия к власти, неопределенности долгосрочных проектов и снижения эффективности государственного управления во всех сферах жизни. Особое историческое и геополитическое положение государства позволяет возводить мосты между Востоком и Западом в международных отношениях, а при наличии своей модели, служащей третьей точкой опоры, обеспечит и устойчивость нового миропорядка. В современном междисциплинарном научном дискурсе страны в области права, психологии, философии, истории, экономики, социологии и международных отношений, с учетом данного исследования, в кратчайшие сроки можно/необходимо предложить всем институтам общества модель (проект) образа будущего, основанную на характеристиках конкурентоспособности нации, чтобы Россия заняла достойное место в тройке лидеров современного многополярного мира.

Литература:

1. Белкина Г.Л., Игнатъев В.И., Фролова Е.Д., Фролова М.Г. Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки, воспоминания, материалы / Под ред. Г.Л. Белкиной. М., 2001.
2. Алексеева В.И. Постулаты космической философии К.Э. Циолковского // Материалы международной конференции Проблемы русского космизма.
3. Безродная А.Ю. Границы «русского мира» как отражение геополитических концепций современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 4 (102). DOI: 10.24412/1997-0803-2021-4102-14-22
4. Бессонова Л.А. Категория «Справедливость» в учении Платона о государстве // Вестник экономики, права и социологии. № 1. 2015.
5. Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Понятие «справедливость» на исторических этапах развития общества // Вестник ТГУ. № 5 (109). 2012.
6. Бычков А.В., Арсентьева В. С. Коммунистический идеал: утопия или будущее человечества // Вестник науки и образования. №10 (46). 2018.
7. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
8. Гаджиев Х.А., Шушпанова И.С. Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-154-169.
9. Горчакова О.Ю., Толстова М.А., Ларионова А.В. Концепт «Будущее России» в сознании молодежи в условиях неопределенности (на материале результатов массового опроса) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. DOI: 10.17223/15617793/485/2.
10. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989.
11. Дежнев В.Н. Образ будущего России как отражение традиционных отечественных ценностей // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. DOI: 10.24158/fik.2021.12.17.
12. Денисов Н.Г. Идеология и социокультурный ландшафт России: образы будущей государственности и цивилизации // Теория и история культуры. Культурная жизнь Юга России. № 4(79). 2020.
13. Ксенофонов В.В. Русский мир и глобализация // Век глобализации. № 2. 2009.
14. Кушнир А.М., Жуков Д.П. Проблемы конструирования будущего // Социально-политические науки. Т. 12. № 6. 2022. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-6-135-142.
15. Леопта А.В. Кризис европоцентристского исторического сознания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета (Философия и социология; культурология). № 1 (4). 2012.
16. Горчакова О.Ю., Толстова М.А., Ларионова А.В. Концепт «Будущее России» в сознании молодежи в условиях неопределенности на материале результатов массового опроса) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. DOI: 10.17223/15617793/485/2.
17. Неронова М.Ю., Неронов А.В. Развитие русской идеи и русский мир. // KANT. № 3 (32). 2019.
18. Никитина Ю.А., Корниенко А.В. Кризис современного рационализма и становление коэволюционно-инновационной рациональности // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6.
19. Титов В.В. Формирование образа будущего в современной России: массовая динамика и роль государства // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 4. DOI.ORG/10.24158/PEP.2024.4.1.
20. Трубецкой А.Ю., Иванов П.К. Демократия как религия в контексте системы глобального управления // Право и управление. XXI век. Т. 20. № 1. 2024.
21. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press. 1992.
22. Toynbee A. Surviving the Future. L., 1971.
23. Xing Lanxin. Xi's Dream and China's future // Survival. Global Politics and Strategy. 2016. № 58 (3).

THE IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA AS AN INSTITUTIONAL BASIS FOR STATE BUILDING

Introduction. The article examines the understanding of the image of the future of Russia as a key element of the political, economic and legal system of the state and the main ideological orientation of state building, which determines the semantic content of the national and international vector of development. In the context of modern challenges of the era of globalization and the inevitable transformation of the world order, the image of the future is necessary to preserve national identity and ensure the safe and effective functioning of all spheres of society, including government institutions. The vision of a common future has historically been transformed, but its modern understanding indicates a partial disorientation and fragmentation of Russian society, which poses a potential threat to the multiethnic and multicultural unity of the state, traditional values and the Russian way of life. Which path the new generations of Russia will take in the 21st century depends on the image of the future, the responsibility for choosing which lies on the shoulders of the current leadership of the country.

Materials and methods. The methodological basis of the research was made up of the following general scientific and special methods: the method of system analysis; the analytical method; the institutional method; the historical method; civilizational and identitarian approaches, as well as statistical methods of scientific research.

The results of the study. The authors analyzed the specifics of understanding the image of the future of Russia and the historical evolution of its vision in the Russian Empire, the USSR and the modern Russian Federation. The main elements of the formation of a vision of the image of the future, their interrelation, evolution and the problems of implementing such a policy at the state level in modern Russia are revealed. The results obtained allow us to conclude

that there is a systemic crisis of ideological orientation in the political sphere, which undermines the independence, integrity and identity of the Russian Federation and the entire post-Soviet space. At the same time, it is argued that the formation of one's own image of Russia's future should be a natural continuation of national identity, taking into account the historical heritage and cultural code of the "Russian world".

Discussion and conclusion. The systemic crisis of Russia's image of the future is caused by the collapse of the policy of the Communist Party of the Soviet Union and the failure of the liberal New Russia project, which has failed to formulate and justify its goals. In the context of the gradually growing disillusionment with the Western model of liberal democracy in international relations, the issue of finding one's own path has become relevant again. A common vision of the future is the most effective means of setting long-term goals and objectives, as well as exclusive methods of achieving them, ensuring moral and political stability, independence and identity of the state. At the same time, national identity is one of the key factors of the nation's competitiveness and a fundamental component of the image of the future in the era of globalization.

Alexey Yu. Trubetskoy,
Doctor of Sciences (Psychology),
Head of the Foundation «Russian Social
and Business Promotion Center» (Rospolitika),
Moscow, Russia

Pavel K. Ivanov,
Head of the International Projects
Department, the Foundation «Russian Social
and Business Promotion Center» (Rospolitika),
Moscow, Russia

Ключевые слова:

образ будущего, будущее, русский мир, рационализм, либерализм, коммунизм, справедливость, доверие, традиционные ценности, национальная идентичность, Россия.

Keywords:

image of the future, the future, the Russian world, rationalism, liberalism, communism, justice, trust, traditional values, national identity, Russia.

References:

1. Belkina G.L., Ignat'ev V.I., Frolova E.D., Frolova M.G., 2001. Akademik Ivan Timofeevich Frolov. Ocherki, vospominaniya, materialy [Academician Ivan Timofeevich Frolov. Essays, memoirs, materials]. Moscow.
2. Alekseeva V.I., 2013. Postulaty kosmicheskoy filosofii K.E. Tsiolkovskogo. Materialy mezhdunarodnoj konferencii Problemy russkogo kosmizma [Postulates of K. E. Tsiolkovsky's cosmic philosophy]. Materialy mezhdunarodnoj to conference Problemy russkogo kosmizma [Proceedings of the international conference Problems of Russian cosmism].

3. Bezrodnaya A.Yu., 2021. Granicy «russkogo mira» kak otrazhenie geopoliticheskikh koncepcij sovremennoj Rossii [The borders of the "Russian world" as a reflection of the geopolitical concepts of modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. № 4 (102).
4. Bessonova L.A., 2015. Kategoriya «spravedlivost'» v uchenii Platona o gosudarstve [The category of "Justice" in Plato's doctrine of the state]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. № 1.
5. Bulgakov V.V., Bulgakova D.V., 2012. Ponyatie «spravedlivost'» na istoricheskikh etapah razvitiya obshchestva [The concept of "justice" at the historical stages of society development]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU]. № 5(109).
6. Bychkov A.V., Arsent'eva V.S., 2018. Kommunisticheskij ideal: utopiya ili budushchee chelovechestva [The Communist ideal: utopia or the future of mankind]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. № 10(46).
7. Vernadskij V.I., 1991. Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie. [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow.
8. Gadzhiev H.A., Shushpanova I.S., 2023. Politicheskoe proektirovanie obraza budushchego kak faktor social'no-politicheskoy stabil'nosti Rossii [Political projection of the image of the future as a factor of socio-political stability in Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. [Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Political Science. History. International relations"]. № 3.
9. Gorchakova O.Yu., Tolstova M.A., Larionova A.V., 2022. Koncept «Budushchee Rossii» v soznanii molodezhi v usloviyakh neopredelennosti (na materiale rezul'tatov massovogo oprosa) [The concept of "The Future of Russia" in the minds of young people in conditions of uncertainty (based on the results of a mass survey)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. № 485.
10. Gumilev L.N., 1989. Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the earth]. Leningrad.
11. Dezhnev V.N., 2021. Obraz budushchego Rossii kak otrazhenie tradicionnykh otechestvennykh cennostej [The image of the future of Russia as a reflection of traditional Russian values]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. [Society: philosophy, history, culture]. № 12.
12. Denisov N.G., 2020. Ideologiya i sociokul'turnyj landshaft Rossii: obrazy budushchej gosudarstvennosti i civilizacii [Ideology and socio-cultural landscape of Russia: images of future statehood and civilization]. *Teoriya i istoriya kul'tury. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Theory and history of culture. The cultural life of the South of Russia]. № 4 (79).
13. Ksenofontov V.V., 2009. Russkij mir i globalizaciya [The Russian world and globalization]. *Vek globalizacii* [The Age of Globalization]. № 2.
14. Kushnir A.M., Zhukov D.P., 2022. Problemy konstruirovaniya budushchego [Problems of designing the future]. *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political science]. Vol. 12. № 6.
15. Leopta A.V., 2012. Krizis evropocentristskogo istoricheskogo soznaniya [The crisis of the Eurocentric historical consciousness]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta (Filosofiya i sociologiya; kul'turologiya)* [Bulletin of Vyatka State University for the Humanities (Philosophy and Sociology; cultural studies)]. № 1(4).
16. Gorchakova O.Yu., Tolstova M.A., Larionova A.V., 2022. Koncept «Budushchee Rossii» v soznanii molodezhi v usloviyakh neopredelennosti na materiale rezul'tatov massovogo oprosa [The concept of "The Future of Russia" in the minds of young people in conditions of uncertainty based on the results of a mass survey]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. № 485.
17. Neronova M.Yu., Neronov A.V., 2019. Razvitie russkoj idei i russkij mir. [The development of the Russian idea and the Russian world]. *KANT*. № 32.
18. Nikitina Yu.A., Kornienko A.V., 2010. Krizis sovremennogo racionalizma i stanovlenie koevolyucionno-inovacionnoj racional'nosti [The crisis of modern rationalism and the formation of coevolutionary and innovative rationality]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Tomsk Polytechnic University]. Vol. 316. № 6.
19. Titov V.V., 2024. Formirovanie obraza budushchego v sovremennoj Rossii: massovaya dinamika i rol' gosudarstva [Shaping the image of the future in modern Russia: mass dynamics and the role of the state]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. № 4.
20. Trubeckoj A.Yu., Ivanov P.K., 2024. Demokratiya kak religiya v kontekste sistemy global'nogo upravleniya [Democracy as a religion in the context of the global governance system]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration]. Vol. 20. № 1.
21. Fukuyama F., 1992. The End of History and the Last Man. Free Press. New York.
22. Toynbee A., 1971. Surviving the Future. London.
23. Xing Lanxin, 2016. Xi's Dream and China's future. *Survival. Global Politics and Strategy*. № 58(3).

ПЕРЕХОД К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Олег Гришин*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-14-21

Введение. Достаточно очевидным представляется тот факт, что построение многополярного мира на сегодняшний день является единственной возможностью создания справедливого мироустройства, которая позволит преодолеть кризис современных моделей и способов развития, а также даст новый мощный импульс к эффективной и гарантированной реализации национальных интересов российского государства. Однако если влияние перехода к многополярному мироустройству на политические, финансово-экономические, социокультурные и иные процессы достаточно активно исследуется и оценивается, то характер и степень воздействия данного процесса на правовую систему России остается за рамками широкой и глубокой дискуссии ученых-юристов, что обедняет современную юридическую доктрину.

Материалы и методы. При подготовке данной работы использовались как общенаучные, так и частноправовые методы, среди которых наиболее активно применялись диалектический, логический, формально-юридический, метод правового моделирования и др. Особое внимание уделялось системно-структурному подходу, который позволил интегрировать динамику трансформации различных правовых институтов в рамках одного «общего знаменателя» - правовой системы России.

Результаты исследования. В работе обосновывается авторская позиция, согласно которой становление многополярного мира выступает ключевым фактором трансформации правовой системы России, во многом определяющим вектор правового развития государства. Аргументируется точка зрения, согласно которой не глобализационные процессы как таковые, а именно переход к многополярному миру многократно актуализирует значимость исследования цивилизационно-культурной самобытности российской правовой системы, коренным образом меняя методологические подходы к ее изучению.

Обсуждение и заключение. Выделяются ключевые векторы воздействия перехода к многополярному мироустройству на российскую правовую систему. Подчеркивается, что российская правовая система переживает как сущностно-содержательное, так и формально-видовое изменение, связанное

* **Гришин Олег Михайлович**, главный менеджер дирекции сложного кредитования и структурного финансирования АО «Альфа-Банк», Москва, Россия
e-mail: olmich.grishin@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-7202-5879

с необходимостью оперативного реагирования на новые реалии, возникающие в вязи титаническими усилиями, которые прикладывает государство для построения многополярного мира и защиты своих национальных интересов.

Введение

В качестве одной из основных тенденций современного мироустройства все отчетливее начинает проявлять себя переход к многополярности, к успешному осуществлению которого Россия прилагает титанические усилия. Построение справедливого многополярного мироустройства является основным вектором внешней политики России, который, в свою очередь, требует предельной мобилизации государственно-управленческого, политико-правового, социально-экономического и цивилизационно-культурного потенциала государства в беспрецедентном противостоянии с коллективным Западом, продолжающей сложившуюся неравновесную модель мирового развития и реализовывать свои национальные интересы за счет присваивания ресурсов других государств и навязывания им «демократических», «единственно правильных» концепций развития.

Значимость и объективно назревшая необходимость перехода к многополярному миру неоднократно подчеркивалась Президентом РФ В.В. Путиным. Так, выступая 30 июня 2022 г. на X Петербургском международном юридическом форуме, основная тема которого была сформулирована как «Право в многополярном мире», он подчеркнул, что «многополярная система международных отношений активно формируется. Этот процесс необратим, он происходит на наших глазах и носит объективный характер», а «более справедливое мироустройство должно выстраиваться на основе

взаимного уважения и доверия и, конечно, общепризнанных принципов международного права и Устава ООН»¹.

Несколько позже, выступая на Саммите БРИКС 24 августа 2023 г. В.В. Путин отметил, что прежний однополярный мир выгоден лишь странам «золотого миллиарда», «которые стремятся решать свои проблемы за чужой счет, продолжая беззастенчиво выкачивать ресурсы из развивающихся стран»².

Исследование

Приведенные выше высказывания, подтверждающие как активные усилия, которые прилагает Россия к построению многополярного мира, так и значимость, объективно назревшую его необходимость, определяют в том числе и *вектор правового развития государства*, являясь мощным фактором трансформации российской правовой системы.

Построение многополярного мира официально закреплено в Указе Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» в качестве важнейшего *приоритета* внешней политики государства³, многополярность указывается как значимый *фактор* более стабильного и безопасного мироустройства и как важнейший *признак трансформации* современного мира в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴. Именно многополярность как вектор развития и, одновременно с этим, как объективно сложившаяся тенденция мироустройства обозначается в ч. II Указа

¹ Выступление В.В. Путина на X Петербургском международном юридическом форуме // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68785/videos> (дата обращения: 08.01.2025 г.).

² См.: Путин назвал сторонников и противников многополярного мира // URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2023/64e720cd9a7947f165377a24?ysclid=ltipixyga5907585529> (дата обращения: 08.01.2025 г.).

³ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»⁵, о многополярности как характеристике инновационного развития экономики и условия ее роста идет речь в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года»⁶.

Помимо обозначенных сфер международных отношений, обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития, именно многополярность оказывает существенное влияние на культурно-гуманитарное сотрудничество Российской Федерации, что нашло прямое закрепление в «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», в которых подчеркивается, что глобальная конкуренция в настоящее время приобретает в том числе культурно-цивилизационное измерение⁷.

Курс России на открытость, построение справедливого многополярного мира, свободного от неокolonизаторской политики коллективного Запада, равноправный диалог и уважение к международному праву с очевидностью прослеживается в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г.⁸, что в очередной раз подчеркивает общий вектор государственной стратегии Российской Федерации на весьма долгосрочную перспективу.

Сказанное убедительно свидетельствует о том, что становление многополярного мира является важнейшим фактором трансформации правовой системы России, не только отражающей, впитывающей в себя обозначенные масштабные геополитические процессы, но и призванной координировать общественные отношения, исходя из *новых* реалий. Будучи общественной подсистемой, правовая система не может

не развиваться вместе с обществом, не аккумулируя его интересы, равно как и интересы личности и государства.

Изложенное выше позволяет прийти к *выводу* о том, что российская правовая система создает *правовую основу* для масштабных преобразований, связанных с новыми геополитическими реалиями, обеспечивает функционирование механизма правового регулирования, направленного на адаптацию практически всех сфер жизнедеятельности общества к новым вызовам и задачам на основе баланса интересов личности, общества и государства.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что становление многополярного мира как масштабный и комплексный фактор воздействия на российскую правовую систему остается *недостаточно изученным* и лишь косвенно затрагивается учеными-юристами в качестве определенного фразеологического оборота для придания дополнительной злободневности предпринимаемым исследованиям.

И лишь в последнее время, во многом благодаря общему вектору государственной политики России, становление многополярного мира как фактор воздействия на правовую систему российского общества начал привлекать к себе возрастающее внимание ученых. Вместе с тем, аспекты, связанные с глобализацией как фактором, также несомненно воздействующем на правовую систему общества и российскую правовую политику в различных сферах, получили более детальный анализ. К примеру, в научных исследованиях анализируется влияние глобализации как на право и государство в целом [10. С. 9; 18. С. 12], так и на функции российского государства [13. С. 42; 11. С. 101], российский конституционализм и конституционное право [14. С. 26; 4. С. 28], деятельность, связанную с национальной безопасностью государства и ее различными

⁵ См.: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2902.

⁶ См.: Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года (разработан Минэкономразвития России) // Источник: КонсультантПлюс (дата обращения: 08.01.2025 г.).

⁷ См.: Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (утв. Президентом РФ 18.12.2010) // Источник: КонсультантПлюс (дата обращения: 08.01.2025 г.).

⁸ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 08.01.2025 г.).

элементами, осуществление правосудия [1. С. 2], мораль и нравственность [12. С. 33], защиту прав потребителей [8. С. 45] и другие элементы и особенности функционирования правовой системы.

Анализ научной литературы, посвященной изучаемой проблематике, позволяет заключить, что *методология исследования* воздействия глобализации на правовую систему в основном связывала данные процессы с интеграцией, заимствованием определенных правовых средств и механизмов в регулировании конкретных правоотношений, с необходимостью более тесного взаимодействия с «развитыми демократиями» в процессе внедрения в российскую правовую жизнь «полезной и апробированной временем» юридической практики.

Вместе с тем полагаем важным подчеркнуть, что до недавнего времени (связанного с открытым противостоянием России практики коллективного Запада реализовывать собственные национальные интересы за счет других стран) негативное влияние глобализационных процессов на национальную идентичность, цивилизационно-культурные особенности развития российской правовой системы исследовались недостаточно активно, лишь отдельными учеными. Переход же к *многополярности* мирового устройства, в чем и заключается основная специфика его воздействия на юридическую действительность, фокусирует внимание именно на важности цивилизационно-культурной самобытности России (равно как и других стран), ее открытости, но самостоятельности и самодостаточности в решении любых вопросов.

Не глобализационные процессы как таковые, а именно переход к многополярному миру многократно актуализирует значимость исследования цивилизационно-культурной самобытности российской правовой системы, меняя методологические подходы к ее изучению.

В отмеченной связи представляется обоснованной постановка вопроса А.Г. Дугиным, который еще в 2011 г. утверждал, что «в качестве общеобязательного паттерна цивилизации нам навязывается западноевропейская и американская социально-политическая, экономическая и культурная модель, американский образ жизни и американские ценности. Глобализация грядет не как равный диалог разных культур, но как унификация всех обществ по единому образцу... Глобализация есть однополярность

(выделено мной: О.Г.) Она исключает сохранение не только национальных государств, но и цивилизационных отличий» [6. С. 86]. В указанном контексте заслуживают особого внимания и другие глубокие работы российских ученых [2; 3].

Безусловно, вряд ли сама сущность процесса глобализации и смысл одноименного термина заставляют сомневаться в том, что интеграция и сближение государств должны осуществляться на основе каких-либо универсальных ценностей и принципов, кем-то координироваться [7. С. 14]. В указанном контексте глобализация, действительно, представляет угрозу идеологическому плюрализму [19. С. 110] и представляет собой навязывание стереотипов и концептов государственно-правового строительства [20. С. 268; 17. С. 16].

Вместе с тем мы полагаем, что переход к многополярному мироустройству, основанному на уважении к национальным интересам государств и исключаящему безусловное доминирование лишь одной цивилизации, включающей в себя группу государств т.н. «золотого миллиарда», не исключает интеграции государств и их сближения, не препятствует их возрастающей взаимозависимости и международному разделению труда.

Таким образом, полагаем обоснованным исходить из того, что *становление многополярного мира не исключает глобализационные процессы* в смысле интеграции государств, их сближения и взаимозависимости, но делает невозможным откровенное доминирование навязываемых «универсальных» ценностей и парадигм развития, под какой бы благовидной идеологией они не маскировались.

Полагаем возможным выделить следующие *ключевые векторы воздействия* перехода к многополярному мироустройству на российскую правовую систему.

1. Повышается значимость именно *правового регулирования различных сфер общественной жизни*, некоторые из которых еще до недавнего времени не выступали предметом нормативно-правовой регламентации, представляя собой саморегулируемые процессы, протекающие внутри гражданского общества. Иными словами, возрастают как роль права в современном российском обществе, так и *масштабы* правового регулирования, по сути размывая *пределы* нормативного упорядочения общественных отношений.

В отмеченной связи повышается та ответственность, которая лежит на праве как нормативном регуляторе, призванном обеспечить гармоничное сосуществование интересов личности, общества и государства, а также гарантировать подлинную свободу и творческое развитие человека.

2. Сказанное обуславливает изменение сущности, понимания и интерпретации *соотношения личного интереса и общего блага, универсальных ценностей* (в том числе и традиционных духовно-нравственных регуляторов) и *личностных устремлений* граждан [16. С. 28; 9. С. 75], что не может не сказаться на формах и методах правового регулирования общественных отношений.

Усилия России, направленные на установление многополярного миропорядка, сопровождающиеся вызовами и угрозами самой российской государственности и ее основополагающим национальным интересам, предполагают мобилизацию всего общества, его политико-правового, социально-экономического, равно как и цивилизационно-культурного потенциала. Сказанное видоизменяет баланс сосуществования интересов личности, общества и государства [15. С. 130], предполагает необходимость жертвования одними интересами, ради реализации других.

Достаточно очевидно, что борьба с несправедливой однополярностью и защита государственного суверенитета актуализирует реализацию, в первую очередь, интересов государства и общества, если отдельные личные (эгоистические) интересы с данными интересами не совпадают.

3. Именно переход к многополярности мироустройства воздействует на российскую правовую систему таким образом, что она, с одной стороны, обособляется от влияния международных институтов, которое затрудняет реализацию национальных интересов государства, резонно ограничивает действие международных договоров и соглашений на территории России буквой и духом Конституции РФ, с другой стороны, представляет собой надежный *оплот международного права* и препятствует его размыванию практикой внедрения «порядка, основанного на правилах», поддерживая статус ООН и создавая мощные интеграционные межгосударственные объединения.

Таким образом, трансформация российской правовой системы демонстрирует ее открытость и взаимодействие с национальными правовыми системами практически любых государств при одновременной

ее относительной автономности, самодостаточности и направленности на правовое обеспечение национальных интересов России.

4. Изложенные выше факторы обусловили масштабную трансформацию ключевых составляющих юридической практики – *правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов*, которые настолько взаимообуславливают друг друга, что их взаимодействие можно образно представить в качестве сообщающихся сосудов. Современная российская юридическая действительность сталкивается с поистине революционными изменениями действующего законодательства, которые обусловлены как откровенным разворотом в сторону прагматичной и гарантированной реализации национальных интересов России, так и ответом на антироссийскую политику, проводимую странами коллективного Запада. Масштабные изменения затронули практически все отрасли российского права и требуют отдельного анализа.

Также отдельного осмысления требуют изменения, связанные с правоприменительной деятельностью, правовым обеспечением финансово-экономической, социальной, культурной, образовательной, молодежной и иных разновидностей политики, осуществляемой государством.

Достаточно очевидно и трансформация правоинтерпретационной практики, субъекты которой все чаще дают как официальное, так и неофициальное толкование права через призму российских традиционных духовно-нравственных ценностей, объясняя значимость и необходимость принятия тех или иных нормативно-правовых актов сложившейся геополитической ситуацией.

5. Серьезные изменения затронули процессы, связанные с правовым воспитанием и образованием, культивированием чувства патриотизма в российском обществе. Более того, сегодня можно говорить о конституционализации государственного и общественного интереса к воспитанию, т.к. конституционная реформа 2020 г., по справедливому замечанию Н.С. Волковой, обозначила новые направления воспитательной политики, придав данному социальному институту более четкое содержание и изменив его положение в шкале государственных приоритетов [5. С. 26].

Переход к многополярному миру предельно ясно показал значимость правового сознания и правовой культуры в обществе – элементов правовой системы, содержание

которых предопределяет развитие всей юридической практики и над которыми также необходимо целенаправленно работать.

Заключение

Изложенное выше позволяет прийти к следующему выводу о том, что именно становление многополярного мира является ключевым и комплексным *фактором*, воздействующим на Российскую правовую систему и заключающем в себе различные векторы и механизмы, предопределяющие ее развитие, т.е. - *причиной* ее трансформации.

Отмеченная комплексность объясняется тем, что именно борьба с однополярным мироустройством, противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию на общество и предотвращение масштабных вызовов и угроз российской государственности является *принципом*, тем основополагающим началом, на котором строится функционирование российской правовой системы. Вместе с тем построение многополярного мироустройства является одной из важнейших *целей* развития российской правовой системы, достижение которой обусловлено использованием соответствующих юридических средств.

Российская правовая система, будучи сложной, динамичной и нелинейно развивающейся структурой, тесно взаимодействует со всеми подсистемами общества и не может

не переживать как *сущностно-содержательное*, так и *формально-видовое* изменение, связанное с необходимостью оперативного реагирования на новые реалии, возникающие в связи с титаническими усилиями, которые прикладывает государство для построения многополярного мира и защиты своих национальных интересов.

В отмеченной связи многократно возрастает актуальность исследования трансформации правотворческой, правореализационной и правоинтерпретационной деятельности, коренных изменений в правосознании и правовой культуре российского общества. Наиболее глубоко и последовательно данные трансформационные процессы могут быть исследованы именно через призму *правовой системы*, которая представляет собой не просто совокупность разнородных правовых явлений, но их взаимообусловленное сосуществование, позволяющее проанализировать как потенциал наблюдаемых изменений, так и их вектор.

Таким образом, становление многополярного мира, несмотря на все риски и угрозы, связанные с данным масштабным и революционным перераспределением сфер влияния и принципов построения международных отношений, выступает огромной возможностью обновления и дальнейшего совершенствования российской правовой системы на основе цивилизационно-культурных особенностей нашего государства.

Литература:

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Основные направления совершенствования правовой политики по обеспечению в условиях глобализации информационной безопасности // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 2-4.
2. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм. М., 2020.
3. Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М., 2011.
4. Балаян Э.Ю., Сычев С.С. Влияние глобализации на модернизацию конституционного законодательства Российской Федерации: пути и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 28-32.
5. Волкова Н.С. Воспитание как государственно значимая деятельность: правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 26-32.
6. Дугин А.Г. Геополитическое будущее России: многополярность и основные стратегические перспективы в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 83-98.
7. Иванников А.В. Россия в новой системе геополитических координат: разработка внешнеполитического курса политическими партиями и государственной властью: 90-е гг. XX в. - начало XXI в. Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
8. Лихтер П.Л. Право на ремонт товара в эпоху цифровизации и глобализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 45-52.
9. Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М. Субъективные права, свободы и законные интересы как самостоятельные объекты охраны и защиты // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 1. С. 70-80.
10. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2017. 399 с.

11. Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. 2006. № 6. С. 101-107.
12. Пещеров Г.И. Проблема нравственности в условиях глобализации в современном мире // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 33-35.
13. Пожарский Д.В. Охранительная функция российского государства в условиях глобализации // Государство и право. 2011. № 10. С. 42-48.
14. Сигалов К.Е., Беляева О.В. Преобразования российского конституционализма в контексте международной глобализации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 26-29.
15. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125-135.
16. Субочев В.В. Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. 2007. № 2. С. 27-31.
17. Субочев В.В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13-21.
18. Федорова П.А. Глобализация и ее влияние на право // Юрист. 2020. № 10. С. 12-17.
19. Fukuyama F. The end of History and the Last Man. New York, The Free Press, 1992.
20. Subochev V.V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. 2019. Т. 12. № 4. С. 266-275.

TRANSITION TO A MULTIPOLAR WORLD ORDER AS A KEY FACTOR OF THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Introduction. *It seems quite obvious that the construction of a multipolar world today is the only opportunity to create a fair world order that will allow overcoming the crisis of modern models and methods of development, and will also give a new powerful impetus to the effective and guaranteed implementation of the national interests of the Russian state. However, if the impact of the transition to a multipolar world order on political, financial, economic, socio-cultural and other processes is quite actively studied and assessed, the nature and extent of the impact of this process on the legal system of Russia remains outside the scope of a broad and deep discussion of legal scholars, which impoverishes the modern legal doctrine.*

Materials and methods. *In preparing this work, both general scientific and private law methods were used, among which the most actively used were dialectical, logical, formal-legal, legal modeling methods, etc. Particular attention was paid to the systemic-structural approach, which made it possible to integrate the dynamics of the transformation of various legal institutions within the framework of one "common denominator" - the legal system of Russia.*

The results of the study. *The paper substantiates the author's position that the formation of a multipolar world is a key factor in the transformation of the Russian legal system, largely determining the vector of the state's legal development. The point of view is argued that it is not the globalization processes as such, but the transition to a multipolar world that repeatedly actualizes the importance of studying the civilizational and cultural identity of the Russian legal system, radically changing the methodological approaches to its research.*

Discussion and conclusion. *The key vectors of the impact of the transition to a multipolar world order on the Russian legal system are highlighted. It is emphasized that the Russian legal system is experiencing both an essential-substantive and a formal change associated with the need for a prompt response to new realities arising in connection with the titanic efforts that the state is making to build a multipolar world and protect its national interests.*

Oleg M. Grishin,
Chief Manager of the Complex Lending
and Structured Finance Department of JSC
«Alfa-Bank», Moscow, Russia

Ключевые слова:

правовая система, трансформация,
многополярный мир, правотворчество,
правоприменение, правоинтерпретационный
процесс, правовая культура,
цивилизационно-культурная самобытность.

Keywords:

legal system, transformation, multipolar
world, law-making, law enforcement,
law-interpretation process, legal culture,
civilizational and cultural identity.

References:

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A., 2021. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya pravovoj politiki po obespecheniyu v usloviyah globalizatsii informacionnoj bezopasnosti [The main directions of improving the legal policy to ensure information security in the context of globalization]. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justice]*. № 3. P. 2-9.
2. Baburin S.N., 2020. Integratsionnyy konstitutsionalizm [Integrative Constitutionalism]. Moscow.
3. Baburin S.N., Muntyan M.A., Ursul A.D., 2011. Globalizatsiya v perspektive ustojchivogo razvitiya [Globalization in the perspective of sustainable development]. Moscow.
4. Balayan E.Yu., Sychev S.S., 2021. Vliyanie globalizatsii na modernizatsiyu konstitucionnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii: puti i perspektivy [The impact of globalization on the modernization of the constitutional legislation of the Russian Federation: paths and prospects]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*. № 6. P. 28-32.
5. Volkova N.S., 2023. Vospitanie kak gosudarstvenno znachimaya deyatel'nost': pravovye aspekty [Education as a state-significant activity: legal aspects]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 11. P. 26-32.
6. Dugin A.G., 2011. Geopoliticheskoe budushchee Rossii: mnogopolyarnost' i osnovnye strategicheskie perspektivy v XXI v. [Geopolitical future of Russia: multipolarity and fundamental strategic prospects in the 21st century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and politics]*. № 2. P. 83-98.
7. Ivannikov A.V., 2009. Rossiya v novoj sisteme geopoliticheskikh koordinat: razrabotka vneshnepoliticheskogo kursa politicheskimi partijami i gosudarstvennoj vlast'yu: 90-e gg. XX v. - nachalo XXI v. [Russia in the new system of geopolitical coordinates: development of foreign policy by political parties and government: 90s. XX century. - early XXI century.] Diss. ... kand. ist. Nauk [Diss. Phd in History]. Rostov-na-Donu.
8. Lihter P.L., 2021. Pravo na remont tovara v epohu cifrovizatsii i globalizatsii [The right to repair goods in the era of digitalization and globalization]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]*. № 12. P. 45-52.
9. Mal'ko A.V., Subochev V.V., Sheriev A.M., 2008. Sub'ektivnye prava, svobody i zakonnye interesy kak samostoyatel'nye ob'ekty ohrany i zashchity [Subjective rights, freedoms and legitimate interests as independent objects of protection and defense]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal policy and legal life]*. № 1. P. 70-80.
10. Marchenko M.N., 2017. Gosudarstvo i pravo v usloviyah globalizatsii [State and law in the context of globalization]. Moscow, - 399 p.
11. Morozova L.A., 2006. Vliyanie globalizatsii na funktsii gosudarstva [The impact of globalization on the functions of the state]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. № 6. P. 101-107.
12. Peshchero G.I., 2021. Problema npravstvennosti v usloviyah globalizatsii v sovremennom mire [The Problem of Morality in the Context of Globalization in the Modern World]. *Administrativnoe pravo i process [Administrative Law and Process]*. № 4. P. 33-35.
13. Pozharskij D.V., 2011. Ohranitel'naya funktsiya rossijskogo gosudarstva v usloviyah globalizatsii [The Protective Function of the Russian State in the Context of Globalization]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. № 10. P. 42-48.
14. Sigalov K.E., Belyaeva O.V., 2022. Preobrazovaniya rossijskogo konstitutsionalizma v kontekste mezhdunarodnoj globalizatsii [Transformations of Russian Constitutionalism in the Context of International Globalization]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. № 11. P. 26-31.
15. Subochev V.V., 2006. Dialektika interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva kak obshchepравovaya problema [The Dialectics of the Interests of the Individual, Society, and the State as a General Legal Problem]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]*. № 5. P. 125-135.
16. Subochev V.V., 2007. Zakonnye interesy i principy prava: aspekty vzaimosvyazi [Legitimate Interests and Principles of Law: Aspects of the Interrelation]. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. № 2. P. 27-31.
17. Subochev V.V., 2016. Ischeznovenie suvereniteta: teoreticheskij analiz politiko-pravovykh realij [Disappearance of Sovereignty: Theoretical Analysis of Political and Legal Realities]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal Policy and Legal Life]*. № 2. P. 13-21.
18. Fedorova P.A., 2020. Globalizatsiya i ee vliyanie na pravo [Globalization and its Impact on Law]. *Yurist [Jurist]*. № 10. P. 12-17.
19. Fukuyama F., 1992. The end of History and the Last Man. New York, The Free Press.
20. Subochev V.V., 2019. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World. *MGIMO Review of International Relations*. T. 12. № 4. P. 266-275.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ СОТВОРЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Александр Малько*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-22-30

Введение. В статье анализируются проблемы, связанные с сотрудничеством в правотворческой сфере государственных и общественных структур. Между тем предметом исследования выступают органы публичной власти и институты гражданского общества как субъекты не только правосотворческого процесса, но и формирования и осуществления правовой политики. В силу этого в статье рассматриваются понятия правовой политики и правового сотворчества государства и общества, их взаимосвязи между собой.

Материалы и методы. С помощью исторического, сравнительно-правового и формально-юридического методов выявлены достоинства и недостатки установления механизмов взаимодействия государственных и общественных структур в таких доктринальных политико-правовых актах, как Концепции правовой политики республик Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Беларусь.

Результаты исследования. В процессе исследования учитывалось то, что в наиболее концентрированной форме правовая политика вышеуказанных стран проявляется в принятых ими Концепциях подобной политики, в которых находят свое выражение и различные аспекты участия институтов гражданского общества в управлении государственными делами (прежде всего в сфере правотворчества). В результате проведенного анализа выявлено, что, несмотря на разный уровень, их во многом объединяет следующее: в данных доктринальных документах, политико-правовых актах в большей степени лишь декларируется необходимость участия граждан в управлении государством, на самом деле все ограничивается поддержкой и контролем, а полноценного взаимодействия пока нет. Это же касается и России, ибо в целом результаты анализа нашей нормативно-правовой базы позволяют сделать вывод, что регламентация коммуникации осуществляется по двум самостоятельным направлениям, при этом с преобладанием процессов воздействия со стороны органов власти на гражданское общество, а не взаимодействия.

* **Малько Александр Васильевич**, главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
e-mail: alex25-58@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3204-9696

***Обсуждение и заключение.** Доказывается, что в современных условиях становления многополярного мира государство и институты гражданского общества в вышеназванных странах и России, чтобы действовать как единый организм и быть эффективными, должны в максимальной степени сотрудничать. Специфической же формой сотрудничества выступает правовое сотворчество обозначенных структур. Поэтому обосновывается актуальная востребованность в специальном детальном и системном правовом упорядочении этих вопросов, что позволит гражданам и их объединениям более активно и заинтересованно участвовать в управлении общими делами.*

Введение

Государственные и общественные структуры взаимодействуют между собой в различных форматах и на разных уровнях. В юридической сфере они совместно участвуют не только в правотворческом процессе в качестве его субъектов (что выражается в институте правового сотворчества), но и в выстраивании и осуществлении правовой политики. В современных условиях складывания нового многополярного миропорядка (когда по сути «расшатывается» старая система международных отношений, хаотизируются имеющиеся институты управления), это становится наиболее важным обстоятельством, ибо от качества взаимодействия власти и общества, от их надежного сотрудничества и даже сплоченности в такие трудные времена очень многое зависит.

Исследование

Если под *правовым сотворчеством* можно понимать высшую форму сотрудничества в юридической (и особенно в правотворческой) сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванную согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающую составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости страны [7. С. 112], то под *правовой политикой* — деятельность государственных и общественных структур по созданию эффективного механизма правового регулирования, по усовершенствованию правовой системы в целом [8].

Правовая политика и правовое сотворчество связаны между собой следующим

образом: с одной стороны, правовая политика призвана усовершенствовать правовую систему (а значит и правосотворческую деятельность), определяя стратегию и цели для юридического развития общества; с другой стороны, правовое сотворчество выступает своего рода основным средством достижения целей проводимой политики, способом воплощения ее стратегии в жизнь.

Правовая политика проявляется прежде всего, как политика правотворческая (законодательная), ибо именно в ее рамках во многом обозначаются приоритеты правового регулирования, вырабатываются основные направления юридического развития страны.

Еще во времена Советского Союза в литературе подчеркивали, что «законодательная политика КПСС, опираясь на познанные закономерности общественного развития, определяет стратегию правового регулирования. Началом выявления общественных потребностей в правовом регулировании и их формулировании является выработка правовой политики. Эта политика формулируется в партийных документах, совместных постановлениях партии, правительства и общественных организаций» [10. С. 103-104]. Чаще всего принимались совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР; реже — совместные постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР; иногда — акты ЦК КПСС, Совета Министров СССР совместно с ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ [12. С. 64]. В качестве примера можно привести совместное постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «Вопросы Свода законов СССР» от 23 марта 1978 года¹, в котором решались отдельные проблемы правовой политики того периода.

¹ См.: Собрание постановлений правительства СССР. 1978. № 9. Ст. 60.

Правовое сотворчество в России последних лет поднялось на новый, более высокий уровень, ибо наша страна выступает более демократичной, чем СССР, и институты народовластия в ней осуществляются в достаточно полной мере. Вместе с тем, учитывая преемственность советской правовой системы, российская правовая политика должна иметь в виду ту практику, которая была раньше. Для исследования проблем правового сотворчества этот опыт имеет определенное значение, ибо показывает, как субъекты строили свое сотрудничество, как были распределены у них права и обязанности, в чем заключалась их специфика и т.п. Это можно считать положительным опытом. Отрицательный же опыт участия в правовом сотворчестве политизированных партийных структур - это тоже опыт, который лучше в принципе не повторять.

В первые же годы после развала СССР центральные органы публичной власти фактически утратили лидирующие позиции во многих сферах социальной жизни. Это произошло и в рамках коммуникации с общественными структурами в области правотворческой деятельности. Попытки ельцинской (далеко не пророссийской команды) переложить бремя управления огромной страной на регионы, а решения экономических проблем отдать на откуп рыночной стихии, привели к ослаблению влияния государства и на правотворческую политику. Практически она была сведена к политике «указного права» первого президента [4. С. 52], позволяющего себе вмешиваться в правовое регулирование наиболее важных отношений, подлежащих регламентации только на законодательном уровне. Указанная правотворческая политика привела к значительным перекосам как в государственном управлении в целом, так и в правотворчестве. В подобных условиях полноценного правового сотворчества органов публичной власти и общественных структур быть не могло.

Однако с начала 2000-х годов в стране был взят курс на строительство сильного государства с жесткой вертикалью. Эта политика привела, в частности, к наведению определенного порядка и в законодательстве, к исправлению перекосов в правовых отношениях центра и регионов, к постепенному выстраиванию новых взаимодействий между государством и обществом.

Проблемы качественного изменения коммуникаций органов публичной власти и общественных структур стали особенно

злостными в период кардинальных трансформаций последнего времени. В этих условиях все чаще высказываются идеи о необходимости принятия Концепции правовой политики в России, в которой бы говорилось о более активном вовлечении граждан и их организаций в процесс формирования данной политики. О такой Концепции мне приходилось писать еще в 2001 году [5. С. 174-177]. После чего соответствующие материалы были направлены в наши высшие государственные инстанции. В 2002 году «реакция» последовала не из российских органов власти, а из Казахстана, где, по сути, воплотились в жизнь предлагаемые мною идеи, разумеется, с присущими для их страны дополнениями.

Так, Концепция правовой политики Республики Казахстан утверждалась Указом ее Президента трижды: в 2002 г. была принята до 2010 года, в 2010 году – обновленный вариант – до 2020 года, а в 2021 году – опять обновленный вариант – но уже до 2030 года. В последнем варианте установлено, что «широкое вовлечение граждан в управление будет способствовать укреплению моста понимания и согласия между государством и обществом. В этой связи особую актуальность сохраняет дальнейшее совершенствование законодательной базы для всестороннего развития институтов гражданского общества, в том числе посредством усиления общественного контроля над деятельностью органов государственного управления». Вполне по новаторскому закреплению следующее положение: «Концепция «Слышащего государства» определяет необходимость создания большого количества диалоговых площадок для вовлечения граждан и организаций в процесс разработки и обсуждения нормативных правовых актов. В свете этого важно выработать дополнительные механизмы, обеспечивающие прозрачность процедуры разработки и рассмотрения проектов нормативных правовых актов, а также позволяющие гражданам реально принимать участие в формировании проводимой политики».

Вместе с тем, в данном политико-правовом акте самокритично заявлено, что «в целом нуждается в оптимизации и автоматизации процедура согласования нормативных правовых актов. Назрела необходимость развивать потенциал интернет-портала открытых нормативных правовых актов. Анализ его функционирования свидетельствует о низкой активности граждан при обсуждении проектов нормативных правовых актов

и других документов. В этой связи следует установить причины не восприятия гражданами интернет-портала, которые связаны, помимо прочего, с отсутствием реального механизма учета предложений, возможностью комментировать исключительно отдельные структурные элементы проекта, неудобным интерфейсом сайта, на что необходимо обратить внимание. Учитывая, что в отдельных случаях граждане могут и не знать о размещении на интернет-портале проектов документов, необходимо проработать механизмы уведомления заинтересованных лиц, в том числе посредством разработки удобного мобильного приложения».

Важно поддержать обозначенные предложения, высказанные в рассматриваемой Концепции, принятой самой первой из имеющихся. Они достаточно, как говорят, «продвинутое», содержащие немало ценных и злободневных рекомендаций для улучшения состояния правосотворческого процесса в Республике Казахстан. Однако в ней есть и немало деклараций, не позволяющих «завести» реальные механизмы коммуникации государственных и общественных структур.

Необходимость принятия Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы, утвержденной Указом ее Президента 6 февраля 2018 года, как в ней самой сказано, вытекает в том числе «из следующих требований и факторов: эффективного регулирования устойчивой политической демократической системы и институтов гражданского общества в стране, правового обеспечения процесса экономического и социального развития страны на этапе перехода к рыночной экономике, защиты прав и свобод человека, повышения правовой образованности и правосознания граждан и должностных лиц».

В Концепции правовой политики Кыргызской Республики на 2023-2026 годы, утвержденной Указом ее Президента 31 мая 2023 года, прямо закреплено, что «в целях повышения качества нормативной правовой базы Кыргызской Республики представляется целесообразным пересмотреть принципы процесса инициирования и разработки проектов нормативных правовых актов (НПА) с тем, чтобы обеспечить участие всех заинтересованных сторон, включая представителей гражданского общества, бизнес-сообщества, независимых экспертов, при подготовке проекта НПА. Подобный алгоритм позволит обеспечить учет позиций всех заинтересованных представителей общества, интересы которых могут быть

затронуты проектом НПА». В Разделе Концепции «Совершенствование нормотворческих процессов» установлено следующее: «1. Совершенствование порядка инициирования, разработки и принятия нормативных правовых актов, а также мониторинга их исполнения, предусматривающего внедрение концептуально новых механизмов, обеспечивающих качество, прозрачность, системность, согласованность и общественную вовлеченность. 2. Повышение уровня влияния общественного обсуждения на нормотворческий процесс путем организации эффективной работы по вовлечению граждан, институтов гражданского общества, средств массовой информации, субъектов предпринимательства и представителей науки в данный процесс».

В Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом ее Президента 28 июня 2023 года, под правовой политикой понимается «научно обоснованная деятельность государства при участии граждан, общественных институтов по формированию и развитию всех элементов правовой системы». В ней особо отмечается, что «целями настоящей Концепции является обеспечение эффективного функционирования и дальнейшего совершенствование правовой системы в интересах белорусского государства, общества и граждан. На достижение заявленных целей должны быть направлены усилия всех субъектов формирования и реализации правовой политики — государственных и общественных институтов в рамках выполнения возложенных на них задач и функций, а также граждан в ходе их повседневной деятельности».

Важным в данной Концепции выступает то, что государственным и общественным структурам как субъектам ее выстраивания и осуществления уделяется каждому «отдельное» внимание. Так, в пункте 3 зафиксировано, что «государственные органы, организации, их должностные лица при формировании и реализации правовой политики обязаны исходить из того, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета является белорусский народ». В пункте же 4 закреплено следующее: «Граждане участвуют в реализации правовой политики как непосредственно, так и через представительные и иные органы, институты гражданского общества в пределах и формах, определенных Конституцией и принятыми в ее развитие актами законодательства». Причем в пункте 37 это положение «привязано» применительно

к отдельным формам, что выступает весьма важным обстоятельством: «Граждане участвуют в реализации правовой политики посредством: осуществления права законодательной инициативы; обсуждения проектов нормативных правовых актов, а также внесения предложений по совершенствованию действующего законодательства; участия в политических партиях и других общественных объединениях, выбора своих представителей в государственные органы». Считаю вполне уместными и правильными обозначенные в части 2 данного пункта призывы к взвешенному и законопослушному участию общественных структур в правосотворческом процессе и правовой политике. Можно только поддержать следующие требования: «Правовая активность граждан и консолидация гражданского общества призваны способствовать укреплению национального согласия, предупреждению любых форм экстремизма, формированию непотребительского отношения к государству, высокого уровня правосознания, в том числе конституционного, правовой культуры, профилактике правового нигилизма».

Оценивая в целом Концепции правовой политики вышеназванных стран, следует отметить, что в них содержится недостаточно ориентиров на детальные реальные механизмы вовлечения граждан и их объединений в правовое сотворчество и в процесс формирования и осуществления правовой политики. Закрепленные в отдельных политико-правовых актах положения в отношении граждан выступают неконкретными и во многом лишь просто заявленными (как некая дань своеобразной «демократической моде»). Анализ рассмотренных Концепций дает основания для вывода о том, что коммуникация пока складывается в большей мере с одной стороны — со стороны органов публичной власти. Другой субъект в этом взаимодействии выступает «слабой стороной», не имея пока ни соответствующих юридических средств для выравнивания сложившейся ситуации, ни соответствующей правовой культуры и правовой активности для изменения данного порядка.

К тому же в рассмотренных Концепциях правовой политики общественным структурам (как соавторам правотворческой деятельности) внимание уделяется в разной степени. В одних — практически ничего об этом не сказано (Республика Таджикистан), в других — есть лишь упоминания (Республика Кыргызстан), в третьих — (Республика Казахстан) дается более

развернутая информация, в-четвертых (Республика Беларусь) установлены не только отдельные права и обязанности субъектов правосотворческой деятельности, но и даже некоторые формы взаимодействия государственных и общественных структур. Так что уровень исследуемых Концепций далеко не одинаков. Отсюда и разное влияние их на правовую жизнь конкретного общества. Вместе с тем важно понимать, что эту проблему то или иное государство и общество должны решать, исходя, конечно же, из своих культурно-исторических особенностей и сложившихся реалий.

Требуется основательный анализ существующих Концепций правовой политики обозначенных стран с тем, чтобы и в России наконец-то был принят соответствующий политико-правовой акт. Если же говорить о конкретном доктринальном документе, то в современных условиях необходимо разработать Концепцию правовой политики РФ в качестве одной из ключевых составных частей стратегии сбалансированного и устойчивого развития страны. Настало время выстраивать программу последовательных и долгосрочных юридических действий. Одним из вариантов такого документа в принципе можно считать проект Концепции правовой политики в РФ, в котором были системно изложены взгляды на модельную программу правового развития российского общества на ближайшую перспективу [9. С. 6-27; 9]. Данный документ представляет собой систему теоретических положений, отражающих взгляды на сущность, цели, принципы, механизмы реализации и пути повышения эффективности правового регулирования в России в долгосрочной перспективе. Он разработан в целях гарантирования полноты и качества правового обеспечения основных направлений государственной политики, определенных в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, а также долгосрочных приоритетов стратегического развития России, учитывая их преемственность и внутреннюю взаимосвязь. Он призван стать ориентиром для органов власти при подготовке и принятии нормотворческих, правоприменительных и интерпретационных актов, а также при разрешении коллизий.

Необходимо на основе имеющейся теории и проекта доктринального документа разработать Концепцию правовой политики в РФ до 2030 года, как общий политико-юридический акт, охватывающий своим влиянием все правовое развитие общества.

Такого акта (включая и Конституцию РФ) на сегодняшний день у нас нет. Его нужно создавать и официально на общегосударственном уровне утверждать Указом Президента РФ по примеру того, как это уже сделано в ряде стран [6. С. 202].

И хотя на общедоиндеральном уровне его пока нет, в таком субъекте РФ, как Иркутская область, он принят. В частности, 16 июля 2015 года Распоряжением ее Губернатора утверждена Концепция государственной правовой политики Иркутской области. В ней данная политика определяется как «комплексная деятельность органов государственной власти (государственных органов) Иркутской области во взаимодействии с территориальными органами федеральных органов государственной власти в Иркутской области, органами местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области..., организациями, общественными объединениями и гражданами, направленная на формирование единого правового пространства в Иркутской области...».

Если же проанализировать законодательство вышеуказанных стран по этому вопросу, то и здесь выводы будут неутешительны, ибо и в нем механизм взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества явно несовершенен. Декларативно лишь заявляется о необходимости участия граждан в управлении общими делами. При подобной ситуации пока нельзя вести речь о «равноправной» коммуникации государственных и общественных структур, а можно – только об одностороннем воздействии первых на вторые, что не оказывает значимого влияния на взаимоотношения указанных субъектов. Следовательно, рассматриваемая нормативно-правовая база регулирует отдельные аспекты подобного «однобокого» и неравноправного взаимодействия. Это же наблюдается и в современной России, ибо в ней «закона или, по крайней мере, раздела в законе, предусматривающего стройную систему форм и принципов взаимодействия, прав и обязанностей государства и организаций гражданского общества по отношению друг к другу на федеральном уровне не существует» [3. С. 17-19].

Бесспорно, вовлечение граждан и их организаций в управление общими делами – дело не быстрое, и оно должно проходить естественным путем. Задача же государства – стимулировать это и ограничивать все то, что мешает подобному процессу. В частности, появление в тексте Конституции РФ

2020 года «таких понятий, как «институты гражданского общества; «добровольческая (волонтерская) деятельность», в контексте полномочий Правительства РФ свидетельствует о политике, направленной на поощрение гражданской активности и развитие конституционно-правовой концепции гражданского общества» [1. С. 124]. Кроме того, на конституционном уровне были закреплены следующие формы взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти: поддержка институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, и добровольческой (волонтерской) деятельности; обеспечение участия институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, в выработке и проведении государственной политики [11. С. 7].

Конечно же, кроме Конституции РФ отдельные механизмы (но весьма разрозненные и фрагментарные) установлены в действующем законодательстве (в частности, в федеральных законах «Об Общественной палате Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общественных объединениях», «О политических партиях» и некоторых других), закрепляющие те или иные юридические возможности субъектам правового сотворчества коммуницировать между собой. Например, с одной стороны, институты гражданского общества могут использовать такие формы воздействия на органы публичной власти, как реализация законодотворческой инициативы, участие граждан во всенародных обсуждениях и референдумах, в деятельности общественных советов, созданных при исполнительных органах власти. С другой стороны, законодатель предусматривает воздействие органов публичной власти на институты гражданского общества, что выражается не только в контроле за их деятельностью и в применении по отношению к ним соответствующих законных ограничений, но и в финансовой поддержке при их формировании и функционировании, в предоставлении льгот, в разработке соответствующих государственных программ [2].

В целом же результаты анализа российской нормативно-правовой базы позволяют сделать вывод, что регламентация коммуникации осуществляется по двум самостоятельным направлениям, при этом с преобладанием процессов воздействия со стороны органов власти на гражданское общество, а не взаимодействия [3. С. 20].

Заключение

Следовательно, государственные и общественные структуры участвуют совместно как в правовом сотворчестве, так и в выстраивании и осуществлении правовой политики. Вместе с тем степень их участия и соответственно их роль в этом процессе значительно разнятся. Разумеется, нельзя говорить о каком-либо абсолютном равноправии указанных субъектов в подобных отношениях (ведь органы публичной

власти специально предназначены для управления), но о создании необходимых условий для требуемого вовлечения в это граждан и их объединений вести речь надо, ибо лишь полноценное и заинтересованное взаимодействие позволит принимать эффективные правотворческие решения. Как это не парадоксально звучит, но только при активном и осознанном соучастии граждан и их объединений в управлении общими делами государство сможет обеспечить собственные национальные интересы.

Литература:

1. Гаунова Ж.А. Гражданские инициативы и их роль в развитии общества: правовые аспекты // Право как созидатель новой социальной реальности: Монография / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2024.
2. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2011.
3. Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: Монография / Под общей ред. А.И. Кузьмина и Л.И. Ворониной. Екатеринбург, 2018.
4. Лучин В.О. «Указное право» в России: Монография. М., 1996.
5. Малько А.В. О Концепции правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 174-190.
6. Малько А.В. О роли юридической науки в современном российском обществе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2. С. 202-210.
7. Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3. С. 112-116.
8. Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012.
9. Матузов Н.И., Малько А.В., Шундилов К.В. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 6-27.
10. Научные основы советского правотворчества: Монография / Отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1981.
11. Никитина Е.Е., Гаунова Ж.А. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации национальной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 7-14.
12. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР: Монография / Отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1987.

LEGAL POLICY AND LEGAL CO-CREATION OF STATE AND PUBLIC STRUCTURES: A COMPARATIVE ASPECT

Introduction. The article analyzes the problems associated with cooperation in the law-making sphere of state and public structures. Meanwhile, the subject of the study is public authorities and civil society institutions as subjects not only of the law-making process, but also of the formation and implementation of legal policy. Due to this, the article examines the concepts of legal policy and legal co-creation of the state and society, their interrelationships.

Materials and methods. Using historical, comparative legal and formal legal methods, the advantages and disadvantages of establishing mechanisms for interaction between state and public structures in such doctrinal political and legal acts as the Concepts of Legal Policy of the Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Belarus were identified.

The results of the study. In the process of the research it was taken into account that in the most

concentrated form the legal policy of the above-mentioned countries is manifested in the Concepts of such policy adopted by them, which also express various aspects of the participation of civil society institutions in the management of state affairs (primarily in the sphere of lawmaking). As a result of the analysis it was revealed that, despite the different levels, they are largely united by the following: in these doctrinal documents, political and legal acts to a greater extent only declare the need for citizens to participate in the management of the state, while in fact, everything is limited to support and control, and there is no full-fledged interaction yet. This also applies to Russia, because in general the results of the analysis of our regulatory framework allow us to conclude that the regulation of communication is carried out in two independent directions, with a predominance of the processes of influence from the authorities on civil society, rather than interaction.

Discussion and conclusion. It is proved that in the modern conditions of the formation of a multipolar world, the state and civil society institutions in the above-mentioned countries and Russia, in order to act as a single organism and be effective, must cooperate to the maximum extent. A specific form of cooperation is the legal co-creation of the designated structures. Therefore, the current demand for a special detailed and systemic legal regulation of these issues is substantiated, which will allow citizens and their associations to participate more actively and with interest in the management of common affairs.

Alexander V. Malko,
Chief Research Scientist, the Research
Institute of State and Legal Research
of Tambov State University named
after Derzhavin, Doctor of Sciences (Law),
Professor, Honored Worker of Science
of the Russian Federation

Ключевые слова:

Правовое сотворчество органов публичной власти и институтов гражданского общества, правовая политика, Концепции правовой политики республик Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Беларусь, сравнительно-правовой анализ.

Keywords:

Legal co-creation of public authorities and civil society institutions, legal policy, Concepts of legal policy of the republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Belarus, comparative legal analysis.

References:

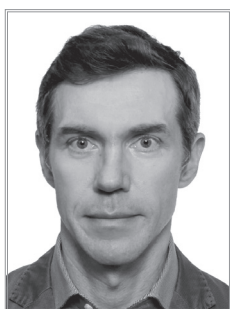
1. Gaunova Zh.A., 2024. Grazhdanskies iniciativy i ih rol' v razvitii obshchestva: pravovye aspekty [Civil initiatives and their role in the development of society: legal aspects]. *Pravo kak sozidatel' novej social'noj real'nosti: Monografiya [Law as a creator of new social reality: Monograph]*. Ed. by Yu.A. Tihomirov. Moscow.
2. Grib V.V., 2011. Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii: Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk [Interaction of public authorities and civil society institutions in the Russian Federation: Abstract of a dissertation to obtain a PhD in law]. Moscow.
3. Institucionalizaciya vzaimodejstviya grazhdanskogo obshchestva s publichnoj vlast'yu v publichno-pravovyh obrazovaniyah: Monografiya [Institutionalization of interaction of civil society with the public administration in public-legal education: Monograph]. Ed. by A.I. Kuz'min and L.I. Voronina. Ekaterinburg, 2018.
4. Luchin V.O., 1996. «Ukaznoe pravo» v Rossii: Monografiya [Rule by decree in Russia]. Moscow.
5. Mal'ko A.V., 2001. O koncepcii pravovoj politiki v Rossijskoj Federacii [On the Concept of Legal Policy in the Russian Federation]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal Politics and Legal Life]*. № 2. P. 174-190.
6. Mal'ko A.V., 2024. O roli yuridicheskoy nauki v sovremennom rossijskom obshchestve [On the role of legal science in modern Russian society]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii]*. № 2. P. 202-210.
7. Mal'ko A.V., 2024. Pravovoe sotvorchestvo kak vysshaya forma sotrudnichestva organov gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva [Legal cooperation as a higher form of cooperation between state bodies and civil society institutions]. *Pravovaya kul'tura [Legal Culture]*. № 3. P. 112- 116.
8. Mal'ko A.V., 2012. Teoriya pravovoj politiki [Theory of Legal Policy]. Moscow.
9. Matuzov N.I., Mal'ko A.V., SHundikov K.V., 2004. Pravovaya politika sovremennoj Rossii: predlagaem proekt koncepcii dlya obsuzhdeniya [Legal politics of modern Russia: we propose a draft concept for discussion]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal Politics and Legal Life]*. № 1. P. 6-27.
10. Nauchnye osnovy sovetskogo pravotvorchestva: Monografiya [Scientific foundations of soviet legal cooperation: Monograph]. Ed. by R.O. Halfina. Moscow, 1981.

11. Nikitina E.E., Gaunova Zh.A., 2021. Vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva pri realizacii nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii [Interaction of public authorities with civil society institutions in the implementation of national policy in the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 10. P. 7-14.
12. Polenina S.V., Sil'chenko N.V., 1987. Nauchnye osnovy tipologii normativno-pravovyh aktov v SSSR: Monografiya [Scientific foundations of the type of normative-legal acts in the USSR: Monograph]. *Ed. by R.O. Halfina.*

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ОСНОВА СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ПРАВОВОГО МНОГООБРАЗИЯ МИРА

Дмитрий Полдников*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-31-39

Введение. Идеологическое противостояние России с «коллективным Западом» и «поворот на Восток» предполагают не только укрепление традиционных ценностей собственной правовой системы, но и сравнительное изучение устойчивого многообразия права стран Востока. Это актуализирует не только проведение специальных исследований отдельных юрисдикций, но и рефлексию о самом предмете познания через призму многополярного мира.

Материалы и методы. Указанная проблема предполагает обращение к актуальной отечественной и зарубежной научной литературе по методологии синхронного и диахронного сравнения, а также ее критический анализ с помощью инструментария интеллектуальной и глобальной истории.

Результаты исследования. Основным предметом изучения устойчивого правового многообразия «незападных» правовых систем, по мнению автора, должны стать не право, правовая культура или цивилизация, а традиция в смысле аналитической модели из следующих компонентов: 1) носители традиции, 2) формы права, основы его понимания, толкования, применения, 3) характерные институты по важнейшим сферам правового регулирования.

Обсуждение и заключение. Указанная модель правовой традиции делает возможным диахронное сравнение зарубежного права, объяснение и классификацию его разнообразия с опорой на идеальные исторические типы права. Это открывает перспективу более тесного взаимодействия всеобщей истории права и сравнительного правоведения.

Введение

Государственная политика России по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и утверждение страны в качестве самобытного государства-цивилизации в сочетании с «поворотом на Восток», отказом от европоцентризма в пользу многополярности значительно

повышают значимость страноведения как комплексной науки.

Согласно популярному у «зарубежников» высказыванию признанного специалиста по политической социологии профессора Сеймура Липсета, кто знает лишь одну страну, не знает ни одной, ибо все (или почти все) познается в сравнении. Путь к познанию чужой страны, несомненно, пролегает

* Полдников Дмитрий Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ
e-mail: d.poldnikov@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-2872-4540

через изучение ее права, ибо именно право в концентрированной форме признает, охраняет и защищает основные духовно-нравственные и материальные ценности, важные для сохранения и благополучия общества в целом и его членов. Главная «страноведческая» научная дисциплина юристов – сравнительное правоведение – за свою более чем вековую современную историю (начиная с Парижского конгресса западных компаративистов 1900 г.) создала богатый арсенал методов изучения правовых систем в целом и отдельных институтов по отраслям права, что позволило выявить *устойчивое многообразие и сложность правовой организации обществ* на локальном, национальном и наднациональном уровнях [7. С. 9]. Однако постижение и объяснение причин данного многообразия остается одной из сложных проблем, в решении которой синхронное изучение правовых систем современности неизбежно предполагает обращение к диахронному сравнению их исторической траектории.

Исследование

Проблема устойчивого многообразия права

Даже обзорное представление юридической карты мира дает весьма пеструю картину правовых систем: западных (романо-германских и общего права), смешанных (с элементами западного и местного происхождения), религиозно-традиционных, а также переходных и «кочующих». Предрекаемая западными компаративистами второй половины XX в. унификация права по западным моделям до сих пор ограничена весьма узкой сферой международной торговли, интеллектуальной собственности, арбитража, коллизионных норм. И даже здесь она оказалась обратимой в условиях «торговых войн» и санкционной политики «коллективного Запада».

Цифровизация права также не сулит полного устранения различий между правовыми системами, поскольку подразумевает обработку с помощью нейросетей текстов позитивного права и судебной практики. Большие языковые модели хотя и могут способствовать распространению смешанных правовых систем с элементами западного

права, но, скорее всего, не устранят полностью национальные особенности. Лучшее подтверждение тому – внедрение цифровых технологий в правовую систему КНР, благодаря чему она заимствует лучшие институты романо-германского и англо-американского права и приобретает черты смешанной, но не утрачивает китайскую специфику на уровне как правовой идеологии, так и юридической техники. Это признают даже явные энтузиасты цифровой трансформации¹.

Таким образом, перед правововедами-компаративистами по-прежнему остро стоит проблема понимания и объяснения устойчивого многообразия. Ее решение, разумеется, требует комплексного подхода, но в любом случае, немыслимо без обращения к истории правовых систем и их диахронного сравнения на макро- и микроуровне. В этом правоведы-компаративисты полагаются на историков права, выявляющих в малопонятных современному юристу правовых памятниках зависимость права от прошлого, «эффект колеи», консервативность правовой идеологии и юридической техники.

Так, специфику и основное разделение современного западного права на континентальное и общее следует искать в рецепции римско-канонического права и в рассмотрении тяжб первыми королевскими судами Англии с конца XII в., даже если их современный стиль сложился лишь в XIX веке [20. С. 54]. В большинстве мусульманских стран заимствованные на Западе в XIX веке правовые институты и приемы юридической техники адаптируются в контексте восходящих к священному тексту Корана самобытных принципов шариата, как на стадии законотворчества, так и на стадиях толкования и правоприменения. Причем тенденция исламизации права все более четко прослеживается с последней трети XX в. [14. С. 115]. Наконец, смешение западного права с туземным во многих правовых системах стран «глобального Юга» объяснимо только с учетом наследия колониальных империй «долгого XIX в.», созданных в том числе посредством правовой экспансии метрополий на подконтрольных им заморских территориях.

¹ См., например, доклад руководителя Центра сравнительного государственного управления ИКСА РАН С.М. Шахрая. URL <https://www.iccaras.ru/news/sergej-shahraj-vystupil-na-zasedanii-smu-iksa-ran.html> (дата обращения – 30.01.2025 г.)

Недостаточность формационного подхода.

Историко-правовой науке известны два главных подхода к объяснению генезиса и развития права – материалистический и цивилизационный (культурологический). Первый получил в отечественной науке название *формационного* и представляет собой способ монистической интерпретации истории с позиции противоречия производительных сил и производственных отношений в рамках марксистской теории общественно-экономических формаций [15. С. 519]. Данный подход не исчерпал свой эвристический потенциал и имеет своих сторонников среди историков (Ю.К. Плетников, Ю.И. Семенов) и историков права (Т.Е. Новицкая). Но его в значительной мере дискредитировала упрощенная догматическая трактовка в СССР.

Официальная советская наука редуцировала многообразие исторического процесса к поступательной смене пяти общественно-экономических формаций на пути от первобытной к коммунистической, а в основу периодизации положила формы собственности. Специфика всех сфер жизни общества объяснялась экономическими и классовыми отношениями (классовой борьбой). Недостатки данного подхода известны. Среди них и абсолютизация роли производственных («базисных») отношений в ущерб культурным («надстроечным») явлениям, и имплицитный европоцентризм всемирной истории, и упрощенное, даже искаженное представление о развитии традиционных обществ Азии и Африки. Специальные исследования доказали, что азиатские общества древности и средневековья некорректно называть ни рабовладельческими, ни феодальными ввиду их специфических «азиатских» черт. Общественный строй здесь отражал многоукладный характер экономики, наличие связанных между собой, но относительно обособленных производственных комплексов царского, храмового, общинного хозяйства, принадлежность к которым во многом определяла правовой статус жителей, степень их свободы. Академические перспективы данного подхода не очевидны ввиду поворота современной исторической науки к многофакторным

(плюралистическим) моделям объяснения истории, а также политического запроса на укрепление национальной идентичности, культурной самобытности.

Цивилизационный подход как альтернатива

Государственная политика в области укрепления духовно-нравственных ценностей формирует заказ на *цивилизационный подход*. В его основе изучение цивилизации как высшей стадии (состояния) развития человеческого общества, которое (по сравнению со стадией варварства, согласно Л. Моргану и Ф. Энгельсу) выделилось из природы, провело разделение труда, создало города, публичные и правовые институты, изобрело письменность и религию. Изучение специфики указанных признаков позволило Н.Я. Данилевскому, О. Шпенглеру, А.Дж. Тойнби и другим выделить особые *культурно-исторические общности* (локальные цивилизации), отличающиеся единством духовно-нравственных ценностей, языка, экономического, политического и правового строя [15. С. 535].

Очевидно, цивилизационный подход к осмыслению устойчивого многообразия обществ в мировой истории в большей степени соответствует политическому запросу на современном этапе геополитического противостояния «коллективного Запада» и стран «глобального Юга». Именно культурные, духовно-нравственные ценности оказываются в центре внимания политиков, оформляющих «социальный заказ» ученым. Например, в программной речи 3 марта 2021 г. о приоритетах внешней политики США Государственный секретарь Э. Блинкен объяснил необходимость взаимодействовать с КНР с позиции силы тем, что данное государство распространяет «принципиально иную систему ценностей, не совместимую с (северо)-американскими демократическими традициями и образом жизни»².

Подобные примеры идеологического империализма, помимо прочего, стимулируют рост национального самосознания и сотрудничества незападных стран. Именно в таком ключе следует трактовать позицию глав государств-участников БРИКС о том, что БРИКС – это объединение

² См. Блинкен Э. Внешняя политика для американского народа // URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (дата обращения – 30.01.2025 г.)

не антизападных, а незападных стран³. В Республике Индии (Бхарат) в XXI в. выражением обновленной национальной идентичности следует считать идеологию индийского национализма (*хиндута*) правящей партии «Бхаратия джаната». Высказывания Председателя КНР Си Цзиньпина о стержневых ценностях современного Китая также ясно указывают: государственная социалистическая идеология не исключает высокой оценки и опоры на опыт китайской цивилизации, что в значительной мере определяет специфику построения правового государства и его правовой системы [4. С. 74].

В ответ на политический заказ ученые вводят в научный оборот понятийно-категориальный аппарат, присущий цивилизационному подходу. Например, специалист по юридической лингвистике Чжан Фалянь объясняет трудности перевода китайских и английских юридических текстов разницей юридической культуры (ценностей) [16. С. 329], а историк права Чжан Цзинфань представляет становление современного Китая как развитие китайской правовой цивилизации [23.]. Политолог из Университета Фудань (Шанхай, КНР) Чжан Вэйвэй в начале XXI в. ввел в научный оборот для описания Китая понятие «государство-цивилизация» (цивилизационное государство, *вэньминсин гоцзя*), отличающееся в том числе богатой и длительной культурной традицией, разветвленным аппаратом управления и правовой системой⁴. Согласно исследованиям правоведа-синолога Е.И. Кычанова, китайское право – «самостоятельная оригинальная правовая система, собственная традиционная правовая культура и самобытное правосознание, положившие начало дальневосточной правовой семье. Рецензированное из Китая, право сыграло большую роль в формировании административных и даже социальных структур Кореи, Японии, Вьетнама». [5. С. 402.]

Аналогичные примеры не сложно привести и в современной России. Политический запрос явно сформулирован в политико-правовых документах, определяющих основы внутренней и внешней государственной политики. Так, ценностную основу внутренней политики образуют нравственные ориентиры, формирующие единое мировоззрение граждан и культурное пространство страны на основе длительного культурно-исторического развития⁵. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. объявляет страну самобытным государством-цивилизацией, которое за свою более чем тысячелетнюю историю обогатилось наследием разных культур Евразии⁶.

Цивилизационный подход привлекателен для правоведов с весьма разным, порой полярным представлением о праве. В частности, известный российский компаративист В.И. Лафитский в своей последней монографии 2021 г. положил в основу сравнения права зарубежных прав не позитивистское понятие «правовая система», а более широкую категорию «миров права», выражающую прежде всего духовную культуру, поскольку «право не существует в вакууме; оно подвергается воздействию множества неправовых явлений, столь же многообразных, как сама жизнь. Без их учета познание права неполноценно» [6. С. 5]. Освещая проблему идентичности правовых систем в докладе на XIV Московской юридической неделе 26 ноября 2024 г., профессор В.Н. Синюков обозначил конфликт эклектизма и самобытности правовой системы современной России, который следует решать путем восстановления российской (евразийской) традиции, коренящейся в ее цивилизационной специфике.

Однако опора на цивилизационный подход сопряжена с рядом сложностей. Среди них – и неопределенность сложного

³ См.: материал ТАСС «Путин заявил, что БРИКС никому себя не противопоставляет» // URL: <https://tass.ru/politika/22159223> (дата обращения – 30.01.2025 г.)

⁴ См. публичную лекцию Чжан Вэйвэй «Китайская модель и ее возможное глобальное значение» в Российской государственной библиотеке 19 июня 2024 г. // URL: <https://youtu.be/q5Wc1J4K2eM?si=YpwWpt5MdlirRAY> (дата обращения – 30.01.2025 г.).

⁵ См. п. 4 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации от 31 марта 2023 г. №229) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения – 30.01.2025 г.).

понятия цивилизации в разных сферах научного знания, и присущий ему подтекст шовинизма и ксенофобии, и диалектика эволюции и постоянства стержневых духовно-нравственных ценностей. Едва ли не главная проблема данного подхода – это неразработанность метода и методики его применения, что вынуждает ученого-историка интуитивно выделять культуры, достигшие уровня цивилизации у разных этносов [1. С. 8-9], а ученого-правоведа – значительно расширять предмет исследования в надежде выделить компоненты культурного контекста, которые сформировали или могли сформировать парадигму права прошлого. Возможно, широкие обобщения оправданы в трактатах маститых ученых [8. С. 1], но едва укладываются в стройную схему учебного курса по истории государства и права зарубежных стран [3. С. 20-21].

Опора на правовую традицию

На наш взгляд, в основу цивилизационного подхода к объяснению устойчивого правового многообразия следует положить понятие правовой традиции. Уже в силу своего происхождения (от лат. *trado*, передаю) оно более точно (по сравнению с цивилизацией или культурой) обозначает феномен преемственности в развитии обществ, передачи опыта от поколения к поколению, несмотря на элементы новаторства и революционных (социально-политических, научных, культурно-религиозных) разрывов.

Значимость традиции для государственной политики и правовой системы повышается в условиях столкновения цивилизаций. По словам глубокого знатока русской культуры богослова А.Д. Шмемана, «о прошлом и о традициях говорят обычно больше всего в критические моменты обрыва традиций, в эпохи распутья и разногласия... люди интересуются прошлым потому, что именно восстановление преемства, традиции, органической связи с прошлым они видят или чувствуют эту основу, без которой культура остается повисшей в каком-то искусственном, безвоздушном пространстве» [17. С. 245]. Несомненным поворотом правовой политики к укреплению преемственности стали поправки в Конституцию РФ 2020 г., закрепившие значимость исторической памяти, правопреемство СССР и Российской Федерации (ст. 67.1), а также сохранение традиционных ценностей (на примере семьи, п. «в», ч. 1 ст. 114), на основании чего и принят вышеупомянутый Указ Президента РФ № 809, определяющий понятие и перечень

традиционных духовно-нравственных ценностей и их связь с мировыми религиями (пп. 4-6).

Вместе с тем изучение феномена преемственности или традиции в сравнительной перспективе также сопряжено с рядом сложностей. Пожалуй, две главные среди них – это отсутствие консенсуса в научном сообществе о предмете и методе изучения правовых традиций. Дефиниция правовой традиции затруднительна из-за многогранности феномена преемственности права и идеологической нагруженности посвященных ему исследований, прежде всего в западной науке, где в целом немало сделано для создания теории правовых традиций и сравнительного их изучения [11. С. 42].

В исследованиях западных историков права не удается найти четкого определения правовой традиции. Смысловым ядром ее является эволюция, историческое развитие правовых институтов на основе преемственности [19. С. 15], или же нормативная информация, передаваемая из поколения в поколение» [21. С. 23]. Как правило, речь идет об изучении и сравнении западных традиций. Например, американский правовед Гарольд Берман сумел издать объемную монографию об истоках западной традиции права без четкого определения традиции как таковой [2. С. 25]. Лишь в одной из последних своих статей он широко описал традицию как «чувство преемственности между прошлым и будущим, партнерство поколений, взгляд потомков на предков в поисках вдохновения для движения вперед», или же привычный способ организации общества и права в диалоге с прошлым [18. С. 740]. Дж. Мерриман для целей сравнения права предложил более полное определение традиции: это «совокупность глубоко укоренившихся, исторически обусловленных взглядов на природу права, его роль в обществе и государстве, на надлежащую организацию и функционирование правовой системы, а также на то, как право формируется или должно формироваться, применяться, изучаться, совершенствоваться и преподаваться» [22. С. 2].

На отсутствие конвенционального определения традиции в современной отечественной правовой науке указывает палитра мнений участников тематической конференции в РУДН в 2014 г. Отметив многозначность, нечеткость и малоизученность понятия традиции, Г.И. Муромцев счел возможным использовать его в науке и образовании для выражения зависимости права от прошлого, формирование устойчивого стиля

правовой системы, социокультурную линию ее развития. М.В. Немыгина назвала традицию одним из проявлений правовой культуры, а значит, части надбиологической программы деятельности человека. В.П. Малахов поставил проблему изучения традиций как компонента механизмов действия права, разграничив традиции поведения, мотивации, установки в форме обычаев, идеологии и архетипов. А.И. Экимов выдвинул тезис о тождестве правовых традиций и правовых аксиом, или утверждений, для доказательства которых нет исходного материала, как итог длительных наблюдений, обобщений и деятельности человека [12. С. 5, 19, 33, 54].

Приведенные взгляды отечественных и зарубежных ученых в целом сходятся в основных признаках правовой традиции – это устойчивость, стабильность, повторяемость. Благодаря им традиция задает рамки для всех видов юридической деятельности (правотворчества, реализации и применения права, а также его толкования). Традиция выполняет указанную функцию не только в аграрных, но и в индустриальных обществах (под видом стержневых ценностей, приемов юридической техники, конвенций академического сообщества и др.). Но, конечно, механизм преемственности в традиционных и современных обществах не может не различаться и требует особого осмысления.

Не отрицая возможность сущностного определения правовой традиции, считаем целесообразным выделить аналитическую модель правовой традиции, охватывающую такие ключевые компоненты, как: 1) носители традиции – органы власти, правосудия и юридические профессии, 2) парадигма права – формы (источники) и основы его понимания, толкования, применения, 3) характерные институты по ключевым сферам правового регулирования.

Аналитическая модель правовой традиции призвана ограничить *предмет* изучения в рамках цивилизационного подхода, а также решить проблему соизмеримости правовых традиций и *метода* их сравнения, поскольку допускает функциональную трактовку права – с позиции его воздействия на общество, благодаря существованию сообщества носителей традиции, объединенных общим представлением о сути права, его формах, приемах толкования и применения. Последовательное изучение названных компонентов не только позволяет установить ключевые компоненты преемственности в рамках одной правовой системы,

но и открывает возможность для сквозного погружения и сравнения разных правовых традиций, как это предложено в нашем недавно изданном учебнике «Сравнительная история зарубежного права» (М.: Норма, 2024).

Заключение

Правовая традиция позволяет осмыслить зависимость права от прошлого. Однако ее значение для историков права и специалистов по сравнительному правоведению не равнозначно. В историко-правовом исследовании традиция претендует на роль основного предмета, тогда как компаративисты обращаются к прошлому, чтобы объяснить состояние правовых систем современности. Каждое из обращений к правовой традиции порождает свои сложности и заслуживает особого осмысления. Остановимся лишь на основном.

Историк права изначально сталкивается с проблемой концептуальной неопределенности правовой традиции, как и в случае с правовой культурой или цивилизацией. Многогранность понятия затрудняет его дефиницию путем указания на ближайший род и видовые отличия, что подтверждает приведенная дефиниция Дж. Мерримана. Не решает проблемы и выбор в пользу генетического определения, поскольку истоки традиции многообразны, теряются в глубине веков и требуют особого исследования. Абстрактность традиции также исключает возможность определить ее остенсивно. Более продуктивным, особенно в дидактических целях, представляется выявление элементов абстрактного понятия и указание на выполняемую им функцию.

На наш взгляд, элементами правовой традиции следует считать:

- 1) организацию ее носителей, то есть органов власти, правосудия и юридических профессий;
- 2) общие основы в виде форм права и признанных подходов к его пониманию, толкованию, применению и упорядочению (систематизации);
- 3) характерные институты по важнейшим сферам правового регулирования (публичное, частное, уголовное, процессуальное право).

Выделение указанных элементов обусловлено не только актуальной интерпретацией социальной реальности и культуры в виде значений, приписываемых людям, действиям и предметам, но и использованием

правовой традиции в качестве аналитической модели, которая позволяет «разобрать» правовые реалии на «составные части» и сопоставить их, несмотря на разницу культур и цивилизаций. Иными словами, правовая традиция выступает не только предметом историко-правового исследования, но и *методом* изучения, аналогичным правовым

системам или семьям в сравнительном правоведении, а значит, открывает перспективу для сравнительного изучения истории зарубежного права, а также для диалога специалистов по синхронному сравнению правовых систем и диахронному изучению их укорененности в прошлом.

Литература:

1. Алаев Л.Б. Индийская цивилизация: Опыт понимания. М., 2021.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. Исаев М.А. История государства и права зарубежных стран. Т. 1. М., 2014.
4. Кожухова К.Е. Китайские традиционные ценности как основание внешнеполитического курса Си Цзиньпина // Вестник МЛГУ. общественные науки. 2020. Вып. 3. С. 71-82.
5. Кычанов Е. В. Правовая культура древнего Китая // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 4. М., 2009. С. 386–402.
6. Лафитский В.И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения. В 2 т. М., 2021.
7. Малиновский А.А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 3 (19). С. 9-24.
8. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2023.
9. Новицкая Т.Е. Некоторые проблемы методологии исследования истории государства и права // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. 2003. № 3. С. 75-102.
10. Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 104-109.
11. Полдников Д.Ю. Правовая традиция как идеологизированное понятие западной юриспруденции // История государства и права. 2024. № 12. С. 42-48.
12. Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции / Под ред. Муромцева Г.И., Немытиной М.В. М., 2014.
13. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003.
14. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2025.
15. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2014.
16. Чжан Фалянь. Юридический язык и правовая культура Китая и на Западе: сравнительный анализ / Пер. с кит. Ши Лэй. М., 2021.
17. Шмеман А.Д. Основы русской культуры. Беседы, 1970-1971. М., 2017.
18. Berman H.J. The Western Legal Tradition in a Millennial Perspective: Past and Future // Louisiana Law Review. 2000. No. 60 P. 739-763.
19. Duve Th. Legal traditions: A dialogue between comparative law and comparative legal history // Comparative Legal History, 2018. No. 6:1. P. 15-33.
20. Gambaro A., Sacco R. Le droit de l'Occident et d'ailleurs. Paris, 2011.
21. Glenn H.P. Legal traditions of the world: Sustainable diversity in law. Oxford University Press, USA, 2014.
22. Merryman J.H. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. 4 edn. Stanford 2018.
23. Zhang Jinfan. The History of Chinese Legal Civilization. in 2 vols. Cham, 2020.

LEGAL TRADITION AS A BASIS FOR COMPARATIVE STUDY OF THE WORLD'S STABLE LEGAL DIVERSITY

Introduction. The ideological confrontation of Russia with the "collective West" and the "turn to the East" imply the strengthening of traditional values of its own legal system, as well as a comparative study of the sustainable diversity of law in the countries of the East. It calls for specific studies of particular jurisdictions, but also it requires reflection on the very subject of knowledge through the prism of a multipolar world.

Materials and methods. This problem involves turning to current domestic and foreign scientific literature on the methodology of synchronous and diachronic comparison, as well as its critical analysis using the tools of intellectual and global history.

Research results. According to the author, the main subject of studying the sustainable legal diversity of "non-Western" legal systems should not be law, legal culture or civilization, but rather legal

tradition in the sense of an analytical model from the following components: 1) agents of the tradition, 2) forms of law, the basis for its understanding, interpretation, application, 3) typical institutions in the most important areas of legal regulation.

Discussion and significance. The specified model of legal tradition makes it possible to diachronically compare foreign law, explain and classify its diversity based on the ideal types of law in history. This opens up the prospect of cooperation between legal history and comparative law.

Dmitry Yu. Poldnikov,
Doctor of Sciences (Law), professor,
the Department of Legal Theory
and Comparative Law, MGIMO University
and HSE University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

предмет диахронного сравнения,
зарубежное право, правовая культура,
правовая традиция, сравнительная история
права.

Keywords:

subject matter of diachronic comparison,
foreign law, legal culture, legal tradition,
comparative legal history.

References:

1. Alaev L.B., 2021. *Indiyskaya tsivilizatsiya: Opyt ponimaniya* [Indian Civilization: An Experience of Understanding]. Moscow.
2. Berman G.Dzh., 1998. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Western Legal Tradition: The Epoch of Formation]. Moscow.
3. Isaev M.A., 2014. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of State and Law of Foreign Countries]. Vol. 1. Moscow.
4. Kozhukhova K.E., 2020. *Kitaiskie traditsionnye tsennosti kak osnovanie vneshnepoliticheskogo kursa Si Tsin'pina* [Chinese Traditional Values as the Basis of Xi Jinping's Foreign Policy Course]. *Vestnik MLGU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. Issue 3. S. 71-82.
5. Kychanov E.V., 2009. *Pravovaya kul'tura drevnego Kitaya* [Legal Culture of Ancient China]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow, S. 386-402.
6. Lafitskiy V.I., 2021. *Miry prava v teorii i praktike sravnitel'nogo pravovedeniya* [Worlds of Law in Theory and Practice of Comparative Law]. In 2 vols., Moscow.
7. Malinovskiy A.A., 2016. *Metodologiya sravnitel'nogo pravovedeniya* [Methodology of Comparative Law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the O.E. Kutafin University]. No. 3 (19). S. 9-24.
8. Mal'tsev G.V., 2023. *Kul'turnye traditsii prava* [Cultural Traditions of Law], Moscow.
9. Novitskaya T.E., 2003. *Nekotorye problemy metodologii issledovaniya istorii gosudarstva i prava* [Some Problems of Methodology of Research of the History of State and Law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11 Law]. No. 3. S. 75-102.
10. Pletnikov Yu.K., 1998. *Formatsionnaya i tsivilizatsionnaya triady* [Formational and Civilizational Triads]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 3. S. 104-109.
11. Poldnikov D.Yu., 2024. *Pravovaya traditsiya kak ideologizirovannoe ponyatie zapadnoy yurisprudentsii* [Legal Tradition as an Ideologized Concept of Western Jurisprudence]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. No. 12. S. 42-48.

12. Pravovye traditsii. Zhidkovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Legal Traditions. Zhidkov Readings: Materials of the International Scientific Conference]. Ed. by G.I. Muromtsev, M.V. Nemytina. 2014. Moscow.
13. Semenov Yu.I., 2003. Filosofiya istorii [Philosophy of History]. Moscow.
14. Syukiyaynen L.R., 2025. Islamskoe pravo i dialog kul'tur v sovremennom mire [Islamic Law and Dialogue of Cultures in the Modern World]. Moscow.
15. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminologicheskiy slovar' [Theory and Methodology of Historical Science: Terminological Dictionary]. Ed. by A.O. Chubar'yan. 2014. Moscow.
16. Chzhan Falyan', 2021. Yuridicheskiy yazyk i pravovaya kul'tura Kitaya i na Zapade: sravnitel'nyy analiz [Legal Language and Legal Culture of China and the West: A Comparative Analysis]. Moscow.
17. Shmeman A.D., 2017. Osnovy russkoy kul'tury. Besedy, 1970-1971 [Foundations of Russian Culture. Conversations, 1970-1971]. Moscow.
18. Berman H.J., 2000. The Western Legal Tradition in a Millennial Perspective: Past and Future. *Louisiana Law Review*. No. 60. P. 739-763.
19. Duve Th., 2018. Legal traditions: A dialogue between comparative law and comparative legal history. *Comparative Legal History*. No. 6:1, P. 15-33.
20. Gambaro A., Sacco R., 2011. Le droit de l'Occident et d'ailleurs [The law of the West and elsewhere]. Paris.
21. Glenn H.P., 2014. Legal traditions of the world: Sustainable diversity in law. Oxford University Press, USA.
22. Merryman J.H., 2018. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. 4th ed., Stanford.
23. Zhang Jinfan, 2020. The History of Chinese Legal Civilization. In 2 vols., Cham.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ «ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ТОРГОВОМ ПРАВЕ

Наталья Воронцова*

Амина Ганиева**

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-40-48

Введение. Развитие международного экономического сотрудничества обусловило взрывной рост международной торговли, что, в свою очередь, привело к циркуляции товаров различных производителей по всему миру, а также необходимости государств осуществлять регулирование оборота и ввоза указанных товаров с целью защиты интересов участников торговли.

Статья посвящена анализу правового регулирования параллельного импорта в условиях односторонних ограничительных мер (так называемые «экономические санкции»). Кроме того, в ней проведен сравнительный анализ отдельных аспектов правового регулирования исследуемой темы в законодательстве России и США, а также в праве ВТО и примеры из судебной практики. Кроме того, вопрос легальности параллельного импорта также обуславливается продолжительными дискуссиями относительно выбора оптимального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак на территории Евразийского экономического союза

Материалы и методы. В ходе написания работы применялись такие методы научного познания, как анализ, синтез, обобщение, аналогия, прогнозирование. В качестве материалов исследования были использованы зарубежные и российские научные статьи, судебная практика России и США.

Результаты исследования. Опыт других стран подсказывает, что легализация «параллельного импорта» всех без исключения товаров не является чем-то невозможным. В этих условиях необходима объективная оценка экономической целесообразности легализации параллельного импорта в России.

Вместе с тем определение в международно-правовых документах понятия «параллельный импорт» послужит нормативному пониманию его правовой природы и позволит разграничить его с такой категорией как «серый импорт», а также обеспечит единообразный подход к пониманию его особенностей и, как следствие, предотвратит его слияние с иными формами импорта.

* **Воронцова Наталья Анатольевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: n.vorontsova@mail.ru.
ORCID ID: 0000-0002-2848-1358

** **Ганиева Амина Тиграновна**, соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: aminaganiewa@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0001-5488-8362

Авторы подчеркивают необходимость закрепления понятия «параллельный импорт» на международно-правовом уровне для предотвращения его смешения с «серым импортом» и обеспечения единообразия в правовом регулировании.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что в современных условиях жесточайшей конкуренции государств в мировой экономической системе, с помощью односторонних ограничительных мер (так называемые экономические «санкции»), вышедших на уровень применения исчерпания исключительных прав на товарный знак под терминологией «параллельного импорта», требует закрепления на международно-правовом уровне этих понятий. Ключевую роль в этом может сыграть судебная практика государств и доктринальные исследования ученых.

Введение

В современном торговом обороте государств между собой, большую роль играют результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права на них и способы защиты данных прав. Правообладателям предоставляются определенные исключительные права и важно ограничивать сферу их действия и полномочия правообладателей для того, чтобы правомерное использование третьими лицами четко разграничивалось от случаев неправомерно использования объекта интеллектуальных прав и нарушения исключительных прав правообладателя. Вопрос исчерпания исключительных прав на товарный знак тесно связан с проблемой «параллельного импорта»¹, и страны все еще не нашли баланс между интересами правообладателей и вопросами обеспечения торговой конкуренции собственного государства [9. С. 2].

Правообладатели товарных знаков зачастую стремятся искусственно разграничить рынки, на которых осуществляется продажа товаров под их товарным знаком, что приводит к разному качеству, составу или упаковке продукции на различных товарных рынках. Однако современные интересы потребителя диктуют потребность в доступе различных товаров, взаимному проникновению товаров различных товарных рынков, этому же способствует и глобализация, когда потребитель может лично или через сервисы электронной торговли приобретать

товары и в дальнейшем ввозить их в свою страну для употребления [12. С. 280]. Для того чтобы импортеры, приобретающие товары в целях осуществления предпринимательской деятельности, а не для употребления в личных целях, могли ввезти на территорию государства товары, которые не производятся официально в конкретной стране, их необходимо приобрести за рубежом и затем ввезти на территорию страны.

Исследование

Рассматриваемое явление приобрело в мировой экономике за последние несколько десятилетий масштабный характер. При этом нельзя не отметить тот факт, что у параллельных импортеров цены на ввозимые товары существенно ниже, чем у официальных поставщиков, уполномоченных производителем распространять товар в конкретной стране [11. С. 59].

Политика различных государств по отношению к условиям ввоза товаров различается в зависимости от уровня экономического развития, суверенности экономики и стратегии экономического развития, приоритетов в области защиты прав потребителя и производителя и фактически это несомненно ограничивает торговлю [15. С. 552].

В последние десятилетия эти действия перешли от уровня проблем производителя на более высокую ступень – государственную, когда именно эти условия применяются в экономических санкциях² [5. С. 208]

¹ Авторы используют термин «параллельный импорт» в кавычках, т.к. в нормах международного права это понятие до сих пор не закреплено

² В данном утверждении авторы придерживаются позиции, что «санкции» может налагать только Совет Безопасности ООН URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1745/oj/eng>; <https://www.federalregister.gov/documents/2023/05/23/2023-10774/implementation-of-additional-sanctions-against-russia-and-belarus-under-the-export-administration> (дата обращения: 10.01.2025)

одних государств против других с утверждением, что использование «параллельного импорта» является нарушением прав производителя и не может быть использовано страной, на которую наложены экономические санкции.

Начиная с начала 2000-х годов в отношении России под надуманными предлогами вводятся односторонние ограничительные меры (так называемые экономические «санкции»), препятствующие развитию промышленности и науки. Апогеем санкционной политики стал 2022 год, когда странами Запада был запрещен ввоз в Россию не только наукоемкой продукции и оборудования для использования в промышленном производстве, но и товаров народного потребления³. В связи с этим параллельный импорт для России стал вынужденной мерой, продиктованной текущими экономическими и политическими обстоятельствами, которая вместе с тем не может полноценно заменить официальные поставки [10. С. 59] и удовлетворить растущий спрос активно развивающейся экономики. Под односторонние ограничительные меры (так называемые экономические «санкции») подпадают и другие государства (Беларусь, Иран, Китай, Ирак и др.)⁴.

Процесс, связанный с приобретением товара для целей его последующей перепродажи на территории третьих стран, получил название «параллельный импорт» [14. С. 378]. В настоящее время понятие «параллельный импорт» товаров часто употребляется в официальных выступлениях должностных лиц, политиков и журналистов, в новостных публикациях и статьях, посвященных экономическим вопросам. Вместе с тем, в настоящее время официальное понятие «параллельного импорта» товаров в международных договорах, законодательстве Российской Федерации, актах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), несмотря на широкое использование в государственных и негосударственных организациях, официально не закреплено.

Такой импорт называется «параллельным» ввиду того, что не находится под контролем владельцев прав на интеллектуальную собственность и осуществляется одновременно (параллельно) с поставками товаров по дистрибьюторским сетям, которые созданы или санкционированы владельцами прав на интеллектуальную собственность и находятся под их контролем [8. С. 120].

Необходимо отметить, что проблема легализации параллельного импорта на территории Российской Федерации началась задолго до принятия Постановления Правительства в 2022 году⁵ (которое однако не устанавливает в нем понятия «параллельного импорта», подразумевая именно его), что еще раз подчеркивает тот факт, что законодатель на протяжении длительного периода времени ищет способ для обеспечения экономической стабильности. При этом, так как Российская Федерация является членом интеграционного объединения ЕАЭС, принятие решений по экономическим и торговым вопросам должно также учитывать интересы стран-участниц такого объединения, а значит, законодательство Российской Федерации при рассмотрении вопроса исчерпания интеллектуальных прав также опирается на правовые нормы, регулирующие ввоз и продажу товаров в ЕАЭС [4. С. 140].

Полемика по вопросу выбора оптимального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак на территориях государств-членов продолжается достаточно давно. На территории ЕАЭС закреплен региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, что определено Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

В соответствии с пунктом 16 раздела V Приложения № 26 (Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности) к Договору о Евразийском экономическом союзе «на территориях государств-членов применяется принцип исчерпания права на товарный знак,

³ URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (дата обращения: 10.01.2025)

⁴ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506. «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» (в ред. Постановления Правительства РФ от 28.06.2023 N 105 URL: <http://government.ru/docs/44987/> (дата обращения: 10.01.2025) Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506

⁵ Приложение N 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности. Астана, 29 мая 2014 г. П. 16. URL: <http://www.eurasiancommission.org>. (дата обращения: 10.01.2025)

товарный знак Союза, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза, использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем товарного знака и (или) товарного знака Союза или другими лицами с его согласия»⁶.

Этот же принцип действовал и до формирования ЕАЭС на основании Соглашения о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 9 декабря 2010 года⁷.

Он подразумевает необходимость получения импортером согласия правообладателя на ввоз на территорию государств-членов Союза «брендированного» товара и дальнейший свободный оборот этих товаров на всей территории Союза. Легализация «параллельного» импорта не может быть осуществлена в отдельном государстве-члене Союза ввиду следующих обстоятельств. Во-первых, этот вопрос выходит за рамки национальной компетенции и регулируется положениями Договора о Евразийском экономическом союзе. Во-вторых, свобода перемещения товаров в рамках Союза предполагает, что на территориях государств-членов ЕАЭС подразумевается действие единого принципа исчерпания права. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации на протяжении многих лет выступает за предоставление параллельным импортерам прав ввоза оригинальных товаров на территорию России без согласия правообладателя, а также за распространение этой практики на всю территорию ЕАЭС⁸, несмотря на то, что признание интеллектуальной собственности является законным

торговым барьером, препятствующим «параллельному импорту» в соответствии с международными актами и Федеральным законом «О защите конкуренции»⁹.

Таким образом закрепляется региональный режим исчерпания исключительных прав на территории ЕАЭС [6. С. 212]. При этом, Договор не предусматривает каких-либо исключений из регионального режима исчерпания исключительных прав.

Важным также является тот факт, что Россия не внесла изменения в национальное законодательство в связи с установлением в рамках ЕАЭС данного режима исчерпания исключительных прав, тогда как, например, Республика Беларусь внесла такие изменения и по сути отменила действующий на ее территории режим национального исчерпания исключительных прав [1. С. 167].

По мнению ФАС России, запрет «параллельного импорта» существенно ограничивает разнообразие поступаемых на рынок товаров, а также их продавцов, что может привести к монополизации и недобросовестной конкуренции со стороны правообладателей, а легализация «параллельного импорта» расширяет для предпринимателей пути доступа на рынок, что в свою очередь способствует развитию конкурентной среды [16. С. 59].

При этом необходимо понимать, что понятие «параллельный импорт» не распространяется на отношения по ввозу контрафактных товаров, что подтверждается и современной судебной практикой, например, в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2024 № 15АП-19119/2023 по делу № А01-784/2023 отмечается, что «контрафактный характер товара исключает возможность применения в данном случае законодательства, регулирующего параллельный импорт»¹⁰.

⁶ Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности (Москва, 9 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. 30.01.2012. № 5. Ст. 542.

⁷ Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. URL: <https://fas.gov.ru/news/31432?ysclid=lw2ij483hj211376168> (Дата обращения: 10.01.2025)

⁸ Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/24279> (дата обращения: 10.01.2025)

⁹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2024 № 15АП-19119/2023 по делу № А01-784/2023. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=264438&ysclid=m6ggltm9ef696998678#I0I4BbUUzwpX2MWc1> (дата обращения: 10.01.2025). Аналогичная правовая позиция изложена в постановлениях Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2023 по делу № А33-14168/2022, от 25.01.2023 по делу № А51-4937/2022 и от 20.10.2022 по делу № А511844/2022

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // Собрание законодательства РФ. 26.02.2018. N 9. Ст. 1435.

Однако следует отметить, что имеется судебная практика ряда государств в вопросах регулирования «параллельного импорта». В частности, в настоящей статье рассмотрим ее на примере России и США.

Данное понятие на территории России впервые официально было введено в постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 года № 8-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ». Согласно указанному постановлению, под «параллельным импортом» понимается ввоз правомерно приобретенных вне пределов Российской Федерации товаров иностранного производства независимо от согласия производителя товара или его официального дистрибьютора. Также была отмечена необходимость разграничения понятий «параллельного импорта» товара от ввоза на территорию Российской Федерации контрафактной продукции¹¹.

Также в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 ноября 2016 года № 09АП-53030/2016 по делу № А40-215750/2014 отдельно отмечалось, что «ввоз товара, маркированного товарным знаком, на территорию России без согласия правообладателя («параллельный импорт») товара является нарушением исключительных прав правообладателя и для решения вопроса об изъятии и уничтожении такого товара следует убедиться, что товарный знак нанесен на товар».¹²

В 2023 году в постановлении Шестого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2023 года № 06АП-4082/2023 по делу № А73-2069/2023 было дано определение «параллельного импорта», под которым

понимается «ввоз на территорию Российской Федерации без согласия правообладателей оригинальных иностранных товаров, которые введены в гражданский оборот за рубежом».¹³

Таким образом, в российской судебной практике «параллельный импорт» определяется как ввоз на территорию Российской Федерации без согласия правообладателей оригинальных иностранных товаров, которые введены в гражданский оборот за рубежом [3. С. 58].

В законодательстве США определение понятия «параллельный импорт» товаров также отсутствует. Как и в России, это понятие содержится только в решениях судебных органов, рассматривающих споры по вопросам исчерпания исключительных прав [7. С. 126]. Так, например, изначально понятие «параллельного импорта» товаров отождествлялось с понятием «товаров серого рынка». В решении Верховного суда США по делу *K Mart Corp. v. Cartier, Inc.*, 486 U.S. 281 (1988) отмечалось, что «параллельный импорт» товаров третьей стороной, которая покупает товары за границей, создает серый рынок».¹⁴

В указанном решении под «товаром серого рынка» понимается товар иностранного производства, имеющий действительный товарный знак, который импортируется без согласия владельца товарного знака¹⁵.

Также в 2013 году в решении Верховного суда США по делу *Kirtsaeng v. John Wiley & Sons, Inc.*, 568 U.S. 519 (2013) отмечалось, что термин «товар серого рынка» относится к товару, который импортируется за пределы каналов распределения, установленных владельцем интеллектуальной собственности по контракту. Такие товары также принято называть «параллельным импортом».¹⁶

¹¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2016 № А40-215750/14 по делу № А40-215750/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZWYAXXQATMge/?ysclid=m6ggngaygu2826076931> (дата обращения: 10.01.2025)

¹² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 04.09.2023 № 06АП-4082/2023 по делу № А73-2069/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FiCbuXG9stJl/?ysclid=m6ggof08a2124487807> (дата обращения: 10.01.2025)

¹³ *K Mart Corp. v. Cartier, Inc.*, 486 U.S. 281 (1988). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/486/281/#top> (Дата обращения: 10.01.2025)

¹⁴ *K Mart Corp. v. Cartier, Inc.*, 486 U.S. 281 (1988). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/486/281/#top> (Дата обращения: 10.01.2025)

¹⁵ *Kirtsaeng v. John Wiley & Sons, Inc.*, 568 U.S. 519 (2013). Dissent (Ginsburg) URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/568/519/> (Дата обращения: 10.01.2025)

¹⁶ Congressional Research Service Report for Congress Intellectual Property Rights and International Trade, December 20, 2007. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA485755 (Дата обращения: 10.01.2025)

В отчете исследовательской службы Конгресса США отмечается, что товары, завезенные в страну путем «параллельного импорта», также известные как «товары серого рынка», относятся к товарам, ввезенным в страну без разрешения правообладателя после того, как эти товары были законно проданы в другом месте. Параллельный импорт связан с концепцией территориального исчерпания прав интеллектуальной собственности, которая регулирует объем прав интеллектуальной собственности после первой продажи [2. С. 659]. «В соответствии с национальной системой исчерпания прав, применяемой в Соединенных Штатах, права интеллектуальной собственности исчерпываются внутри страны после первой продажи, но не за рубежом, что запрещает торговлю этими товарами без разрешения иностранного правообладателя»¹⁷.

Существенных отличий в подходах судебной практики к понятию «параллельного импорта» товаров в России и США нет. Представляется важным отметить, что в США проблема «полулегальности» параллельного импорта подчеркивается его отношением к категории «товаров серого рынка» [13. С. 95].

Кроме того, ряд международных организаций также дает свое понимание рассматриваемым понятиям. Так, Международная ассоциация правообладателей товарных знаков (International Trademark Association) (далее – Ассоциация), являющаяся международной неправительственной организацией, отождествляет понятия «параллельный импорт» (parallel imports) и «серый рынок» (gray market). Под «параллельным импортом» Ассоциация понимает ввоз товаров, маркированных товарным знаком, на рынок определенного государства, в отношении которого правообладатель данного товарного знака согласие на продажу таких товаров не дал¹⁸.

В праве Всемирной торговой организации (далее – ВТО) под «параллельным импортом» понимается импорт продукта, произведенного легально (то есть не являющегося пиратским) за границей, без разрешения правообладателя интеллекту-

альной собственности (например, владельца товарного знака или патента)¹⁹.

Таким образом, судебная практика четко демонстрирует разграничение между этими двумя категориями. Важно отметить, что в случае возникновения сомнений, правоприменитель сначала осуществляет проверку того, является ли товар контрафактным или ввезенным легально по параллельному импорту. Так как если правообладатель обращается с иском в связи с осуществлением параллельного импорта без его на то согласия, но при выяснении обстоятельств дела суд приходит к выводу о контрафактном характере товаров, применение положений о параллельном импорте недопустимо и несмотря на то, что товар мог быть ввезен по параллельному импорту, партия подлежит уничтожению.

Заключение

Сравнительно-правовой анализ регулирования исчерпания исключительных прав в различных правовых системах существенно отличается, отмечается именно индивидуальный подход каждой страны к разрешению данного вопроса, однако способы регулирования отличаются.

Лучшим решением явилось бы определение применяемого в торговле режима на уровне крупной международной организации, например, в рамках ВТО. Однако такое решение проблемы маловероятно, так как многие государства не видят для себя необходимости в изменении и обобщении норм о режиме исчерпания исключительных прав и в своем регулировании опираются на свои экономические интересы [17. С. 657]. В то же время для государств, которые подвергаются односторонним ограничительным мерам (так называемым экономическим «санкциям»), а список таких стран расширяется, данная проблема стоит довольно остро, т.к. напрямую влияет на благосостояние населения таких стран.

В настоящее время российский законодатель придерживается национального принципа исчерпания исключительных прав и регионального по отношению

¹⁷ Parallel Imports / Gray Market // International Trademark Association. URL: <https://www.inta.org/topics/parallel-imports/> (Дата обращения: 10.01.2025)

¹⁸ Официальный сайт Всемирной торговой организации URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/glossary_e/parallel_imports_e.htm (Дата обращения: 10.01.2025)

¹⁹ URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (дата обращения: 10.01.2025)

к товарам, ведённым в оборот на территории ЕАЭС, при котором ввоз товара для продажи с территории третьих стран фактически приравнивается к контрафакту. Односторонние ограничительные меры (так называемые экономические «санкции») вынудили законодателя сделать исключение для определенных групп товаров, чтобы устранить их дефицит, что в целом, на наш взгляд, не является продуктивным решением в том

виде, в котором решение этой проблемы реализовано на данный момент.

Опыт других стран подсказывает, что легализация параллельного импорта всех без исключения товаров не является чем-то невозможным. В этих условиях необходима объективная оценка экономической целесообразности легализации параллельного импорта в России.

Литература:

1. Артамонов С.С. Правовая конструкция параллельного импорта: Российская специфика // Актуальные вопросы юридической науки и практики: Сборник научных статей студентов и молодых учёных. 2022. С. 164-173.
2. Емелькина И.А. Импортозамещение и параллельный импорт в различных регионах мира: экономико-правовой анализ // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 4(125). С. 650-664.
3. Ивлиев Г.П. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 2(195). С. 56-67.
4. Ильинская Л.Г. Проблемы легализации параллельного импорта в ЕАЭС // Таможенное дело и внешнеэкономическая деятельность компаний. 2017. № 2(3). С. 137-146.
5. Критский К.В. Термины "международные санкции" и "односторонние ограничительные меры" // Московский журнал международного права. 2016. № 2(102). С. 204-213.
6. Лосев С.С. К вопросу о режиме исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. 2022. С. 208-214.
7. Мичурина А.А. Сравнительно-правовой анализ механизма параллельного импорта в России и США // Финансовое администрирование в современных условиях: новые вызовы и задачи: Материалы II Международной научной конференции. 2024. С. 124-128.
8. Пирогова В.В. Соглашение ТРИПС (ВТО): ограничения исключительных прав и общественные интересы // Государство и право. 2012. № 6. С. 119-122.
9. Пирогова В.В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт. М., 2008.
10. Тюнин М.В. Параллельный импорт как инструмент управления международными санкциями // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2023. № 3. С. 58-65.
11. Фукс Е.Н. Легализация "параллельного" импорта как способ борьбы с "серым" импортом // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 3. С. 54-62.
12. Ahmadi, Reza, B. Rachel Yang. Parallel Imports: Challenges from Unauthorized Distribution Channels // Marketing Science. 2000. Vol. 19. No. 3. P. 279-294.
13. Clugston, Christopher J. International Exhaustion, Parallel Imports, and the Conflict between the Patent and Copyright Laws of the United States // Beijing Law Review. 2013. No. 04. P. 95-99.
14. Grossman, Gene M., Edwin L.-C. Lai. Parallel Imports and Price Controls // The RAND Journal of Economics. 2008. Vol. 39. No. 2. P. 378-402.
15. Hur, J., Riyanto, Y.E. Tariff Policy and Exhaustion of Intellectual Property Rights in the Presence of Parallel Imports // Oxford Economic Papers. 2006. Vol. 58. No. 3. P. 549-568.
16. Ivegesh, O.A. Legalization of Parallel Import in the Russian Federation // Works on Intellectual Property. 2023. Vol. 45. No. 2. P. 53-62.
17. Rai, R.K., Parallel Imports and Unparallel Laws: Does the WTO Need to Harmonize the Parallel Import Law? // Journal of World Trade. 2012. Vol. 46. No. 3 P. 657-694.

SELECTED ASPECTS OF JUDICIAL PRACTICE AND DOCTRINAL CONCEPTS OF "PARALLEL IMPORT" IN INTERNATIONAL TRADE LAW

Introduction. The development of international economic cooperation has led to an explosive growth in international trade, which, in turn, has led to the circulation of goods from various manufacturers around the world, as well as the need for States to regulate the turnover and import of these goods in order to protect the interests of trade participants.

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of parallel imports in the context of unilateral restrictive measures (the so-called "economic sanctions"). In addition, it provides a comparative analysis of certain aspects of the legal regulation of the topic under study in the legislation of Russia and the United States, as well as in WTO law and examples from judicial practice. In addition, the issue of the legality of parallel imports is also conditioned by lengthy discussions regarding the choice of the optimal principle of exhaustion of the exclusive trademark right in the territory of the Eurasian Economic Union.

Materials and methods. In the course of writing the work, such methods of scientific knowledge as analysis, synthesis, generalization, analogy, and forecasting were used. Foreign and Russian scientific articles, judicial practice of Russia and the USA were used as research materials.

Results of the study. The experience of other countries suggests that legalizing the "parallel import" of all goods without exception is not impossible. In these circumstances, an objective assessment of the economic feasibility of legalizing parallel imports in Russia is necessary.

At the same time, the definition of the concept of "parallel import" in international legal documents will serve as a normative understanding of its legal nature and will allow it to be distinguished from such a category as "gray import", as well as ensure a uniform approach to understanding its features and, as a result, prevent its merging with other forms of import.

The authors emphasize the need to consolidate the concept of "parallel import" at the international legal level in order to prevent its confusion with "gray imports" and ensure uniformity in legal regulation.

Discussion and conclusion. The study showed that in modern conditions of fierce competition between states in the global economic system, unilateral restrictive measures (economic sanctions) that have reached the level of exhaustion of exclusive trademark rights under the terminology of "parallel import" require the consolidation of these concepts at the international legal level. The judicial practice of States and the doctrinal research of scientists can play a key role in this.

Natalia A. Vorontsova,
Doctor of Sciences (Law), Professor,
the International Law Chair,
MGIMO-University under the MFA
of Russia, Moscow, Russia

Amina T. Ganieva,
Applicant, the International Law Chair,
MGIMO-University under the MFA of Russia,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

параллельный импорт, полномочия правообладателей, исчерпание исключительных прав на товарный знак, односторонние ограничительные меры, экономические «санкции», Договор о Евразийском экономическом союзе, ЕАЭС, Российская Федерация, США.

Keywords:

parallel import, powers of copyright holders, exhaustion of exclusive trademark rights, unilateral restrictive measures, economic sanctions, Treaty on the Eurasian Economic Union, EAEU, Russian Federation, USA.

References:

1. Artamonov, S.S., 2022. Pravovaya konstrukciya parallel'nogo importa: Rossijskaya specifika [The legal structure of parallel imports: Russian specifics]. *Aktual'nye voprosy yuridicheskoy nauki i praktiki: Sbornik nauchnykh statej studentov i molodyh uchyonykh* [Current issues of legal science and practice: A collection of scientific articles by students and young scientists]. S. 164-173.
2. Emel'kina, I.A., 2023. Importozameshchenie i parallel'nyj import v razlichnykh regionah mira: ekonomiko-pravovoj analiz [Import substitution and parallel imports in different regions of the world: economic and legal analysis]. *Regionologiya* [Regionology]. № 4(125). S. 650-664.

3. Ivliev, G.P., 2023. Pravovoe regulirovanie otnoshenij v sfere parallel'nogo importa. Opyt gosudarstv evrazijskogo regiona [Legal regulation of relations in the field of parallel imports. The experience of the States of the Eurasian region]. *Lex Russica [Lex Russica]*. Vol. 76. № 2(195). S. 56-67.
4. Il'inskaya, L.G., 2017. Problemy legalizacii parallel'nogo importa v EAES [Problems of legalizing parallel imports to the EAEU]. *Tamozhennoe delo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kompanij [Customs and foreign economic activity of companies]*. № 2(3). S. 137-146.
5. Kritskij, K.V., 2016. Terminy "mezhdunarodnye sankcii" i "odnostoronnie ogranichitel'nye mery" [The terms "international sanctions" and "unilateral restrictive measures"]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 2(102). S. 204-213.
6. Losev, S.S., 2022. K voprosu o rezhime ischerpaniya isklyuchitel'nogo prava na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze [On the issue of the regime of exhaustion of the exclusive right to intellectual property objects in the Eurasian Economic Union]. *Pravoprimenenie v publichnom i chastnom prave: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Law enforcement in public and private law: proceedings of the International Scientific Conference]*. S. 208-214.
7. Michurina, A.A., 2024. Sravnitel'no-pravovoj analiz mekhanizma parallel'nogo importa v Rossii i SShA [Comparative legal analysis of the mechanism of parallel imports in Russia and the USA]. *Finansovoe administrirovanie v sovremennykh usloviyakh: novye vyzovy i zadachi : Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Financial administration in modern conditions: new challenges and tasks: Proceedings of the II International Scientific Conference]*. S. 124-128.
8. Pirogova V.V., 2012. Soglasenie TRIPS (VTO): ogranicheniya isklyuchitel'nykh prav i obshchestvennye interesy [TRIPS Agreement (WTO): Restrictions on exclusive rights and public interests]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. № 6. S. 119-122.
9. Pirogova, V.V., 2008. Ischerpanie isklyuchitel'nykh prav i parallel'nyj import [Exhaustion of exclusive rights and parallel import]. Moscow.
10. Tyunin, M.V., 2023. Parallel'nyj import kak instrument upravleniya mezhdunarodnymi sankciyami [Parallel import as a tool for managing international sanctions]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' [Intellectual property. Industrial property]*. № 3. S. 58-65.
11. Fuks, E.N., 2017. Legalizaciya "parallel'nogo" importa kak sposob bor'by s "serym" importom [Legalizing "parallel" imports as a way to combat "gray" imports]. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii [Bulletin of the Russian Customs Academy]*. № 3. S. 54-62.
12. Ahmadi, Reza, and B. Rachel Yang., 2000. Parallel Imports: Challenges from Unauthorized Distribution Channels. *Marketing Science*. Vol. 19. No. 3. P. 279-294.
13. Clugston, Christopher J., 2013. International Exhaustion, Parallel Imports, and the Conflict between the Patent and Copyright Laws of the United States. *Beijing Law Review*. No. 04. P. 95-99.
14. Grossman, Gene M., Edwin L.-C. Lai., 2008. Parallel Imports and Price Controls. *The RAND Journal of Economics*. Vol. 39. No. 2. P. 378-402.
15. Hur, J., Riyanto, Y.E., 2006. Tariff Policy and Exhaustion of Intellectual Property Rights in the Presence of Parallel Imports. *Oxford Economic Papers*. Vol. 58. No. 3. P. 549-568.
16. Ivegesh, O.A., 2023. Legalization of Parallel Import in the Russian Federation. *Works on Intellectual Property*. Vol. 45. No. 2. P. 53-62.
17. Rai, R.K., 2012. Parallel Imports and Unparallel Laws: Does the WTO Need to Harmonize the Parallel Import Law? *Journal of World Trade*. Vol. 46. No. 3 P. 657-694.

РОЛЬ КИТАЯ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АНТАРКТИКЕ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ И ДЕЙСТВИЙ

Дмитрий Лабин*

Цимэн Чэнь**

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-49-57

Введение. Антарктика, являясь уникальным и богатым ресурсами регионом, привлекает внимание многих государств. Китай не является исключением. Его роль в развитии международного сотрудничества в Антарктике значительно возросла с тех пор, как он ратифицировал Договор об Антарктике в 1983 году. В статье рассматривается роль Китая в развитии международного сотрудничества в Антарктике. Целью исследования является изучение роли Китая в развитии международного сотрудничества в Антарктике, отношений Китая с другими антарктическими государствами, действий, предпринимаемых КНР на территории Антарктики.

Материалы и методы. Методологию исследования составляет изучение и анализ текстов международных договоров, научных публикаций, статистических данных. В ходе работы над публикацией применялась совокупность общенаучных, формально-логических методов (включая методы познания, описания, анализа, индукции, дедукции, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования) и специальных методов (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой, структурно-юридический методы; метод контент-анализа и др.).

Результаты исследования. В результате проведенного исследования было выявлено, что Китай активно занимается укреплением своих позиций в регионе, строит новые станции, занимается добычей ресурсов. Тем не менее некоторые действия Китая вызывают обеспокоенность у других государств, так как Китай рассматривается как потенциальная угроза. Более того, отсутствие у Китая четкой антарктической политики может спровоцировать конфликты с другими государствами. Результаты исследования могут быть полезны для правительств, международных организаций и исследовательских институтов, занимающихся вопросами международного права.

* **Лабин Дмитрий Константинович**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: d.labin@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-1493-4221

** **Чэнь Цимэн**, соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: qimeng.chen@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1237-3050

***Обсуждение и заключение.** Поскольку присутствие Китая продолжает расширяться, его действия, вероятно, будут определять будущее международных отношений в регионе. Тем не менее сейчас роль Китая в принятии важных решений в Антарктике не настолько значительна, как роль таких государств, как, например, Австралия и Великобритания. Китаю необходимо активно участвовать в диалоге с другими государствами, что позволит избежать напряженности и способствовать устойчивому развитию региона.*

Введение

Антарктика представляет собой уникальный регион в южной полярной области земного шара, обладающий огромным количеством ценных ресурсов и полезных ископаемых. Интерес к этому региону проявляют многие государства земного шара. Уникальная и суровая природная среда и удаленное географическое положение Антарктиды затрудняют самостоятельное проведение научных исследований и изысканий для большинства стран.

Китай начал осуществлять свою исследовательскую деятельность в Антарктике относительно недавно, но уже успел добиться значительных успехов в этой области, несмотря на свою территориальную удаленность от этой местности. Китай в Антарктике преследует различные цели, эффективное достижение которых во многом зависит от международного сотрудничества с другими государствами в рамках системы Договора об Антарктике. В настоящей работе будет рассмотрена роль Китая в развитии международного сотрудничества в Антарктике.

Исследование

Китай ратифицировал Договор об Антарктике в 1983 г., стал одной из Консультативных сторон Договора об Антарктике в 1985 г., присоединился к Протоколу по защите окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадридский протокол 1991 г.) в 1998 г. и Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики в 2007 г. Будучи крупной промышленной державой, Китай имеет растущие интересы в богатой ресурсами Антарктике [11. С. 190].

Вплоть до конца 70-х гг. прошлого века Китай не принимал участия в развитии международного сотрудничества в Антарктике. Только в 1979 г., после установления дипломатических отношений с Соединенными Штатами и принятия политики открытых дверей, Китай начал свой путь к интеграции в международную систему, основанную мировым сообществом государств после Второй мировой войны, включая систему Договора об Антарктике (далее – СДА).

В 2017 году в Китае был выпущен отчет о его деятельности в Антарктике под названием «Белая книга политики Китая в Антарктике». В этом документе рассматривается история проведения китайских исследований в регионе (первая экспедиционная группа отправилась в Антарктику в 1984 г.). В отчете также выражена позиция государства насчет Антарктики: «Китай будет неуклонно следовать по пути мирного использования Антарктики, решительно защищать стабильность системы Договора об Антарктике, увеличивать инвестиции в антарктические проекты и расширять свои возможности участвовать в глобальном управлении Антарктикой¹.

За последние четыре десятилетия активность Китая в Антарктике постоянно возрастала [7. С. 7]. Это естественное отражение быстрого экономического развития Китая, превратившегося из наименее развитой страны во вторую по величине экономику мира.

Например, у Китая уже есть четыре антарктические станции - Грейт Уолл (круглогодичная станция, 1985 г., на острове Кинг Джордж), Чжуншань (круглогодичная станция, 1989 г., на холме Ларсеманн), Куньлунь (летний лагерь с возможностью преобразования в круглогодичную станцию

¹ National People's Congress of P. R. China. 2018. *Legislation Planning of the 13th Standing Committee of the National People's Congress*. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2018-09/10/content_2061041.htm (accessed date 24.09.2024).

в будущем, 2009 г., на куполе А, недалеко от центра Восточной Антарктиды) и Тайшань (летний лагерь, 2014 г., на Земле Принцессы Елизаветы).

Более того, в 2023 г. появились новости об ускорении строительства пятой станции на острове Невыразимый (Inexpressible Island). По данным Центра стратегических и международных исследований, строительство достигло пика интенсивности за последние пять лет. На Западе выражают обеспокоенность этими действиями со стороны Китая и высказывают подозрения, что станцию планируют использовать не для научной коммуникации, а для иных целей.

Строительство 5-й китайской антарктической станции являлось частью более масштабного плана - так называемого проекта «Сюэ Лонг Тань Цзи» («Исследование полярных регионов снежным драконом»), предусмотренного 13-м пятилетним планом экономического и социального развития Китая.

В рамках проекта «Сюэ Лонг Тань Цзи» правительство Китая осуществляет значительные инвестиции в полярную науку и технику, включая такие меры, как строительство новых станций, развертывание новых и современных ледоколов, улучшение потенциала антарктической авиации, первоначальное создание платформы наблюдения «земля-море-воздух», разработка зондирующего оборудования, подходящего для антарктической среды, создание платформ для получения информации об окружающей среде и потенциале ресурсов Антарктики и оперативных прикладных услуг.

Помимо научной деятельности, Китай стал новым членом Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ) в 2007 г. и официально начал промысел криля в антарктических водах в 2009 г. На текущий момент КНР занимает второе место по вылову криля в Антарктике после Норвегии. В период с 2010 по 2020 гг. на долю Китая приходилось 15,5 процентов от общего объема вылова криля, в то время как на долю Норвегии - 60,9 процентов².

По сообщениям, КНР строит самое большое в мире судно для промысла криля. Поскольку существует общий лимит, увеличение улова КНР не обязательно приведет к истощению промысла, но может привести к уменьшению количества криля для Норвегии и других стран, если лимит будет достигнут.

КНР также занимается развитием туризма в антарктическом регионе. В настоящее время Китай занимает второе место в мире по количеству антарктических туристов после США³. Учитывая цифры, можно сказать, что рост Китая в антарктическом туризме является экспоненциальным. Однако следует отметить, что ни один из антарктических туроператоров/чартеров пока не является китайским.

Развитие туризма в регионе имеет стратегически важное значение. Во-первых, это прибыльно для государства. Во-вторых, развивая туризм в Антарктике, КНР привлекает внимание своих граждан к этому региону, тем самым укрепляя свои позиции в качестве «приарктического государства» на международной арене и внутри страны [2. С. 185].

Наиболее важным аспектом является то, что Китай, как великая держава, естественным образом требует большего пространства в рамках международного права [3. С. 757]. Международное право тесно связано с политическим контекстом, в котором оно действует [13. С. 10]. В этой связи исследователь Берк-Уайт отмечает, что «быстрое и глубокое перераспределение власти в международной системе будет означать, что поднимающиеся державы смогут использовать свою власть для продвижения своих интересов в рамках межнациональной правовой системы».

Справедливости ради следует отметить, что до сих пор Китай действовал в соответствии с СДА. В период с 1985 по 2018 гг. Китай представил в общей сложности 103 документа на Консультативные совещания по Договору об Антарктике (КСДА) / совещания Комитета по охране окружающей среды в рамках Протокола 1991 г. (КЭП). В течение

² CCAMLR Secretariat. *Fishery Report 2020: Euphausia superba in Area 48*. 2021. URL: https://fishdocs.ccamlr.org/FishRep_48_KRI_2020.pdf (accessed date: 24.09.2024).

³ International Association of Antarctica Tour Operators. 2023. *IAATO Overview of Antarctic Tourism: The 2022-23 Season, and Preliminary Estimates for 2023-24*. Submitted 9 May 2023 to XLV Antarctic Treaty Consultative Meeting, Helsinki, Finland 2023.

двух десятилетий (1985-2005 гг.) Китай просто следил за работой КСДА, и почти все представленные документы — это отчеты о деятельности Китая в Антарктике.

Только после XXVIII КСДА / КЭП VIII (2005) в Стокгольме (Швеция) Китай вместе с Австралией и Россией впервые предложил создать Антарктический особо управляемый район (ОУР) для холмов Ларсеманна в Восточной Антарктиде. Это можно рассматривать как первую попытку Китая повлиять на режим управления Антарктикой.

С 2005 г. Китай стал относительно более активным на ежегодных встречах КСДА/КЭП. Тем не менее по сравнению с Австралией, которая в период с 2005 по 2018 гг. представила в общей сложности 277 документов по различным вопросам на заседаниях КСДА/КЭП, влияние Китая (66 представлений) в рамках СДА является минимальным.

Если говорить об усилении Китая в Антарктике с точки зрения управления, то в последние годы можно выделить два наиболее значимых вопроса. Первый — это создание морских охраняемых зон (далее-МОЗ) в Южном океане. Этот вопрос был поднят в 2012 г., когда США и Новая Зеландия выступили с совместным предложением о создании МОЗ в регионе моря Росса, а Австралия, Франция и ЕС внесли еще одно предложение о создании сети МОЗ в Восточной Антарктиде в рамках АНТКОМ. Китай весьма скептически относится к предложениям по созданию МОЗ в Южном океане [11. С. 190].

Несмотря на то, что в 2015 г. Китай поддержал создание МОЗ в регионе моря Росса, он продолжает высказывать свои опасения по поводу других предложений по созданию МОЗ [10. С. 864]. Кроме того, даже если 35-летняя МОЗ в регионе моря Росса была создана в 2017 г., Китай считает, что требуется отдельный план исследований и мониторинга (ПИМ), который должен быть утвержден АНТКОМ, и провел серьезные дебаты с Соединенными Штатами, в частности во время ежегодной встречи АНТКОМ в 2017 г.

Второй вопрос — это предложение Китая о создании нового особо управляемого района Антарктики (ОУР) на китайской антарктической станции Кунылунь, Купол А, основанное на статье 4 Приложения V

к Мадридскому протоколу 1991 г. Впервые это предложение было представлено китайской делегацией в 2013 г. во время заседания КСДА XXXVI / КЭП XVI в Брюсселе (Бельгия).

Китайская арктическая и антарктическая администрация (CHINARE) заявила, что необходимо обеспечить передовое планирование и управление районом Купола А для лучшей защиты его научных и экологических ценностей, чтобы станция Кунылунь играла ключевую роль в поддержке научной деятельности в качестве важной платформы международного сотрудничества».

Обсуждения между Китаем и другими консультативными сторонами Договора об Антарктике, особенно США, Австралией, Великобританией, Францией, Аргентиной, Норвегией, Новой Зеландией и Германией, продолжались в течение многих лет. В межсессионный период 2013/2014 и 2015/2016 гг. было проведено четыре раунда неофициальных обсуждений. Однако предложение по станции Кунылунь не было принято из-за отсутствия консенсуса.

Начиная с 2017 г., Китай отказывается от предложения по ОУР и выражает намерение разработать Кодекс поведения в качестве первого возможного варианта управления Куполом А. Предложение Китая для Купола А вызвало дебаты на 40-й КСДА в Пекине.

Вышеупомянутые два вопроса относятся к одной общей теме — «баланс между защитой и использованием Антарктики». Во время своего визита в Хобарт (Австралия) в 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что «понимание, защита и использование» должны стать руководящими принципами деятельности Китая в Заполярье⁴.

Возникает вопрос: «Есть ли у Китая своя собственная антарктическая политика?». Судя по всему, вместо того, чтобы иметь тайную стратегию действий, Китай все еще формирует свою общую антарктическую политику.

Во-первых, для Китая нет срочности в разработке и публикации официального документа по антарктической политике. Некоторые ученые считают, что СДА сейчас «находится под существенным давлением»

⁴ China Ministry of Foreign Affairs. 2014. *Xin Jinping Visits Chinese and Australian Antarctic Scientific Researchers and Inspects Chinese Research Vessel 'Snow Dragon'*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpzxcxesgjtldrdjcfhdadlyxxlfjxgswfbtptyjddldrhw/t1212943.shtml. (accessed date 18.11.2023).

[5. С. 158]. Растут опасения, что «существующая система может оказаться неспособной реагировать на новые нагрузки, например, на то, что происходит, когда страны нарушают правила договора».

Тем не менее в отличие от Арктики, где государства создают новые юридически обязывающие инструменты, например, Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, чтобы регулировать активизацию человеческой деятельности в связи с изменением климата, СДА до сих пор была успешной и устойчивой системой в решении проблем [8. С. 23].

Китай является членом СДА и до сих пор действовал в соответствии с этой уникальной договорной системой. Более того, Китай планирует принять Закон об Антарктике для выполнения обязательств Китая по СДА и регулирования китайской антарктической деятельности.⁵ Используя свою растущую мощь, Китай оставляет за собой право иметь больше голосов в СДА.

Во-вторых, Китай как растущую державу теперь можно назвать «гибридным государством» в управлении Мировым океаном. Во многих аспектах Китай все еще является развивающейся страной, на чем Китай настаивает на международной арене, например, на переговорах по изменению климата.

Во время переговоров в рамках Третьей конференции ООН по морскому праву (UNCLOS III, 1976-1982) Китай полностью придерживался позиции развивающихся стран. Однако за прошедшие с этого момента десятилетия Китай превратился в крупную промышленную державу. Эта ситуация иногда ставит Китай в неловкое положение, когда необходимо определить свою позицию по таким вопросам, как следует ли продолжать поддерживать концепцию «общее наследие человечества», закрепленную в ч. XI Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву и как лучше развивать режим распределения выгод от разработки глубоководных участков морского дна [12. С. 700].

К настоящему моменту Китай превратился в быстроразвивающуюся индустриальную державу. В этой связи были вложены значительные экономические средства в развитие как национальных исследований

в области полярных наук, так и современных технологии по глубоководным и геодезическим работам. Поскольку Договор об Антарктике в своих положениях «замораживает» территориальные притязания, то в международно-правовой доктрине также присутствует мнение о том, что Антарктика должна относиться к «общему наследию человечества» [6. С. 3].

Китаю действительно потребуется время, чтобы решить, какой будет наилучшая стратегия мирного использования ресурсов Антарктики в ближайшие годы. Китай, безусловно, заинтересован в Антарктике, он наращивает свой научный потенциал в этом регионе. Однако КНР не имеет такого влияния на управление Антарктикой, как другие страны, такие как, например Австралия или Великобритания. Это признают ученые как в КНР, так и за ее пределами [16].

Вместе с тем риск для Пекина заключается в том, что если другие антарктические стороны продолжают рассматривать КНР как деструктивную силу, то они могут искать договоренности вне системы, чтобы обойти её требования консенсуса. Подобное уже происходило в практике международного общения. Например, в случае с Всемирной торговой организацией (ВТО), США настаивали на том, что КНР использует пути обхода правил честной международной торговли, что привело к тому, что США стали менее охотно участвовать в многостороннем сотрудничестве в этой сфере.

Действительно тот факт, что КНР уделяет больше внимания возможностям управления и использования ресурсов Антарктики, чем проблеме охраны и сохранению природных богатств материка, вызывает опасения у заинтересованных сторон, что Китай реально нацеливается на недропользование и добычу полезных ископаемых в Антарктиде. Особенно эти опасения выглядят реалистично в перспективе 2048 г., когда Мадридский протокол 1991 г., запрещающий добычу полезных ископаемых, может быть пересмотрен.

Если предложить, что КНР может в одностороннем порядке начать добычу полезных ископаемых, даже несмотря на действие Мадридского протокола 1991 г., то репутационные издержки такого шага будут весьма

⁵ National People's Congress of P. R. China. 2018. *Legislation Planning of the 13th Standing Committee of the National People's Congress*. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2018-09/10/content_2061041.htm (accessed date 24.09.2024).

значительными для этого государства. В этой ситуации вероятные экономические преимущества вряд ли оправдают эти затраты. Следует также учитывать, что по многим экспертным оценкам спрос на сгораемое топливо в мире, в т.ч. и Китае, будет неуклонно снижаться после 1930 г. Кроме того, КНР, по-видимому, больше интересуется экономической целесообразность традиционной добычи полезных ископаемых в глубоководных морских районах Тихого и Индийского океанов [4. С. 53].

Существуют также опасения по поводу КНР в том, что Народная Республика не будет придерживаться положений Парижского соглашения 2015 г., закрепившего обязанности сторон сохранять экологическое равновесие в Антарктике. По мнению специалистов, ценнейшим ресурсом Антарктики является именно пресная вода. Китаю же, как государству с растущим населением, необходимо обеспечивать граждан пресной водой [1. С. 188].

В то время как такие страны, как Австралия, обеспокоены намерениями и деятельностью КНР в Антарктике, КНР также обеспокоена намерениями и деятельностью других стран в Антарктике.

Многие ученые КНР выражают обеспокоенность тем, что страны-претенденты добиваются расширения суверенных прав в Антарктике. С их точки зрения, именно такая деятельность представляет собой «существенный вызов» для системы Договора об Антарктике [17].

В качестве примера часто приводятся претензии стран-претендентов на территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф в антарктических водах. Эти претензии рассматриваются некоторыми учеными КНР как чрезмерные и как попытки изменить статус-кво по территориальным вопросам в Антарктике. Несколько стран, не являющихся претендентами, такие как Япония, Нидерланды и Индия, также выразили свою обеспокоенность. Другой пример – усилия Аргентины и Чили по стимулированию рождаемости в Антарктиде для подкрепления своих претензий.

Преподаватель Уханьского университета Лю Хэ считает, международное сотрудничество в Антарктике имеет важное значение для Китая. По его мнению, путь совершенствования этого сотрудничества должен быть сосредоточен на следующих аспектах: во-первых, КНР следует укреплять взаимопонимание и доверие с государствами,

участвующими в управлении Антарктикой. основополагающим направлением нынешней и будущей внешнеполитической стратегии Китая является путь мирного развития. В этом процессе необходимо постепенно создавать “точки соприкосновения интересов” и “общность интересов” со всеми соответствующими странами и регионами. Во-вторых, Китаю необходимо придавать большое значение созданию и внедрению азиатского механизма сотрудничества в области Антарктики. Наконец, приоритет должен отдаваться совместным проектам по участию в антарктических научных экспедициях и исследованиях [14].

Проведенное исследование роли Китая в Антарктике подчеркивает множество аспектов, затрагивающих как его международно-правовую позицию, так и экономические интересы. Китай стремится занять более доминирующее положение в этом стратегически важном регионе, что провоцирует как внутренние, так и внешние проблемы.

Во-первых, активное строительство станций и потенциальная возможность недропользования в Антарктике демонстрируют возрастающий интерес Китая к региону. Однако некоторые государства обеспокоены намерениями КНР, полагая, что Китай стремится исключительно расширить влияние и контроль над природными ресурсами Антарктики. В западных научных и политических кругах превалирует, хотя и не всегда обоснованно, точка зрения о том, что китайские исследовательские станции в Антарктике могут использоваться не только в научных целях, но и недружественных целях.

Во-вторых, участие Китая в международных соглашениях, например, в системе Договора об Антарктике, демонстрирует его заинтересованность в сотрудничестве. Несмотря на это, влияние государства на принятие решений остается ограниченным, поскольку многие государства рассматривают Китай скорее как деструктивную силу, а не партнера.

В-третьих, необходимо обратить внимание на вопрос управления ресурсами. Китай проявляет скептицизм в отношении создания морских охраняемых зон, что потенциально может привести к конфликтным ситуациям с государствами, стремящимся создать такой режим, отвечающий целям охраны природы и устойчивого развития экономической деятельности. Китаю и другим антарктическим государствам необходимо искать компромиссы для обеспечения надлежащего управления ресурсами Антарктики.

В-четвертых, отсутствие у Китая четкой антарктической политики может создавать для него угрозы в будущем. В условиях растущей конкуренции за влияние в регионе КНР необходимо разработать политику и позицию, отвечающую ее интересам с учетом обязательств государства перед международным сообществом.

Заключение

Таким образом, позиции Китая отличаются от позиций западных стран по многим параметрам. За последние четыре десятилетия КНР добилась значительного прогресса, превратившись из бедной развивающейся страны во вторую по величине экономику мира. Антарктические интересы Китая характеризуются приверженностью научным

исследованиям, охране окружающей среды, международному сотрудничеству и соблюдению международного права. Важно, чтобы Китай продолжал соблюдать принципы международного права и участвовать в диалоге с другими государствами в целях избежания напряженности в отношениях и в целях укрепления своих позиций. По мере расширения присутствия и деятельности Китая в Антарктике его роль в формировании системы управления Антарктикой и охраны окружающей среды, вероятно, будет становиться все более значительной. На наш взгляд, эти позиции дружественного Российской Федерации государства необходимо принимать к учёту при формировании международно-правовой стратегии Российской Федерации в рассматриваемом регионе.

Литература:

1. Балакин В.И. Продвижение Китая в Антарктиду в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 184-197.
2. Криворотов А.К. Полярная политика Китая: набирая обороты, обретая рамки, умножая векторы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 183-199.
3. Cai C. New Great Powers and International Law in the 21st Century // European Journal of International Law. Vol. 24 Issue 3. 2013. P. 755-795.
4. Chen J., Liu N. China and the Madrid Protocol, past, present and future // Antarctic Affairs. 2021. Vol. 8.
5. Chown, S.L., et al. Challenges to the Future Conservation of the Antarctic // Science. Vol. 337. 2012. P. 158-159.
6. Forster, M.J. The Question of Antarctica // Environmental Policy and Law. Vol. 14. Issue 1. 1985.
7. Harrington, J. China in Antarctica: A History // Southeast Review of Asian Studies. Vol. 37. P. 1-19.
8. Haward M. Contemporary Challenges to the Antarctic Treaty and Antarctic Treaty System: Australian Interests. Interplay and the Evolution of a Regime Complex // Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs. Vol. 9. Issue 1. 2017. P. 21-24.
9. International Association of Antarctica Tour Operators. IAATO Overview of Antarctic Tourism: The 2022-23 Season, and Preliminary Estimates for 2023-24. Submitted 9 May 2023 to XLV Antarctic Treaty Consultative Meeting, Helsinki, Finland 2023.
10. Liu N. The European Union and the Establishment of Marine Protected Areas in Antarctica. // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. Vol. 18. Issue 6. 2018. P. 861-874.
11. Liu N., Brooks C. China's Changing Positions Towards Marine Protected Areas in the Southern Ocean: Implications for Future Antarctic Governance // Marine Policy. Vol. 94. 2018. P. 189-195.
12. Liu N., Kim R. China's New Law on Exploration and Exploitation of Resources in the International Seabed Area of 2016 // International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 31. Issue 4. 2016. P. 691-705.
13. Scott S.V. International Law in World Politics: An Introduction. 3rd ed. Boulder. 2017.
14. 何柳：中国参与南极治理的国际合作战略研究，《武大国际法评论》2016年第2期。(Хэ Лю. Исследование стратегии международного сотрудничества Китая в управлении Антарктикой // Обзор международного права Уханьского университета. 2016. № 2.) URL: <https://colp.sjtu.edu.cn>.
15. 国家海洋局发布《中国的南极事业》。(Государственное управление океанических исследований. «Антарктические мероприятия Китая».) URL: <http://www.gov.cn>.
16. 杨华 - 中国参与极地全球治理的法治构建 - 日期:21-01-13 来源:《中国法学》2020年第6期。(Ян Хуа. Участие Китая в построении верховенства закона в полярном глобальном управлении // Китайская юриспруденция. 2020. № 6.) URL: <https://clsjp.chinalaw.org.cn>.

17. 王文,姚乐. 新型全球治理观指引下的中国发展与南极治理——基于实地调研的思考和建议[J]. 中国人民大学学报. (Wang Wen, Yao Le. China's Development and Participation of Antarctica Governance under the Guidance of New Idea of Global Governance - Thinking Based on the Field Study. // Journal of Renmin University of China) 2018. Vol. 32 Issue 3. P. 123-134.

CHINA'S ROLE IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN ANTARCTICA: A LEGAL ANALYSIS OF ITS POSITION AND ACTIONS

Introduction. Antarctica, being a unique and resource-rich region, attracts the attention of many states. China is no exception. Its role in the development of international cooperation in Antarctica has increased significantly since China ratified the Antarctic Treaty in 1983. The article examines the role of China in the development of international cooperation in Antarctica. The goal of the study is to study the role of China in the development of international cooperation in Antarctica, China's relations with other Antarctic states, and the actions taken by China on the territory of Antarctica.

Materials and methods. The research methodology consists of the study and analysis of texts of international treaties, scientific publications, and statistical data. In the course of writing the work, a set of general scientific, formal-logical methods (including methods of cognition, description, analysis, induction, deduction, comparison, analogy, systematization, modeling) and special methods (formal-legal, historical, comparative-legal, structural-legal methods; content analysis method, etc.) were used.

Results of the study. As a result of the conducted research, it was revealed that China is actively engaged in strengthening its position in the region, building new stations, and mining resources. How-

ever, some of China's actions are of concern to other states, as China is seen as a potential threat. Moreover, China's lack of a clear Antarctic policy may provoke conflicts with other states. The results of the study can be useful for governments, international organizations and research institutes dealing with international law issues.

Discussion and Conclusion. As China's presence continues to expand, its actions are likely to shape the future of international relations in the region. However, now China's role in making important decisions in Antarctica is not as significant as the role of such states as, for example, Australia and the United Kingdom. China needs to actively engage in dialogue with other states, which will avoid tension and contribute to the sustainable development of the region.

Dmitry K. Labin,
Doctor of Law, Professor of the Department
of International Law, MGIMO University,
Moscow, Russia

Chen Qimeng,
Applicant, the Department of International
Law, MGIMO University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

Китай, Антарктика, международное сотрудничество, Договор об Антарктике, Белая книга политики Китая в Антарктике, АНТКОМ, морские охраняемые зоны, особо управляемые районы.

Keywords:

China, Antarctica, international cooperation, Antarctic Treaty, China's Antarctic Policy White Paper, CCAMLR, marine protected areas, specially managed areas.

References:

1. Balakin V.I., 2020. Prodvizhenie Kitaja v Antarktidu v XXI veke [China's advance into Antarctica in the 21st century] - Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. *Istorija i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity]. № 25. P. 184-197.
2. Krivorotov A.K., 2018. Poljarnaja politika Kitaja: nabiraja oboroty, obretaja ramki, umnozhaja vektory [China's polar policy: gaining momentum, gaining scope, multiplying vectors] - Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. *Istorija i sovremennost'*. [China in world and regional politics. History and modernity]. № 23. P. 183-199.
3. Cai C., 2013. New Great Powers and International Law in the 21st Century. *European Journal of International Law*. Vol. 24 Issue 3. P. 755-795.

4. Chen J., Liu N., 2021. China and the Madrid Protocol, past, present and future. *Antarctic Affairs*. Vol. 8.
5. Chown, S.L., et al., 2012. Challenges to the Future Conservation of the Antarctic. *Science*. Vol. 337. P. 158-159.
6. Forster, M.J., 1985. The Question of Antarctica. *Environmental Policy and Law*. Vol. 14 Issue 1.
7. Harrington, J., 2015. China in Antarctica: A History. *Southeast Review of Asian Studies*. Vol. 37. P. 1–19.
8. Haward M., 2017. Contemporary Challenges to the Antarctic Treaty and Antarctic Treaty System: Australian Interests. Interplay and the Evolution of a Regime Complex. *Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs*. Vol. 9. Issue 1.
9. International Association of Antarctica Tour Operators. 2023. IAATO Overview of Antarctic Tourism: The 2022-23 Season, and Preliminary Estimates for 2023-24. Submitted 9 May 2023 to XLV Antarctic Treaty Consultative Meeting, Helsinki, Finland 2023.
10. Liu N., 2018. The European Union and the Establishment of Marine Protected Areas in Antarctica. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. Vol. 18. Issue 6. P. 861-874.
11. Liu N., Brooks C., 2018. China's Changing Positions Towards Marine Protected Areas in the Southern Ocean: Implications for Future Antarctic Governance. *Marine Policy*. Vol. 94. P. 189-195.
12. Liu N., Kim R., 2016. China's New Law on Exploration and Exploitation of Resources in the International Seabed Area of 2016. *International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 31. Issue 4. P. 691-705.
13. Scott S.V., 2017. International Law in World Politics: An Introduction. 3rd ed. Boulder.
14. 何柳：中国参与南极治理的国际合作战略研究，《武大国际法评论》2016年第2期。(He Liu, 2016. Research on China's International Cooperation Strategy for Participating in Antarctic Governance. *Wuda International Law Review*. Vol. 2.) URL: <https://colp.sjtu.edu.cn>.
15. 国家海洋局发布《中国的南极事业》。(The State Oceanic Administration. "China's Antarctic Activities"). URL: <http://www.gov.cn>.
16. 杨华 - 中国参与极地全球治理的法治构建 - 日期:21-01-13 来源:《中国法学》2020年第6期。(Yang Hua, 2020. China's participation in the construction of the rule of law in polar Global Governance. *Chinese Law*. Vol. 6.) URL: <https://clsjp.chinalaw.org.cn>.
17. 王文,姚乐. 新型全球治理观指引下的中国发展与南极治理——基于实地调研的思考和建议[J]. 中国人民大学学报.(Wang Wen, Yao Le, 2018. China's Development and Participation of Antarctica Governance under the Guidance of New Idea of Global Governance - Thinking Based on the Field Study. *Journal of Renmin University of China*. Vol. 32. Issue 3. P. 123-134).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ТРУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Анаит Смбатян*
Наталья Ищенко**

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-58-70

Введение. Обеспечение права на миграцию и создание достойных условий труда для трудящихся-мигрантов – залог повышения уровня благосостояния граждан государств-членов ЕАЭС. При этом следует учитывать, что лишь законодательное оформление единого рынка труда без упрощения технической стороны его функционирования не сможет коренным образом повлиять на рост благосостояния населения. Кроме того, сближение мер регулирования социально-экономического положения трудящихся-мигрантов на пространстве ЕАЭС не может рассматриваться в качестве самоцели любой ценой обеспечить единый, унифицированный режим, но должно учитывать российские национальные интересы. В условиях нарастания внешних рисков, связанных, в том числе, с санкционным давлением, на пространстве ЕАЭС более эффективна и, главное, реализуема будет политика «малых шагов», которые глубоко не вторгаются в зону национального суверенитета. В статье рассматриваются такие вопросы, как правовые основы создания общего рынка труда ЕАЭС, дается анализ национального законодательства государств-членов ЕАЭС по таким вопросам, как правовое регулирование допуска трудящихся на рынки государств-членов ЕАЭС, включая доступ к услугам в сфере образования, медицинского и пенсионного обеспечения.

Материалы и методы. В основе исследования лежат общенаучные методы познания. В числе используемых авторами частнонаучных методов следует выделить методы правового моделирования, сравнительного анализа и ряд других.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа правового регулирования трудовой миграции на интеграционном и на национальном уровнях авторы формулируют некоторые выводы касательно интеграционного

* **Смбатян Анаит Сергеевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: anait_smbatyan@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6672-8681

Ищенко Наталья Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: ischenko.natalia@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-8621-8651

сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в указанных сферах. В статье отмечаются как достижения евразийской интеграции по вопросам социального обеспечения трудящихся, так и проблемы формирования единого рынка труда ЕАЭС. В то же время, несмотря на существующую разницу в уровнях и видах услуг, предоставляемых мигрантам в сфере доступа на рынки труда, медицины, образования и пенсионного обеспечения, национальные правовые акты всех государств-членов соответствуют положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, наделяющим трудящихся соответствующими правами.

Обсуждение и заключение. *Несмотря на существующую разницу в уровнях и видах услуг, предоставляемых мигрантам в сфере доступа на рынки труда, медицины, образования и пенсионного обеспечения, национальные правовые акты всех государств-членов соответствуют положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, наделяющим трудящихся соответствующими правами. В завершающем разделе даны предложения по укреплению и совершенствованию общего рынка труда ЕАЭС.*

Введение

Миграционная политика России нацелена на решение следующих серьезных задач. Во-первых, несоответствие площади государства численности населения. По средней плотности Россия опережает лишь часть стран, находящихся в пустынных районах Африки [2. С. 95]. Во-вторых, неравномерное размещение населения, а именно, низкая плотность населения на стратегически значимых территориях Сибири и Дальнего Востока [1. С. 5]. В-третьих, неконтролируемая внутренняя миграция не возмещает естественную убыль населения. Данные переписи населения указывают, что 97% населения России проживают в месте рождения и не перемещается внутри государства [14. С. 171]. Можно предположить, что причины этого явления кроются в затратах на перемещение, ограниченности рынка арендуемого жилья, недостаточной развитости транспортной сети, высокой стоимости жилья, низких доходах населения [6. С. 113]. В-четвертых, статистика структуры населения по возрастным показателям показывает, что члены ЕАЭС разделяются на две подгруппы, характеризующиеся преобладанием молодого населения над пожилым (Киргизия, Казахстан) и наоборот (Россия и Беларусь) [11. С. 64]. Логично, что в миграционном и демографическом вопросах

действия Кыргызстана и Казахстана должны сосредоточиться на выработке унифицированной стратегии молодежной и миграционной политик. В то время как скоординированные действия Республики Беларусь и Российской Федерации должны сфокусироваться на проблемах старения населения, обеспечения пожилых граждан пенсионными накоплениями, стимулирования роста рождаемости и поощрения развития институтов семьи и материнства, а также вопросах качества въезжающей на территории стран миграционной рабочей силы [11. С.66]. В-пятых, имеет место неравномерный прирост трудящихся мигрантов в странах ЕАЭС, а именно: колеблющийся, но последовательный миграционный прирост в Российской Федерации; волнообразный миграционной отток населения в Республике Казахстан; тренд на нивелирование отрицательных миграционных тенденций в Республике Киргизия; отчетливо наметившуюся тенденцию на прирост населения в Республике Армения [11. С. 67]. В-шестых, России, к сожалению, не удалось обеспечить формирование таких инструментов, которые структурировали бы приток трудовых мигрантов в соответствии со структурой спроса на рабочую силу в профессионально-квалификационном разрезе¹. И, наконец, представляется очевидным, что роль международной миграции как фактора развития заметно

¹ Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. Центр стратегических разработок. Российский совет по международным делам. Сентябрь 2017. С. 9. URL: Migration-Strategy-RU-web-1.pdf (csr.ru) (дата обращения – 14.12.2024).

повышается. Это, в частности, выражается в конкурентной борьбе за человеческий капитал – прежде всего высококвалифицированную рабочую силу [10. С. 94]. Чтобы не проиграть в этом соревновании, России нужна современная иммиграционная политика, в том числе реализуемая на пространстве ЕАЭС. Это особенно важно в свете того обстоятельства, что в результате ускорения роста экономики в 2023–2024 гг., на фоне вызванного демографическими волнами сокращения численности населения трудоспособного возраста, в РФ сформировался нетипичный для рыночной экономики системный дефицит кадров [5. С. 51]. Как справедливо отмечает А.Ю. Ястребова, международно-правовое регулирование процесса экономических передвижений приобретает основу взаимовыгодного сотрудничества стран, принадлежащих к одному и тому же региону. В данном процессе задействованы одновременно и направляющие, и принимающие мигрантов государства [15. С. 176]. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что низкоквалифицированный труд мигрантов также остается весьма востребованным в мире. По данным Международной организации труда, сфера услуг и домашнего ухода остаются одной из значимых в процессах трудовой миграции. В этой связи мы разделяем высказанные в отечественной науке опасения о том, что в долгосрочной перспективе России придется конкурировать даже за низкоквалифицированную рабочую силу [4. С. 20].

Исследование

Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что факторы здоровья во многом определяются социально-экономическим статусом человека. Существуют данные, которые доказывают, например, что уровень образования является наиболее точным фактором для прогноза риска сердечно-сосудистых заболеваний. Кроме того, повышение качества образования приводит к улучшению качества человеческого капитала, повышению производительности труда, увеличению дохода на протяжении жизни, а также улучшению социализации следующего поколения [8. С. 41]. Следует также учитывать, что, например, медико-санитарные потребности трудовых

мигрантов могут отличаться от потребностей населения принимающей страны. Сказанное в равной степени относится к потребностям в области образования, включая профессиональную подготовку и переподготовку трудовых мигрантов. При переезде мигранты нередко теряют имеющийся у них в стране выездной социальный капитал, помогавший им чувствовать себя полноправными членами общества. В стране назначения они должны выстраивать свои социальные связи и зарабатывать социальный капитал заново, притом, что на это у них имеются весьма ограниченные временные, да и все остальные ресурсы. Следовательно, для стимулирования добровольной миграции с последующей максимально эффективной интеграцией трудящихся-мигрантов в экономику Российской Федерации требуется, как это оговорено в статье 43 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей², недискриминационный доступ к таким услугам, как профессиональная ориентация, профессиональная подготовка и переподготовка, трудоустройство. В современных условиях прием трудящихся-мигрантов, как правило, связан с правовым регулированием, выходящим за рамки универсальных международных договоров.

Мировая практика свидетельствует о том, что в области трудовой миграции на современном этапе является тенденция гуманизации международно-правового регулирования, что выражается в изменении акцентов международно-правового регулирования с аспектов безопасности на аспекты развития и защиты прав трудящихся-мигрантов. В этом контексте внимание к правовому регулированию статуса трудящихся-мигрантов и членов их семей является важным направлением государственной политики не только государств, но и региональных интеграционных объединений [3. С. 241]. В то же время, эта тенденция не является повсеместной. Например, в АСЕАН основные приоритеты международно-правового регулирования труда расставлены не в пользу трудовых прав, а в пользу экономического развития – на первом месте стоит обеспечение свободного передвижения квалифицированных работников. Таким образом, формирование стратегии и наполнения миграционного законодательства ЕАЭС и его государств-

² Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года.

членов требуют нахождения баланса между гуманитарным и экономическими аспектами, исходя из национальных целей развития. Решение этих задач именно на пространстве ЕАЭС вполне реалистично, поскольку есть довольно длительный исторический опыт совместного проживания народов бывших союзных республик в едином государстве – Союзе ССР, наличие языка межнационального общения, культурных родственных связей [12. С. 44]. Все это, безусловно, создает благоприятные условия для формирования общего рынка труда в ЕАЭС.

Правовое регулирование допуска трудящихся на рынки государств-членов ЕАЭС

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что положения Договора о Евразийском экономическом союзе, в частности, раздел XXVI (статьи 96, 97, 98), вывели на качественно новый уровень институционально-правовое регулирование миграционных потоков на евразийском пространстве и значительно расширили права граждан государств-членов при осуществлении трудовой деятельности на территории ЕАЭС [13. С. 300]. Ниже приведем краткий анализ положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС, а также национального законодательства государств-членов по таким вопросам, как правовое регулирование допуска трудящихся на рынки государств-членов ЕАЭС, включая доступ к услугам в сфере медицины, образования и пенсионного обеспечения.

В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе (далее – «Договор о ЕАЭС») трудящимся государства-члена признается лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства-трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает³. Допуск к трудовой деятельности трудящихся государств-членов осуществляется без получения разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. При этом государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их

законодательством, в целях защиты национального рынка труда⁴. Трудовая деятельность трудящегося государства-члена регулируется законодательством государства трудоустройства. Можно констатировать, что несмотря на определенные отличия в правовом регулировании допуска трудящихся-мигрантов из ЕАЭС на внутренние рынки труда, положения национальных законодательств всех государств-членов соответствуют положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, не создают препятствий для трудоустройства граждан государств – членов ЕАЭС и способствуют свободному перемещению рабочей силы в рамках Союза. Во всех государствах – членах ЕАЭС трудящиеся освобождены от обязанности получать разрешение на осуществление трудовой деятельности, в их отношении не применяются ограничения, установленные законодательством государств в целях защиты национального рынка труда, срок их пребывания на территории государства трудоустройства определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора. Все дополнительные требования, применяемые в отношении трудящихся-мигрантов по сравнению с гражданами государства трудоустройства, в частности обязанность постановки на миграционный учет или необходимость оформления документов, предоставляющих право на пребывание, связаны исключительно с обеспечением законности пребывания трудящихся на территории иностранного государства-члена ЕАЭС и направлены на обеспечение национальной безопасности и общественного порядка. Абсолютно согласны с мнением М.М. Левиной о том, что важнейшим условием формирования единого рынка труда в ЕАЭС является сохранение разумного баланса взаимных интересов государств-членов ЕАЭС, в том числе с точки зрения обеспечения национальной безопасности и общественного порядка каждой из пяти стран [7. С. 6].

Медицина

Раздел XXVI Договора о Евразийском экономическом союзе «Трудовая миграция» содержит ряд положений, относящихся к правам трудящихся-мигрантов и членов их

³ п. 5 ст. 96 Договора о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.).

⁴ За исключением ограничений, установленных в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка (п. 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС) – *Прим. авторов.*

семей на получение медицинской помощи. Так, в п. 3 ст. 98 Договора говорится о том, что «социальное обеспечение (социальное страхование) (кроме пенсионного) трудящихся государств-членов и членов семей осуществляется на тех же условиях и в том же порядке, что и граждан государства трудоустройства».

В п. 4 Протокола об оказании медицинской помощи трудящимся-мигрантам и членам их семей (далее – Протокол)⁵ содержится положение о том, что государства-члены на своей территории предоставляют трудящимся государств-членов и членам семей права на получение бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) в том же порядке и на тех же условиях, что и гражданам государства трудоустройства. Такая помощь оказывается бесплатно, независимо от наличия медицинского страхового полиса. При этом «в случае необходимости продолжения лечения пациента в медицинской организации (учреждении здравоохранения) государства трудоустройства после устранения непосредственной угрозы его жизни или здоровью окружающих оплата фактической стоимости оказанных услуг осуществляется непосредственно пациентом или из иных источников, не запрещенных законодательством трудоустройства, по тарифам или договорным ценам»⁶.

Таким образом, Договором о ЕАЭС трудящимся государств-членов и членам их семей гарантируется право на получение бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) в том же порядке и на тех же условиях, что и гражданам государства трудоустройства.

Правовое регулирование в сфере медицинского обеспечения трудящихся государств-членов ЕАЭС и членов их семей на национальном уровне соответствует положениям Договора о ЕАЭС и гарантирует право трудящихся и членов их семей на получение бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) в том же порядке и на тех же условиях, что и гражданам государства трудоустройства. Вместе с тем, национальные

законодательства содержат ряд существенных особенностей в правовом регулировании в сфере медицинского обеспечения, касающихся объема доступных медицинских услуг в государствах-членах, что, в свою очередь, влияет на уровень социального обеспечения трудящихся в каждом из государств их трудоустройства в рамках Союза. Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на объем предоставляемых трудящимся и членам их семей медицинских услуг, является наличие или отсутствие в государстве-члене системы обязательного медицинского страхования.

Так, в Республике Армения система ОМС находится в процессе формирования. Ожидается, что к 2027 году страховое покрытие будет распространяться на все группы населения. В настоящее время трудящиеся из государств-членов и члены их семей имеют право на получение скорой медицинской помощи, а получение иных видов медицинских услуг предполагает заключение договора добровольного медицинского страхования или оплату этих услуг за счет личных средств трудящегося. В соответствии со ст. 25 Закона «О медицинской помощи, обслуживании населения» от 4 марта 1996 г. финансирование оказания медицинской помощи осуществляется за счет ассигнований из Государственного бюджета, страховых компенсаций, платежей самих лиц, получающих помощь и обслуживание, и других законных источников.

В Белоруссии система обязательного медицинского страхования также отсутствует. Граждане ЕАЭС могут рассчитывать на бесплатное получение услуг скорой медицинской помощи. Плановая медицинская помощь оказывается на платной основе. В то же время иностранным гражданам, имеющим статус постоянно проживающих на территории Белоруссии (наличие ВНЖ), медицинская помощь оказывается на тех же условиях, что и гражданам Белоруссии, т.е. и скорая, и плановая медицинская помощь оказываются бесплатно. На бесплатное оказание скорой и плановой медицинской помощи могут также рассчитывать временно проживающие в Белоруссии граждане

⁵ Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся-мигрантам и членам их семей (Приложение № 30 к Договору о ЕАЭС).

⁶ п.5 Протокола об оказании медицинской помощи трудящимся-мигрантам и членам их семей (Приложение № 30 к Договору о ЕАЭС).

России при наличии трудового договора. В соответствии со ст. 13 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. источниками финансирования системы здравоохранения в Беларуси являются бюджетные средства, спонсорская помощь и иные законные средства.

В Казахстане с 1 января 2020 года внедрена система обязательного социального медицинского страхования. В пакет ОСМС входит амбулаторно-клиническая помощь (лечение в поликлиниках, диагностика и лабораторные исследования), лечение в стационаре, реабилитация, высокотехнологичные услуги. В рамках ОСМС предоставляется основная часть медицинских услуг по ведению беременности и родов. Бесплатная медицинская помощь для граждан, не застрахованных в системе ОСМС, предоставляется в рамках «гарантированного объема бесплатной медицинской помощи» (ГОБМП), в который включена скорая медицинская помощь, первичная медицинская помощь, специализированная медицинская помощь (в стационарных и в амбулаторных условиях), обеспечение лекарственными средствами. В случае, если гражданин ЕАЭС имеет действующий трудовой договор или гражданско-правовой договор, он имеет право на весь пакет медицинских услуг, предоставляемых в рамках ОСМС.

В Киргизии предусмотрены базовое государственное медицинское страхование и обязательное медицинское страхование. Базовое государственное медицинское страхование осуществляется за счет бюджетных средств и обеспечивает предоставление минимального пакета медицинских услуг. Обязательное медицинское страхование предусматривает предоставление более широкого перечня медицинских услуг и, в свою очередь, состоит из двух программ: базовой и дополнительной программ обязательного медицинского страхования. Базовая программа оплачивается за счет страховых взносов, а в дополнительной программе застрахованные также принимают финансовое участие. Трудящиеся из ЕАЭС и члены их семей являются субъектами базового государственного медицинского страхования и обязательного медицинского страхования. Застрахованными являются и граждане ЕАЭС, находящиеся в Киргизии не в связи с осуществлением трудовой деятельности. Статус «застрахованного» возможно приобрести в случае уплаты взносов на ОМС или самостоятельного приобретения полиса ОМС.

В Российской Федерации граждане государств-членов ЕАЭС являются застрахованными в системе обязательного социального страхования с первого дня работы на основании заключенного трудового договора, в том числе в системе обязательного медицинского страхования. Граждане из государств-членов ЕАЭС, осуществляющие трудовую деятельность на основании трудового договора, не должны получать разрешение на временное проживание или оформлять ВНЖ с целью получения полиса ОМС. Члены семьи застрахованного трудящегося для оформления полиса обязательного медицинского страхования должны иметь разрешение на временное проживание. При этом следует подчеркнуть, что граждане ЕАЭС, осуществляющие трудовую деятельность на основании ГПХ, не являются застрахованными в системе ОМС. Граждане Беларуси имеют право на получение всего объема бесплатной медицинской помощи даже в случае временного пребывания на территории России без целей осуществления трудовой деятельности. Скорая медицинская помощь (в экстренной и неотложной формах) оказывается всем гражданам из государств-членов ЕАЭС бесплатно и вне зависимости от наличия полиса ОМС.

Образование

Договор о Евразийском экономическом союзе закрепил право трудящихся из государств-членов ЕАЭС на признание документов об их образовании. В п. 3 ст. 97 Договора о ЕАЭС говорится о том, что в целях осуществления трудящимися государств-членов трудовой деятельности в государстве трудоустройства признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями (учреждениями образования, организациями в сфере образования) государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании. При этом трудящиеся, претендующие на занятие медицинской и фармацевтической деятельностью, обязаны пройти предусмотренную законодательством трудоустройства процедуру признания документов об образовании. До вступления 12 февраля 2024 года в силу пакета поправок к Договору о ЕАЭС положения Договора предусматривали 4 специальности, документы об образовании, по которым не признавались автоматически: медицинские, фармацевтические, педагогические и юридические специальности. После вступления

в силу поправок юридические и педагогические специальности признаются напрямую без необходимости прохождения процедур признания документов⁷. В настоящее время продолжается работа по взаимному признанию документов об образовании по медицинским и фармацевтическим специальностям в рамках ЕАЭС. Однако в данный момент консенсуса по этому сложному вопросу достичь не удалось. Представляется, что основную сложность составляют разные образовательные программы по указанным специальностям. Решение проблемы видится некоторым специалистам в создании сетевого высшего образовательного учреждения, совместных курсов на уровне Минздравов. В то же время ожидать принятия решения о взаимном признании дипломов по медицинским и фармацевтическим специальностям не стоит раньше, чем в 2028 году.

2 мая 2024 г. вступило в силу Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах Евразийского экономического союза, подписанное 8 июня 2023 г. на заседании Евразийского межправительственного совета⁸. Теперь документы об ученых степенях граждан ЕАЭС признаются автоматически для осуществления трудовой деятельности в одном из государств-членов, за исключением случаев, когда трудящиеся претендуют на установленные в государстве трудоустройства надбавки или льготы за ученую степень⁹. Кроме того, обсуждается проект международного договора в рамках ЕАЭС о взаимном признании документов об ученых званиях.

Договор о ЕАЭС гарантирует право детей трудящихся государств-членов Союза на посещение дошкольных учреждений, получение образования в соответствии с законодательством государства трудоустройства¹⁰.

Несмотря на существующую разницу в уровнях и видах образования, во всех государствах-членах обеспечивается закрепленное Договором о ЕАЭС право на признание

документов об образовании и гарантируется право детей трудящихся из государств-членов ЕАЭС на посещение дошкольных учреждений и получение школьного образования наравне с несовершеннолетними гражданами государства трудоустройства. В то же время есть отличия с точки зрения объема предоставления образовательных услуг в части профессионального и дополнительного образования. Отдельно хотелось бы отметить, что с 1 апреля 2025 года в ст. 78 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» будут внесены изменения, в соответствии с которыми дети иностранных граждан будут приниматься на обучение в школы по основным общеобразовательным программам только при условии успешного прохождения тестирования на знание русского языка, достаточного для освоения программы начального общего, основного общего и среднего общего образования. Соответствующий законопроект был одобрен Госдумой в трех чтениях 11 декабря 2024 года. Более того, законопроект предусматривает необходимость подтверждения законного нахождения на территории Российской Федерации и предоставления соответствующих документов. Данные меры направлены на защиту права граждан России на получение качественного образования.

Пенсионное обеспечение

Пенсионное обеспечение исключается из объема социального обеспечения (социального страхования), на которое имеют право трудящиеся государств-членов и члены их семей в том же порядке, что и граждане государства трудоустройства¹¹. Договором о ЕАЭС закреплено положение, в соответствии с которым пенсионное обеспечение трудящихся и членов их семей регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также отдельным международным договором между государствами-членами¹². 20 декабря 2019 года было

⁷ Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе (Москва, 31 марта 2022 г.)

⁸ URL: В странах ЕАЭС начали взаимно признаваться ученые степени (eaeunion.org) (дата обращения: 18.08.2024).

⁹ Соглашение «О взаимном признании документов об ученых степенях в государствах-членах Евразийского экономического союза» (Сочи, 8 июня 2023 г.)

¹⁰ п. 9 ст. 98 Договора о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.)

¹¹ п. 3 ст. 98 Договора о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.). Соглашение вступило в силу 1 января 2021 г.

¹² Там же.

заключено Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза¹³.

Право трудящихся на пенсию, за исключением накопительной пенсии, а также трудовых (страховых) пенсий по инвалидности и в случае потери кормильца возникает при наличии не менее 12 полных месяцев стажа работы, приобретенного на территории государства-члена, согласно законодательству которого трудящийся (член семьи) претендует на назначение пенсии.

Все государства – члены ЕАЭС имеют пенсионные системы смешанного типа. Во всех странах, кроме Республики Казахстан, основу пенсионной системы составляет пенсионное страхование. В целом можно констатировать, что все еще существующие расхождения в параметрах возраста выхода на пенсию, размерах взносов на финансирование пенсий, продолжительности трудового стажа, уровня средних и минимальных пенсий не отменяют значительного прогресса, достигнутого в части гарантий пенсионных прав трудящихся и членов их семей из государств-членов ЕАЭС. Соглашение «О пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза» гарантирует трудящимся из государств-членов и членам их семьи право на формирование, сохранение и реализацию пенсионных прав на тех же условиях, что и гражданам государства трудоустройства. В этой связи существующие отличия в различных параметрах не влияют на обеспечение равных прав трудящихся с гражданами государства трудоустройства как в части уплаты страховых взносов, так и в части назначения и выплаты пенсии.

Заключение

В результате проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам касательно уровня интеграционного сотрудничества государств-членов ЕАЭС в области трудовой миграции:

1. Во всех государствах-членах ЕАЭС трудящиеся освобождены от обязанности получать разрешение на осуществление трудовой деятельности, в их отношении не применяются ограничения, установленные

законодательством государств в целях защиты национального рынка труда, срок их пребывания на территории государства трудоустройства определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора. Все дополнительные требования, применяемые в отношении трудящихся-мигрантов по сравнению с гражданами государства трудоустройства, в частности, обязанность постановки на миграционный учет или необходимость оформления документов, предоставляющих право на пребывание, связаны исключительно с обеспечением законности пребывания трудящихся на территории иностранного государства-члена ЕАЭС и направлены на обеспечение национальной безопасности и общественного порядка.

2. Правовое регулирование в сфере медицинского обеспечения трудящихся государств-членов ЕАЭС и членов их семей на национальном уровне гарантирует право трудящихся и членов их семей на получение бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) в том же порядке и на тех же условиях, что и гражданам государства трудоустройства. Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на объем предоставляемых трудящимся и членам их семей медицинских услуг, является наличие или отсутствие в государстве-члене системы обязательного медицинского страхования.

3. Важное значение в развитии сотрудничества в сфере образования в ЕАЭС имеет признание документов об образовании по юридическим и педагогическим специальностям без необходимости прохождения процедур признания документов¹⁴. Благодаря вступлению в силу Соглашения о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах Евразийского экономического союза, документы об ученых степенях граждан ЕАЭС признаются автоматически для осуществления трудовой деятельности в одном из государств-членов. Как было отмечено выше, в настоящее время прорабатывается вопрос о заключении международного договора в рамках ЕАЭС о взаимном признании документов об ученых званиях.

¹³ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза (20 декабря 2019 г., Санкт-Петербург)

Несмотря на существующую разницу в уровнях и видах образования, во всех государствах-членах обеспечивается закрепленное Договором о ЕАЭС право на признание документов об образовании и гарантируется право детей трудящихся из государств-членов ЕАЭС на посещение дошкольных учреждений и получение школьного образования наравне с несовершеннолетними гражданами государства трудоустройства.

4. Соглашение «О пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза» гарантирует трудящимся из государств-членов и членам их семьи право на формирование, сохранение и реализацию пенсионных прав на тех же условиях, что и гражданам государства трудоустройства. В этой связи существующие отличия в различных параметрах не влияют на обеспечение равных прав трудящихся с гражданами государства трудоустройства как в части уплаты страховых взносов, так и в части назначения и выплаты пенсии.

Таким образом, как отмечает М.М. Левина, несомненен весомый прогресс за последние несколько лет в развитии права Союза в части создания и развития системы социальной защиты и социального обеспечения трудящихся государств-членов ЕАЭС [7. С. 179]. Вместе с тем нужно учитывать, что медицина, образование и пенсионное обеспечение – это весьма чувствительные сферы для любого государства ЕАЭС. Причем как с точки зрения государственной политики в целом, так и экономической составляющей практической реализации любых предложений в разрезе сближения национального регулирования. Кроме того, регулирование миграции напрямую связано с интересами национальной безопасности и общественного порядка принимающего государства и идет «рука об руку» с реализацией суверенных прав. Этот аспект прямо указан в записке Председателя Генеральной Ассамблеи к проекту Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. В ней, в частности, «подтверждается суверенное право государств определять свою национальную миграционную политику

и регулировать миграцию в пределах своей юрисдикции в соответствии с нормами международного права. В пределах своей суверенной юрисдикции государства могут проводить различие между легальным и нелегальным миграционным статусом, в том числе при определении законодательных и программных мер для осуществления Глобального договора, с учетом различных национальных условий, политики, приоритетов и требований в отношении въезда, проживания и работы в соответствии с нормами международного права»¹⁵. Так, например, в области пенсионного обеспечения сказанное касается таких чувствительных и экономически значимых вопросов, как параметры возраста выхода на пенсию, размеры взносов на финансирование пенсий, продолжительность трудового стажа, уровень средних и минимальных пенсий. Что касается сферы образования, то не секрет, что образование также представляет собой весьма чувствительную область межгосударственного взаимодействия, поскольку несет в себе определенные смыслы, ценности и идеи. В этой связи, сближение регулирования в этой сфере как структурно, так и с точки зрения выработки общих подходов к наполнению образовательных программ с высокой долей вероятности вызовет непримиримые дискуссии среди государств-участников Союза. Учитывая сказанное, гораздо более реалистично идти по пути выработки на уровне ЕАЭС формул нормативного регулирования специально для трудящихся-мигрантов, а не по пути сближения, например, пенсионного возраста в государствах-членах Союза. Это, на наш взгляд, задача нереализуемая. Разработка же точечного регулирования вопросов трудовой миграции позволит обеспечить единый и достаточный уровень социальной защиты этой отдельной категории лиц, не затрагивая горизонтально сферу социально-экономической политики государств-членов ЕАЭС в отношении собственных граждан.

Подводя итог, хотелось бы сформулировать некоторые предложения по дальнейшим шагам в направлении создания общего рынка труда ЕАЭС. В основе

¹⁴ Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе (Москва, 31 марта 2022 г.)

¹⁵ Межправительственная конференция для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции Марракеш, Марокко, 10 и 11 декабря 2018 года. Итоговый документ Конференции. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/244/49/pdf/n1824449.pdf> (дата обращения - 11.09.2024).

подготовленных предложений лежит предпосылка «бережного» отношения к суверенитету государств-членов ЕАЭС в рассматриваемых сферах; осознание объективной необходимости сохранения национальных регуляторных различий; создание стимулов для гармонизации регулирования социально-экономического положения трудящихся-мигрантов при отсутствии юридически обязательных предписаний на уровне ЕАЭС; фокусирование будущих усилий на разработке систем согласования и координации действий государств-членов Союза в контексте создания общего рынка труда ЕАЭС.

Во-первых, анализ мировой практики создания общих рынков региональных интеграционных объединений позволяет заключить, что наравне с классическими, юридически обязательными способами регулирования в ЕАЭС необходимо активнее использовать «мягко-правовые» механизмы гармонизации национального законодательства. Среди них – модельные законы, правило «соблюдай или объясняй», подход «добровольного присоединения» и др. инструменты. Использование таких инструментов должно варьироваться в зависимости от поставленных целей и задач в каждом конкретном случае. Такой подход обеспечит гибкость регулирования, поможет более чутко реагировать на озабоченности государств-членов ЕАЭС по тем или иным вопросам и находить нестандартные, нюансированные решения, особенно в столь чувствительной сфере, как социальное обеспечение. В рамках ЕАЭС это особенно важно с учетом отсутствия у ЕЭК права подавать в Суд ЕАЭС иски к государствам-членам. В этих реалиях жесткие, директивные методы гармонизации законодательства в такой чувствительной сфере, скорее всего, ожидаемых результатов не дадут. Поэтому нужно создать условия, способствующие добровольному выполнению принимаемых правил, а в отдельных случаях полностью отказаться от жестких неадаптивных формул гармонизации национального регулирования.

Во-вторых, видится необходимым создание на уровне ЕАЭС наднациональной структуры по вопросам трудовой миграции, полномочия которой как минимум должны включать координацию национальных органов государств-членов по вопросам социального обеспечения трудящихся-мигрантов и создание единой базы данных предприятий и специальностей, в которых нуждаются рынки государств-членов Союза.

В-третьих, весьма полезным было бы создание при ЕЭК постоянно действующего экспертного совета, состоящего из широкого круга экспертов – антропологов, экономистов, юристов, демографов, социологов. Ведь решение вопросов миграции требует междисциплинарных подходов. Такой консультативный орган мог бы внести большой вклад в подготовку и оценку законодательных инициатив в сфере управления миграцией, результатов их реализации, анализ миграционных тенденций и пр.

В-четвертых, назрела настоятельная необходимость разрабатывать на уровне ЕАЭС прогнозы баланса трудовых ресурсов по различным видам деятельности, учитывая трансформацию демографической ситуации и состава профессионального образования, возможностей привлечения трудящихся-мигрантов в конкретных регионах Российской Федерации и других государствах-членах Союза. Нужно учитывать, что целью создания единого рынка труда на пространстве ЕАЭС должно быть не обеспечение самого по себе бесперебойного передвижения трудовых ресурсов по территории ЕАЭС, а снабжение трудовыми ресурсами тех проектов или отдельных территорий (городов, регионов) и на тот срок, который необходим для достижения определенного результата (экономического показателя), без дополнительных затрат на оформление излишней документации или выполнение обременительных процедур.

В-пятых, объективно существует необходимость введения на пространстве ЕАЭС единого евразийского социального сертификата (единой карты трудового мигранта), обеспечивающего трудящихся-мигрантов гарантированным набором базовых медицинских услуг поликлинической (а не только неотложной и экстренной) помощи и дополнительными социальными правами в государствах найма независимо от того, на территории какого государства-члена ЕАЭС работает соответствующий мигрант. Такая система будет способствовать уверенности трудовых мигрантов в обеспеченности определенного уровня социально-экономических прав, приведет к снижению рисков и устранению факторов уязвимости, с которыми сталкиваются трудовые мигранты на различных этапах миграции. Внедрение единого евразийского социального сертификата (единой карты трудового мигранта) в значительной степени сгладит регуляторные различия государств-членов ЕАЭС в области объема оказываемых трудящимся-

мигрантам медицинских услуг за рамками договоренностей на уровне Союза.

В-шестых, принципиально важным видится создание специализированной платформы по вопросам трудовой миграции на пространстве ЕАЭС. Такая платформа могла бы обеспечивать потенциальных мигрантов, в том числе, информацией о трудовых правах и социальной безопасности, предусматривать возможность оказания экспертной помощи по правовым вопросам, содержать информацию об актуальных вакансиях в государствах-членах ЕАЭС [10. С. 96]. Иными словами, задача платформы – предоставление широкого спектра услуг, связанных с получением документации и социальной адаптацией в понятной и доступной форме.

В-седьмых, предлагаем разработать на уровне ЕАЭС рекомендации о критериях минимального стандарта предоставления трудящимся-мигрантам медицинских услуг, включая регулярную диспансеризацию всех групп трудящихся-мигрантов с учетом возрастных и иных особенностей. Для реализации этого предложения может потребоваться разработка национальных систем стимулирования медицинских организаций для добровольного участия в соответствующих программах оказания медпомощи трудящимся-мигрантам ЕАЭС, выходящей за рамки скорой медицинской помощи.

И, наконец, не следует упускать из виду также значимость заботы о социальной базе интеграции, работу над обновлением и консолидацией элит, их ориентацией на идеи евразийской интеграции, особенно в молодежной среде, где поддержка этой идеи ниже, нежели в старших группах населения государств-членов ЕАЭС. С них начинается понимание, что без социального взаимодействия стран углубление интеграции будет идти более сложно [9. С. 31]. Для того чтобы существование единого рынка труда стало экономически обоснованным, необходимо запускать совместные проекты, привлекательные для трудящихся нескольких государств-членов, инвестировать в человеческий капитал и создавать привлекательные рабочие места для качественно новых трудящихся. Вложившись в эти сферы, государства-члены ЕАЭС создадут задел для своего экономического роста в будущем.

Примечание:

Настоящая публикация подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по теме: «Анализ уровня социального обеспечения трудящихся-мигрантов и членов их семей в государствах-членах ЕАЭС в рамках реализации единого рынка труда: подготовка комплексных предложений по сближению регулирования, оценка его экономического эффекта» (шифр темы: П123-10-24).

Литература:

1. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И. Основные проблемы современной миграционной политики России // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 4-13.
2. Земляков Ю.Д., Щеульникова Л.Ю., Федорова Г.А. Проблемы миграции в России // Вестник Международной академии системных исследований // Информатика, экология, экономика. 2014. Т. 16. № 2. С. 94-97.
3. Зинченко Н.Н. Правовое регулирование трудовой миграции в странах Европейского Союза // Московский журнал международного права. 2004. № 2. С. 233-241.
4. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Возможные сценарии развития миграционных процессов в контексте евразийской интеграции // Международная аналитика. 2019. № 4. С. 18-27.
5. Кашепов А.В. Рынок труда и занятость в России в 2020-2024 гг. // Социально-трудовые исследования. 2024. № 57(4). С. 43-52.
6. Краснова Т.Л., Зайцева Н.Ю. Проблемы миграционной политики России на современном этапе // Академический журнал Западной Сибири. 2015. №4. С. 113-114.
7. Левина М.М. Международно-правовое регулирование трудовой миграции в ЕАЭСМ: дис. ... канд. юрид. Наук. М., 2024.
8. Недоспасова О.П., Шибалков И.П. Социально-экономический статус человека как один из факторов формирования его здоровья // АНИ: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 10-144.
9. Осадчая Г.И. Формирование единого рынка Евразийского Экономического Союза как условие успешности интеграционных процессов в ЕАЭС// Архонт, 2017. № 1. С. 27-31.
10. Рахимов К., Азизова А. Сравнительный анализ единого рынка труда ЕС и ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 94-110.

11. Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 64-78.
12. Топилин А.В. Миграция и общий рынок труда ЕАЭС: вызовы и пути интеграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1. № 1. С. 39-62.
13. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.
14. Чахкиев Г.Г., Мурар В.И. Современные проблемы миграционной политики России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7-1. С. 170-172.
15. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2017.

LEGAL ASPECTS OF FORMATION OF THE COMMON LABOR MARKET OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Introduction. Ensuring the right to migrate and creating decent working conditions for migrant workers is the key to improving the well-being of citizens of the EAEU Member States. Labor migration strengthens integration by creating strong social ties and developing civil society institutions. It should be taken into account that only the legislative regulation of common labor market without simplifying the technical side of its functioning will not be able to fundamentally affect the growth of the well-being of the population. In addition, the convergence of measures to regulate the socio-economic situation of migrant workers in the EAEU space cannot be considered as an end in itself to ensure common, unified regime at any cost, but should take into account Russian national interests. In the context of increasing external risks associated, among other things, with sanctions pressure, a policy of "small steps" that do not deeply intrude into the zone of national sovereignty will be more effective and, most importantly, feasible in the EAEU space. The article examines such issues as the legal basis for creating the common labor market of the EAEU, it provides an analysis of the national legislation of the EAEU Member States on such issues as legal regulation of access of workers to markets of the EAEU Member States, including access to services in the field of education, health care and pension provision.

Materials and methods. The study includes general scientific methods of cognition. Authors also use special methods, such as method of legal modeling, comparative legal analysis and several other methods.

As a result of the analysis of the legal regulation of labor migration at the integration and national levels, the authors formulate some conclusions regarding the integration cooperation of the Member States of the Eurasian Economic Union in the specified areas. The article notes both the achievements of Eurasian integration in terms of social security of workers and the problems of forming the common labor market of

the EAEU. At the same time, despite the existing difference in the levels and types of services provided to migrants in the field of access to labor markets, medicine, education and pension provision, the national legal acts of all member states comply with the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union, which grants workers the relevant rights. The final section provides proposals for strengthening and improving the common labor market of the EAEU.

Research results. As a result of the analysis of the legal regulation of labor migration at the integration and national levels, the authors formulate some conclusions regarding the integration cooperation of the Member States of the Eurasian Economic Union in the specified areas. The article notes both the achievements of Eurasian integration in terms of social security of workers and the problems of forming the common labor market of the EAEU.

Discussion and conclusion. Despite the existing difference in the levels and types of services provided to migrants in the field of access to labor markets, medicine, education and pension provision, the national legal acts of all member states comply with the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union, which grants workers the relevant rights. The final section provides proposals for strengthening and improving the common labor market of the EAEU.

Anait S. Smbatyan,
Doctor of Sciences (Law), Professor of the
Department of International Law of Russian
Foreign Trade Academy of the Ministry
of Economic Development of the Russian
Federation, Moscow, Russia

Natalia G. Ishchenko,
Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the
Department of International Law of Russian
Foreign Trade Academy of the Ministry
of Economic Development of the Russian
Federation, Moscow, Russia

Ключевые слова:

ЕАЭС, ЕЭК, общий рынок труда, трудовая
мобильность, миграционная политика,
социальное обеспечение.

Keywords:

EAEU, EEC, common labor market, labor
mobility, migration policy, social security.

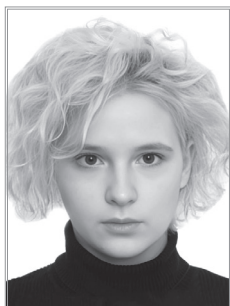
References:

1. Vorob`eva O.D., Ry`bakovskij L.L., Savinkov V.I., 2016. Osnovny`e problemy` sovremennoj migracionnoj politiki Rossii [The main problems of modern migration policy of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. № 4 (74).
2. Zemlyakov Yu. D, Shheul`nikova L. Yu., Fedorova G. A., 2014. Problemy` migracii v Rossii [Migration problems in Russia]. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii sistemny`x issledovanij. Informatika, e`kologiya, e`konomika [Bulletin of the International Academy of Scientific Research. Computer science, ecology, economics]*. Vol. 16. № 2.
3. Zinchenko N.N., 2004. Pravovoe regulirovanie trudovoj migracii v stranah Evropejskogo Soyuz [Legal regulation of labor migration in the countries of the European Union]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 2.
4. Kazancev A.A., Gusev L.YU., 2019. Vozmozhnye scenario razvitiya migracionnyh processov v kontekste evrazijskoj integracii [Possible scenarios for the development of migration processes in context of Eurasian integration]. *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*. № 4.
5. Kashepov A.V., 2024. Rynok Truda i zanyatost' v Rossii v 2020-2024 gg. [Labor market and employment in Russia in 2020-2024]. *Social'no-trudovye issledovaniya [Social and Labor research]*. № 57 (4).
6. Krasnova T.L., Zajceva N.Yu., 2015. Problemy` migracionnoj politiki Rossii na sovremennom e`tape [Problems of Russia's migration policy at the modern stage]. *Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri [Academic Journal of Western Siberia]*. № 4.
7. Levina M.M., 2024. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye trudovoj migracii v EAE'S [International legal regulation of labor migration in EAEU]. Moscow.: dis. ...kand. jurid. nauk [Thesis for a Candidate Degree in Legal Sciences].
8. Nedospasova O.P., Shibalkov I.P., 2017. Social`no-e`konomicheskij status cheloveka kak odin iz faktorov formirovaniya ego zdorov`ya [Socioeconomic Status (SES) of a person as a health factor]. *ANI: e`konomika i upravlenie [ANI Economics and Management]*. Vol. 6. № 1(18).
9. Osadchaya G.I., 2017. Formirovanie edinogo ry`nka Evrazijskogo E`konomicheskogo Soyuz [Formation of the common labor market of Eurasian Economic Union as condition of successful development of integration processes]. *Arhont [Archon]*. № 1. P. 27-31.
10. Raximov K., Azizova A., 2022. Sravnitel`ny`j analiz edinogo ry`nka truda EC i EAE`S [Comparative analysis of the common labor market of EU and EAEU]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya [Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series: International Relationship]*. Vol. 22. № 1.
11. Rubczov G.G., Mis`ko O.N., 2023. Instrumenty` social`noj politiki Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza (chast` 2) [Social policy instruments of the Eurasian Economic Union. Part 2]. *Evrazijskaya integraciya: e`konomika, pravo, politika [Eurasian integration: Economy, Law, Politics]*. Vol. 17. № 3.
12. Topilin A.V., 2016. Migraciya i obshchij ry`nok Truda EAES: vyzovy i puti integracii [Migration and common labor market of EAEU: challenges and ways of integration]. *Migraciya i social'no-ekonomicheskoe razvitie [Migration and Socio-Economic Development]*. Vol. 1. № 1.
13. Habrieva T.YA., 2019. Migracionnoe parvo: sravnitel'no-pravovoye issledovanie: monografiya. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii [Migration law: comparative legal research: Monograph. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation]. Moscow.
14. Chaxkiev G.G., Murar V.I., 2014. Sovremennyye problemy` migracionnoj politiki Rossii [Modern problems of the migration policy of Russia]. *Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk [Current Problems of the Humanities and Natural Sciences]*. № 7-1.
15. Yastrebova A.Yu., 2018. Mezhdunarodno-pravovoye mekhanizmy regulirovaniya migracii: doktrinal'nye podhody i opyt Rossijskoj Federacii [International legal mechanisms of regulation of migration: doctrinal approaches and experience of Russian Federation]: dis. ...doktora jurid. nauk [Doctoral Thesis in Legal Sciences]. Moscow.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА ЯПОНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Дарья Кузнецова*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-71-81

Введение. В статье приводятся результаты исследования системы источников правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в Государстве Япония с учетом его полисистемного характера. Автор на основе оценки современного состояния правовой базы международного сотрудничества Японии в сфере уголовного судопроизводства рассматривает особенности правового регулирования его основных направлений: выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, взаимной правовой помощи по уголовным делам, передачи уголовного преследования (уголовного судопроизводства), исполнения решений и приговоров иностранных судов, а также сотрудничества с органами международного уголовного правосудия и судебного сотрудничества с ними.

Материалы и методы. При проведении исследования автором использованы основные общенаучные и специальные методы: синтез, анализ, индукция, дедукция, диалектический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также экстраполяция и аналогия.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу, в соответствии с которым правовое регулирование международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с достаточной полнотой и детализацией охватывает его основные направления. При этом для международно-правовой составляющей характерна, с одной стороны, минимизация формирования двустороннего договорного уровня правового регулирования, что, по мнению автора, может быть объяснено традиционным стремлением Японии к максимальной защите государственного суверенитета и национальных интересов от возможного вмешательства иностранных государств. С другой стороны, Япония участвует в большом числе многосторонних международных договоров о борьбе с отдельными видами преступлений, что позволяет обеспечить широкомасштабное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Подписывая и ратифицируя эти договоры, Япония не делала каких-либо заявлений и оговорок, ограничивающих использование их основных положений в качестве международно-правовых

* Кузнецова Дарья Яковлевна, магистрант международно-правового факультета МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: kuznetsova.d.ya@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0009-0005-0008-3461

оснований для межгосударственного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Само национальное японское законодательство может быть признано вполне достаточным: оно в должной мере регламентирует деятельность компетентных органов страны в этой сфере.

Обсуждение и заключение. В качестве заключения автор предлагает подход, в соответствии с которым в условиях отсутствия двусторонних международных договоров о сотрудничестве по отдельным направлениям международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, российско-японское сотрудничество может осуществляться на основании соответствующих многосторонних международных договоров Российской Федерации, в которых участвует и Япония, самоисполнимые нормы которых содержат обязательства сторон о выдаче лиц, обвиняемых в совершении конвенционных преступлений, о взаимной правовой помощи по делам о таких преступлениях и других направлениях этой деятельности, не осложненными оговорками и заявлениями Японии к таким договорам либо дискреционными нормами об основаниях сотрудничества, закрепленными в таких договорах. При этом особенности японского внутригосударственного правового регулирования, представленного в данной статье, безусловно, должны учитываться запрашивающей стороной.

Введение

Япония открыла свои границы для внешнего мира только во второй половине XIX века спустя несколько столетий «самоизоляции», однако международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства — явление для Японии отнюдь не новое.

История правового регулирования данной формы международного сотрудничества в Японии начинается с периода «сакоку» (япон. 鎖国), который подошел к концу в 1853 году, когда Япония и начала устанавливать двусторонние отношения с другими странами.

Как и в других странах, изначально рамки правового регулирования были сформированы для базового в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства института выдачи лиц для уголовного преследования (привлечения к уголовной ответственности) или приведения в исполнение приговора. В силу этого одним из первых нормативных правовых актов в этой сфере стал Указ Императора от 10.08.1887 № 42 — «Распоряжение о выдаче» (япон. 逃亡

犯罪人引渡条例)¹. По мере развития межгосударственного сотрудничества компетентным органам Японии потребовалось более широкое взаимодействие с иностранными государствами, в том числе в связи с необходимостью получения или представления доказательств. Первым национальным законом, урегулировавшим механизмы взаимной правовой помощи по уголовным делам, стал Закон от 13.03.1905 № 63 «О взаимной судебной помощи, оказываемой по запросу иностранных судов» (япон. 外国裁判所ノ囑託ニ因ル共助法)². Данный документ содержит основные нормативные критерии, соблюдение которых установлено для удовлетворения японским судом запроса о предоставлении взаимной правовой помощи. Технико-юридически этот закон отличался настолько четкой и достаточной регламентацией процессуальных аспектов участия японских судов в процедурах взаимной правовой помощи по уголовным делам, что он действует и ныне с некоторыми изменениями в редакции Закона от 22.03.1983 № 17. Особо следует отметить, что данный закон, вероятнее всего, стал первым в мире внутригосударственным актом, закрепившим обязанность

¹ Указ Императора от 10.08.1887 № 42 «Распоряжение о выдаче» / 逃亡犯罪人引渡条例 [Электронный ресурс] // Библиотека законов Японии. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000000726¤t=-1> (дата обращения: 03.03.2024).

² Закон № 63 от 13.03.1905 «О взаимной судебной помощи, оказываемой по запросу иностранных судов» (в ред. Закона № 17 от 22.03.1983) / 外国裁判所ノ囑託ニ因ル共助法 [Электронный ресурс] // laws.e-gov.go.jp. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/138AC0000000063> (дата обращения: 04.03.2024). Далее по тексту приводится без дополнительных ссылок.

компетентных органов конкретной страны предоставлять помощь в направлении документов или собирании доказательств в связи с производством по уголовному делу за рубежом [1. С. 51].

К настоящему времени в Японии сформирована правовая база международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которая с той или иной полнотой охватывает правовое регулирование его основных направлений: выдача лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, взаимная правовая помощь по уголовным делам, передача уголовного преследования (уголовного судопроизводства), исполнение решений и приговоров иностранных судов, а также сотрудничество с органами международного уголовного правосудия и судебной помощи им.

Как известно, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства носит *сложный полисистемный характер правового регулирования*, которое осуществляется нормами как международного, так и внутригосударственного права государств-участников, опирается на нормы этих самостоятельных правовых систем [2. С. 102]. Не является в этом отношении исключением и Япония.

Исследование

Международно-правовое регулирование международного сотрудничества Японии в сфере уголовного судопроизводства.

В правовое регулирование различных направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства этого государства в качестве самостоятельных международно-правовых источников входят:

а) многосторонние международные договоры глобального и регионального уровней, которые касаются борьбы с преступлениями международного характера (конвенционными преступлениями), которые в числе иного содержат обязательства о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства;

б) двусторонние договоры по отдельным направлениям сотрудничества в рассматриваемой сфере.

Что касается первой из названных категорий международных договоров, то Япония, в частности, является участником Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 12.12.1988)³, Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 09.12.1999)⁴, Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 15.11.2000)⁵, Конвенции ООН против коррупции (Мерида, 31.10.2003)⁶, Конвенция о киберпреступности (Будапешт, 23 ноября 2001 г.)⁷ и некоторых других. Нормы этих договоров содержат обязательства рассматривать их при определенных условиях в качестве международно-правовых оснований для реализации разных направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства путем: включения в любой существующий между государствами-участниками договор конвенционных преступлений в качестве влекущих выдачу и взаимную правовую помощь; о рассмотрении многосторонних договоров в качестве правового основания для сотрудничества, если таковое обуславливается наличием договора. Однако решение по вопросу о возможности их использования в качестве

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 12.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. - М., 1994. С. 133 - 157.

⁴ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1999 года // Бюллетень международных договоров. 2023. № 5.

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от (Палермо, 15.11.2000) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Мерида, 31.10.2003) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 19. Далее в тексте упоминается без дополнительных ссылок.

⁷ Convention on Cybercrime. Budapest, 23.XI.2001. (European Treaty Series - № 185) // Council of Europe. [Electronic data]. URL: <https://rm.coe.int/1680081561> (дата обращения: 01.02.2025).

правового основания для сотрудничества всегда остается на усмотрение сторон таких договоров, которые могут сделать оговорки или заявления при их подписании или ратификации, ограничивающие такое использование, например, необходимостью наличия двусторонних договоров⁸.

Япония при подписании и ратификации названных и многих других многосторонних международных договоров о борьбе с отдельными видами преступлений не сделала оговорок и заявлений, ограничивающих возможности использования их норм в качестве правовых оснований для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по делам о преступлениях международного характера. В силу этого такие договоры являются международно-правовой основой сотрудничества Японии по нашим подсчетам более чем со 140 государствами мира, в том числе с Российской Федерацией, в сфере уголовного судопроизводства по делам о преступлениях террористической направленности, незаконном обороте наркотиков, коррупции и другим.

Что касается двустороннего международно-правового регулирования различных аспектов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, то для Японии характерно минимальное заключение таких договоров.

Так, по вопросам выдачи ныне действуют только два договора, заключенных Японией с США (1978) и Республикой Корея (2002).

О взаимной правовой помощи по уголовным делам двусторонние договоры заключены Японией с Бразилией, Вьетнамом, Гонконгом, Европейским союзом, КНР, Республикой Корея, Россией и США.

Двусторонние договоры о признании и исполнении приговоров иностранных судов и о передаче осужденных лиц заключены с Бразилией, Вьетнамом, Ираном, Таиландом.

Как представляется, отказ от заключения двусторонних договоров о выдаче с более широким кругом стран связан с тем, что, во-первых, по мнению японских властей,

существует весьма ограниченное число случаев, когда японские власти ведут розыск лиц за рубежом для выдачи или когда лица, совершившие преступления в иностранных государствах, скрываются на территории Японии. В таких условиях усилия по ведению переговоров и заключению договоров могут оказаться нецелесообразными [7. Р. 11]. Во-вторых, такой подход обосновывается стремлением Японии сохранить жесткий внутригосударственный контроль над процедурой выдачи, в том числе в целях обеспечения национального суверенитета.

В таких условиях Япония обеспечивает в общем-то высокий уровень законодательного регулирования отдельных направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства во внутригосударственном праве.

Внутригосударственное правовое регулирование выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора

Современное регулирование института выдачи лиц для уголовного преследования (привлечения к уголовной ответственности) или исполнения приговора в Японии основано на нормах Закона от 21.07.1953 № 68 «О выдаче» (япон. 逃亡犯罪人引渡法)⁹, который ныне действует в редакции Закона № 27 от 2007 года и регламентирует общие принципы, правила и процедуру выдачи, устанавливает критерии, в соответствии с которыми Япония оставляет за собой право отказать в выдаче, устанавливает систему компетентных органов в сфере выдачи. В этом смысле этот закон принципиально не отличается от аналогичных нормативных правовых актов, принятых в других странах. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что Закон устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отказа в выдаче, существенно отличающийся от таких перечней в других странах. В соответствии с его ст. 2: «Лицо не должно быть выдано ни при одном из следующих обстоятельств, если двусторонний договор с иностранным государством не устанавливает иного:

⁸ Например, такой практики придерживаются США, которые при ратификации многосторонних договоров оговаривают возможность применения их норм о выдаче только наличием двусторонних договоров. Эта позиция основана на том, что § 3181(a) Титула 18 Свода законов США установлена обязательность наличия двустороннего договора о выдаче [3, С. 237-239].

⁹ Закон от 21.07.1953 № 68 «О выдаче» (в ред. Закона № 27 от 2007 года) / 逃亡犯罪人引渡法 [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation website. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4044/en#je_at31 (дата обращения: 03.03.2024). Далее приводится без дополнительных ссылок на него.

1) когда преступление, в связи с совершением которого запрашивается выдача, является политическим преступлением;

2) когда имеются основания полагать, что запрос о выдаче имеет целью последующее привлечение лица, скрывающегося от правосудия, к уголовной ответственности или исполнение назначенного наказания, за совершение им политического преступления;

3) когда в качестве наказания за преступление, в связи с совершением которого запрашивается выдача, законами, указами или постановлениями запрашивающего государства не предусматривается смертная казнь, пожизненное лишение свободы или максимальный срок наказания три года и более¹⁰;

4) когда деяние, являющееся преступлением, в связи с совершением которого запрашивается выдача, не наказывается согласно законам, указам или постановлениям Японии смертной казнью, лишением свободы пожизненно или на срок три года и более, если деяние совершено на территории Японии;

5) когда имеются основания полагать, что согласно законам, указам или постановлениям Японии будет невозможно назначить наказание лицу, скрывающемуся от правосудия, или исполнить такое наказание, если деяние, составляющее преступление, в связи с совершением которого запрашивается выдача, совершено на территории Японии, или если японским судом уже было рассмотрено уголовное дело;

6) когда отсутствуют разумные основания полагать, что лицо, скрывающееся от правосудия, совершило деяние, составляющее преступление, в связи с которым запрашивается его выдача, кроме случаев, когда лицо, скрывающееся от правосудия, признано виновным в совершении преступления, в связи с которым запрашивается его выдача, судом запрашивающего государства;

7) когда уголовное дело, в отношении деяния, составляющего преступление, в связи с которым запрашивается выдача, слушается в японском суде или когда японский суд уже вынес окончательное и обязательное решение;

8) когда уголовное дело о совершении лицом, скрывающимся от правосудия, преступления, отличного от преступления, в связи с которым запрашивается его выдача, рассматривается в японском суде или когда лицо, скрывающееся от правосудия, было приговорено японским судом к наказанию за совершение подобного преступления, и исполнение наказания еще не было завершено, или лицу предстоит отбыть наказание, либо если в отношении такого лица наказание не может более исполняться;

9) когда лицо, скрывающееся от правосудия, является гражданином Японии».

Центральными органами по вопросам выдачи являются Министерство иностранных дел и Министерство юстиции Японии, Высшая прокуратура Токио, Высший суд Токио¹¹ и Верховный суд Японии.

Запрос о выдаче подлежит направлению по дипломатическим каналам в Министерство иностранных дел Японии. Уже на уровне МИД Японии в выдаче может быть отказано, если запрос не соответствует требованиям двустороннего договора, а в иных случаях - при отсутствии в запросе гарантий, того, что запрашивающее государство выполнит аналогичный японский запрос. При отсутствии таких препятствий запрос подлежит направлению в Минюст, откуда после предварительной проверки на соответствие японскому законодательству и применимым международным договорам передается в Высшую прокуратуру Токио для розыска и задержания (ареста) на основании судебного решения лица, подлежащего выдаче, и подачи после его задержания заявления о проверке достаточности правовых оснований для выдачи в Высший суд Токио. При отсутствии оснований для отказа в выдаче и подтверждении Минюстом ее целесообразности с точки зрения государственных интересов, решение суда об этом и запрос передаются в Высшую прокуратуру Токио, где издается приказ о выдаче, который передается в МИД для уведомления запрашивающего государства. Выдача должна быть осуществлена по возможности незамедлительно, но не позднее 30 дней с момента выдачи приказа о выдаче.

¹⁰ По условиям договоров о выдаче, заключенных Японией с США и Республикой Корея, критерий минимального срока наказания для выдачи снижается до 1 года лишения свободы.

¹¹ Хотя в некоторых отечественных научных публикациях данные органы именуются как «Высокая прокуратура Токио» и «Высокий суд Токио», полагаем правильным использовать прилагательное «Высший» [4, С. 19-45; 5, С. 75-81].

Процессуальный порядок и особенности рассмотрения дел о выдаче в Высшем суде Токио установлен *Определением Верховного суда Японии от 19.05.1939 №5 «Правила о процедурах производства по делам о выдаче»¹²* (япон. 逃亡犯罪人引渡法による審査等の手続に関する規則) (в ред. Определение Верховного суда Японии от 22.07.2018 № 11). Данный документ содержит процессуальные нормы, касающиеся выдачи разрешения на задержание или временное содержание под стражей и самой процедуры рассмотрения запроса о выдаче.

Поскольку описанная процедура носит сложный характер, в недавнем прошлом была предпринята попытка включить в японское законодательство процедуру упрощенной выдачи (яп. 略式の犯罪人引渡し). На 6-м Всемирном конгрессе Азиатского фонда по предотвращению преступности (яп. アジア刑政財団), который проходил в Токио и Сидзуоке с 28 по 31 октября 1997 года, обсуждались вопросы, касающиеся введения процедуры упрощенной выдачи и создания проекта Конвенции о взаимной правовой помощи в уголовных делах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В основе обсуждения лежала *Сидзуокская декларация* (яп. 静岡宣言), целью которой являлось устранение правовых и национальных различий, чтобы облегчить применение законов и практики выдачи между странами Азиатско-Тихоокеанского региона [6. Р. 110]. Однако до настоящего времени нормативного закрепления упрощенная выдача в праве Японии не нашла. Исключением является ст. 10 *Договора между Японией и США о выдаче*, которая установила, что «если разыскиваемое лицо уведомляет суд или другие компетентные органы запрашиваемой Стороны о том, что оно отказывается от своих прав на внутренние процедуры, необходимые для

его выдачи, эта Сторона принимает все необходимые меры для ускорения выдачи в той степени, в какой это допускается ее законодательством».

Внутригосударственное правовое регулирование взаимной правовой помощи по уголовным делам

Упомянутый во введении Закон от 13.03.1905 № 63 «О взаимной судебной помощи, оказываемой по запросу иностранных судов» (япон. 外国裁判所ノ囑託ニ因ル共助法), действующий в редакции Закона от 22.03.1983 № 17 заложил основные критерии, соблюдение которых необходимо для удовлетворения японским судом запроса о правовой помощи судам иностранных государств.

Эти критерии получили развитие в Законе от 29.05.1980 № 69 «Об оказании помощи в международных расследованиях или иных связанных с ними вопросах» (япон. 国際捜査共助等に関する法律) (в ред. Закона от 2006 № 58 от 2006)¹³. В соответствии со ст. 1 данного Закона, под «оказанием помощи» понимается «предоставление иностранному государству по его просьбе доказательств, необходимых для расследования уголовного дела, включая передачу осужденного заключенного лица для дачи показаний». В ст. 17 данного Закона содержится ссылка на *Определение Верховного суда Японии от 18.09.1955 № 7 «Правила оказания международной взаимной помощи при расследованиях»* (япон. 国際捜査共助規則) (в ред. Определения от 21.07.2016 № 11)¹⁴. Данный документ закрепляет процессуальные и технические нормы о порядке выдачи ордеров на проведение процессуальных действий, допроса свидетеля и обжалования отказа в удовлетворении запроса. Дополнительно следует упомянуть *Постановление № 2 Государственной комиссии*

¹² Определение Верховного суда Японии от 19.05.1939 №5 «Правила о процедурах производства по делам о выдаче» (в ред. Определение Верховного суда Японии от 22.07.2018 № 11) / 逃亡犯罪人引渡法による審査等の手続に関する規則 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного суда Японии. URL: https://www.courts.go.jp/toukei_siryoku/kisokusyuu/keizi_kisoku/keizi_kisoku_13/index.html (дата обращения: 04.03.2024).

¹³ Закон от 29.05.1980 № 69 «Об оказании помощи в международных расследованиях или иных связанных с ними вопросах» (в ред. Закона № 58 от 2006 года) / 国際捜査共助等に関する法律 [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation website. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/72/je> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁴ Определение Верховного суда Японии от 18.09.1955 № 7 «Правила оказания международной взаимной помощи при расследованиях» (в ред. Определение от 21.07.2016 № 11) / 国際捜査共助規則 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного суда Японии. - URL: https://www.courts.go.jp/toukei_siryoku/kisokusyuu/keizi_kisoku/keizi_kisoku_10/index.html (дата обращения: 05.03.2024).

общественной безопасности 1957 года «Положение о расследованиях в рамках уголовного судопроизводства» (япон. 犯罪捜査規範) (в ред. Постановление № 1 от 2023 года)¹⁵. Глава 14 данного документа закрепляет специальные положения, которые, в том числе, касаются участия Японии в расследовании международных преступлений.

В соответствии с этими нормативными правовыми актами в связи с расследованием, уголовным преследованием и другими процессуальными действиями по уголовным делам возможно оказание взаимной правовой помощи, которая включает: 1) получение свидетельских показаний, заявлений или предметов, в том числе путем проведения обыска и выемки; 2) освидетельствование лиц, осмотр предметов или мест; 3) установление местонахождения лиц, предметов либо мест или их идентификация; 4) предоставление предметов, находящихся в распоряжении законодательных, исполнительных, судебных или иных государственных органов, а также органов местного самоуправления; 5) уведомление о приглашении лица явиться на территорию запрашивающей стороны или вручение документа, требующего явки лица на территорию запрашивающей Стороны; 6) временная передача лица, содержащегося под стражей или отбывающего наказание на территории запрашиваемого государства, для дачи свидетельских показаний или иных целей, указанных в запросе; 7) вручение документов, связанных с уголовным делом, а также иных документов; 8) содействие в процессуальных действиях, связанных с конфискацией и арестом доходов от преступлений или орудий и иных средств их совершения; 9) любую иную помощь, не противоречащую законодательству и согласованную между центральными органами взаимодействующих стран.

Центральными органами по вопросам взаимной правовой помощи являются Министр иностранных дел (в случае отсутствия двустороннего или многостороннего договора с запрашивающим государством),

Министр юстиции Японии и Государственная комиссия общественной безопасности, а также назначаемые ими лица. Если Министр юстиции сочтет удовлетворение запроса законным и целесообразным, то он передается для исполнения в соответствии с компетенцией в соответствующие органы - Государственную прокуратуру, Государственную комиссию общественной безопасности, Национальное полицейское агентство или Береговую охрану Японии.

Постановление Государственной комиссии общественной безопасности от 01.10.1955 №4 «Примеры запросов, касающихся Закона «Об оказании помощи в международных расследованиях или иных связанных с ними вопросах»» (яп. 国際捜査共助等に関する法律に関する書式例)¹⁶ содержит формы, которыми следует руководствоваться при подготовке запросов в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Подобная практика унификации всех форм запросов в едином подзаконном акте представляется крайне практичной, особенно для сотрудников компетентных органов иностранных государств.

Передача уголовного преследования (уголовного судопроизводства)

В национальном законодательстве Японии отсутствует нормативное закрепление положений о передаче уголовного судопроизводства иностранным судам. Однако это не исключает того, что в необходимых случаях это направление международного сотрудничества может быть реализовано на основании международных договоров. Например, подписав и ратифицировав без каких-либо оговорок Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции (Мерида, 31.10.2003), Япония приняла на себя в числе иного обязательства по исполнению ее ст. 21 (Передача уголовного производства), которая устанавливает, что «Государства-участники рассматривают возможность взаимной передачи производства в целях уголовного преследования в связи с

¹⁵ Постановление № 2 от 1957 года Государственной комиссии общественной безопасности «Положение о расследованиях в рамках уголовного судопроизводства» (в ред. Постановление № 1 от 2023 года) / 犯罪捜査規範 [Электронный ресурс] // laws.e-gov.go.jp. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=332M50400000002_20240215_506M60400000001 (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁶ Постановление Государственной комиссии общественной безопасности от 01.10.1955 № 4 «Примеры запросов, касающихся Закона «Об оказании помощи в международных расследованиях или иных, связанных с ними вопросами»» / 国際捜査共助等に関する法律に関する書式例 [Электронный ресурс] // laws.e-gov.go.jp. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/355M50400000004> (дата обращения: 07.06.2024).

преступлением, охватываемым настоящей Конвенцией, в случаях, когда считается, что такая передача отвечает интересам надлежащего отправления правосудия, в частности, в случаях, когда затрагиваются несколько юрисдикций, для обеспечения объединения уголовных дел». Аналогичные нормы закреплены и в других международных договорах Японии.

Признание и исполнение решений и приговоров иностранных судов

Регулирование в законодательстве Японии признания и исполнения приговоров судов иностранных государств представляется крайне скудным. Основная норма содержится в ст. 5 Закона от 24.04.1907 № 45 «Уголовный кодекс Японии»¹⁷ (япон. 刑法). Она гласит: «если иностранный судебный орган вынес окончательное и обязательное решение против совершенного преступления, оно не препятствует дальнейшему наказанию в Японии в отношении того же деяния».

В силу этого доктриной выделяются два критерия для возможности признания и исполнения приговора иностранного суда: 1) его окончательность и обязательность, и 2) двойная криминальность. Вместе с тем, по общему правилу иностранные приговоры в Японии не исполняются, если только иное не предусмотрено двусторонними договорами.

Следует отметить, что данное направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства носит комплексный характер, поскольку связано еще и с передачей осужденных за рубежом лиц для отбывания уголовных наказаний и передачу лиц, страдающих психическими

расстройствами, для проведения принудительного лечения в страны их постоянного проживания.

Основным законом, регулирующим передачу осужденных лиц, является Закон от 12.06.2002 № 66 «О транснациональной передаче осужденных лиц» (япон. 国際受刑者移送法) (в ред. Закона № 57 от 2005 года)¹⁸. Регулятором этой деятельности является и Постановление Министерства юстиции Японии № 15 от 2003 года «Положение о применении Закона о транснациональной передаче осужденных лиц» (япон. 国際受刑者移送法施行規則)¹⁹.

Кроме того, при осуществлении передачи осужденных лиц для исполнения наказания со странами-членами Совета Европы применяется Конвенция Совета Европы о передаче осужденных лиц (Страсбург, 21.03.1983)²⁰, к которой Япония присоединилась в 2003 году.

Сотрудничество с органами международной уголовной юстиции и судебная помощь им

Имплементация в национальное законодательство положений Римского Статута Международного уголовного суда, ратифицированного Японией 17 июля 2007 года, осуществлена путем принятия Закона от 11.05.2007 № 37 «О сотрудничестве с Международным уголовным судом» (япон. 国際刑事裁判所に対する協力等に関する法律)²¹. Он регламентирует процедуры, касающиеся сотрудничества, необходимого для проведения Международным уголовным судом расследований, судебных разбирательств, исполнения приговора и т.д.

Процессуальные аспекты реализации положений этого закона урегулированы Определением Верховного суда от 19.07.2019 № 8

¹⁷ Закон от 24.04.1907 № 45 «Уголовный кодекс Японии» (в ред. Закона № 72 от 2017 года) / 刑法 [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation website. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3581/jp> (дата обращения: 05.03.2024 год).

¹⁸ Закон № 66 от 12.06.2002 года «О транснациональной передаче осужденных лиц» (в ред. Закона № 57 от 2005) / 国際受刑者移送法 [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation website. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/122/en> (дата обращения: 05.03.2024 год).

¹⁹ Постановление Министерства юстиции Японии № 15 от 2003 года «Положение о применении Закона о транснациональной передаче осужденных лиц» / 国際受刑者移送法施行規則 [Электронный ресурс] // laws.e-gov.go.jp. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/415M60000010015> (дата обращения: 06.03.2024).

²⁰ Конвенция Совета Европы о передаче осужденных лиц (Страсбург, 21.03.1983) / Convention on the Transfer of Sentenced Persons [Электронный ресурс] // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/1680079546> (дата обращения: 06.03.2024).

²¹ Закон от 11.05.2007 № 37 «О сотрудничестве с Международным уголовным судом» / 国際刑事裁判所に対する協力等に関する法律 [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation website. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3989/en> (дата обращения: 06.03.2024).

«Правила о порядке сотрудничества с Международным уголовным судом» (япон. 国際刑事裁判所に対する協力の手続に関する規則) (в ред. Определения от 15.10.2020 № 16)²².

Заключение

Современное внутригосударственное регулирование в праве Японии международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в целом соответствует потребностям правоохранительной деятельности, характеризуется высоким уровнем юридической техники, и в целом обеспечивает реализацию основных направлений такого сотрудничества. Небольшое количество двусторонних международных договоров Японии об отдельных направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, вряд ли может служить сколь-нибудь серьезным препятствием для позитивного взаимодействия компетентных органов Японии и других стран, поскольку они естественным образом замечаются значительным числом многосторонних договоров, которые Япония ратифицировала без каких-либо ограничительных заявлений

и оговорок. Так, российско-японское сотрудничество может осуществляться не только в рамках двустороннего договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам, но и на основании соответствующих многосторонних международных договоров Российской Федерации, в которых участвует и Япония, самоисполнимые нормы которых содержат обязательства сторон о выдаче лиц, обвиняемых в совершении конвенционных преступлений, о взаимной правовой помощи по делам о таких преступлениях и других направлениях этой деятельности, не осложненных оговорками и заявлениями Японии к таким договорам либо дискреционными нормами об основаниях сотрудничества, закрепленных в таких договорах. При этом особенности японского внутригосударственного правового регулирования, представленного в данной статье, безусловно, должны учитываться запрашивающей стороной, поскольку соблюдение их норм позволит избежать необоснованных отказов в правовой помощи, если только возможные отказы не продиктованы политическими мотивами.

Литература:

1. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002.
2. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4. С. 99-117.
3. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество России и США в сфере выдачи лиц для уголовного преследования: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13. № 4. С. 230-258.
4. Волосова Н.Ю., Волосова М.В. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование: монография / Под общ. ред. Н.Ю. Волосовой. М., 2016.
5. Железняк О.Н. Судебная система Японии // Право и политика. 2004. № 4. С. 75-81.
6. 森下 忠. 犯罪人引渡法の研究. Морисита Тадаси. Исследование законодательства об экстрадиции. Токио: Сейбундо. 2004. 315 с.
7. Wieczorek, I., & Weyembergh, A. Europe and Japan Cooperation in the Fight against Cross-border Crime: Challenges and Perspectives. Routledge. 2022. 236 p.

²² Определение Верховного суда от 19.07.2019 № 8 «Правила о порядке сотрудничества с Международным уголовным судом» (в ред. Определение Верховного суда от 15.10.2020 № 16) / 国際刑事裁判所に対する協力の手続に関する規則 // Сайт Верховного суда Японии. URL: https://www.courts.go.jp/toukei_siryu/kisokusyu/keizi_kisoku/keizi_kisoku_25/index.html (дата обращения: 06.03.2024).

LEGAL REGULATION OF THE STATE OF JAPAN IN INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL MATTERS

Introduction. The current article presents the results of the study concerning the system of sources of international cooperation in criminal matters in the State of Japan taking into account its polysystemic characteristics. Based on the examination of the modern state of the legal framework on international cooperation of Japan in criminal matters, the author considers the peculiarities of the legal regulation of its main fields: extradition, mutual assistance in criminal matters, transfer of proceedings in criminal matters, execution of judgments and sentences of foreign courts and international cooperation and judicial assistance to international criminal courts and tribunals.

Sources and methods. In conducting the research the author used the general scientific and special methods: synthesis, analysis, induction, deduction, dialectical, formal-legal, system-structural, and comparative-legal methods, as well as extrapolation and analogy.

Study results. The Author concludes that the legal regulation of international cooperation in criminal matters covers its main fields to a sufficiently complete degree and in detail. Furthermore, the international legal element is characterized, on the one hand, by the minimization of treaties, which, in the author's opinion, can be explained by Japan's dedication to maximize protection of state sovereignty and national interests from possible interference by foreign states. On the other hand, Japan participates in a large number of international conventions on combating certain types of crimes, which makes it

possible to ensure large-scale cooperation in criminal matters. By signing and ratifying these treaties, Japan has not made any declarations or reservations limiting the use of their main provisions as international legal grounds for interstate cooperation in criminal matters. Japanese domestic legislation itself can be considered sufficient: it adequately regulates the activities of the competent authorities of Japan in this sphere.

Discussion and conclusion. As a conclusion, the author proposes an approach according to which, in the absence of treaties on cooperation in certain areas of international cooperation in the field of criminal proceedings, Russian-Japanese cooperation can be carried out based on the relevant international conventions of the Russian Federation, to which Japan is a party, the self-executing norms of which contain obligations of the parties to extradite persons accused of committing conventional crimes, on mutual legal assistance in cases involving such crimes and other fields, unhampered by Japan's reservations and declarations to such conventions or by the discretionary rules on the grounds for cooperation set out in them. Moreover, the peculiarities of the Japanese domestic legal regulation presented in this article should certainly be taken into account by the requesting party.

Darya Ya. Kuznetsova,
Master's degree candidate, International law
faculty of MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, международные договоры, правовое регулирование, полисистемность, выдача лиц для уголовного преследования или приведения в исполнение приговора, взаимная правовая помощь по уголовным делам, передача уголовного судопроизводства (уголовного преследования), исполнение решений и приговоров иностранных судов, сотрудничество с органами международной уголовной юстиции и судебная помощь им, Япония.

Keywords:

international cooperation in criminal matters, international treaties, legal regulation, polysystemic characteristics, extradition, mutual legal assistance in criminal matters, transfer of proceedings in criminal matters, execution of judgments and sentences of foreign courts and international cooperation and judicial assistance to international criminal courts and tribunals, Japan.

References:

1. Volevodz A.G., 2002. Pravovoe regulirovanie novyh napravlenij mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovnogo processa [Legal regulation of new directions of international cooperation in the field of criminal procedure]. Moscow.
2. Volevodz A.G., 2015. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: ponyatie, priznaki, istochniki i osnovnye formy [International cooperation in criminal proceedings: concept, features, sources and main forms]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal [Criminologist's Library. Scientific Journal]*. № 4. S. 99-117.
3. Volevodz A.G., 2021. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rossii i SSHA v sfere vydachi lic dlya ugovnogo presledovaniya: problemy i perspektivy [International cooperation between Russia and the USA in the field of extradition of persons for criminal prosecution: problems and prospects]. *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. Vol. 13. № 4. S. 230-258.
4. Volosova N.Yu., Volosova M.V., 2016. Ugolovno-processual'noe zakonodatel'stvo Yaponii: sravnitel'noe issledovanie: monografiya [Criminal Procedure Law of Japan: A Comparative Study: Monograph]. *Ed. by N.Yu. Volosova*. Moscow.
5. Zheleznyak O.N., 2004. Sudebnaya sistema Yaponii [The Japanese Judicial System]. *Pravo i politika [Law and Politics]*. № 4. S. 75-81.
6. 森下忠. 犯罪人引渡法の研究. Morishita Tadashi, 2004. Research on Extradition Law. Tokyo: Seibundo.
7. Wieczorek, I., & Weyembergh, A., 2022. Europe and Japan Cooperation in the Fight against Cross-border Crime: Challenges and Perspectives. Routledge.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖАМЕРИКАНСКИМ СУДОМ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Тамара Кузнецова*
Лада Гордейченко**

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-82-88

Введение. В статье анализируются правовые пределы ограничения прав и свобод человека в странах Латинской Америки. Соответственно, в статье рассматриваются положения международно-правовых актов и положения некоторых национальных конституций об ограничениях, которые дают указания на то, когда и при каких условиях права могут быть ограничены. Также авторы статьи исследуют практику Межамериканского суда по правам человека по вопросам конституционных ограничений избирательного права.

Материалы и методы. Источниками исследования послужили Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Американская Конвенция о правах человека, также рассмотрены положения Конституций Мексики, Аргентины, Боливии и Чили, а также была проанализирована практика Межамериканского суда по правам человека по вопросу ограничения избирательных прав.

Исследование базируется на использовании методов – формально-юридического, логического, исторического, сравнительно-правового и системного анализа. Использование формально-юридического метода помогает выявить смысл международно-правовых документах, заключенных в различные периоды и направленных на установление прав и свобод человека. Логический метод поспособствовал пониманию необходимости стран в Латинской Америке сотрудничать друг с другом в различных сферах. Исторический метод исследования способствует установлению взаимосвязи исторической перспективы и процессов современного развития. Применение историко-системного метода

* **Кузнецова Тамара Олеговна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права МГИМО МИД России, Москва, Россия
email: t.o.kuznetsova.mgimo@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1580-9449

** **Гордейченко Лада Олеговна**, преподаватель кафедры публичного права, МГИМО-Одинцово, Россия
email: ladagordey@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3117-484X

позволяет определять и исследовать отдельные категории до их юридического закрепления в нормативно-правовых актах. Сравнительно-правовой метод может быть использован в целях изучения появления, наполнения и законодательного закрепления отдельных категорий прав и свобод человека и гражданина. Основу системного подхода составляет изучение объекта и предмета как совокупности взаимосвязанных составляющих.

Результаты исследования. Отличительной чертой деятельности органов межамериканской системы защиты прав человека по рассмотрению жалоб, выделяющей последнюю среди других аналогичных региональных систем, является постепенное становление в прецедентной практике Комиссии и Суда концепции о двойственной природе политических прав. Указанная концепция предполагает, что политические права, в том числе права избирательные, необходимо рассматривать с точки зрения двух аспектов: индивидуального и коллективного. «Индивидуальный аспект» выявляет необходимость реализации избирательных прав одного конкретного индивида и недопустимость их нарушения, в то время как «коллективный аспект» подразумевает, что нарушения избирательных прав в отношении одного индивида представляют опасность для всего общества.

Обсуждение и заключение. Настоящая работа посвящена исследованию межамериканской системы в области защиты прав и свобод человека и гражданина в Латинской Америке. В качестве объекта исследования выступают правоотношения, осуществляемые в странах Латинской Америки как одного из ключевых регионов в современном мире.

Введение

Любое правовое конституционное государство основано на фундаментальных принципах, одним из которых является достоинство человеческой личности с присущими ей правами, которые закреплены в основном и высшем законе - Конституции.

Права человека проистекают из «социальной природы» человека, которая подразумевает взаимодействие и сосуществование человека с другими людьми, что неизбежно порождает конфликты между правами одного и другого. Следовательно, «права» должны ограничиваться Конституцией. Именно поэтому Верховный суд Аргентины заявил, что «в Конституции нет абсолютных прав, поскольку абсолютное право было бы антисоциальной концепцией».

Правовое государство устанавливает правовые нормы для ограничения возможных злоупотреблений правом с целью недопущения распада правового и социального порядка. Необходимо отметить, что Конституция является «законом гарантий», поскольку она не только предписывает ограничения, но и в значительной степени реализует соответствующие механизмы контроля.

Отметим, ограничения прав и гарантий могут быть постоянными, т.е. такими, которые достаточны для повседневного направления регулярного развития всех человеческих отношений, при их сбалансированном, гармоничном и справедливом взаимодействии. Но они могут быть и исключительными, чрезвычайными, временными, когда нормальное сосуществование общества нарушается серьезными чрезвычайными ситуациями [6. С. 617], которые могут возникать по различным причинам: землетрясения, наводнения и др. природные катастрофы; политические события (революции, государственные перевороты); международные обстоятельства (внешнее нападение); серьезные экономические и социальные ситуации.

Теоретик социального либерализма Джон Бордли Ролз полагает, что «одна из функций прав человека заключается именно в том, чтобы наложить ограничения на суверенитет государств... Права человека являются частью права разумных людей и устанавливают пределы внутренних институтов...» [4. С. 121].

Нужно быть осторожным при разграничении того, что же такое ограничения прав, чем они являются, а чем - нет. Например, ограничение прав не может быть

приравнено к неполному расширению содержания самих прав человека. Из этого следует неизбежно, что если в конституционном тексте не хватает признания объема прав, то, конечно, нормы прав человека, установленные в международных источниках, служат для дополнения соответствующих прав.

Исследование

В ст. 29 Всеобщей декларации прав человека говорится, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других людей и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе¹».

В дополнение ко Всеобщей декларации прав человека, порядок ограничения и приостановления прав и свобод закреплен в Американской конвенции о правах человека (статья 27), где подчеркивается необходимость обеспечения эффективного осуществления прав человека и представительной демократии.

Статья 27 Конвенции предусматривает: 1. Во время войны, общественной опасности или другого чрезвычайного положения, угрожающего независимости или безопасности государства-участника, оно может принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящей Конвенции в той мере и на такой срок, которые строго требуются остротой ситуации, при условии, что такие меры не противоречат его другим обязательствам по международному праву и не связаны с дискриминацией по какому-либо признаку, такому как раса, цвет кожи, пол, язык, религия или социальное происхождение².

Также преамбула Конвенции подтверждает цель «консолидации в этом полушарии в рамках демократических институтов системы личной свободы и социальной справедливости, основанной на уважении основных прав человека. Приостановление

гарантий лишено всякой легитимности, когда оно используется для нападков на демократическую систему, которая устанавливает непреодолимые ограничения для дальнейшего действия некоторых основных прав человека».

В этой связи не следует забывать также положения ст. 32 Американской конвенции о правах человека, которая гласит, что «права каждого человека ограничены правами других, безопасностью всех и справедливыми требованиями общего блага в демократическом обществе»³.

Как только выявлено ограничение прав человека, оно всегда должно толковаться как можно более узко, сокращая его сферу до минимального выражения, обеспечивая недопущение чрезмерного расширения таких ограничений.

Таким образом, Конституция Мексики устанавливает, что только в конституционном тексте фиксируются случаи и условия, при которых возможно ограничение или приостановление осуществления этих прав, и гарантии их защиты [2. С. 195].

Из такой формулировки следует, что никакой другой нормативный источник, кроме Конституции, не обладает возможностью ущемлять или препятствовать осуществлению прав человека ниже конституционно установленных минимумов. Другими словами, без этой четкой конституционной основы, без упоминания в конституционных статьях случаев и условий для любого ограничения прав человека, невозможно одобрить ссылки на вторичное законодательство для дальнейшего ограничения этих прав под предлогом свободы установления законодательных норм, поскольку ответственность, возложенная на законодательную власть, заключается в развитии содержания прав, но не в их ограничении, если Конституция этого не позволяет.

Таким образом, основание, которое может оправдывать любое ограничение прав человека – это гарантия других прав других лиц. В противном случае не существовало бы ограничений, которые соответствовали бы принципу пропорциональности, разумности или необходимости, поскольку если они направлены не на максимальную

¹ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. – Текст: электронный. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.04.2022)

² Американская конвенция о правах человека. – Текст: электронный. – URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/17229a.pdf> (дата обращения: 15.04.2022)

³ Там же.

защиту людей, а скорее на благо власти или фактических властей, то они будут чрезмерными и неоправданными [5. С. 10-14].

Наряду с принципами пропорциональности и баланса интересов, деятельность государства должна быть разумной. Критерий разумности можно определить следующим образом: разумный — это противоположный произволу, то есть в соответствии с разумом, справедливый, умеренный и равноправный. Когда государственные органы действуют при выполнении своих конкретных функций, они должны делать это разумно. Закон, который изменяет, а тем более подавляет право, осуществление которого он намерен регулировать, влечет за собой неразумность или произвол, поскольку устанавливает ограничения, не соразмерные обстоятельствам, которые его побуждают, и целям, которые он намерен достичь с их помощью [6. С. 617].

Вопрос приостановления гарантий и прав регулируется во всех политических конституциях латиноамериканских стран.

Для наглядности обратимся к Конституции Аргентины, которая в статье 23 устанавливает, что «в случае внутренних беспорядков или внешнего нападения, угрожающего соблюдению настоящей Конституции и созданных ею органов власти, провинция или территория, на которой происходит нарушение порядка, объявляется на осадном положении, и действие конституционных гарантий в ней приостанавливается. Однако во время этого приостановления президент Республики не может сам выносить приговоры или налагать взыскания»⁴.

Конституция Боливии в статье 28 устанавливает, что «осуществление политических прав приостанавливается в следующих случаях при наличии вступившего в законную силу приговора до отбытия наказания: 1) за взятие в руки оружия и службу в вооруженных силах противника во время войны; 2) за мошенничество с государственными ресурсами; 3) за измену.

Конституция Чили в ст. 16 гласит: право голоса приостанавливается: в случае невменяемости; если лицо обвиняется в совершении тяжкого преступления или в преступлении, которое закон классифицирует как

террористический акт; за то, что лицо было подвергнуто санкциям Конституционного суда; те, кто был лишен права голоса по этой причине, восстанавливают это право по истечении пяти лет, считая с момента вынесения судом решения»⁵.

Таким образом, положения приведенных Конституций четко определяют критерии и случаи, когда политические права могут быть ограничены, чтобы исключить случаи возможных злоупотреблений.

Далее рассмотрим практику Межамериканского суда по правам человека по вопросу ограничения избирательных прав. Стоит сказать, что практика Межамериканского суда по этому вопросу обширна и межамериканские акты и позиции суда используются в практике Европейского Суда по правам человека.

Дело Хосе Эфраин Риос Монтт против Гватемалы (José Efraín Ríos Montt v. Guatemala)

4 марта 1991 года Комиссия получила петицию, переданную правительству 5 марта 1991 года, в которой заявитель, Хосе Эфраин Риос Монтт, подал жалобу на правительство Гватемалы за предполагаемые нарушения Американской конвенции по правам человека из-за последствий различных постановлений и актов судебных, законодательных и исполнительных должностных лиц правительства, которые объявили его кандидатуру на пост президента Гватемалы неприемлемой.

В петиции говорится, что возглавляемое им правительство де-факто приостановило действие конституции 1966 года, рассказывает о том, как были организованы государственные должности и учреждения, и описывается борьба с подрывной деятельностью.

Также отмечается, что 8 августа 1983 года президент республики был свергнут в результате очередного военного переворота, а его пост занял министр обороны генерал Оскар Мехиа Викторес. После этого г-н Риос Монтт остался в Гватемале, не подвергаясь ни преследованиям, ни обвинениям, ни суду за преступления, предусмотренные уголовным кодексом об изменении

⁴ Конституция Аргентины 1994 г. – Текст: электронный. – URL: <https://pdba.georgetown.edu/Parties/Argentina/Leyes/constitucion.pdf> (дата обращения: 18.04.2022)

⁵ Конституция Чили – Текст: электронный. – URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=242302> (дата обращения: 18.04.2022)

конституционного строя, и другие правонарушения, вытекающие из его фактического президентства.

Отмечается, что глава правительства генерал Мехия Викторес издал указ об амнистии, указ, признанный действительным и вступившим в силу Учредительным собранием 1985 года. Г-н Риос Монтт воспользовался этой амнистией, участвуя в выборах 1990 года.

Монтт утверждает, что Конституционное собрание подготовило и приняло действующую Конституцию 1986 года, которая содержит ограничения на доступ к президентству республики, запрещая переизбрание на пост президента и предусматривая в статье 186, что этот пост не могут занимать следующие лица: а) лидеры и руководители любого государственного переворота, вооруженной революции или аналогичного движения, изменяющего конституционный порядок, а также те, кто становится главой правительства в результате таких действий⁶.

Монтт заявил, что статья 186 Конституции Гватемалы нарушает статью 23 Американской конвенции, ограничивая его право на доступ к государственной службе.

Однако Комиссия сочла, что ограничение права разумно и обосновано, направлено на защиту прав гватемальцев, а именно права избирать и быть избранным на выборах, реализация которого невозможна в ходе осуществления военного переворота.

Таким образом, Комиссия не усмотрела нарушений Американской конвенции, признала жалобу неприемлемой, а запрет бывшим участникам государственного переворота занимать государственные должности – обоснованным [1. С. 137-146].

Дело YATAMA против Никарагуа⁷ (YATAMA v. Nicaragua)

Это дело касается исключения кандидатов в мэры, заместители мэров и члены советов, которые состояли в региональной политической партии коренных народов Yapti Tasba Masraka Nanih Asla Takanka (YATAMA), из участия в муниципальных выборах, состоявшихся 5 ноября 2000 года в Североатлантическом и Южноатлантическом автономных округах. Пострадавшие лица подали несколько исков против этого решения, однако Верховный суд Никарагуа

признал их иски неприемлемыми. Суд постановил, что государство нарушило Американскую конвенцию по правам человека.

В этом деле Межамериканский суд анализирует важность политических прав в демократическом обществе, содержание политических прав, обязательство государств гарантировать осуществление политических прав и параметры, которым должны соответствовать их ограничения.

Суд обязал Никарагуа реформировать избирательное законодательство таким образом, чтобы члены коренных и этнических общин могли участвовать в избирательных процессах, уважая их традиции, привычки и обычаи, а также установить ответственность Высшего избирательного совета за обоснование своих решений. В нем также говорилось, что «независимо от того, какое постановление принимает каждое государство в отношении высшего избирательного органа, он должен находиться под определенным юрисдикционным контролем, позволяющим определить, были ли его акты приняты в соответствии с минимальными правами и гарантиями, предусмотренными Американской конвенцией». В результате Никарагуа было предписано создать простые, быстрые и эффективные механизмы контроля за теми решениями Высшего избирательного совета, которые затрагивают права человека.

Заключение

Постановление суда имеет важное значение для обеспечения права коренных народов на участие в избирательных процессах в условиях равенства, уважения их форм организации, привычек и обычаев [2. С. 49]. Это постановление является важным шагом для поощрения коренных народов иметь свое собственное политическое представительство, позволяющее им вмешиваться в решения, которые их затрагивают.

Согласно статье 29 (а) Конвенции, полный объем политических прав не может быть ограничен таким образом, что их регулирование или решения, принятые на их основе, становятся препятствием для эффективного участия людей в управлении государством или делают такое участие иллюзорным, тем самым лишая эти права их существенного содержания.

⁶ José Efraín Ríos Montt v. Guatemala. Case 10.804 [1993]. - Текст : непосредственный.

⁷ YATAMA v. Nicaragua. Serie C No. 127 [2005]. - Текст : непосредственный.

Государства могут устанавливать минимальные стандарты для регулирования политического участия, если они разумны в соответствии с принципами представительной демократии. Такие стандарты должны гарантировать, среди прочего, проведение периодических, свободных, справедливых выборов на основе всеобщего, равного и тайного голосования как волеизъявления избирателей, отражающего суверенитет народа, принимая во внимание, что, согласно статье 6 Межамериканской демократической хартии, «поощрение и стимулирование различных форм участия укрепляет демократию», для чего могут быть разработаны правила, облегчающие участие конкретных слоев об-

щества, таких как члены коренных и этнических общин.

Важно отметить, что решения Межамериканского суда по правам человека являются обязательными для стран-членов Организации американских государств (ОАГ), признавших его юрисдикцию.

Таким образом, ограничения прав и свобод человека – это важный компонент правовой системы любого государства и современного общества [3. С. 54]. Такие ограничения должны носить правовой характер, а государства могут ограничивать осуществление этих прав исключительно при соблюдении ряда условий, которые установлены в конституциях и международно-правовых актах.

Литература:

1. Луць О. Н. Прецедентная практика органов межамериканской системы защиты прав человека в сфере региональных избирательных стандартов // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.). Пермь, 2012. С. 137-146. URL: <https://moluch.ru>.
2. Kordero K. Indigenous customary law. URL: <https://archivos.juridicas.unam.mx>.
3. Kuppe R. Some observations on the relationship between indigenous institutions and human rights URL: <http://ru.juridicas.unam.mx>.
4. Rolz J. Law of nations. Bogota, 1996.
5. Restrictions on Human Rights // Litigation. Series: Jurisprudential Renewal. URL: <https://www.kas.de>.
6. Haro R. Manual of constitutional law: manual. Cordoba, 2011.

PRACTICAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF CONSTITUTIONAL RESTRICTIONS ON POLITICAL RIGHTS AND FREEDOMS IN LATIN AMERICA BY INTER-AMERICAN COURT

Introduction. The article analyses the legal limits of restrictions on human rights and freedoms in Latin America. Accordingly, the article examines the provisions of international legal instruments and the provisions of national constitutions on the terms of human rights restrictions. The article also examines the jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights on constitutional limitations to suffrage rights.

Materials and methods. The article examines the Universal Declaration of Human Rights 1948, the American Convention on Human Rights. The provisions of the Constitutions of Mexico, Argentina, Bolivia and Chile were also examined, and the practice of the Inter-American Court of Human Rights on the issue of restrictions on voting rights was also analyzed.

The research is based on the following methods - formal legal, logical, historical, comparative legal and systemic analysis. The use of the formal legal method helps to identify the meaning of international legal documents concluded in various periods and aimed at establishing human rights and freedoms. The logical method contributed to the understanding of the need for countries in Latin America to cooperate with each other in various fields. The historical research method helps to establish the relationship between the historical perspective and the processes of modern development. The use of the historical-systemic method makes it possible to identify and study individual categories. The comparative legal method can be used to study the emergence, content and legislative consolidation of certain categories of human and civil rights and freedoms.

Research results. A distinctive feature of the activities of the bodies of the Inter-American system for the protection of human rights in considering complaints, which distinguishes the latter from other similar regional systems. This concept assumes that political rights, including electoral rights, must be considered from the point of view of two aspects: individual and collective. The "individual aspect" reveals the need to implement the electoral rights of one specific individual and the inadmissibility of their violation, while the "collective aspect" implies that violations of electoral rights in relation to one individual pose a danger to the entire society.

Discussion and conclusion. This work is devoted to the study of the inter-American system in the field of protection of human and civil rights and freedoms in Latin America.

Tamara O. Kuznetsova,
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Constitutional Law Department,
MGIMO University, Moscow, Russia

Lada O. Gordeychenko,
Lecturer, Public Law Department, MGIMO
University (Odintsovo), Russia

Ключевые слова:

право, права человека, конституционные ограничения, избирательные права, Межамериканский суд по правам человека, судебная практика, Латинская Америка.

Keywords:

law, human rights, constitutional limitations, electoral rights, Inter-American Court of human rights, case law, Latin America.

References:

1. Luts' O.N., 2012. Precedentnaya praktika organov mezhamerikanskoj sistemy zashchity prav cheloveka v sfere regional'nyh izbiratel'nyh standartov [Case law of the bodies of the inter-American system for the protection of human rights in the sphere of regional electoral standards]. *Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', mart 2012 g.)* [Legal sciences: problems and prospects: materials of the I International scientific conference]. Perm'. S. 137-146. URL: <https://moluch.ru>.
2. Kordero K. Indigenous customary law. URL: <https://archivos.juridicas.unam.mx>.
3. Kuppe R. Some observations on the relationship between indigenous institutions and human rights URL: <http://ru.juridicas.unam.mx>.
4. Rolz J., 1996. Law of nations. Bogota.
5. Restrictions on Human Rights. *Litigation. Series: Jurisprudential Renewal*. URL: <https://www.kas.de>.
6. Haro R., 2011. Manual of constitutional law: manual. Cordoba.

МУС ВОПИЮЩЕГО В СТЕПИ: РЕШЕНИЕ ПО МОНГОЛИИ

Никита Колмаков*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-89-98

Введение. В статье приводится исследование международно-правовых аспектов иммунитета высших должностных лиц государства от уголовной юрисдикции МУС в свете недавнего политически ангажированного решения Суда от 24 октября 2024 г. о несоблюдении Монголией обязанности по сотрудничеству с МУС путем неисполнения запроса об аресте и передаче президента Российской Федерации. Автор оценивает выводы МУС на предмет их соответствия нормам обычного международного права, отраженным в представленном КМП в июне 2022 г. проекте статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, а также положениям Части 9 Римского статута.

Материалы и методы. При проведении исследования автор использовал следующие общенаучные и специальные методы: синтез, анализ, индукция, дедукция, диалектический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, экстраполяция и аналогия.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу о порочности позиции МУС о том, что Монголия по запросу МУС была обязана арестовать главу государства, не участвующего в Римском статуте. Подход Суда противоречит как нормам обычного международного права, в соответствии с которыми глава государства обладает иммунитетом *ratione personae* от любой иностранной уголовной юрисдикции, так и положениями ст. 98 (1) Римского статута, которая запрещает Суду обращаться к государствам-участникам Статута с запросом об аресте и передаче наделенного иммунитетом должностного лица государства, не участвующего в Статуте, предварительно не заручившись поддержкой данного третьего государства в вопросе снятия иммунитета. Более того, изобилующее ссылками на интересы человечества решение обнажает отсутствие у МУС фактических и юридических полномочий по принуждению государств к исполнению *ultra vires* запроса об аресте и передаче, выданного в отношении главы государства, не участвующего в Римском статуте.

Обсуждение и заключение. В качестве заключения автор предлагает подход, в соответствии с которым возможность выдачи и исполнения запроса об аресте и передаче главы государства, не участвующего в Римском статуте, зависит от участия Совета Безопасности ООН в передаче ситуации на рассмотрение МУС. Данный подход в полной мере согласуется с заключением Международно-правового совета при МИД России «Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда».

* Колмаков Никита Евгеньевич, аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: kolmakov_n_e@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0009-0009-6634-4707

Введение

В Решении Международного Суда ООН от 14 февраля 2002 года по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 года» (ДРК против Бельгии) указано, что «в международном праве твердо установлено, что, как и дипломатические, и консульские агенты, некоторые должностные лица государства высокого ранга, такие как глава государства, глава правительства и министр иностранных дел, пользуются иммунитетом от юрисдикции в других государствах как гражданской, так и уголовной»¹.

Данное положение констатировало состояние сложившегося к началу XXI века в международном праве отношения к вопросу об иммунитете высших должностных лиц государств от иностранной уголовной юрисдикции.

В последующие годы данное положение стало предметом постоянно расширяющейся дискуссии, подпитываемой судебной практикой органов международной уголовной юстиции, которые согласно их уставным документам призваны лишь дополнять национальные органы юстиции. Однако события последних лет, особенно связанные с деятельностью Международного уголовного суда (далее по тексту – МУС или Суд), свидетельствуют о многочисленных попытках подмены строгого следования нормам международного права об иммунитете высших должностных лиц государств от уголовного преследования, политически обусловленными судебными решениями. Последнее из них – Решение МУС о невыполнении Монголией просьбы Суда сотрудничать в аресте и выдаче Президента Российской Федерации от 24 октября 2024 г.² В своей практике МУС и ранее неоднократно нарушал как положения учредившего его Римского статута Международного уголовного суда (далее – Римский статут или Статут), так

и общепризнанные нормы международного права. Среди наиболее очевидных нарушений – попытки осуществления юрисдикции в отношении деяний, предположительно совершенных на территории и гражданами государства, не участвующего в Статуте. Несмотря на то, что такие нарушения уже становились предметом широкого обсуждения в научной литературе, а сам МУС все больше утрачивает свой авторитет в глазах значительной части международного сообщества, полагаем необходимым продолжение исследований по такому важному вопросу, каковым являются международно-правовые аспекты иммунитета должностных лиц государства от уголовной юрисдикции МУС. Тем более, что в последние годы эта проблема получила новое звучание в контексте работы Комиссии международного права ООН над проблематикой такого иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции.

Исследование

С 2007 г. в долгосрочную программу работы Комиссии международного права ООН (далее – КМП) включена тема «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»³. В 2022 г. КМП приняла в первом чтении проекты статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции⁴, которые предусматривают, что:

- главы государств, главы правительств и министры иностранных дел пользуются иммунитетом *ratione personae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции (ст. 3);
- должностные лица государства, выступающие в качестве таковых, пользуются иммунитетом *ratione materiae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции (ст. 5).

¹ ICJ, Judgement, Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), I.C.J. Reports 2002. Para. 51.

² ICC PTC II. Situation in Ukraine. Finding under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Mongolia with the request by the Court to cooperate in the arrest and surrender of Vladimir Vladimirovich Putin and referral to the Assembly of States Parties, No. ICC-01/22, 24.10.2024. Далее упоминается без дополнительных ссылок.

³ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (1 мая — 9 июня и 3 июля — 11 августа 2006 года). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи о работе ее шестьдесят первой сессии. Дополнение № 10 (A/61/10) // Документ ООН A/61/10. С. 428-433, 440-462.

⁴ Доклад Комиссии международного права о работе ее семьдесят третьей сессии (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят седьмая сессия, Дополнение № 10 (A/77/10) // Документ ООН A/77/10. С. 219-334. Далее упоминается без дополнительных ссылок.

⁵ Там же. Пункт 31. С. 227.

В Общем комментарии к проектам статей КМП указала, что в них «определяется общий правовой режим, применимый к данной категории иммунитета, который характеризуется следующими элементами: а) он ограничен иммунитетом от уголовной юрисдикции; б) он ограничивается иностранной уголовной юрисдикцией и не затрагивает правовой режим, применимый в международных уголовных судах; и с) он распространяется на всех должностных лиц государства, независимо от занимаемой ими должности или конкретных функций, которые они выполняют в государстве, за единственным исключением тех должностных лиц государства, на которых распространяются специальные режимы»⁵.

Вопреки данному утверждению проект ст. 7 предусматривает исключения в отношении преступлений по международному праву, в отношении которых иммунитет *ratione materiae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции не должен применяться. К ним предложено отнести преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление апартеида, пытки, насильственное исчезновение, которые следует понимать в соответствии с их определением в международных договорах, перечисленных в приложении к проектам статей. В числе этих договоров обозначен и Римский статут Международного уголовного суда. Одновременно в проекте п. 3 ст. 1 указано, что проекты статей не наносят ущерба правам и обязательствам государств-участников по международным соглашениям об учреждении международных судов и трибуналов в качестве *участников таких соглашений*.

Проекты статей через Генерального секретаря ООН были направлены правительствам, международным организациям и другим сторонам для получения от них комментариев и замечаний⁶, которые представлены мировому сообществу в мае 2024 г.⁷

Российская Федерация, в своих комментариях (так же, как и в ходе дискуссий в составе КМП), в числе иного, обратила внимание на то, что:

1). «По ряду ключевых вопросов Комиссия пришла к неверным выводам, не соответствующим ни объективному содержанию международного права на сегодняшний день, ни потребностям государств в его развитии. Главный из таких вопросов — так называемые исключения из иммунитета применительно к наиболее тяжким преступлениям по международному праву (проект статьи 7). Россия настаивает, что в обычном международном праве таких исключений нет и что такие исключения несли бы существенный риск дестабилизации международных отношений, причем без какого-либо ощутимого вклада в борьбу с безнаказанностью»⁸.

2). «Комиссия упустила из виду действительно важный практический вопрос, который возникает на стыке национальной уголовной юрисдикции и юрисдикции международных судебных органов... — обязательства государства в рамках учредительного договора органа международной юстиции не освобождают это государство от обязательств по соблюдению иммунитета должностных лиц государств, которые не являются сторонами этого договора»⁹.

Следует отметить, что подобную позицию высказал еще ряд стран, представивших свои комментарии. В понимании, к примеру, США «любые права или обязательства, вытекающие из таких соглашений, как Римский статут, действуют только между участниками таких соглашений. Этот смысл усилен в комментарии, где отмечено, что «[в] пункте 3 подчеркивается, что проекты статей и специальные режимы, применимые к международным уголовным судам и трибуналам, существуют отдельно и независимо друг от друга». Как указано далее, «договорные правовые режимы,

⁶ Доклад Комиссии международного права о работе ее семьдесят третьей сессии. Резолюция 77/103, принятая Генеральной Ассамблеей 7 декабря 2022 года // Документ ООН A/RES/77/103, 19 December 2022. Пункт 6.

⁷ Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Комментарии и замечания, полученные от правительств. Комиссия международного права : семьдесят пятая сессия (Женева, 29 апреля — 31 мая и 1 июля — 2 августа 2024 года) // Документ ООН A/CN.4/771, 7 May 2024.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 31.

применимые к международным уголовным судам, как вопрос права международных договоров, распространяются *только на отношения между участниками* соглашения об учреждении международного уголовного суда или трибунала»¹⁰.

Применительно к деятельности МУС это означает, что он вправе обращаться с запросами о сотрудничестве по делам в отношении пользующихся иммунитетом лиц к не участвующим в Статуте государствам только заручившись их предварительным согласием. Нормативно такой порядок закреплен в нормах ст. 98 Статута¹¹. Несмотря на договорный характер этих ограничений, в практике МУС их нарушение приобрело системный характер. До недавнего времени наиболее известными фактами этого стали требования МУС к различным государствам мира по выданному им ордеру на арест президента, не участвующего в Статуте Судана Омара аль-Башира¹². Ордер на арест главы Судана подлежал рассылке всем государствам-участникам Статута и членам ООН, не являющимися его участниками. Каждое из государств, в случае нахождения главы Судана на своей территории, обязано принять меры для его задержания и передачи в распоряжение Суда (ст. ст. 89 и 91 Статута). Однако данное достаточно громкое дело продемонстрировало отсутствие у государств намерения активно сотрудничать с МУС - на практике они не проявляли намерения исполнять положения Статута. Глава Судана посетил с официальными визитами ряд стран - Кению (2010), Китай (2011), Ливию и Египет (2012) и некоторые другие, однако данные государства не предприняли никаких мер по его задержанию и передаче в Суд, хотя являются членами ООН и некоторые из них - участниками Статута (Кения).

Позиции всех государств, отказавшихся арестовать и передать МУС Омара аль-Башира, находившегося на их территории, оказались в значительной мере схожими. Они сводились, во-первых, к наличию у него иммунитета как у действующего главы государства; во-вторых, к неисполнению самим МУС предписаний ст. 98 Статута, которое выразилось в необращении к Судану, не являющемуся его участником, с запросом о снятии иммунитета с аль-Башира.

Данную позицию разделили и видные представители научного сообщества. Так, бывший председатель Международного трибунала по бывшей Югославии Антонио Кассесе отметил, что МУС выдал запрос об аресте и выдаче аль-Башира в нарушение положений статьи 98(1) Статута. Он указал, что ввиду того, что Судан не участвует в Римском статуте, а МУС не отозвал иммунитет президента аль-Башира, то последний обладает иммунитетом по отношению к другим государствам. Следовательно, ученый пришел к выводу о том, что: «шаги, предпринятые МУС, превышают полномочия Суда и противоречат ст. 98(1) Статута» [5. Р. 368].

Фактически в деле аль-Башира МУС отказался от соблюдения нормативного исключения из его персональной юрисдикции.

Как известно, Российская Федерация 13 сентября 2000 г. подписала Римский статут Международного уголовного суда, принятый Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН в г. Риме 17 июля 1998 г. А 16 ноября 2016 г. приняла решение о намерении Российской Федерации не стать участником Статута¹³. В силу этого наша страна не являлась и не является участником Статута. Соответственно в отношении высших должностных лиц Российской Федерации МУС не вправе

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Статья 98 Римского статута предусматривает, что: 1. Суд не должен обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока Суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета. 2. Суд не должен обращаться с просьбой о передаче, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, не совместимых с его обязательствами по международным соглашениям, в соответствии с которыми для передачи какого-либо лица суду требуется получение согласия направляющего государства, если только Суд сначала не заручится сотрудничеством направляющего государства в деле получения согласия на передачу.

¹² Ордер на арест Омара Хасана Ахмада аль-Башира от 04.03.2009 г. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2009_01791.PDF.

¹³ Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.11.2016. № 47. Ст. 6630.

обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета.

Вопреки этому, МУС продолжает свою нелегитимную деятельность.

24 октября 2024 г. МУС вынес решение, в котором пришел к выводу о том, что Монголия нарушила обязательство по сотрудничеству, предусмотренное ст. 86 Статута. По мнению Суда, нарушение Монголией обязательства по сотрудничеству выразилось в неисполнении запроса МУС об аресте и передаче Суду Президента Российской Федерации во время его официального визита в Монголию в сентябре 2024 г.¹⁴

В данном деле основным вопросом было установление того, обязаны ли государства-участники Римского статута исполнять запрос МУС об аресте и передаче главы государства, не участвующего в нем.

Возражая против обязанности произвести арест и передачу Президента Российской Федерации, Монголия, со ссылкой на ст. 98 (1) Статута, обоснованно указала на то, что не отозванный Россией иммунитет действующего главы государства препятствует исполнению запроса МУС.

Поскольку Российская Федерация не участвует в Статуте, действующий Президент России обладает иммунитетом *ratione personae* от любой иностранной уголовной юрисдикции [3. С. 32].

Из буквального толкования положений ст. 98 (1) Статута, применительно к рассматриваемой ситуации, следует, что МУС не вправе требовать от его государств-участников ареста и передачи Президента Российской Федерации до того, как Россия отзовет его иммунитет.

МУС предпринял попытку отвергнуть данный довод, как якобы противоречащий ст. 27 Статута, которая устанавливает, что должностное положение как главы государства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности, а иммунитеты

по национальному или международному праву не должны препятствовать осуществлению МУС его юрисдикции.

Указывая на структуру Статута, МУС пришел к выводу о том, что поскольку ст. 27 относится к части 3 Статута «Общие принципы уголовного права», то обладает приоритетом перед его ст. 98 и влечет правовые последствия в виде признания ничтожными любых иммунитетов по международному праву, вне зависимости от гражданства обвиняемого, будь то государство-участник Римского статута или нет.

Порочность данного вывода МУС заключается в том, что со ссылкой на одну статью международного договора, суд фактически полностью исключил применение другой его статьи. Такой подход прямо противоречит правилам толкования международных договоров, установленных Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года (далее по тексту – Венская конвенция)¹⁵.

В силу ст. 31 Венской конвенции, международный договор должен толковаться в соответствии с обычным значением его терминов в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. При этом пункт 2 указанной статьи относит основной текст, преамбулу и приложения к контексту международного договора.

Ссылаясь на нормы преамбулы Статута в обоснование своего вывода, МУС одновременно пошел на явное противоречие предложенного им толкования отдельных положений Статута его тексту: одна его статья не может отменять действие другой его статьи. По смыслу ст. 31 Венской конвенции, нормы ст. ст. 27 и 98 Статута должны толковаться в совокупности и взаимосвязи, а также в соответствии с объектом и целью этого международного договора.

Более того, подробно излагая в решении цели Статута, МУС намеренно упустил из виду его объект, а именно те правоотношения, которые им регулируются.

Согласно ст. 34 Венской конвенции, международный договор не порождает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия.

¹⁴ ICC PTC II. Situation in Ukraine. Finding under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Mongolia with the request by the Court to cooperate in the arrest and surrender of Vladimir Vladimirovich Putin and referral to the Assembly of States Parties, No. ICC-01/22, 24.10.2024.

¹⁵ Венская конвенция о праве международных договоров (Заклучена в Вене 23.05.1969) // Ведомости Верховного Совета СССР. 10.09.1986. № 37. Ст. 772. Далее по тексту упоминается без дополнительных ссылок на него.

Указанное положение неправомерно отклонено МУС со следующим обоснованием: суд не стремится наложить обязанности, предусмотренные Статутом, на третье государство, а требует сотрудничества от государств-участников в рамках расследования дела в отношении лица, предположительно совершившего преступление, перечисленное в ст. 5 Статута, на территории, относящейся к юрисдикции МУС¹⁶.

При формальном подходе позиция МУС может показаться верной: действительно, обязанность исполнить запрос об аресте и передаче была возложена на Монголию как на участника Статута, а не на Россию, не участвующую в нем.

Однако МУС не учел, что положения ст. 34 Венской конвенции должны толковаться расширительно: международный договор не только не налагает обязательств на третье государство, но и никоим образом не должен затрагивать их права¹⁷. Иными словами, международный договор вообще не может оказывать какого-либо эффекта на третье государство без его на то согласия [6. Р. 48].

Международный суд ООН в упомянутом Решении от 14 февраля 2002 г. по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 года» (ДРК против Бельгии) признал, что обычное международное право наделяет министров иностранных дел иммунитетом не для их личной выгоды, а для обеспечения эффективного выполнения ими их функций в интересах представляемых ими государств¹⁸. Безусловно, данный вывод применим и к главам государств.

Иммунитет, которым наделен Президент Российской Федерации с учетом норм обычного международного права, является не его личной преференцией, а служит интересам государства.

Следовательно, вывод МУС о том, что запрос суда об аресте и передаче Президента Российской Федерации, выданный на основании ст. 87 Статута, не налагает на Россию каких-либо обязательств и несостоятелен,

поскольку затрагивает права и законные интересы третьего государства, что не допустимо в соответствии со ст. 34 Венской конвенции.

Представляется, что ст. 27 Статута, исключая ссылку на иммунитеты как на основание, освобождающее от уголовной ответственности или препятствующее осуществлению юрисдикции, обязательна только для государств-участников и не может оказывать какого-либо эффекта на третье государство.

Ратификация Римского статута государством является в том числе выражением его суверенной воли отказаться от иммунитетов своих высших должностных лиц в вертикальных отношениях с МУС и горизонтальных отношениях с другими государствами-участниками в случае поступления запроса МУС об аресте и передаче. Однако данное положение никак не может распространяться на государства, не участвующие в Статуте и не признающие юрисдикцию МУС [1. С. 61]. Одновременно представляется, что добровольный отзыв иммунитета высшего должностного лица по запросу МУС государством, не участвующим в его Статуте, о котором говорится в ст. 98 (1), как раз и является тем самым согласием третьего государства, предусмотренным ст. 34 Венской конвенции.

К сожалению, вместо того чтобы отталкиваться от своей правовой природы международной организации, учрежденной многосторонним международным договором, в рассматриваемом решении МУС еще раз продемонстрировал амбиции утвердиться в качестве некоего уголовного суда ООН с обязательной юрисдикцией. На это указывают многочисленные ссылки на свою международно-правовую природу и отправление правосудия от имени человечества.

Безосновательной выглядит попытка МУС представить себя судом, которому международное сообщество «доверило *jus puniendi*» в данном деле.

¹⁶ Supra 1, ¶ 19.

¹⁷ International Law Commission, Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries // Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. II. P. 226.

¹⁸ ICJ, Judgement, Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), I.C.J. Reports 2002, p. 3, 53.

Подобная позиция впервые была высказана МУС еще в решении по Малави в деле Аль-Башира¹⁹. Однако, следует отметить, что в деле Аль-Башира у МУС были более веские основания претендовать на международное *jus puniendi* ввиду того, что ситуация в Дарфуре, в отличие от ситуации на Украине, была передана МУС Советом Безопасности ООН.

Таким образом, в отсутствие передачи соответствующей ситуации Советом Безопасности, МУС полномочен отправлять правосудие только от имени государств-участников Статута и не более того.

В горизонтальных отношениях ни одно государство или их группа не вправе осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении действующего главы другого государства. Данное правило следует из принципа *par in parem non habet imperium (jurisdictionem)*. Вместе с тем следует также помнить про общеправовую максиму *nemo dat quod non habet*, из которой в контексте рассматриваемой ситуации следует, что если государство-участник не вправе самостоятельно привлечь главу другого государства к ответственности, то и наделить такими полномочиями иного субъекта оно не может.

Подход о том, что одно государство не может судить главу другого суверенного государства, а группа государств может, учредив своим соглашением суд и назвав его международным и якобы действующим от имени человечества, способна привести к катастрофическим последствиям для системы международных отношений [4. Р. 175]. Если каждый раз, когда политика одного государства будет встречать неодобрение со стороны какой-либо группы государств, которые будут учреждать суд, издающий ордер на арест высших должностных лиц такого государства и требующий его исполнения, то всю инфраструктуру внешних сношений постигнет коллапс, а сама концепция международного правосудия будет дискредитирована.

В существующем миропорядке единственной организацией, представляющей все человечество, является ООН, что прямо следует из преамбулы ее Устава. Устав ООН не предусматривает наличия при Организации международного суда уголовной юрисдикции по аналогии с Международным судом ООН.

МУС не является органом ООН, и их взаимодействие в силу ст. 2 Статута осуществляется на основании соглашения. Пункт 1 ст. 2 данного соглашения прямо закрепляет независимость МУС²⁰, что подразумевает его непринадлежность к системе органов ООН. Еще более примечательным выглядит то, что МУС сам неоднократно указывал на недопустимость передачи вопросов, относящихся к его компетенции, на рассмотрение Международного суда ООН, тем самым подчеркивая свою независимость от ООН²¹.

Ввиду этого ничем не подкреплёнными и непоследовательными выглядят многочисленные утверждения МУС о том, что суд действует от имени всего человечества²².

По настоящее время Статут ратифицировали 124 государства, в то время как в ООН состоят 193. Отдельно следует обратить внимание на то, что такие крупнейшие страны как Индия, Китай, Россия и США не ратифицировали Статут. Таким образом, претензии МУС на то, чтобы являться представителем всего человечества беспочвенны.

Еще более несостоятельной видится попытка МУС прикрыться авторитетом Совета Безопасности ООН. В параграфе 32 решения указывается, что Совет Безопасности ООН, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, неоднократно признавал роль МУС, в частности в резолюциях, передающих на рассмотрение суда ситуации в Дарфуре и Ливии. Однако данный довод едва ли можно признать убедительным.

Во-первых, передача Советом Безопасности на рассмотрение МУС ситуаций в Дарфуре и Ливии никак не влияет

¹⁹ ICC PTC-1, Situation in Darfur, Sudan, the Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, Corrigendum to the Decision Pursuant to Article 87(7) of the Rome Statute on the Failure by the Republic of Malawi to Comply with the Cooperation Requests Issued by the Court with Respect to the Arrest and Surrender of Omar Hassan Ahmad Al Bashir, No. ICC-02/05-01/09, 13.12.2011, 46.

²⁰ Negotiated Relationship Agreement between the International Criminal Court and the United Nations, утверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 58/318 от 13.09.2004, вступило в силу 04.10.2004.

²¹ ICC, Q&A regarding Appeals Chamber's 6 May 2019 Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/190515-al-bashir-qa-eng.pdf>. (Дата обращения: 28.10.2024).

²² Supra 1, 30-31.

на расследование ситуации на Украине, переданной МУС ограниченной группой политически мотивированных государств-участников Статута, а не Советом Безопасности ООН. Соответственно, аргумент о том, что передача последним ситуации на рассмотрение МУС аннулирует иммунитет главы государства, не участвующего в Статуте, использованный в деле Омара Аль-Башира, неприменим при данных обстоятельствах.

Во-вторых, крайне самонадеянной видится попытка МУС представить себя некой судебной ветвью Совета Безопасности ООН в условиях, когда большинство его постоянных членов не ратифицировали Статут.

Соответственно, отсутствуют как правовые, так и политические и фактические основания считать МУС судом, осуществляющим правосудие от имени человечества, ООН или Совета Безопасности ООН.

Еще более несостоятельной выглядит попытка МУС оправдать *ultra vires* обращение к государству-участнику Статута с запросом об аресте и передаче главы государства, не участвующего в нем, используя ненадлежащее толкование ст. 98 (1) Статута. Данное положение прямо запрещает МУС обращаться к государству-участнику с запросом о передаче высшего должностного лица третьего государства, пока это государство не отзовет его иммунитет. МУС, обратившись к Монголии, нарушил данное предписание.

В рассматриваемом решении МУС пытается оправдаться тем, что отзыв Россией иммунитета Президента вообще не требовалось, поскольку ст. 98 (1) Статута, якобы, защищает не высшее должностное лицо, а помещения дипломатических миссий, иное имущество и документы, принадлежащие третьему государству.

Данный вывод абсурден. Во-первых, потому, что ст. 98 (1) запрещает обращаться именно с запросом о передаче (англ.: *surrender*). Данный термин в Статуте и документах Суда используется исключительно в контексте лиц, а не помещений, имущества или документов. Во-вторых, традиционно уголовный процесс, в том числе и международный, предоставляет лицам большую защиту, нежели помещениям, имуществу и документам. На это указывает и ст. 21(3) Статута, согласно которой МУС должен применять и толковать его нормы в соответствии с международно-признанными правами человека. В этой связи крайне странной

выглядит позиция, в соответствии с которой для изъятия документа, принадлежащего третьему государству, требуется его согласие, а для ареста его высшего должностного лица – нет.

Приведенный нами анализ показывает, что запрос МУС об аресте и передаче Президента Российской Федерации (впрочем, как и сам ордер об аресте) является *ultra vires* и не подлежит исполнению государствами-участниками Статута как нарушающий запрет, установленный ст. 98 (1).

Подводя итог, укажем, что если МУС стремится завоевать репутацию суда, руководствующегося принципом *fiat iustitia, et pereat mundus*, то такие неправосудные и политизированные судебные акты как решение по Монголии от 24.10.2024 не просто не приближают его к этой цели, но все дальше отдалают от ее достижения.

Заключение

В качестве заключения автор полагает возможным следующий подход к рассмотрению вопросов об иммунитете высшего должностного лица третьего государства на осуществление государствами-участниками Статута международного сотрудничества и судебной помощи МУС в форме ареста и передачи.

По смыслу положений Глав V-VII Устава ООН, Совет Безопасности ООН – это единственный орган, который действует от имени всех членов ООН в целях поддержания международного мира и безопасности, и чьи действия и решения носят общеобязательный характер.

В случае, если Совет Безопасности ООН резолюцией передал ситуацию на рассмотрение МУС и обязал третье государство, должностным лицом которого является обвиняемый, сотрудничать с МУС, то он вправе требовать от государств-участников МУС ареста и передачи обвиняемого без согласия третьего государства на отзыв иммунитета его чиновника. Это связано с тем, что в данном случае сотрудничество с МУС путем отзыва иммунитета происходит не добровольно, о чем говорится в ст. 98 (1) Статута, а в силу обязательной резолюции Совета Безопасности ООН.

Мнение о том, что на третьи государства, которые Совет Безопасности ООН обязал сотрудничать с МУС резолюцией о передаче ситуации, распространяется режим

сотрудничества для государств-участников, установленный частью 9 Статута, озвучивал и сам МУС в постановлении апелляционной палаты в отношении Иордании²³.

Без резолюции Совета Безопасности ООН о передаче ситуации МУС не вправе обращаться к государству-участнику Статута с запросом об аресте и передаче высшего должностного лица третьего государства, не отозвавшего иммунитет своего должностного лица. В свою очередь, запрашиваемое государство не должно исполнять такой *ultra vires* запрос МУС, поскольку это нарушит его международно-правовые обязательства.

Данный вывод в полной мере согласуется с заключением Международно-правового совета при МИД России «Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда», согласно выводам которого:

«5. Так называемые ордера на арест, выданные Международным уголовным судом в отношении Президента Российской Федерации и уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, являются неправомерными с точки зрения как общего международного права, так и Римского статута. Выдав эти ордера, МУС

как международная организация совершил международно-противоправное деяние.

6. Национальное исполнение ордеров на арест, выданных МУС, является формой осуществления государством своей собственной уголовной юрисдикции. Попытка исполнения ордера на арест, выданного МУС в отношении должностных лиц государств, не являющихся участниками РС и в отсутствие соответствующего решения СБ ООН, стала бы нарушением норм об иммунитетах и, следовательно, международно-противоправным деянием соответствующего государства, влекущим международную ответственность этого государства.

7. В своей деятельности МУС отошел как от своих первоначальных целей, заложенных Римским статутом, так и в целом от норм и принципов международного права. Налицо признаки его политизации и ангажированности. Совокупность допускаемых МУС и его прокурором нарушений международного права, процедурных упущений, вмешательства посторонних политических факторов, позволяет ставить вопрос об утрате Судом авторитета в глазах значительной части международного сообщества и как следствие, - его легитимности» [2. С. 55-56].

Литература:

1. Богуш Г.И. Прокурор против Аль-Башира: ордер на арест и иммунитет действующего главы государства // Альманах международного права. 2009. № 1. С. 59-68.
2. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда: Заключение Международно-правового совета при МИД России. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. 64 с.
3. Татаринов М.К., Касперович А.М. Иммунитеты должностных лиц государств от иностранной уголовной юрисдикции: обзор позиций государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 01. С. 32-36.
4. Akande D. The Immunity of Heads of States of Nonparties in the Early Years of the ICC // AJIL Unbound. 2018. P. 172-176.
5. Cassese A., Gaeta P. Cassese's International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press. Oxford, 2013. 472 p.
6. Fitzmaurice M. Third Parties and the Law of Treaties // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2002. Vol. VI. P. 37-137.

²³ ICC AC, Situation in Darfur, Sudan, the Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal, No. ICC-02/05-01/09 OA2, 06.05.2019, ¶ 141.

ICC OF ONE CRYING IN STEPPE: FINDING OVER MONGOLIA

Introduction. The article provides a study of international law aspects of senior state officials' immunity from ICC criminal jurisdiction in light of the Court's recent politically biased finding of 24 October 2024 on Mongolia's failure to fulfill its obligation to cooperate with the ICC by non-execution of the request for the Russian President arrest and surrender. The author examines the ICC's ruling for its consistency with customary international law as reflected in the ILC's June 2022 Draft Articles on Immunity of State Officials from Foreign Criminal Jurisdiction, as well as the provisions of Part 9 of the Rome Statute.

Materials and methods. In conducting the research, the author employed the following general scientific and special methods: synthesis, analysis, induction, deduction, dialectical, formal-legal, system-structural, comparative-legal methods, extrapolation and analogy.

Research results. The author concludes that the ICC's approach is flawed in its contention that Mongolia, at the request of the ICC, was obliged to arrest a Head of State not party to the Rome Statute. The Court's approach is at odds both with customary international law, according to which a Head of State has immunity *ratione personae* from any foreign criminal jurisdiction, and with the provisions of art.

98 (1) of the Rome Statute, which bars the Court from requesting States parties to the Statute to arrest and surrender an immune official of a State not party to the Statute, without first obtaining voluntary waiver of immunity from that third State. Moreover, the ICC decision, replete with references to the interests of humanity, reveals the Court's lack of actual and legal authority to enforce the *ultra vires* request for arrest and surrender issued against the Head of State not party to the Rome Statute.

Discussion and Conclusion. In conclusion, the author proposes an approach according to which the feasibility of issuing and executing a request for the arrest and surrender of a head of state not party to the Rome Statute depends on the involvement of the UN Security Council in referring the situation to the ICC. This approach is fully consistent with the conclusion of the International Legal Council under the Russian Ministry of Foreign Affairs "Problems of legitimacy of the International Criminal Court".

Nikita E. Kolmakov,
postgraduate student, Department
of Criminal Law, Criminal Procedure and
Criminology, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

глава государства, иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, иммунитет от уголовной юрисдикции, Комиссия международного права ООН, Международный уголовный суд, ордер на арест, передача, Монголия

Keywords:

Head of State, Immunity of State officials from foreign criminal jurisdiction, Immunity from criminal jurisdiction, International Law Commission, International Criminal Court, arrest warrant, Surrender, Mongolia

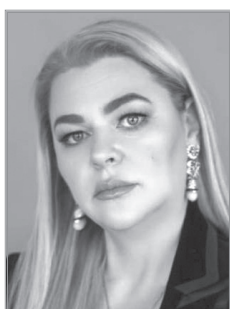
References:

1. Bogush G.I., 2009. Prokuror protiv Al'-Bashira: order na arest i иммунитет dejstvujushhego glavy gosudarstva [Prosecutor v. Al-Bashir: Arrest Warrant and Immunity of the Incumbent Head of State]. *Al'manah mezhdunarodnogo prava [International Law Almanac]*. № 1. S. 59-68.
2. Problemy pravomernosti dejatel'nosti Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda: Zakljuchenie Mezhdunarodno-pravovogo soveta pri MID Rossii [Problems of Legality of the International Criminal Court: Conclusion of the International Legal Council under the Russian Ministry of Foreign Affairs]. 2024. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 64 s.
3. Tatarinov M.K., Kasperovich A.M., 2024. Immunitety dolzhnostnyh lic gosudarstv ot inostrannoju ugolovnoj jurisdikcii: obzor pozicij gosudarstv [Immunities of state officials from foreign criminal jurisdiction: review of the states' positions]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija [International Criminal Law and International Justice]*. № 01. S. 32-36.
4. Akande D., 2018. The Immunity of Heads of States of Nonparties in the Early Years of the ICC. *AJIL Unbound*. P. 172-176.
5. Cassese A., Gaeta P., 2013. Cassese's International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press. Oxford. 472 p.
6. Fitzmaurice M., 2002. Third Parties and the Law of Treaties. *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. VI. P. 37-137.

РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ОСНОВ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ О ДЕТЯХ

Виктория Данильченко*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-99-110

Введение. В настоящем исследовании проанализированы правовые основы участия адвоката в урегулировании споров о детях, сформированные в рамках таких глобальных международных организаций, как Организация Объединенных Наций и Гаагская конференция по международному частному праву (ГКМЧП). Автор отмечает, что каждая из международных организаций вносит свой дифференцированный вклад в развитие релевантного правового регулирования.

Материалы и методы. В ходе написания работы применялись приемы научного познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщения, аналогии и другие. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы: системно-структурный, метод догматического анализа, метод толкования правовых норм, метод юридико-технического конструирования, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический и др.

Результаты исследования. Анализ международных договоров выявил разноплановость подходов к формированию правовых основ участия адвоката в урегулировании споров о детях. Так, ООН в своей деятельности фокусируется на общих вопросах обеспечения защиты прав человека, включая отдельные категории лиц (например, детей), а также на создании международной институциональной структуры, обеспечивающей всеобщий надзор за их соблюдением. Между тем процессуальные основы участия адвоката на уровне международного права применительно к спорам о детях закладываются в рамках международных договоров ГКМЧП.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что имплементация норм международных договоров ГКМЧП и документов ООН на наднациональном и национальном уровнях позволяет гармонизировать практику вовлечения адвокатов в урегулирование гражданских, торговых и семейных споров, включая споры о детях.

* **Данильченко Виктория Борисовна**, руководитель Московской коллегии адвокатов «Коллегия адвокатов Виктории Данильченко», преподаватель кафедры адвокатуры МГИМО МИД России
e-mail: vividan@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-8533-7299

Введение

Защита прав ребенка при рассмотрении споров о детях — социальная проблема, разрешением которой озабочено глобальное сообщество. Особую роль в данном контексте играет обеспечение прав детей на общение с обоими родителями, а также прав родителей принимать участие в воспитании детей. Данное правомочие особенно актуально в контексте проживания родителей ребенка в разных государствах [1. С. 241]. Участвовавшие случаи незаконного вывоза несовершеннолетних за пределы Российской Федерации, а также отказа одного из родителей, который проживает в иностранном государстве, в обеспечении доступа другого родителя к общению и воспитанию ребенка ставят перед международным и национальным законодателем задачи по разработке эффективно функционирующих механизмов, способствующих снижению частоты возникновения подобных ситуаций. Успешное урегулирование споров, возникающих в связи с указанными выше проблемами, во многом зависит от результатов работы профессиональных представителей интересов спорящих сторон, прежде всего, адвокатов. В данном контексте представляет интерес опыт глобальных международных организаций¹ в части создания универсальных правовых основ участия адвоката в урегулировании споров о детях. В настоящем исследовании рассмотрены правовые основы участия адвоката в урегулировании споров о детях, сформированные на уровне Организации Объединенных Наций (ООН) и Гаагской конференции по международному частному праву (ГКМЧП).

Исследование

Опыт Организации Объединенных Наций (ООН). ООН, будучи субъектом международного права [5. С. 10], формирует базовые положения о защите прав несовершеннолетних, международную институциональную структуру, обеспечивающую всеобщий надзор за их соблюдением.

Справедливости ради стоит отметить, что исторически ООН не была первой международной межправительственной организацией, деятельность которой затрагивала проблематику защиты прав детей. Лига Наций — международная организация, являющаяся предшественницей ООН, стала инициатором принятия Декларации прав детей 1924 года (принята в г. Женева), в рамках которой были сформулированы пять основных принципов, в соответствии с которыми должны приниматься соответствующие законодательные и другие меры на уровне государств. В контексте настоящего исследования интерес представляет принцип 1, в соответствии с которым ребёнку должны быть предоставлены соответствующие средства, необходимые для полноценного физического и духовного развития. Принцип 4, отраженный в Декларации 1924 года, предполагает, что ребенок должен расти в атмосфере добросердечности и получать защиту от разнообразных форм эксплуатации². Впоследствии данные принципы были дополнены и отражены в Декларации прав ребенка 1959 года³.

Возвращаясь к роли ООН в формировании международно-правовых основ защиты прав детей, в том числе в контексте урегулирования различных семейных споров, важно

¹ Прим.: при этом под глобальными международными организациями рассматриваются международные межправительственные организации (ММПО), в целом открытые для вступления для государств по всему миру при условии соблюдения определенных критериев. К глобальным ММПО традиционно относят Организацию Объединенных Наций (ООН) и ее специализированные учреждения, Всемирную организацию здравоохранения, Международный союз электросвязи (МСЭ), Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ) и др.

² Прим.: остальные принципы, закрепленные в Женевской декларации 1924 года, затрагивали следующие аспекты: принцип 2 - голодный ребёнок должен быть накормлен, больному ребёнку должна быть оказана помощь, ошибающийся ребёнок должен быть поправлен, а сирота и бездомный ребёнок должны получить приют и поддержку в трудную минуту; принцип 3 - ребёнок должен получать помощь в тяжёлое время испытаний в первую очередь; принцип 5 - ребёнок должен воспитываться в сознании, что его лучшие качества должны служить на пользу другим людям.

³ Декларация прав ребенка 1959 года (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН 20.11.1959) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 385 - 388.

подчеркнуть, что в её рамках созданы специальные институциональные структуры, деятельность которых напрямую связана с проблематикой защиты прав человека в целом (что также может рассматриваться в качестве международных организационно-правовых основ защиты прав несовершеннолетних), а также на охрану прав ребенка. Здесь необходимо упомянуть деятельность Совета по правам человека (работающего в рамках ООН)⁴. В рамках деятельности Совета обсуждаются все тематические вопросы и ситуации в области прав человека, сам Совет ежегодно выпускает доклад, фиксирующий положение в области прав человека в различных регионах, преимущественно через призму соблюдения/нарушения международного гуманитарного права⁵. Также Резолюция 5/1 от 18.06.2007⁶ сформулировала особую процедуру подачи жалоб для целей моментального реагирования на случаи систематического и подтвержденного нарушения прав человека и его основных свобод⁷.

Еще одной значимой институциональной структурой в рассматриваемом контексте является Детский фонд ООН (официально ЮНИСЕФ)⁸, деятельность которого направлена, в том числе, на укрепление национальных систем защиты прав детей, особенно в области недопущения разлучения ребенка с семьей, обеспечения доступа к правосудию, а также защиты от насилия и эксплуатации. Формализованным итогом

работы ЮНИСЕФ становится публикация исследований и отчетов по результатам мониторинга правового положения детей в различных регионах мира, что в дальнейшем должно ложиться в основу выработки внутрисударственных стратегий, в том числе процессуальных гарантий прав ребенка в контексте судебных процедур. Однако деятельность рассматриваемых институциональных структур ООН поддерживается далеко не всеми акторами международных отношений⁹.

Документы ООН, формирующие универсальную правовую основу защиты прав детей, подразделяются на две группы:

1). Международные договоры и другие источники международного права, посвященные вопросам защиты прав человека в целом;

2). Специализированные международные документы, касающиеся защиты прав ребенка.

Обращаясь к хронологии развития релевантного нормативного регулирования на глобальном уровне, необходимо отметить, что на заре своего существования ООН сосредоточилась на разработке документов, относящихся к первой группе.

Первая группа включает в себя документы, представляющие систематизированные сборники (кодексы) прав: Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических

⁴ Прим.: Совет по правам человека является вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН и включает 47 государств.

⁵ Resolution A/HRC/RES/5/1 Institution-building of the United Nations Human Rights Council // URL: <https://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/documents> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶ Прим.: принята Советом ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/documents> (дата обращения: 15.10.2023)

⁷ Прим.: процедура рассмотрения жалоб в рамках функционирования Совета ООН по правам человека касается сообщений, представляемых отдельными лицами, группами лиц или неправительственными организациями, которые утверждают, что стали жертвами нарушений прав человека или владеют надежной информацией о таких нарушениях. Как и предыдущая процедура 1503, она носит конфиденциальный характер и имеет своей целью продвигать сотрудничество с соответствующим государством.

⁸ Официальный сайт ЮНИСЕФ (версия на русском языке) // URL: <https://www.unicef.org/eca/ru> (дата обращения: 15.10.2023)

⁹ Прим.: Так, Русская православная церковь осудила ЮНИСЕФ за публикацию официальной позиции фонда в поддержку признания однополых союзов, изложенной в документе «Искоренение дискриминации детей и родителей по признаку сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности». Католическая церковь также критикует ЮНИСЕФ (Ватикан иногда прекращает пожертвования на его развитие) из-за сообщений Американской лиги жизни и других организаций о том, что ЮНИСЕФ использовал часть этих денег для финансирования стерилизаций и аборт. Подробнее см.: Заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи в связи с публикацией официальной позиции ЮНИСЕФ, поддерживающей законодательное признание однополых союзов // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3883181.html> (дата обращения: 15.10.2023). Что же касается критики деятельности Совета ООН по правам человека, то в настоящее время отмечается заметная политизированность его деятельности, что вылилось в приостановлении участия России в деятельности Совета 7 апреля 2022 года, её неизбрание в совет на период с 2024 по 2026 гг.

правах, а также Международный пакт о социально-экономических и культурных правах¹⁰. В каждом из этих документов содержатся положения, имеющие прямое отношение к защите прав детей и других участников семейных правоотношений.

Представители международно-правовой доктрины определяют Всеобщую декларацию прав человека как каталог обычных международно-правовых норм, своего рода «Великая Хартия вольностей» (*Magna Carta*) для всего человечества [6. С. 1153]. Однако очевидной слабой стороной этого документа является отсутствие его обязательной юридической силы, что делает его документом, который обладает лишь незначительным моральным авторитетом [7. С. 425]. Вместе с тем он закрепляет ряд важнейших положений относительно защиты прав и интересов детей: защиту от произвольного вмешательства в семейную жизнь (статья 12); право на свободное передвижение и свободное определение места жительства (статья 13); гарантии равных прав мужчин и женщин касательно вопросов брака (статья 16); гарантии одинаковой социальной защиты для всех детей (статья 25). В доктрине международного права в настоящее время закрепилось мнение, что данные положения могут рассматриваться в качестве обычных норм международного права, обязательных для всех государств (или даже норм *jus cogens*) [8. С. 17]. В частности, В. Карташкин отмечает, что права и свободы человека, провозглашенные во Всеобщей декларации, рассматриваются подавляющим большинством государств в качестве юридических обязательных норм договорного или обычно-правового происхождения [4. С. 10]. Тем не менее вопрос о правовой природе норм указанного документа обсуждается представителями правовой доктрины [3. С. 102].

Международный пакт о гражданских и политических правах содержит целый перечень релевантных прав, подлежащих

защите на глобальном уровне, в числе которых: право семьи на получение всеобъемлющей защиты со стороны публичных и общественных структур, защита интересов детей при расторжении брака супругов (статья 23); защита от дискриминации (статья 24) и т.д. Дополнение перечня прав происходит со стороны Международного пакта о социально-экономических и культурных правах. Статья 10 данного Пакта содержит всеобъемлющий запрет на дискриминационное отношение при предоставлении помощи и охране интересов несовершеннолетних. Статья 11 указанного документа провозглашает право на достаточный уровень жизни для ребенка и его семьи. Необходимо отметить, что значительным преимуществом данных документов (в отличие от Всеобщей декларации 1948 года) является наличие функционального механизма по обеспечению реализации вышеуказанных прав и других прав, отраженных в Пактах¹¹. Таким механизмом являются Комитеты, которые были учреждены для осуществления надзора за выполнением государствами обязательств по Пактам. Значимым отличием работы Комитета является рассмотрение заявлений (жалоб) физических лиц, наряду с рассмотрением докладов государств-участников и публикацией комментариев («замечаний общего порядка»). Тем не менее государства-участники могут не придерживаться рекомендаций Комитета (статья 1 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах). В данном контексте речь может идти лишь о моральной и политической обязанности подчиняться положениям решений Комитета для тех государств, которые ратифицировали Факультативный протокол [2. С. 90]. На практике государства следуют данному подходу, о чем свидетельствует, в том числе, позиция, сформулированная российской судебной практикой¹².

¹⁰ Прим.: оба документа приняты в 1966 году.

¹¹ См.: Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке : монография. М., 2025; Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С. Права человека в современном мире: монография. Пермь, 2020.

¹² Прим.: Подтверждением тому, что решения Комитета ООН носит рекомендательный характер, может стать постановление Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Согласно этому документу, обязательными к применению в Российской Федерации являются лишь решения Европейского суда по правам человека, вынесенные в отношении Российской Федерации (прим. автора — в настоящее время данное положение должно рассматриваться с учетом факта выхода России из Совета Европы и последующего нераспространения на нее юрисдикции Европейского Суда). Актам осталь-

Специализированные международные документы ООН, затрагивающие вопросы защиты прав несовершеннолетних, включают в себя многосторонние международные договоры и многочисленные документы, составленные органами международных организаций (преимущественно речь идет о резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН), принятыми в форме деклараций, которые не обладают обязательной юридической силой и представляют собой т. н. акты «мягкого права». При этом роль таких рекомендательных документов невозможно недооценить, ведь они формируют концептуальную основу для разработки проектов международных договоров, а также выступают в качестве источника доказательства существования международного обычая. Кроме того, подобного рода документы способны подготовить международное сообщество к восприятию необходимости регулирования общественных отношений с помощью источников, имеющих обязательную юридическую силу.

Среди юридически обязательных международных документов в рассматриваемой сфере хронологически первым по принятию выступает Конвенция ООН о взыскании алиментов за границей 1956 года¹³. Этот документ относится к определенной категории споров, связанных с обеспечением содержания детей. Данный договор закрепляет возможность экстерриториальной экзекватуры по делам о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних. Для применения данной Конвенции необходимым условием является то, что лицо, обращающееся за выплатой алиментов и лицо, выплачивающее алименты, должны быть резидентами государства-участника данной Конвенции. В целом документ содержит

нормы процедурного характера, а его принципиальные положения были содержательно дополнены Гаагской конвенцией 2007 года о взыскании алиментов на содержание детей и других форм содержания семьи.

Конвенция о правах ребенка 1989 года¹⁴ – первый масштабный международный документ, кодифицирующий права несовершеннолетних. Данный документ вступил в силу в 1990 году, его ратифицировало большинство государств мира¹⁵. Будучи актом о правах человека международного значения, содержащим универсальные положения, которые подходят несовершеннолетним, проживающим в любом государстве (например, право на жизнь (часть 1 статьи 6), право на социальное обеспечение (часть 1 статьи 26)), данный документ содержит права ребенка, которые непосредственно связаны с семейными правоотношениями. Часть 1 статьи 9 предусматривает правовые гарантии для обеспечения оставления ребенка с родителями: государства – участники Конвенции должны обеспечивать, чтобы ребенка в противовес желанию родителей не разлучали с ними, за исключением случаев, когда в рамках судебного разбирательства принимается решение о разлучении исходя из наилучших интересов ребенка.

Статья 9 Конвенции о правах ребенка гласит, что в ходе любого разбирательства каждой стороне предоставлено право участвовать в судебном процессе и излагать свои точки зрения. Данная норма является одной из универсальных правовых основ участия профессионального представителя – адвоката в урегулировании споров о детях. Содержательно указанную норму дополняет статья 12 Конвенции, которая предусматривает право ребенка на собственное мнение. При этом взглядам (мнению)

ных международных органов Пленум Верховного Суда РФ придает лишь рекомендательное значение. Согласно пункту 16 указанного Постановления в случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации судам рекомендуется использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений. См.: О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12.

¹³ Конвенция о взыскании алиментов за границей (заключена в г. Нью-Йорке 20.06.1956) // Международное частное право. Сборник документов. – М.: БЕК, 1997. С. 659 – 664.

¹⁴ Конвенция о правах ребенка (заключена 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. – М., 1993. С. 242 – 257.

¹⁵ Прим.: В СССР Конвенцию ратифицировал Верховный Совет СССР 13 июня 1990 года, а для Российской Федерации этот международный акт вступил в законную силу 15 сентября 1990 года. Конвенция о правах ребенка состоит из трех частей, включающих в себя преамбулу и 54 статьи.

несовершеннолетнего должно придаваться значение согласно степени его зрелости и учитывая его возраст.

Также в контексте формирования нормативных основ защиты прав детей стоит принимать во внимание статью 10 Конвенции, в соответствии с которой государства-участники должны рассматривать вопросы, связанные с воссоединением семьи, оперативно и позитивно при проживании детей и родителей в различных государствах¹⁶. Обязательство государств-участников Конвенции принимать решения, способствующие противодействию незаконному перемещению и невозвращению детей из-за границы, установлено в статье 11¹⁷.

Конвенцией предусмотрен механизм, который позволяет следить за осуществлением её положений. Таким механизмом призван выступать Комитет по правам ребенка. Данный орган является выборным и состоит из независимых экспертов, представляющих различные государства. В рамках работы Комитета от представителей государств-участников требуются регулярные доклады о состоянии прав несовершеннолетних на национальном уровне. По итогам рассмотрения этих докладов Комитет формулирует рекомендации, а при необходимости обращается за международной помощью к правительствам других государств и международных организаций, в частности,

ЮНИСЕФ¹⁸. Несмотря на отсутствие юридической обязательности подобных рекомендаций, они выступают важным инструментом гармонизации национальных подходов к защите прав несовершеннолетних во всем мире.

Помимо юридически обязательных инструментов, позволяющих «связывать» государства совместными обязательствами по защите прав несовершеннолетних (в частности, в рамках семейных споров), в настоящее время действует множество актов рекомендательного характера, представленных преимущественно декларациями. К таким документам относят: Декларацию прав ребенка 1959 года¹⁹, Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.²⁰ и т.д.²¹. Данные документы играют значительную роль в процессе гармонизации релевантного национального законодательства.

Опыт Гаагской конференции по международному частному праву (ГКМЧП). В контексте формирования международно-правовых основ участия адвоката в урегулировании споров о детях немаловажное значение приобретает ГКМЧП. Данная организация получила статус межправительственной только в 1955 году, первое заседание же было проведено в далёком 1893 году. К основным

¹⁶ Прим.: Конвенция предписывает государствам-участникам уважать право ребенка и его родителей покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

¹⁷ Прим.: предполагается, что с этой целью государства-участники содействуют заключению двусторонних или многосторонних соглашений или присоединению к действующим соглашениям (часть 2 статьи 11 Конвенции ООН о правах ребенка 1980 года).

¹⁸ Часто задаваемые вопросы о Конвенции о правах ребенка // URL: <https://www.unicef.org/tajikistan/ru/часто-задаваемые-вопросы-о-конвенции-о-правах-ребенка> (дата обращения: 15.10.2023)

¹⁹ Декларация прав ребенка 1959 года (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН 20.11.1959) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 385 - 388.

²⁰ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 15.10.2023).

²¹ Прим.: также к документам в рассматриваемой сфере относят: Декларацию о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 года), Декларацию о защите всех лиц от насильственных исчезновений (принята резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года), Всемирную декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей (принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 2000 года), Декларацию и План действий «Мир, пригодный для жизни детей» (принята резолюцией S-27/2 специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 мая 2002 года), Декларацию участников торжественного пленарного заседания высокого уровня, посвященного рассмотрению последующих мер по выполнению решений специальной сессии по положению детей (принята резолюцией 62/88 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2007 года).

задачам данной организации относится прогрессивное развитие, унификация и гармонизация норм международного частного права, обеспечение международного сотрудничества по гражданским и торговым аспектам (в том числе семейным делам). Российская Федерация принимает участие в следующих конвенциях:

- конвенция по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г. (вступила в силу в СССР 26 июля 1967 г.²²

- Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 г. (СССР присоединился к ней 4 сентября 1991 г., она вступила в силу в России 31 мая 1992 г.).

- Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г. (вступила в силу в России 1 декабря 2001 г.).

- Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам от 18 марта 1970 г. (Россия присоединилась к ней 1 мая 2001 г.).

- Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (вступила в силу в России 1 октября 2011 г.).

- Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г. (Россия подписала Конвенцию 5 июня 2012 г., по настоящее время Конвенция в силу не вступила)²³.

Положения об адвокатах (представителях) как непосредственных участниках правовых отношений в сфере международного сотрудничества содержатся в следующих международных договорах ГКМЧП и связанных с ними документах: Конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г., Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г., заявлении Российской Федерации о присоединении к Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г.²⁴

Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. содержит положения, определяющие нормативные основы участия адвоката в качестве субъекта релевантных правоотношений. Данный договор касается международно-правовых аспектов возвращения нелегально перемещенных в любое из государств-участников Конвенции либо удерживаемых в любом из государств-участников Конвенции детей. Государства-участники определяют Центральный орган, который выступает механизмом сотрудничества между органами государственной власти, обладающими соответствующими полномочиями. В России таким органом является Министерство просвещения Российской Федерации²⁵.

Властные (публичные) органы государств-участников Конвенции наделены полномочиями по принятию самостоятельных

²² Прим.: в свете указанной ниже Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г. данная конвенция действует с ограничениями.

²³ Прим.: также распоряжением Президента Российской Федерации от 26 июня 2000 г. № 241-рп было принято решение о подписании Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 года. Российская Федерация указанный документ не ратифицировала (СПС «КонсультантПлюс»).

²⁴ Прим.: в указанных документах отсутствуют упоминания обозначений представителей юридической профессии, применимые к адвокатам.

²⁵ Прим.: согласно Постановлению Правительства России от 22 декабря 2011 г. № 1097 Министерство образования и науки России является Центральным органом, исполняющим обязанности, возложенные на него данной Конвенцией. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2018 г. № 1225-р Министерство образования и науки России было преобразовано в Министерство просвещения Российской Федерации и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. При этом согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 28.07.2018 № 884 (ред. от 12.10.2023) «Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» Министерство просвещения Российской Федерации (Минпросвещения России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере воспитания, опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан. Таким образом, функции Центрального органа по Конвенции 1980 года возложены на Минпросвещения России.

или через посредника (которым может выступать адвокат) мер для предоставления (содействия в предоставлении) квалифицированной правовой помощи, в том числе через приглашение правового советника или адвоката. Таким образом, применительно к российской юрисдикции адвокаты, в случае возникновения вопросов, связанных с трансграничным перемещением детей, могут обращаться непосредственно в Министерство просвещения Российской Федерации или его территориальные подразделения в субъектах Российской Федерации.

Статья 26 Конвенции регламентирует вопросы, связанные с несением расходов по применению указанного документа. Данная статья устанавливает принцип самостоятельного несения расходов, связанных с применением Конвенции, со стороны Центрального органа. Внутригосударственные органы не требуют уплаты различного рода сборов, связанных с рассмотрением заявлений о похищении или захвате ребенка. Но государство может в одностороннем порядке заявить о том, что оно не считает себя обязанным нести расходы на оплаты услуг адвокатов, за исключением тех из них, которые могут быть возмещены в рамках внутригосударственных механизмов оказания правовой помощи. В соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» Россия сделала следующую оговорку: «Российская Федерация... не считает себя связанной обязательством нести... расходы на оплату услуг адвокатов..., кроме тех, которые могут быть возмещены ее системой юридической помощи и консультирования». Однако фактически возможность возмещения расходов на услуги адвоката в рамках национальной системы правовой помощи и консультирования не представляется реальной, поскольку Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» не освобождает доверителей от оплаты услуг адвокатов при сопровождении ими семейных дел с иностранным элементом. В документе отражена возможность иностранных судебных органов или административных инстанций возложить на лицо, виновное в перемещении или захвате ребенка, или лицо,

препятствующее осуществлению прав доступа к ребенку, все необходимые расходы заявителя, к которым относятся, в том числе, расходы на оплату услуг адвоката. Методические рекомендации касательно применения Гаагских конвенции по вопросам международного частного права и международного гражданского процесса, одобренные Экспертно-методической комиссией Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, содержат следующие замечания. Если в дело о гражданско-правовых аспектах международного похищения ребенка, рассматриваемое в России, будут вовлечены согласно Конвенции Министерство просвещения Российской Федерации (его территориальные подразделения) и Центральный орган иностранного государства-участника Конвенции, то российским адвокатам, занимающимся таким делом, следует, в частности, выяснять: в какой степени такое иностранное государство считает себя обязанным нести расходы на оплату их услуг в таком деле; могут ли эти расходы быть возмещены его системой юридической помощи и консультирования; если да, то в каком порядке и кому. Такое выяснение следует осуществлять, в том числе, при помощи информации, размещенной на сайте Гаагской конференции по МЧП и во взаимодействии с доверителем для целей защиты его прав и интересов, в том числе в связи с необходимостью несения им расходов в разумном размере. При разрешении дела российские судебные или административные инстанции будут иметь право возложить на лицо, виновное в перемещении или захвате ребенка, или лицо, препятствующее осуществлению прав доступа к ребенку, необходимые расходы иностранного заявителя, в том числе расходы на оплату услуг российских и/или иностранных адвокатов.

Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 года адресована судам и административным органам государств-участников. Задачей Конвенции 1996 года является предотвращение юридических и административных споров, а также создание механизма межгосударственного сотрудничества по линии защиты прав несовершеннолетних. Вместе с тем тесная взаимосвязь рассматриваемого

документа с Конвенцией 1980 г. предполагает включение в механизм её работы практикующих специалистов, в том числе адвокатов²⁶.

Конвенция 1996 года содержит положения, которые касаются вопросов применения защитных мер в отношении личности или собственности ребенка. Необходимо отметить, что сама Конвенция 1996 года не раскрывает перечень таких защитных мер. В статье 3 Конвенции 1996 года содержится перечень неисчерпывающего характера, в котором перечисляются вопросы, связанные с принятием защитных мер, в том числе: вопросы осуществления родительской ответственности и возможности её последующей передачи; вопросы опеки, в том числе решение вопроса о месте жительства ребенка, реализация права на доступ (право на перемещение ребёнка в иное место, отличное от места постоянного проживания); опека, попечительство и аналогичные институты, защита прав собственности несовершеннолетнего и т.д.

Конвенция предусматривает возможность назначения лица или органа, отвечающего за личную собственность ребенка. Очевидно, что таким лицом/органом может выступать родитель, опекун, опекун *ad libem* (опекун для целей судебного разбирательства), школа, а также адвокат. Участие представителя (адвоката) также предполагается при решении вопросов защиты прав собственности (управление, сохранение и распоряжение собственностью несовершеннолетних).

Необходимо отметить, что Конвенция 1996 года не предусматривает возмещение стоимости ведения дела или услуг адвокатов за счет Центрального органа или компетентных властных органов государств-участников Конвенции 1996 года. Статья 38 Конвенции 1996 года, посвященная вопросам расходов, предусматривает, что Центральные органы и компетентные властные органы несут расходы, связанные с применением положений Конвенции, самостоятельно. При этом под компетентными властными

органами понимаются исключительно административные инстанции (к деятельности судов данная статья не применима).

Другие Конвенции, принятые в рамках ГКМЧП, в которых участвует и Россия, затрагивают общие вопросы трансграничного (международного) гражданского процесса. Вместе с тем они представляют значимость в части формирования правовых основ участия адвоката в урегулировании споров, где затрагиваются интересы несовершеннолетних. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 года посвящена вопросам своевременной и эффективной передачи поручений о вручении судебных и внесудебных документов соответствующим адресатам. Благодаря заявлению Российской Федерации к указанному документу, адвокаты были приравнены по своему статусу к внутригосударственным органам, компетентным согласно законодательству России обращаться в соответствии с Конвенцией к иностранным уполномоченным лицам в гражданских или торговых делах во всех случаях, при которых российский судебный или внесудебный документ необходимо направить за границу для передачи или вручения²⁷. Указанный документ не охватывает возможности привлечения адвоката для выполнения иных поручений о производстве отдельных процессуальных действий.

Еще одним документом, значимым в исследуемой области, является Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г., затрагивающая вопросы взаимной передачи судебных поручений о производстве отдельных процессуальных действий. Статья 17 Конвенции 1970 года предусматривает, что «любое лицо, должным образом назначенное уполномоченным по гражданским или торговым делам, может получать без принуждения доказательства на территории государства-участника Конвенции в помощь судебному разбирательству, начатому судами другого государства-участника

²⁶ Прим.: в частности, в Практическом руководстве по применению Гаагской конвенции 1996 года по защите детей отмечается, что оно предназначено для всех пользователей Гаагской конвенции 1996 года, включая государства, Центральные органы, судей, специалистов-практиков и представителей общественности (см.: URL: <https://assets.hcch.net/docs/3368a7cd-eb0b-4b92-bd38-e89325067c97.pdf> (дата обращения: 23.10.2023))

²⁷ Прим.: адвокат приравнивается по своему статусу к «компетентному органу» исключительно в случаях обращения с запросом по Конвенции 1965 года.

Конвенции» в том случае, если компетентный властный орган дал ему на это разрешение. Информация о Центральном органе по данной Конвенции в Российской Федерации отсутствует (не определен), однако указанный факт не препятствует получению доказательств в соответствии с национальным процессуальным правом (в частности, с помощью лиц, при сотрудничестве с которыми можно получить доказательства). Очевидно, что в ходе обеспечения такого сотрудничества возможно привлечение адвоката для представления интересов лица, от которого необходимо получить доказательства. Статьи 20 и 21 Конвенции 1970 года предполагают возможность привлечения адвоката в качестве представителя²⁸.

Подводя итоги анализа роли глобальных международных организаций в формировании универсальных правовых основ участия адвоката в урегулировании споров о детях, необходимо отметить вклад двух ключевых организаций – ООН и её договорные органы, а также ГКМЧП. При этом ООН в своей деятельности фокусируется на общих вопросах обеспечения защиты прав человека, включая отдельные категории лиц (например, детей), а также на создании международной институциональной структуры, обеспечивающей всеобщий надзор за их соблюдением. Ключевой особенностью регулирования в рамках ООН является высокий удельный вес документов рекомендательного характера, представленных преимущественно декларациями, в то время как юридически обязательные инструменты, позволяющие «связывать» государства совместными обязательствами по защите прав и интересов ребенка (в рамках семейных отношений) остаются в меньшинстве. Вместе с тем в отдельных документах ООН находит отражение такое существенное для обеспечения участия адвоката положение, как принцип гарантированного участия в разбирательстве всем заинтересованным сторо-

нам с правом изложения своих точек зрения. Между тем, процессуальные основы участия адвоката на уровне международного права применительно к спорам о детях закладываются в рамках международных договоров ГКМЧП. Конвенции содержательно адресованы государствам – участникам, однако данный факт не препятствует тому, чтобы в текстах многих Конвенций можно было предусмотреть наделение адвокатов значительным объемом полномочий в рамках производства отдельных процессуальных действий (например, вручение судебных и внесудебных документов) и относительно участия в механизмах международного сотрудничества по вопросам защиты прав несовершеннолетних. Имплементация норм международных договоров ГКМЧП на национальном и национальном уровнях позволяет гармонизировать практику вовлечения адвокатов в урегулирование гражданских, торговых и семейных споров, включая споры о детях.

Заключение

Защита прав ребенка в международных спорах является актуальной проблемой, волнующей мировое сообщество. Обеспечение права ребенка на общение с обоими родителями и права родителей на участие в воспитании сталкивается с трудностями, когда родители живут в разных странах. Увеличение случаев незаконного вывоза детей и ограничения доступа к ним со стороны родителя, проживающего за рубежом, требует от законодателей разработки эффективных правовых инструментов. Решающую роль в урегулировании подобных споров играют профессиональные представители, в первую очередь адвокаты. В связи с этим, опыт международных организаций по созданию универсальных правовых норм для участия адвокатов в таких делах заслуживает особого внимания.

²⁸ Прим.: также на основании Конвенции возможно их участие в получении доказательств на территории иностранного государства в помощь судебным разбирательствам по гражданским или торговым делам, начатым российскими судами.

Литература:

1. Абашидзе А.Х., Гугунский Д.А., Конева А.Е., Солнцев А.М. Защита прав детей при возникновении споров о воспитании детей между родителями, проживающими на территории разных государств // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 3.
2. Белясов С.Н. Роль международных комитетов ООН в защите прав человека и гражданина // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17.
3. Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125).
4. Карташкин В.А. Всеобщая декларация прав человека и развитие правозащитного механизма ООН // Юрист-международник. 2008. Том 86. № 2.
5. Рагимов И.Ф. Международно-правовые аспекты деятельности Организации Объединенных Наций (ООН) // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2018. № 4.
6. Glendon M. Knowing the Universal Declaration of Human Rights // Notre Dame Law Review. 1998. № 5(73).
7. Lauterpacht H. International Law and Human Rights // New York: Fredrick A. Praeger. 1950.
8. Sohn L. The New International Law: Protection of the Rights of Individuals Rather than States // The American University Law Review. 1983. № 1(32).

THE ROLE OF GLOBAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FORMATION OF A LEGAL FRAMEWORK FOR THE PARTICIPATION OF AN ADVOCATE IN RESOLVING DISPUTES ABOUT CHILDREN

Introduction. The present study analyzes the legal foundations of attorney's involvement in the regulation of child-related disputes within global international organizations such as the United Nations and the Hague Conference on Private International Law. The author notes that each of these international organizations contributes a differentiated role in the development of relevant legal regulation.

Materials and methods. In the course of research, the following methods of scientific cognition were used: analysis, synthesis, abstraction, generalizations, analogies and others. The general scientific and special-legal methods, such as system-structural, method of dogmatic analysis (interpretation of legal norms, legal and technical constructions, etc.), comparative legal, formal, legal, logical, etc. formed the methodological basis of the research.

Results of the study. The analysis of international treaties has revealed a variety of approaches to the formation of legal foundations for the participation of a lawyer in resolving disputes about children. For instance, the UN focuses its activities on general issues of ensuring the protection of human rights,

including specific categories of individuals (such as children), as well as on establishing an international institutional structure that ensures universal oversight of compliance with these rights. Meanwhile, the procedural basis for a lawyer's involvement at the level of international law, with respect to child-related disputes, is established within the framework of the international treaties of the Hague Conference on Private International Law.

Discussion and conclusion. The study demonstrates that the implementation of the norms of international treaties of the GCPM and UN documents at the supranational and national levels allows for the harmonization of the practice of involving lawyers in the settlement of civil, commercial and family disputes, including disputes concerning children.

Viktoriya B. Danilchenko,
head, the Moscow Bar Association
«Bar Association of Victoria Danilchenko»,
lecturer at the Department of Advocacy,
MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Ключевые слова:

глобальные международные организации;
 правовое регулирование; споры о детях;
 Организация Объединенных Наций (ООН);
 Гаагская конференция по международному
 частному праву (ГКМЧП); права ребенка;
 национальное законодательство;
 международный договор; полномочия
 адвоката; «мягкое право».

Keywords:

global organizations, legal regulation, child-
 related disputes, United Nations, Hague
 Conference on Private International Law,
 children's rights, national legislation, treaty,
 lawyer's authority, soft law.

References:

1. Abashidze A.Kh., Gugunskiy D.A., Koneva A.E., Solntsev A.M., 2014. Zashchita prav detey pri vzniknovenii sporov o vospitanii detey mezhdunarodnykh gosudarstv [Protection of children's rights in case of disputes about the upbringing of children between parents living in the territories of different states]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of RUDN. Series: Legal sciences]. № 3.
2. Belyasov S.N., 2014. Rol' mezhdunarodnykh komitetov OON v zashchite prav cheloveka i grazhdanina [The role of international UN committees in protecting human and civil rights]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennoy obshchestve* [Legality and law and order in modern society]. № 17.
3. Ispolinov A.S., 2018. Pravovoy status Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka (k 70-letiyu prinyatiya) [Legal status of the Universal Declaration of Human Rights (on the 70th anniversary of its adoption)]. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative constitutional review]. Vol. 125. № 4.
4. Kartashkin V.A., 2008. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka i razvitiye pravozashchitnogo mekhanizma OON [Universal Declaration of Human Rights and the Development of the UN Human Rights Mechanism]. *Yurist-mezhdunarodnik* [International Lawyer]. № 2.
5. Ragimov I.F., 2018. Mezhdunarodno-pravovyye aspekty deyatel'nosti Organizatsii Ob'yedinennykh Natsiy (OON) [International Legal Aspects of the Activities of the United Nations (UN)]. *A-faktor: nauchnyye issledovaniya i razrabotki (gumanitarnyye nauki)* [A-factor: Research and Development (Humanities)]. № 4.
6. Glendon M., 1998. Knowing the Universal Declaration of Human Rights. *Notre Dame Law Review*. № 5(73).
7. Lauterpacht H., 1950. International Law and Human Rights. *New York: Fredrick A. Praeger*.
8. Sohn L., 1983. The New International Law: Protection of the Rights of Individuals Rather than States. *The American University Law Review*. № 1(32).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЕГИТИМАЦИИ ИНТЕРВЕНЦИИ США И ДРУГИХ СТРАН НАТО В ЛИВИЮ В 2011 г.

Анастасия Корженяк*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-111-123

Введение. В условиях повышения состязательности государств в отстаивании своих международно-правовых позиций представляется важным выявить используемый американцами механизм международно-правовой легитимации своих вооружённых вторжений в XXI в., в частности на примере интервенции США и других стран НАТО в Ливию в 2011 г. Такая исследовательская работа необходима для превращения международно-правового сопровождения Россией специальной военной операции на Украине (СВО) в полноценную международно-правовую политику РФ, направленную на отмену решения о квалификации СВО Генеральной Ассамблеи ООН в качестве «агрессии» и на достижение изменений в доминирующем пока прозападном международном правосознании.

Материалы и методы. Теоретическую и эмпирическую базу исследования составляют международно-правовые документы (прежде всего Совета Безопасности ООН, Генеральной Ассамблеи ООН, Совета по правам человека, региональных межправительственных организаций, практика Международного Суда ООН), нормативно-правовые акты и документы ненормативного характера США, документы различных неправительственных организаций, зарубежная и отечественная международно-правовая литература, материалы СМИ. На основе интегративного подхода к научному юридическому исследованию при написании статьи были применены, в частности, герменевтический, формально-юридический, формально-логический, структурно-функциональный и системный методы, а также методы анализа и синтеза, юридического толкования, правового и графического моделирования.

Результаты исследования. Автор выявила предложенные США международно-правовые оценки фактов и использованные ими международно-правовые доводы в пользу легитимности вооружённого вторжения в Ливию, выдвинув их собственную интерпретацию в качестве элементов механизма международно-правовой легитимации американских военных действий за рубежом, а также представив их авторскую систематизацию в виде структурно-функциональных схем в сочетании с хронологическим и целевым признаками, наглядно отражённых на графической модели.

* **Корженяк Анастасия Михайловна**, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: mihkor@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7162-2785

Обсуждение и заключение. Тщательное изучение международно-правового механизма, вырабатываемого американцами для легитимации своих военных действий за рубежом, может помочь своевременно узнавать его элементы, прогнозировать дальнейшие потенциальные международно-правовые манёвры Вашингтона и выработать эффективные способы реагирования на них. Опыт США в области разработки и использования различных техник международно-правовой аргументации в целях легитимации своей международно-правовой позиции следует учитывать при выстраивании международно-правовой политики РФ в отношении применения силы за рубежом, в том числе при совершении международно-правового сопровождения СВО России на Украине.

Введение

В марте 2011 г. Совет Безопасности ООН (СБ ООН) впервые в своей истории сослался на концепцию «обязанности защищать» („the responsibility to protect“, R2P)¹ при введении принудительных мер в виде применения силы против государства – члена ООН без его согласия. Многонациональные силы фактически во главе с США, но под руководством НАТО, нанесли авиаудары по Ливии и добились смены режима [5].

Все вмешательства в дела иностранного государства всегда обуславливаются целой «комбинацией различных мотивов» [10. С. 56]. В этой связи надо признать, что заблаговременный легитимационный процесс в случае с Ливией прошёл уже даже более успешно, результативно и выверенно с международно-правовой точки зрения

по сравнению с обоснованием вторжения в Ирак в 2003 г. [1; 2], опыт которого был грамотно учтён. Была инициирована и надлежащая подготовительная работа с оказанием нужного воздействия на общее международное правосознание.

С учётом применимости принципа состязательности в международном праве изучение именно такого зарубежного опыта является жизненно необходимым для решения насущной задачи по юридически грамотному выстраиванию полноценной международно-правовой политики России, результатом проведения которой были бы отмена решения о квалификации специальной военной операции России на Украине (СВО) Генеральной Ассамблеей ООН (ГА ООН) в качестве «агрессии»² и преломление доминирующего на данный момент прозападного международного правосознания.

¹ Концепция «обязанности защищать», доктринально разработанная в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета 2001 г. и принятая резолюцией ГА ООН № 60/1 на Всемирном саммите в 2005 г., была задумана как «противоядие от бездействия, которое постигло ООН во время геноцидов в Камбодже, Руанде и Сребренице». R2P представляет собой «торжественное обязательство международного сообщества никогда больше не быть пассивными зрителями геноцида, военных преступлений, этнических чисток или преступлений против человечности». См.: Global Centre for the Responsibility to Protect. Occasional Paper “Libya and the Responsibility to Protect”. Ralph Bunche Institute for International Studies, New York, October 5, 2022. URL: <https://www.globalr2p.org/publications/libya-and-the-responsibility-to-protect/> (accessed: 06.06.2024). На наш взгляд, именно такой вариант перевода этого термина с английского языка (оригинального языка данного доклада) является наиболее корректным с точки зрения юрислингвистики, правил юридического перевода, общих грамматических правил английского языка.

² Прямо выраженная квалификация или её последующее подтверждение: 1) резолюция ГА ООН от 2 марта 2022 г. ES-11/1 «Агрессия против Украины»; 2) резолюция ГА ООН от 24 марта 2022 г. ES-11/2 «Гуманитарные последствия агрессии против Украины»; 3) резолюция ГА ООН от 7 апреля 2022 г. ES-11/3 «Приостановление прав членства Российской Федерации в Совете по правам человека»; 4) резолюция ГА ООН от 12 октября 2022 г. ES-11/4 «Территориальная целостность Украины: защита принципов, закреплённых в Уставе Организации Объединённых Наций»; 5) резолюция ГА ООН от 14 ноября 2022 г. ES-11/5 «Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины»; 6) резолюция ГА ООН от 23 февраля 2023 г. ES-11/6 «Принципы Устава ООН, лежащие в основе достижения всеобъемлющего, справедливого и прочного мира на Украине».

Исследование

Предложенные США международно-правовые оценки фактов

В 2011 г. гражданское население Ливии столкнулось с военными преступлениями и преступлениями против человечности в результате боевых действий между противоборствующими вооружёнными группировками и правительственными властями. В ответ на «вдохновлённую революциями в Тунисе и Египте» демонстрацию, «переросшую в народное восстание», в феврале 2011 г. ливийское правительство во главе с М. Каддафи начало жестокие репрессии. Против повстанцев и мирных жителей, «угнетаемых уже более 41 года»³, ливийским правительством была применена вооружённая сила, в осаждённых городах Бенгази, Мисурата и других местах использовались танки, задействованы артиллерия, вертолёты, снайперы. По сообщениям зарегистрированной в США неправительственной организации «Хьюман Райтс Вотч», ливийцы были вынуждены «рисковать жизнью, чтобы отстоять свои права человека»⁴. «Тоталитарный режим» совершал «всё более отчаянные акты насилия» и «угрожал кровавыми расправами»⁵. Утверждается, что ливийский лидер открыто унижал протестующих, называя их «одурманенными крысами и наёмниками», «тараканами», «трусами и предателями»⁶. Согласно оценкам, за несколько недель было убито порядка 500-700 мирных жителей⁷.

«ООН, США и другие государства» могут помочь «защитить протестующих от оружия Каддафи» и способствовать

«достижению демократических результатов». США и другие страны решительно осудили ливийские власти за применение смертоносной силы против демонстрантов. Для начала «*Вашингтон и европейские столицы должны назвать Каддафи виновным*», затем «следует перестать уступать Каддафи, считая его необходимым для деловых связей и безопасности», именно «отсутствие решительных шагов даёт Каддафи зелёный свет» продолжать совершать зверства, «США, ООН и другие страны» должны сформулировать «конкретные последствия, с которыми столкнётся Каддафи в случае дальнейшего неправомерного применения силы» (от замораживания активов и эмбарго на поставки оружия до уголовного преследования Каддафи и его ближайших соратников), «Каддафи должен знать, что за вопиющие нарушения прав человека он будет привлечён к ответственности». «Быстрая и последовательная позиция» воодушевит и «придаст силы десяткам тысяч ливийцев, которые мужественно поднялись на восстание»⁸.

Специальные советники Генсекретаря ООН по вопросам предотвращения геноцида и обязанности защищать напомнили Ливии об обещании, данном ею на Всемирном саммите в 2005 г., защищать население «посредством предотвращения геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности, а также подстрекательства к ним»⁹. Являвшаяся в то время Верховным комиссаром ООН по правам человека Н. Пиллэй напомнила членам Совета по правам человека (СПЧ) об их индивидуальной обязанности защищать

³ CNN Special Report: Unrest in Libya. February 20, 2011. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/se/date/2011-02-20/segment/01> (accessed: 06.06.2024).

⁴ Human Rights Watch. Libya: Security Forces Fire on 'Day of Anger' Demonstrations. Government Should Respect Right to Peaceful Protest and Investigate Deaths. February 17, 2011. URL: <https://www.hrw.org/news/2011/02/17/libya-security-forces-fire-day-anger-demonstrations> (accessed: 06.06.2024).

⁵ The New York Times. Qaddafi Warns of Assault on Benghazi as U.N. Vote Nears. March 17, 2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/03/18/world/africa/18libya.html> (accessed: 06.06.2024).

⁶ Remarks by the President in Address to the Nation on Libya. National Defense University, Washington, D.C. March 28, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/28/remarks-president-address-nation-libya> (accessed: 06.06.2024).

⁷ International Crisis Group (Working to Prevent Conflict Worldwide). Popular Protest in North Africa and the Middle East (V): Making Sense of Libya. Middle East/North Africa Report No. 107 – 6 June 2011. URL: <https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/107-popular-protest-in-north-africa-and-the-middle-east-v-making-sense-of-libya.pdf> (accessed: 06.06.2024).

⁸ CNN, Human Rights Watch. Hold Gadhafi Accountable for Atrocities. February 22, 2011. URL: <http://edition.cnn.com/2011/OPINION/02/22/abrahams.libya.gadhafi/> (accessed: 06.06.2024).

⁹ UN Secretary-General Special Adviser on the Prevention of Genocide, Francis Deng, and Special Adviser on the Responsibility to Protect, Edward Luck, on the Situation in Libya (New York – 22 February 2011). URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/media/statements/2011/English/2011-02-22-OSAPG,%20Special%20Advisers%20Statement%20on%20Libya,%2022%20February%202011.pdf> (accessed: 06.06.2024).

свое население и о наличии у международного сообщества коллективной обязанности предпринимать своевременные и решительные действия, когда отдельное государство явно не справляется с защитой своего населения¹⁰. Следующим тактическим шагом резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 65/265 от 1 марта 2011 г. было приостановлено членство Ливии в Совете по правам человека¹¹.

В ответ на описанные выше нападения Совет Безопасности ООН принял резолюции № 1970 от 26 февраля 2011 г. и № 1973 от 17 марта 2011 г., в которых сослался на «обязанность защищать», разрешая применение силы для защиты населения. «Непрекращающееся насилие» и «политическая непримиримость режима Каддафи» в сочетании с ограниченным воздействием резолюции № 1970 на его поведение «исключали возможность дальнейшего посредничества и примирения» [14]. Примечательно, что С. Эдамс (ныне генеральный директор Центра для жертв пыток – международной некоммерческой организации со штаб-квартирой в США) пишет, что резолюция СБ ООН № 1973 была принята «по настоянию Лиги арабских государств»: десять членов СБ её поддержали (США, Великобритания, Франция, Португалия, ЮАР, Колумбия, Босния и Герцеговина, Габон, Ливан, Нигерия), а пять – воздержались (Россия, Китай, Индия, Бразилия и Германия). При этом он акцентирует внимание на «соответствии подобного голосования африканских стран п. (h) ст. 4 Учредительного акта Африканского союза»¹², в котором якобы провозглашается «политика

неравнодушия, а не невмешательства в суверенные дела других государств», «принцип локальной сопричастности», когда речь идёт о «серьёзных обстоятельствах» (военные преступления, геноцид и преступления против человечности) [4. С. 7].

Впоследствии «коалиция во главе со странами НАТО» нанесла авиаудары по «военным объектам, представлявшим серьёзную угрозу для гражданского населения» (операция «Объединённый защитник» – “Unified Protector”)¹³. После нескольких месяцев напряжённых боев в августе 2011 г. Триполи «пал под ударами повстанцев», а «правительство Каддафи потерпело крах».

Показательно, что работа по сбору информации и интерпретации фактов неустанно продолжается, оказывая воздействие не только на американское, но и на массовое международное правосознание во всём мире. В частности, заявляется, что после «свержения правительства Каддафи» переходные органы власти «не смогли восстановить стабильность» в стране, а «многочисленные попытки мирного урегулирования при содействии ООН зашли в тупик». Вооружённые ополченцы продолжили совершать внесудебные казни, пытки, похищения и неизбирательные нападения на гражданские районы [4. С. 7, 10]. Таким образом, до недавнего времени (на протяжении более 10 лет) Ливия продолжала оставаться предметом активного системного изучения¹⁴, и аккумулированные данные вполне ещё могут послужить доказательной базой для легитимации очередного вмешательства.

¹⁰ Libyan Arab Jamahiriya: Statement by Navy Pillay, UN High Commissioner for Human Rights (Human Rights Council – 15th Special Session – Geneva, 25 February 2011). Human Rights in Libya. URL: <https://www.ohchr.org/en/statements/2011/02/situation-human-rights-libyan-arab-jamahiriya-statement-navy-pillay-un-high> (accessed: 06.06.2024).

¹¹ Резолюция ГА ООН № 65/265 «Приостановление прав Ливийской Арабской Джамахирии, связанных с членством в Совете по правам человека» от 1 марта 2011 г. URL: <https://docs.un.org/A/RES/65/265> (дата обращения: 06.06.2024).

¹² Хотя п. (g) той же самой ст. 4 как раз и посвящён принципу невмешательства. См.: Constitutive Act of the African Union Adopted by the Thirty-Sixth Ordinary Session of the Assembly of Heads of State and Government 11 July, 2000 (Lome, Togo). URL: <https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280089269> (accessed: 06.06.2024).

¹³ Длилась с 23 марта по 31 октября 2011 г., «сменив» американскую операцию «Одиссея. Рассвет» (“Odyssey Dawn”), продолжавшуюся с 19 по 31 марта 2011 г., когда Вашингтон «передал НАТО командование и управление миссией». См.: NATO and Libya. Operation Unified Protector. February - October 2011. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natolive/71679.htm> (accessed: 06.06.2024).

¹⁴ Сейчас на сайте Глобального центра по вопросам обязанности защищать при Институте международных исследований им. Р. Банча в Нью-Йорке Ливия отнесена к категории “previously studied” («ранее изучавшихся») по уровню риска необходимости задействования R2P.

Использованные США международно-правовые доводы в пользу легитимности вооружённого вторжения в Ливию

Хотя утверждается, что концепция R2P и сыграла определённую роль в предотвращении эскалации этнического конфликта в Кении в 2007 г., ливийский кризис считается первым случаем, когда «обязанность защищать» побудила Совет Безопасности ООН принять принудительные меры в отношении государства – члена ООН в ответ на жестокие репрессии М. Каддафи против демонстрантов. Именно по этой причине резолюция СБ ООН № 1970, в которой и были сформулированы ответные меры с опорой на доктрину R2P, была названа «новаторским дипломатическим ходом». Аналогичным образом положения резолюции № 1973 первоначально рассматривались как «своевременное и пропорциональное вмешательство для обеспечения защиты гражданского населения, подвергающегося серьёзному риску массовых зверских преступлений» в качестве «прискорбной, но необходимой крайней меры» (“*last resort*”)¹⁵.

Аргументация

1 этап («подготовка почвы»):

– Руководство Ливии «неправомерно применило силу против мирных демонстрантов», оно совершает «вопиющие нарушения международного права, в частности, международного права прав человека», «силами М. Каддафи совершены преступления против человечности и военные преступления в контексте широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население, актов убийства, насильственного исчезновения, пыток и изнасилования»; обещая «кровавую бойню», Каддафи

представляет «серьёзную и неотложную гуманитарную угрозу для своего народа», следовательно, необходима «защита гражданского населения от массовых зверских преступлений» в целях «предотвращения гуманитарной катастрофы», тем более что «от самого ливийского народа исходит мольба о помощи»¹⁶.

– В единогласно принятой резолюции СБ ООН № 1970 прямо указано на «*обязанность* ливийских властей *защищать* своё население», осуждены «насилие и применение силы против гражданских лиц», «грубые и систематические нарушения прав человека, включая подавление мирных демонстраций», которые могут быть квалифицированы как «преступления против человечности». Эта резолюция включила в себя всеобъемлющий пакет принудительных мер – эмбарго на поставки оружия, замораживание активов, запрет на поездки и передачу ситуации Прокурору Международного уголовного суда (МУС), – направленных на то, чтобы «убедить режим Каддафи» прекратить убивать свой народ¹⁷.

– Авиаудары, направленные на прекращение атак сил Каддафи на гражданское население, были «явно оправданы»¹⁸ в соответствии со «*всеми необходимыми мерами*» (“*all necessary measures*”) по резолюции СБ ООН № 1973 (хотя пятеро членов СБ ООН и воздержались, но не было ни одного голоса против).

Помимо подтверждения обязанности ливийских властей защищать своё население и выражения сожаления по поводу невыполнения ими резолюции № 1970, в резолюции № 1973 содержится требование «немедленного прекращения огня и полного прекращения насилия и всех нападения

¹⁵ Occasional Paper “Libya and the Responsibility to Protect” (October 5, 2022). Op. cit.

¹⁶ См.: UN Human Rights Council. S-15/2 Situation of human rights in the Libyan Arab Jamahiriya. A/HRC/S-15/2. 25 February 2011. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Libya%20A%20HRC%20S%2015%202.pdf> (accessed: 03.06.2024); Предварительный отчёт о 6490-ом заседании СБ ООН 25 февраля 2011 г. S/PV.6490. URL: <https://docs.un.org/S/PV.6490> (дата обращения: 03.06.2024); The White House. Remarks by the President on the Situation in Libya. March 18, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/18/remarks-president-situation-libya> (accessed: 06.06.2024).

¹⁷ UN Human Rights Council. Report of the International Commission of Inquiry on Libya. Advance Unedited Version. A/HRC/19/68. 8 March 2012. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session19/A.HRC.19.68.pdf> (accessed: 06.06.2024).

¹⁸ См.: [4. C. 12]; Senate Hearing 112-89. Libya And War Powers. Hearing before the Committee on Foreign Relations United States Senate One Hundred Twelfth Congress. First Session, June 28, 2011. Opening Statement of Hon. John F. Kerry, U.S. Senator From Massachusetts. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-112shrg68241/html/CHRG-112shrg68241.htm> (accessed: 06.06.2024).

на гражданских лиц и жестокого обращения с ними»¹⁹. В ней подчёркивается необходимость «активизировать усилия по поиску такого решения кризиса, которое отвечало бы законным требованиям ливийского народа». В п. 4 говорится о принятии «всех необходимых мер» в целях «защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения», включая, соответственно, принудительные военные действия, но без возможности пребывания «иностранных оккупационных сил» на территории Ливии. В этих же целях вводится «запрет на все полёты в воздушном пространстве» Ливии, кроме полётов, «которые будут сочтены необходимыми для блага ливийского народа» (пп. 6-7).

– Помимо санкции СБ ООН имелась «сильная региональная поддержка» прежде всего со стороны оппозиции и Лиги арабских государств, а также Организации исламского сотрудничества, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Африканского союза и других партнёров²⁰.

– Наблюдалась тенденция к «дезертизму» правительства М. Каддафи: высокопоставленные чиновники и дипломаты уходят со своих постов, в частности, посол Ливии в Индии А. аль-Эссави подал в отставку «в знак протеста против репрессий Каддафи, нанимающего наёмников из других африканских стран для подавления народного восстания», и призвал СБ ООН «принять немедленные меры», ливийские дипломаты в Индии, Китае, Малайзии и Австралии также «разорвали связи с ливийским лидером»²¹.

– Вмешательство осуществлялось «многонациональными силами», «широкой коалицией»²²: хотя инициаторами операции стали США²³, Великобритания и Франция, коалиция под руководством НАТО, сформированная для выполнения резолюции СБ ООН № 1973, в конечном итоге включила в себя 18 государств, среди них четыре арабских государства – Катар, ОАЭ, Иордания и Марокко – тоже внесли свой военный вклад²⁴; через 10 дней после начала операции Вашингтон

¹⁹ В отличие от резолюции № 1970, в которой прямая ссылка на R2P содержится только в преамбуле (телеологическое толкование позволяет увидеть её также в подп. (а) п. 9), в резолюции № 1973 положения об «обязанности защищать» представлены гораздо больше и закреплены уже не только в преамбуле, но и отчётливо в основном тексте, а именно в пп. 3, 4, 6.

²⁰ См.: The outcome of the Council of the League of Arab States meeting at the Ministerial level in its extraordinary session on the implications of the current events in Libya and the Arab position (Cairo, March 12, 2011). URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Libya%207360.pdf> (accessed: 06.06.2024); OIC General Secretariat Condemns Strongly the Excessive Use of Force against Civilians in the Libyan Jamahiriya (22.02.2011). URL: https://www.oic-oci.org/topic/?t_id=4947&ref=2081&lan=en (accessed: 06.06.2024); Communique of the 261st Meeting of the Peace and Security Council of the African Union held on 23 February 2011 (considering the situation in the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya). URL: <https://www.peaceau.org/uploads/psc-communique-on-the-situation-in-libya.pdf> (accessed: 06.06.2024); etc.

²¹ VOA News. Newly Resigned Libyan Ambassador Urges UN Action. February 21, 2011. URL: <https://www.voanews.com/a/newly-resigned-libyan-ambassador-urges-un-action-against-his-country-116646089/157492.html> (accessed: 06.06.2024).

²² В Стратегии национальной безопасности США 2010 г. указывается, что «быстрые и эффективные международные действия часто зависят от политической воли коалиций стран, входящих в региональные или международные институты», поставлена задача создавать «более широкую коалицию международных акторов для продвижения универсальных ценностей», в том числе в целях «укрепления механизмов мониторинга и обеспечения соблюдения прав человека». См.: National Security Strategy, May 2010. The White House, Washington. P. 13, 39. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 02.05.2023). «"Коллективная легитимация" влияет на принятие государством решения касательно участия в коалициях под руководством США»; «практика показывает, что успех легитимации может зависеть от количества партнёров по коалиции, причём государства с большей готовностью присоединяются к коалициям, легитимизированным Советом Безопасности ООН» [З. С. 176-177].

²³ Несмотря на желательность коллективных действий многонациональной коалицией и стремление таким образом обеспечить легитимность этих действий, Белый дом не закрывает для себя возможности предпринять действия в одностороннем порядке, подводя под это следующую аргументацию: «Я ясно дал понять, что без колебаний использую наши вооружённые силы быстро, решительно и в одностороннем порядке, когда это необходимо для защиты нашего народа, нашей родины, наших союзников и наших основных интересов». См.: Remarks by the President in Address to the Nation on Libya. National Defense University, Washington, D.C. March 28, 2011. Op. cit.

²⁴ Daalder I. H., Stavridis J. G. NATO's Success in Libya. The New York Times. Opinion. October 30, 2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/10/31/opinion/31iht-eddaalder31.html> (accessed: 06.06.2024).

заявил о «передаче с 31 марта 2011 г. полномочий» по осуществлению «дополнительных обязанностей», связанных с защитой ливийского населения, НАТО, а также союзникам и партнёрам по коалиции, и о том, что в дальнейшем будет играть лишь «вспомогательную роль»²⁵.

– Решение о военной интервенции было принято «только после того, как были исчерпаны и оказались бессильными другие попытки отговорить Каддафи», иные дипломатические возможности оказались недоступными в силу характера режима Каддафи [4. С. 7; 5. С. 771]; альтернативы силовому принуждению изучались на протяжении всей операции, но были отвергнуты ливийским режимом; все шаги, рассмотренные в резолюции № 1970, – передача дела в МУС, введение эмбарго на поставки оружия, введение запрета на поездки для определённых лиц, замораживание активов высокопоставленных деятелей режима – хотя и были принудительными, но носили мирный характер, и только когда эти меры не дали результата, было решено применить военную силу [4. С. 12].

– Военные операции НАТО в Ливии проводились исходя из предположения, что авиаудары заставят режим Каддафи отказаться от кампании по проведению «чистки» населения; воздушные атаки предполагали более низкий риск возникновения

жертв среди гражданского населения по сравнению с развёртыванием сухопутных сил [4. С. 9].

– Действия М. Каддафи истолкованы как «агрессия»²⁶, поэтому предпринятые США и международным сообществом в целом меры могут быть квалифицированы как акты «*коллективной самообороны*» по ст. 51 Устава ООН.

– Действия Каддафи представляют «угрозу американским интересам и ценностям»: в данном случае речь идёт о «сохранении региональной стабильности, а также укреплении авторитета СБ ООН и эффективности его действий по поддержанию международного мира и безопасности»²⁷.

– Правящий ливийский режим представляет *террористическую угрозу для США и всего мира*: «Каддафи пообещал совершать теракты против гражданских судов и авиалайнеров»²⁸.

2 этап (реализация задачи смены режима):

– Признание ещё до смерти М. Каддафи международным сообществом²⁹ оппозиции – Национального переходного совета Ливии – в качестве «единственного легитимного представителя народа», приравненного к статусу *правительственного органа* (по сути, в качестве фактического правительства Ливии), по просьбе которого возможно (и правомерно) вмешательство, соответственно,

²⁵ Readout of the President's Meeting with Members of Congress on Libya. March 25, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/25/readout-presidents-meeting-members-congress-libya> (accessed: 06.06.2024).

²⁶ «Столкнувшись с... оппозицией, Каддафи начал нападать на свой народ. <...> в течение нескольких дней мы предприняли ряд быстрых шагов, чтобы ответить на агрессию Каддафи...». См.: Remarks by the President in Address to the Nation on Libya. National Defense University, Washington, D.C. March 28, 2011. Op. cit.

²⁷ Krass C. D. Memorandum Opinion for the Attorney General "Authority to Use Military Force in Libya" (April 1, 2011). U.S. Department of Justice, Opinions of the Office of Legal Counsel in Volume 35, pp. 34-36. URL: <https://www.justice.gov/olc/opinion/authority-use-military-force-libya-0> (accessed: 06.06.2024).

²⁸ Joint Op-ed by President Obama, Prime Minister Cameron and President Sarkozy: 'Libya's Pathway to Peace'. April 14, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/04/14/joint-op-ed-president-obama-prime-minister-cameron-and-president-sarkozy> (accessed: 06.06.2024).

²⁹ См., напр.: Libya: France recognises rebels as government. March 10, 2011. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-12699183> (accessed: 03.06.2024); Qatar Recognizes Libyan Rebel Council. March 28, 2011. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748704559904576228341860730126> (accessed: 03.06.2024); Italian Ministry of Foreign Affairs. Focus-Libya: Frattini, the NTC is Italy's only interlocutor. April 04, 2011. URL: https://web.archive.org/web/20120306034136/http://www.esteri.it/MAE/EN/Sala_Stampa/ArchivioNotizie/Approfondimenti/2011/04/20110404_FocusLibia_frattini_Cnt.htm (accessed: 03.06.2024); U.S. views Libyan opposition as legitimate interlocutor. May 13, 2011. URL: https://web.archive.org/web/20110517033843/http://news.xinhuanet.com/english2010/world/2011-05/14/c_13874645.htm (accessed: 03.06.2024); High Court of Justice, Queen's Bench Division (Commercial Court). British Arab Commercial Bank Plc v. National Transitional Council of the State of Libya // International Law Reports. 2012. Vol. 147. P. 667-680.

оправданно и оказание «гуманитарной помощи» оппозиции³⁰.

- С принятием резолюции СБ ООН № 1973 эмбарго на поставки оружия, введённое п. 9 резолюции № 1970, перестало быть абсолютным, поскольку п. 4 резолюции № 1973 санкционировано принятие «всех необходимых мер, несмотря на положения п. 9 резолюции № 1970, для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения»³¹.

- Смена режима как гуманитарная цель: «устранение Каддафи» было «необходимо для защиты гражданского населения», это единственный эффективный способ выполнить обязанность защищать гражданское население от массовых зверских преступлений³²:

- «жизни людей подверглись бы серьёзному риску в случае сохранения режима»³³; «усугубление гуманитарного кризиса» по вине Каддафи [4. С. 9];

- «расправы являлись частью сложившейся модели поведения, а не отдельными инцидентами» (“an established pattern of conduct”) [4. С. 11];

- режим Каддафи – «крупный спонсор международного терроризма»³⁴;

- «жестокий диктатор»³⁵, отказавшийся от мирных средств урегулирования конфликта, «мощный репрессивный аппарат» органов внутренней безопасности [4. С. 8];

- ливийская оппозиция, Лига арабских государств и Африканский союз обратились к международному сообществу с «призывом спасти жизни людей в Ливии», «ввести бесполётную зону» и «положить конец насилию»³⁶;

- 27 июня 2011 г. палата предварительного производства МУС согласилась с доводами прокурора и выдала ордера на арест лидера Ливии М. Каддафи, его сына С. аль-Ислама Каддафи и главы разведывательной службы А. ас-Сануси³⁷;

³⁰ Согласно решению Международного Суда ООН по делу о военных и полувоенных действиях в Никарагуа и против неё (Никарагуа против США) 1986 г., «гуманитарная помощь» оппозиции правомерна по международному праву, она «не может рассматриваться как неправомерное вмешательство или каким-либо иным образом противоречить международному праву». См.: Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986, pp. 124-125, paras 242-243. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed: 03.06.2024).

³¹ Госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что администрация Б. Обамы считает, что «имеет право вооружать ливийскую оппозицию»: «резолюция СБ ООН № 1973 изменила или отменила абсолютный запрет на поставку оружия кому бы то ни было в Ливии». См.: Obama authorises covert aid to Libyan rebels – reports. March 31, 2011. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-12915401> (accessed: 12.12.2023).

³² Постоянный представитель США при ООН С. Райс: «Как сказал сегодня президент Обама, когда единственным средством руководителя, для того чтобы остаться у власти, становится широкомасштабное применение насилия, это означает, что он утратил законные основания для руководства». См.: Предварительный отчёт о 6491-ом заседании СБ ООН 26 февраля 2011 г. S/PV.6491. URL: <https://docs.un.org/S/PV.6491> (дата обращения: 03.06.2024); «<...> хотя наша военная миссия сосредоточена на спасении жизней, мы продолжаем преследовать более масштабную цель – создать Ливию, которая будет принадлежать не диктатору, а её народу». См.: Remarks by the President in Address to the Nation on Libya. National Defense University, Washington, D.C. March 28, 2011. Op. cit.

³³ «В прошлом мы видели, как он вешал мирных жителей на улицах и убивал более тысячи человек за один день. <...> Мы знали, что, если... мы подождём ещё один день, <...> может произойти резня, которая отзовется во всём регионе и запятнает совесть всего мира. Допустить такое было не в наших национальных интересах». Ibid.

³⁴ Ссылка на предшествующий «санкционный» опыт, в частности, в связи с обнаружением «ливийского следа» в деле о взрыве Boeing 747 над Локерби в 1988 г. См. предыдущие резолюции СБ ООН: № 731 от 21 января 1992 г.; № 748 от 31 марта 1992 г.; № 883 от 11 ноября 1993 г.

³⁵ «[Каддафи] отрицал свободу своего народа, эксплуатировал его богатства, убивал своих противников в стране и за рубежом и терроризировал невинных людей по всему миру, включая американцев, которые были убиты ливийскими агентами». «Каддафи утратил доверие своего народа и легитимность руководства страной, <...> он должен сложить с себя полномочия». См.: Remarks by the President in Address to the Nation on Libya. National Defense University, Washington, D.C. March 28, 2011. Op. cit.

³⁶ Security Council Approves 'No-Fly Zone' over Libya, Authorizing 'All Necessary Measures' to Protect Civilians, by Vote of 10 in Favour with 5 Abstentions. March 17, 2011. URL: <https://press.un.org/en/2011/sc10200.doc.htm> (accessed: 06.06.2024).

³⁷ МУС выдал ордера на арест Муаммара Каддафи, его сына и главы разведывательной службы. 27 июня 2011 г. URL: <https://news.un.org/ru/story/2011/06/1185681> (дата обращения: 06.06.2024).

- в своей совместной статье, опубликованной в середине апреля 2011 г., президент США Б. Обама, президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон подчеркнули, что «невозможно себе представить будущее Ливии с Каддафи у власти», с человеком, «пытавшимся уничтожить свой собственный народ»³⁸;

- **право ливийского народа на самоопределение:** «выполнение миссии означает, что ливийский народ может свободно распоряжаться своей судьбой»³⁹;

- вопросы защиты гражданского населения не могут игнорировать политические и военно-стратегические реалии: вернувшись к власти, Каддафи будет «страшно мстить», это было бы «бессовестным предательством» ливийского народа со стороны мирового сообщества⁴⁰;

- стратегический интерес: «резня привела бы к появлению тысяч дополнительных беженцев, пересекающих границу Ливии, что создало бы огромную нагрузку на мирные, но хрупкие, переходные процессы в Египте и Тунисе», «подтолкнула бы к подавлению других демократических восстаний на Ближнем Востоке», «вызвала бы гуманитарный кризис»⁴¹;

- акцент на желательности достижения цели смены режима Каддафи «невоенными средствами».

- Ряд комментаторов преимущественно в неамериканских СМИ «ошибочно называли» действия международного сообщества в Ливии «гуманитарной интервенцией»⁴², что извращает смысл концепции «обязанности защищать», ставящей во главу угла понятие **«суверенитета как ответственности»** [8]. R2P обеспечивает легитимность действий.

«Гуманитарная интервенция» же может быть интерпретирована как «военная интервенция в государство без одобрения его властей и с целью предотвращения

широкомасштабных страданий или смерти среди его жителей» [12]. Таким образом, понятие «гуманитарной интервенции» является более широким: во-первых, формулировка «предотвращение широкомасштабных страданий» гораздо шире четырёх видов зверских преступлений, на недопущение которых направлена R2P; во-вторых, фокус при гуманитарной интервенции делается на «применении военной силы государством или группой государств против другого государства без его согласия», упуская из виду иные возможности, предусмотренные R2P; в-третьих, гуманитарная интервенция обосновывается «правом на вмешательство» [7], предполагающим возможность её осуществления без разрешения СБ или ГА ООН [4. С. 11-12]. Кроме того, R2P – это многогранная концепция, включающая в себя не только «обязанность реагировать», но и «предотвращать» и «восстанавливать», а эти аспекты игнорировались в традиционной доктрине «гуманитарной интервенции» [9. С. 83].

Заключение

По результатам проведённого исследования автор пришла к выводу о том, что *международно-правовой механизм легитимации интервенции США, других стран НАТО и их союзников в Ливию в 2011 г. отчётливо включает в себя три этапа по временному критерию: 1) воздействие на (общее) международное правосознание (заблаговременная легитимация *ante factum*); 2) фаза активных действий (параллельная легитимация *eodem tempore*); 3) восстановительная фаза для закрепления результата (ретроспективная легитимация *post factum*).*

По критерию целеполагания аргументационно-легитимационный процесс предложено условно разделить на два этапа: 1) «подготовка почвы» для применения силы и 2) реализация задачи смены режима.

³⁸ Joint Op-ed by President Obama, Prime Minister Cameron and President Sarkozy: 'Libya's Pathway to Peace'. April 14, 2011. Op. cit.

³⁹ Gaddafi may become target of air strikes, Liam Fox admits. March 20, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/20/coalition-criticism-arab-league-libya> (accessed: 06.06.2024).

⁴⁰ Бывший в то время министром обороны США Р. Гейтс заявил: «Есть военная миссия, которая имеет ограниченные цели и ограничена по своему характеру, продолжительности и масштабу, а есть политическая или стратегическая цель, заключающаяся в необходимости смены режима в Ливии». См.: House Hearing No. 112-31 "Operation Odyssey Dawn and U.S. Military Operations in Libya", 112th Congress, March 31, 2011. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-112hhrg65802/html/CHRG-112hhrg65802.htm> (accessed: 06.06.2024).

⁴¹ Krass C. D. Op. cit. P. 23, 36.

⁴² См., напр.: Mamdani M. Libya: Politics of humanitarian intervention. March 31, 2011. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2011/3/31/libya-politics-of-humanitarian-intervention> (accessed: 06.06.2024).

На 1 этапе в рамках осуществления «обязанности предотвращать» (*"the responsibility to prevent"*) и «обязанности реагировать» (*"the responsibility to react"*) происходит целенаправленная «демонизация» главы государства и правящего режима посредством обвинений его в многочисленных и вопиющих нарушениях международного права, в особенности в области прав человека, в совершении «массовых зверских преступлений» (*"mass atrocity crimes"*), посредством тиражирования этой информации на различных международных и национальных площадках с привлечением всех доступных ресурсов и в результате достижения осуждения поведения режима Каддафи международным сообществом⁴³, в том числе путём принятия соответствующих *международно-правовых документов* (прежде всего резолюции СБ ООН № 1970, зафиксировавшей эти юридические факты и предусмотревшей целый пакет принудительных мер).

На 2 этапе, уже подготовив почву для восприятия задачи свержения М. Каддафи как «гуманитарной цели», исключительной, но единственно возможной меры, осуществляется мобилизация международного сообщества с прицелом на принятие коллективных мер за счёт «сколачивания» широкомасштабной коалиции. Ключевыми шагами являются 1) принятие резолюции СБ ООН № 1973, санкционирующей применение силы, в которой Вашингтон добился закрепления формулировки *«все необходимые меры»*, задействовав концепцию «обязанности защищать», акцентировав внимание на «принципиальных», «качественных» отличиях R2P от доктрины «гуманитарной интервенции» и на всякий случай замаскировав R2P под концепцию «защиты гражданских лиц в вооружённом конфликте» [11. С. 606; 6; 13. С. 20-21], а также 2) признание (ещё до смерти М. Каддафи) международным сообществом Национального переходного совета Ливии в качестве «единственного легитимного представителя народа», приравненного к статусу

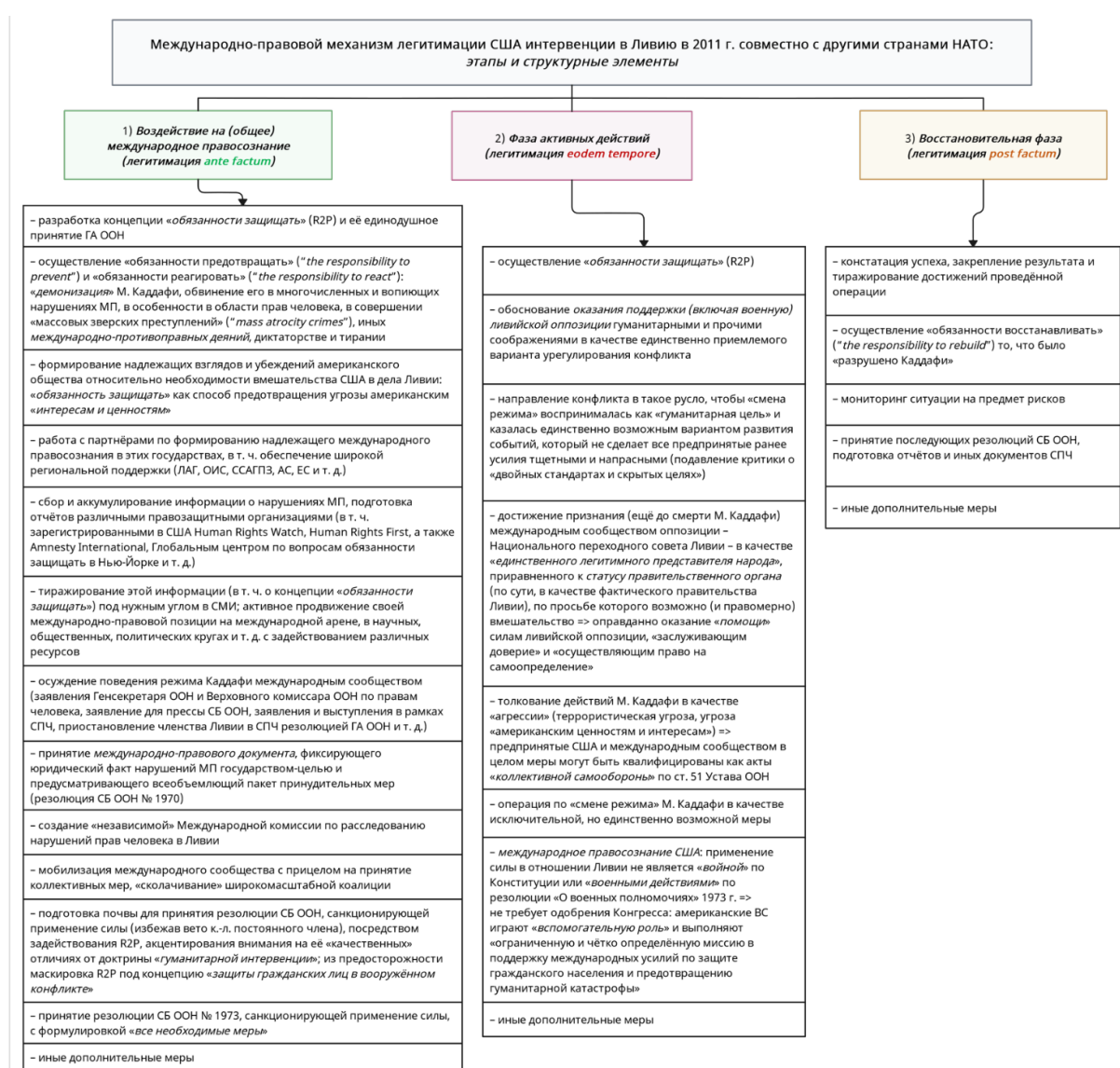
правительственного органа, оправдывая тем самым оказание «помощи» оппозиции.

Соответственно, в основу международно-правовой аргументации легли доводы о наличии «международного мандата» и «широкой коалиции», включая региональную поддержку, с целью защитить гражданское население от совершаемых правительством международно-противоправных деяний (R2P) в совокупности с просьбой о помощи со стороны «заслуживающих доверия сил ливийской оппозиции», осуществляющих право на самоопределение. Перечисленные аргументы могли эпизодически усиливаться утверждениями об исчерпании иных средств урегулирования конфликта, о наличии угрозы «американским ценностям и интересам», об исходящей террористической угрозе и, наконец, о задействовании права на коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН вследствие интерпретации действий Каддафи в качестве «агрессии».

Параллельно на постоянной основе предпринимались усилия по формированию надлежащего общественного правосознания внутри США (продвигался тезис о том, что «обязанность защищать» служит способом предотвращения угрозы американским «интересам и ценностям»), а также велась работа с партнёрами по формированию надлежащего международного правосознания в этих государствах, в том числе для получения широкой международной поддержки, особенно региональной.

На этапе легитимации *post factum* констатируется достижение успеха, закрепляются результаты проведённой операции при параллельном подключении реализации «обязанности восстанавливать» (*"the responsibility to rebuild"*), осуществлении мониторинга ситуации на предмет рисков, подготовке отчётов и иных документов СПЧ, принятии последующих резолюций СБ ООН и прочих дополнительных мер (см. *графическую модель № 1*).

⁴³ В том числе приостановление членства Ливии в Совете по правам человека резолюцией ГА ООН, создание «независимой» Международной комиссии по расследованию нарушений прав человека в Ливии и т. д.

Графическая модель № 1. Международно-правовой механизм легитимации США интервенции в Ливию в 2011 г. совместно с другими странами НАТО.

Источник: разработана и создана автором настоящей статьи.

Таким образом, тщательное изучение архитектуры, инструментария и тайминга международно-правового механизма, вырабатываемого американцами для легитимации своих военных действий за рубежом, может помочь своевременно узнавать его элементы, прогнозировать дальнейшие потенциальные международно-правовые манёвры Вашингтона и выработать эффективные способы реагирования на них, а в идеале подобрать и средства их нейтрализации в случае такой стратегической

необходимости, рациональности и целесообразности, исходя из обстоятельств конкретной ситуации. Опыт США в области разработки и применения различных техник международно-правовой аргументации в целях легитимации своей международно-правовой позиции следует учитывать при выстраивании международно-правовой политики РФ в отношении применения силы за рубежом, в том числе при совершенствовании международно-правового сопровождения СВО России на Украине.

Литература:

1. Вылегжанин А. Н., Корженяк А. М. Механизм международно-правовой легитимации вооружённого вторжения США в Ирак в 2003 г.: уроки на будущее. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 1.
2. Вылегжанин А. Н., Корженяк А. М. Механизм международно-правовой легитимации вооружённого вторжения США в Ирак в 2003 г.: уроки на будущее. Часть вторая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 2.
3. Корженяк А. М. Вопросы толкования и применения понятия «международно-правовая легитимация» // Московский журнал международного права. 2024. № 4. С. 162-183.
4. Adams S. Libya and the Responsibility to Protect. Occasional Paper Series. No. 3. Global Centre for the Responsibility to Protect. New York, 2012.
5. Adams S. Libya // The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect. Oxford, 2016.
6. Berman D., Michaelsen C. Intervention in Libya: Another Nail in the Coffin for the Responsibility-to-Protect? // International Community Law Review. 2012. Vol. 14. No. 4. P. 337-358.
7. Bettati M. Du droit d'ingérence à la responsabilité de protéger // Outre-Terre. 2007. Vol. 20. No. 3. P. 381-389.
8. Deng F. M. et al. Sovereignty as Responsibility: Conflict Management in Africa. Washington, 1996.
9. Evans G. R. The Responsibility to Protect: Rethinking Humanitarian Intervention // Proceedings of the ASIL Annual Meeting. 2004. Vol. 98. P. 78-89.
10. Finnemore M. The Purpose of Intervention: Changing Beliefs about the Use of Force. Ithaca, 2003.
11. Garwood-Gowers A. The Responsibility to Protect and the Arab Spring: Libya as the Exception, Syria as the Norm? // UNSW Law Journal. 2013. Vol. 36. No. 2. P. 594-618.
12. Roberts A. Humanitarian War: Military Intervention and Human Rights // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). 1993. Vol. 69. No. 3. P. 429-449.
13. Thakur R. Libya and the Responsibility to Protect: Between Opportunistic Humanitarianism and Value-Free Pragmatism // Security Challenges. 2011. Vol. 7. No. 4. P. 13-25.
14. Vandewalle D. Reconciliation, civil war, and fin de régime, 2003-2011 // A History of Modern Libya. Cambridge, 2012.

THE INTERNATIONAL LEGAL MECHANISM FOR LEGITIMIZING THE INTERVENTION OF THE USA AND OTHER NATO COUNTRIES IN LIBYA IN 2011

Introduction. *In the context of increasing competitiveness of states in the process of asserting their international legal positions, it seems important to identify the mechanism of international legal legitimation used by the Americans for their armed invasions in the 21st century, in particular on the example of the intervention of the United States and other NATO countries in Libya in 2011. Such research work is necessary to transform Russia's international legal support for the special military operation in the Ukraine (SMO) into a full-fledged international legal policy of the Russian Federation, aimed at cancelling the UN General Assembly qualification of the SMO as "aggression" and at achieving changes in the currently dominant pro-Western international legal consciousness.*

Materials and methods. *The theoretical and empirical basis of the study is formed by international legal documents (primarily of the UN Security Council, the UN General Assembly, the Human Rights Council, regional intergovernmental organizations, practice of the International Court*

of Justice), normative legal acts and non-normative documents of the USA, documents of various non-governmental organizations, foreign and domestic international legal literature, mass media materials. On the basis of integrative approach to scientific legal research in this paper were applied, in particular, hermeneutic, formal-legal, formal-logical, structural-functional and systematic methods, as well as methods of analysis and synthesis, legal construction, legal and graphic modelling.

Research results. *The author identified proposed by the U. S. international legal evaluations of the facts and the international legal arguments used by the U. S. in favor of the legitimacy of the armed invasion of Libya, putting forward her own interpretation of them as elements of the mechanism of international legal legitimation of the U. S. military actions abroad, as well as presenting her own systematization of these elements in the form of structural-functional schemes combined with chronological and target features, visualized on the graphical model.*

Discussion and conclusion. A thorough study of the international legal mechanism elaborated by the Americans to legitimize their military actions abroad can help us recognize its elements in a timely manner, predict Washington's further potential international legal maneuvers and develop effective ways of responding to them. The U. S. experience in devising and applying various techniques of international legal argumentation to legitimize its international legal position should be taken into account

when establishing Russia's international legal policy on the use of force abroad, including when improving the international legal support for Russia's SMO in the Ukraine.

Anastasia M. Korzhenyak,
Postgraduate Student, Department
of International Law, Moscow State Institute
of International Relations (University)
MFA Russia, Moscow, Russia

Ключевые слова:

применение силы, интервенция в Ливию, международно-правовая легитимация, международно-правовой механизм легитимации, гуманитарная интервенция, концепция «обязанности защищать», смена режима, «все необходимые меры», помощь оппозиции.

Keywords:

use of force, intervention in Libya, international legal legitimation, international legal mechanism of legitimation, humanitarian intervention, "responsibility to protect", regime change, "all necessary measures", assistance to the opposition.

References:

1. Vylegzhanin A. N., Korzhenyak A. M., 2025. Mekhanizm mezhdunarodno-pravovoj legitimatsii vooruzhennogo vtorzheniya SSHa v Irak v 2003 godu: uroki na budushhee. Chast' pervaja [The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U. S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part one]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. No. 1.
2. Vylegzhanin A.N., Korzhenyak A.M., 2025. Mekhanizm mezhdunarodno-pravovoj legitimatsii vooruzhennogo vtorzheniya SSHa v Irak v 2003 godu: uroki na budushhee. Chast' vtoraja [The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U. S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part two]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. No. 2.
3. Korzhenyak A. M., 2024. Voprosy tolkovaniya i primeneniya ponjatija "mezhdunarodno-pravovaja legitimatsiya" [Issues of Interpretation and Application of the Notion of "International Legal Legitimation"]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 4. P. 162-183.
4. Adams S., 2012. Libya and the Responsibility to Protect. *Occasional Paper Series. No. 3. Global Centre for the Responsibility to Protect*. New York.
5. Adams S., 2016. Libya. *The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect*. Oxford, P. 768-785.
6. Berman D., Michaelsen C., 2012. Intervention in Libya: Another Nail in the Coffin for the Responsibility-to-Protect? *International Community Law Review*. Volume 14. No. 4. P. 337-358.
7. Bettati M., 2007. Du droit d'ingérence à la responsabilité de protéger [From the Right to Interfere to the Responsibility to Protect]. *Outre-Terre [Beyond Earth]*. Volume 20. No. 3. P. 381-389.
8. Deng F. M. et al., 1996. Sovereignty as Responsibility: Conflict Management in Africa. Washington.
9. Evans G. R., 2004. The Responsibility to Protect: Rethinking Humanitarian Intervention. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*. Volume 98. P. 78-89.
10. Finnemore M., 2003. The Purpose of Intervention: Changing Beliefs about the Use of Force. Ithaca.
11. Garwood-Gowers A., 2013. The Responsibility to Protect and the Arab Spring: Libya as the Exception, Syria as the Norm? *UNSW Law Journal*. Volume 36. No. 2. P. 594-618.
12. Roberts A., 1993. Humanitarian War: Military Intervention and Human Rights. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-)*. Volume 69. No. 3. P. 429-449.
13. Thakur R., 2011. Libya and the Responsibility to Protect: Between Opportunistic Humanitarianism and Value-Free Pragmatism. *Security Challenges*. Volume 7. No. 4. P. 13-25.
14. Vandewalle D., 2012. Reconciliation, civil war, and fin de régime, 2003-2011. *A History of Modern Libya*. Cambridge, p. 173-209.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ К ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ИСКОВ В ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Алексей Титов*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-124-131

Введение. Работа является продолжением научного исследования темы антикоррупционного противодействия государства, реализации антикоррупционной государственной политики в современных условиях, определения приоритетных направлений развития антикоррупционного законодательства. Статья посвящена рассмотрению правовых позиций относительно применения сроков исковой давности, используемых судами Российской Федерации при рассмотрении антикоррупционных исков.

Материалы и методы. Методологическую основу работы составляет комплекс научных методов, который позволяет достичь искомые теоретико-практические результаты в процессе исследования места и роли института исковой давности, применяемого в публичных правоотношениях: исторический анализ, диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой, философский, формально-логический метод, метод дедукции и другие. Однако используемые в работе методы не исключают возможности в отдельных случаях простого изложения фактов с целью придания соответствующей аргументации необходимой доказательственной силы.

Результаты исследования. Правила об исковой давности не могут быть применимы к вопросам об ответственности за совершение коррупционного правонарушения, поскольку при их разрешении объектом защиты соответствующего нормативного регулирования выступает не частное, а публичное право.

Осознание коррупционером наличия возможности использования процессуальных сроков придаст его злоупотреблениям смысл и перспективу, поскольку после истечения давностных сроков нелегальные активы не могут быть обращены в доход государства в судебном порядке, они продолжат составлять благосостояние чиновника и вовлекаться им в гражданский оборот, а виновные

* **Титов Алексей Сергеевич**, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: alex72@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-2506-2517

в коррупции должностные лица не только не понесут ответственности за свои антиобщественные деяния, но и могут получить незаслуженные преференции, что, в свою очередь, существенно затрудняет функционирование экономических процессов, подрывает принципы законности и справедливости в общественном сознании.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что институт исковой давности не применим к антикоррупционным искам, при возложении ответственности за совершение коррупционных правонарушений, поскольку при рассмотрении исков антикоррупционной направленности объектом защиты соответствующего нормативного регулирования выступает не частное, а публичное право.

Введение

Современный уровень осуществляемой государством борьбы с коррупцией характеризуется не только проводимой государством многотрудной работы по формированию соответствующего законодательного массива, но и не менее значимой и сложной «полевой» работой, осуществляемой органами прокуратуры в различных судебных инстанциях по отстаиванию публичных интересов государства при рассмотрении антикоррупционных исков. Термин антикоррупционный иск является собирательным и объединяет в себе видовую принадлежность категорий исков, инициируемых органами прокуратуры в целях реализации антикоррупционных норм федерального закона от 27.07.2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹, федерального закона от 25.12.2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² (далее по тексту закон № 273-ФЗ) и других нормативных правовых актов.

Исследование

Справедливое утверждение ученых, исследующих коррупционные проявления, показывает, что явление коррупции не является чем-то статичным и находится в постоянной динамике, при этом являясь сложным социальным явлением, зависящим от происходящих в конкретном социуме политико-правовых процессов. Ее предпосылки, как

и связанные с ними негативные последствия, наносят ощутимый вред системе государственного управления, снижая эффективность работы каждого из направлений государственной власти, подрывая устои государственно-правового регулирования как политической, так экономической жизни общества. В конечном счете, на кону стоит политико-экономическая безопасность государства [10. С. 21]. В этой связи повышается роль судебной власти как высшего проводника законности, прозрачности и обоснованности при рассмотрении в открытых судебных процессах антикоррупционных исков. Судебное рассмотрение указанной категории исков является составной частью государственной процессуальной деятельности, целью которой является восстановить нарушенные правоотношения, связанные с необходимостью соблюдения публично-правовых ограничений, являющихся неотъемлемой частью правового статуса отдельных категорий государственных служащих. Проведенная аналитическая работа по исследованию судебных актов антикоррупционной направленности показала фактическое наличие различных судебно-правовых подходов в вопросе применения института исковой давности, а также до недавнего времени отсутствие единого судебно-правового подхода к его применению/неприменению. Имеющаяся коллизийность в судебном правоприменении явилась предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации, который 31 октября 2024 года в своем постановлении³ расставил

¹ См.: Собрание законодательства РФ, 02.08.2004, № 31, ст. 3215;

² См.: Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.

³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 года «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда»// <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision791923.pdf>

основные приоритеты на свои места, показав тем самым государственно-правовое отношение к последствиям нарушения антикоррупционного законодательства и создав правовой фундамент для формирования единого судебного-правового подхода применения института исковой давности при рассмотрении антикоррупционных исков.

Поводом для рассмотрения имеющейся правовой проблемы явилось отсутствие единого подхода судебных инстанций в вопросе безусловного применения института исковой давности. Например, отдельные суды, формируя свою правовую позицию исходили из того, что объектом судебного спора выступала совокупность материальных активов, в отношении которых в судебном порядке должны были быть реализованы требования об обращении в доход государства, а поскольку речь шла о материальных активах, то соответственно и правила об исковой давности должны были быть применимы для этой категории объектов гражданских прав. В этом случае суды, выясняя такие условия приходили к выводу о возможности применения института исковой давности со времени, когда государство - Российская Федерация в лице соответствующих государственных органов узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Таким образом, за временную основу бралась соответствующая запись государственной регистрационной службы, депозитариев и т.п. Вместе с этим учитывалось, что правовая дефиниция срока исковой давности относится к общеправовым институтам и согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации⁴, который определил целью этого правового института как инструмента обеспечения эффективности реализации публичных функций, а также поддержание «статуса-кво» стабильности

соответствующих правоотношений. Основой установления института исковой давности и института давности привлечения к ответственности является фундаментальный принцип - никто не может быть поставлен под угрозу неблагоприятных последствий на неопределенный или слишком длительный срок. В этом случае сроки, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступить неблагоприятные последствия, является необходимым условием применения этих правовых последствий. А поскольку в Конституции Российской Федерации отсутствует понятие «нематериальных благ», становится невозможным применение статьи 208 ГК РФ. В этой связи суды приходили к обоснованному выводу о возможности применения срока исковой давности при рассмотрении антикоррупционных исков.

Иной правовой подход применялся отдельными судебными инстанциями, рассматривающими антикоррупционные иски со схожими юридическими условиями, но в этих случаях судами не поддерживалась вышеизложенная правовая позиция, а, наоборот, обосновывалась невозможность применения института срока исковой давности к рассматриваемым в судебных заседаниях правоотношениям. Правовая позиция в этих случаях основывалась содержанием статьи 195 ГК РФ⁵, где право лица, подлежащего судебной защите, определяется как субъективное гражданское право конкретного лица. Такая правовая позиция поддержана высшей судебной инстанцией и изложена в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»⁶ во взаимосвязи с нормативным

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 5, 1999; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт - Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат "Североникель"», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита - Плюс» и «Невско - Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско - южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 5, 201; Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапланова» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 4. 2017.

⁵ См.: Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2015.

определением коррупции, содержащееся в статье 1 Закона № 273-ФЗ. В этой связи суды приходили к обоснованному выводу о том, что к антикоррупционным делам положения статьи 196 ГК РФ не применяются, поскольку охраняемым объектом института исковой давности выступает не чье-либо субъективное право, а интересы всего общества и государства [5. С. 23-24].

Таким образом, правила об исковой давности не должны применяться к вопросам гражданско-правовой ответственности за совершение коррупционного правонарушения, в том числе к обстоятельствам осуществления запрещенной антикоррупционным законодательством деятельности, поскольку объектом судебной защиты является публичное право. В этой связи сторона – инициатор судебно-исковых требований, роль которой выполняют органы прокуратуры, не выступают экономически заинтересованной стороной и не имеют субъективного интереса в рассматриваемых правоотношениях, а также являются стороной, обеспечивающей защиту частноправовых интересов конкретного субъекта спорных правоотношений.

Исковая природа, заявляемых прокурором требований, относится к публично-правовому сегменту нормативного регулирования, поскольку основой формирования соответствующих исковых требований органов прокуратуры является публично-правовые правила, установленные законодательством о противодействии коррупции. В этой связи предъявление иска является правовым средством, направленным на охрану общества, установленную им правовую демократию от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии

общества и репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем, чтобы у граждан не рождались сомнения в их нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти⁷, то есть на защиту нематериальных благ.

Как справедливо отмечает М.Г. Решетняк, коррупция, представляя собой серьезную угрозу верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости, посягает на принципы государственного управления, моральные устои общества, затрудняет надлежащее и справедливое функционирование экономики [9. С. 47-54], то есть наносит ущерб тем благам, которые безусловно относятся к числу фундаментальных, неотъемлемых и нематериальных, поскольку закреплены в этом качестве в статьях 1, 2, 8, 17-19, 21, 75.1 Конституции Российской Федерации. Изложенная правовой подход поддерживается многими учеными, исследующими данную проблему [8. С. 469-477; 1. С. 63-66].

Незаконное приобретение должностными лицами личного состояния и их сращивание с бизнесом⁸ наносит ущерб, как отмечено в Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2003 года⁹, демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку, порождает серьезные угрозы стабильности и безопасности общества, подрывает демократические и этические ценности.

Неприменение института исковой давности создает условия для легализации и реабилитации неправомерно нажитого имущества [4. С. 38-51; 3. С. 53]. Такой правовой подход противоречит позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 29.11.2016

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова»//Вестник Конституционного Суда РФ, № 1, 2014.

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан»//Вестник Конституционного Суда РФ, № 1, 2017;

⁹ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН)//Бюллетень международных договоров, 2006, № 10, октябрь, с. 7 – 54;

№ 26-П¹⁰, согласно которой, антикоррупционное законодательство призвано обеспечивать бессмысленность и бесперспективность коррупционного поведения.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, в своем постановлении от 31 октября 2024 года, пришел к обоснованному выводу о не применении института исковой давности к актам коррупции, как не соответствующие требованиям законности и справедливости, в нарушении требований законодательства нахождения в гражданском обороте незаконно полученного имущества, его легализации, сокрытию от контролирующих органов, что несовместимо с принципами существования и деятельности правового государства. Следует согласиться с мнением С.А. Бочкарева, который отмечает, что суды, оценивая доводы сторон и всесторонне изучая обстоятельства дела, подходят к разрешению споров о сроках давности не формально, а содержательно. Не отказывая в удовлетворении исков и не прекращая производство по делу в момент заявления ходатайств, обосновывающих истечение сроков давности, суды проводят полноформатное разбирательство и разрешают эти вопросы в рамках принятия соответствующего судебного акта. Как показывает складывающаяся судебная практика, своеобразный характер рассматриваемых правонарушений, тяжесть наступающих от коррупции последствий, убедило судебную власть в невозможности применения к ним правил исковой давности. Реализация этого института по отношению к коррупционным сделкам не может привести к стабильности гражданского оборота, обеспечить его устойчивость, а, наоборот, поощряет противоправную деятельность нарушителей законодательства. Незаконно вовлеченное ими в гражданский оборот имущество с истечением времени не приобретает в глазах его участников легитимности, а продолжает восприниматься как неконкурентное и несправедливое преимущество, направленное против добросовестных

участников рынка [2. С. 8-12]. Более жесткую и принципиальную позицию занимает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, отмечая, что необходимость усиления неблагоприятных последствий для лиц, признанных виновными в совершении коррупционных преступлений. С этой целью представляется целесообразным восстановление института конфискации имущества в полном объеме, предусмотренном требованиями Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Кроме того, в качестве дополнительного наказания на все коррупционные преступления должно быть, на наш взгляд, распространено пожизненное лишение права занимать определенные должности, а также лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Превентивный потенциал санкций за преступления такого рода может усилить и ограничение возможности применения института амнистии к лицам, совершившим подобные преступления. К коррупционерам не должны, на наш взгляд, применяться меры условного осуждения, и они не могут быть освобождены от ответственности в связи истечением сроков давности [6. С. 86-102].

Неоднородность в правовом подходе проявляется в более либеральном отношении к вопросу применения института исковой давности отдельными учеными к искам, связанным с восстановлением нарушенного вследствие коррупции имущественного положения стороны обязательства. По их мнению, нормы, регулирующие институт срока давности в полной мере, соответствуют международному праву, поскольку Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию¹¹ установлен трехлетний срок исковой давности по требованиям о возмещении ущерба, причиненного коррупционными действиями. Срок исчисляется со дня, когда лицу, которому причинен ущерб, стало известно или должно было стать известно о возникновении ущерба или совершении акта коррупции. Данный иск

¹⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан//Вестник Конституционного Суда РФ, № 1, 2017.

¹¹ См.: Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999)// Бюллетень международных договоров, № 9, 2009, с. 15 – 29.

не может быть предъявлен по истечении 10 лет с момента совершения коррупционного действия [7. С. 6-10].

С такой правовой позицией нельзя согласиться, поскольку исковую давность относят к числу фундаментальных институтов Гражданского законодательства, его установление имеет целью упорядочить именно Гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников¹². Аналогичные разъяснения об относимости срока исковой давности к частноправовому сегменту нормативного регулирования даны Верховным Судом Российской Федерации¹³, который указал, что данный институт предназначен для осуществления защиты субъективного гражданского права конкретного лица. Иными словами институт давности имеет частноправовую природу и прямо предназначен для урегулирования частных правоотношений.

Напротив, государственная гражданская служба характеризуется публично-правовой природой, критерии соответствия/несоответствия государственного служащего требованиям, установленным законом, имеют публично-правовую природу и не могут быть урегулированы частноправовыми нормами. Таким образом, реализуя

свой публично-правовой статус государственного служащего, последний не может быть субъектом гражданско-правового регулирования. В этой связи акты коррупции, частью которых могут выступать сделки по получению незаконных имущественных благ, не могут являться частью хозяйственного оборота или одним из способов его функционирования, не являются законной формой или средством реализации гражданских прав и обязанностей.

Заключение

Антикоррупционный иск направлен на охрану общества и защиту установленной им правовой демократии от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой основывается на доверии общества и репутации лиц, замещающих государственные должности, с тем, чтобы у граждан не рождались сомнения в их нравственных качествах, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти. И в этой связи очень важным аспектом является бескомпромиссный подход к вопросу применения/не применения института исковой давности к антикоррупционным искам.

Литература:

1. Байрамов С.Ш. Проблема признания субъектами получения взятки медицинских работников // Юстиция. 2017. № 2.
2. Бочкарев С.А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021. № 2.
3. Букарев В.Б., Трунцевский Ю.В., Шулёпов Н.А. Зарубежный опыт в сфере правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, приобретенных преступным путем // Международное публичное и частное право. 2007. № 4.
4. Волотова Е.О. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем // Адвокат. 2011. № 2.
5. Григорьева Н.Н., Петушков Д.Н. Предмет антикоррупционного иска - денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. 2021. № 5.

¹² См.: например, Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого»//Вестник Конституционного Суда РФ, № 3, 2016; Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 № 1034-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клюкина Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 181, 196, 199 и 200 Гражданского кодекса Российской Федерации»;

¹³ См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»// Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2015.

6. Зорькин В.Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал российского права. 2023. № 5.
7. Корякин В.М., Воропаев Д.А. Вопросы недействительности гражданско-правовых сделок, совершенных с признаками коррупции // Российская юстиция. 2014. № 6.
8. Лаврентьева О.О. Административно-правовые меры минимизации коррупционных рисков в системе государственной гражданской службы и принципы их реализации // Административное и муниципальное право. 2014. № 5.
9. Решняк М.Г., Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Место и роль гражданско-правовых механизмов в системе мер противодействия коррупции // Безопасность бизнеса. 2016. № 2.
10. Хабриева Т.Я., Иванов С.Б., Чиханчин Ю.А. и др. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / Отв. ред. Т.Я. Хабриева // М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2016.

COMBATING CORRUPTION AT THE PRESENT STAGE: CURRENT LEGAL PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Introduction. The article is a continuation of the scientific research on the topic of anti-corruption counteraction of the state, the implementation of anti-corruption state policy in modern conditions, and the identification of priority areas for the development of anti-corruption legislation. The article is devoted to the consideration of legal positions regarding the application of the statute of limitations used by the courts of the Russian Federation when considering anti-corruption claims.

Materials and methods. The methodological basis of the work is a set of scientific methods that allows achieving the desired theoretical and practical results in the process of researching the place and role of the statute of limitations institution used in public legal relations: historical analysis, dialectical, system-structural, comparative legal, philosophical, formal logical method, deduction method and others. However, the methods used in the work do not exclude the possibility in some cases of a simple presentation of facts in order to give the appropriate argumentation the necessary evidentiary force.

The results of the study. The statute of limitations rules cannot be applied to issues of liability for committing a corruption offense, since when resolving them, the object of protection of the relevant regulatory regulation is not private, but public law. Awareness by a corrupt official of the possibility

of using procedural deadlines will give his abuses meaning and perspective, since after the expiration of the limitation period, illegal assets cannot be turned into state revenue in court, they will continue to constitute the welfare of an official and be involved in civil turnover, and officials guilty of corruption will not only not be held responsible for their antisocial acts, but they will also receive unjustified advantages, which, in turn, undermines the proper functioning of the market economy, citizens' faith in the rule of law and justice in the state.

Discussion and conclusion. The study showed that the statute of limitations is not applicable to anti-corruption lawsuits, the imposition of liability for corruption offenses, since when they are resolved, the object of protection of the relevant regulatory regulation is not private, but public law.

Alexey S. Titov,
Doctor of Sciences (Law), Chief Researcher
of the Department of Financial, Tax and
Budgetary Legislation at the Institute of
Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation,
Professor of the Department of International
and Public Law at the Financial University
under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia

Ключевые слова:

коррупция, антикоррупционные
иски, прокуратура, исковая давность,
антикоррупционное законодательство.

Keywords:

corruption, anti-corruption lawsuits,
prosecutor's office, statute of limitations, anti-
corruption legislation.

References:

1. Bayramov S.S., 2017. Problema priznaniya sub"ektami polucheniya vzyatki meditsinskih rabotnikov [The problem of recognition by subjects of receiving bribes of medical workers]. *Yustitsiya [Justice]*. № 2.
2. Bochkarev S.A., 2021. Korruptsiya vne srokov iskovoï davnosti [Corruption beyond the limitation period]. *Zakonnost' [Legality]*. № 2.
3. Bukarev V.B., Truntsevsky Yu.V., Shulepov N.A., 2007. Zarubezhnyi opyt v sfere pravovogo regulirovaniya protivodeistviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, priobretennykh prestupnym putem [Foreign experience in the field of legal regulation of countering the legalization (laundering) of criminally acquired income]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*. № 4.
4. Volotova E.O., 2011. Legalizatsiya (otmyvanie) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennogo drugimi litsami prestupnym putem [Legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons through criminal means]. *Advokat [Advocate]*. № 2.
5. Grigorieva N.N., Petushkov D.N., 2021. Predmet antikorrupcionnogo iska - denezhnye sredstva, poluchennye v kachestve vzyatki [The subject of an anti-corruption lawsuit is money received as a bribe]. *Zakonnost' [Legality]*. № 5.
6. Zorkin V.D., 2023. Konstitutsionnyi kontrol' kak faktor sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva [Constitutional control as a factor in improving Russian legislation]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 5.
7. Koryakin V.M., Voropaev D.A., 2014. Voprosy nedeistvitel'nosti grazhdansko-pravovykh sdelok, sovershennykh s priznakami korruptsii [Issues of invalidity of civil law transactions made with signs of corruption]. *Rossiiskaya yustitsiya [The Russian justice system]*. № 6.
8. Lavrentieva O.O., 2014. Administrativno-pravovye меры minimizatsii korruptsionnykh riskov v sisteme gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby i printsipy ikh realizatsii [Administrative and legal measures to minimize corruption risks in the public civil service system and the principles of their implementation]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo [Administrative and Municipal Law]*. № 5.
9. Reshnyak M.G., Slepko G.E., Strazhevich Yu.N., 2016. Mesto i rol' grazhdansko-pravovykh mekhanizmov v sisteme mer protivodeistviya korruptsii [The place and role of civil law mechanisms in the system of anti-corruption measures]. *Bezopasnost' biznesa [Business security]*. № 2.
10. Khabrieva T.Ya., Ivanov S.B., Chikhanchin Yu.A. and others., 2016. Protivodeistvie korruptsii: novye vyzovy: monografiya [Anti-corruption: new challenges: a monograph]. *Ed. by T.Ya. Khabrieva*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ЗАДАЧАХ ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Маркус*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-132-139

Введение. Несмотря на то, что проблематика содержания и потенциала юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в контексте современных геополитических вызовов и угроз привлекает к себе внимание значительного количества специалистов, есть все основания утверждать, что именно правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности государства оказываются наименее исследованными. Сказанное представляется достаточно существенным пробелом юридической доктрины, т.к. именно толкование права, разные формы его интерпретации позволяют не только повысить эффективность правореализационного процесса, но и защитить ключевые национальные интересы Российской Федерации.

Материалы и методы. При написании статьи использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы, среди которых можно выделить диалектический, структурно-функциональный, системный, формально-юридический, метод правового моделирования и др. Автор также использовал герменевтический и эвристический методологические подходы в обосновании потенциала правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Результаты исследования. В работе обосновывается авторская концепция правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, под которыми предлагается понимать деятельность, направленную на уяснение и разъяснение смысла нормативно-правовых предписаний, а также акты официального и неофициального толкования права, имеющие своей целью охрану, защиту и обеспечение гарантированной реализации национальных интересов. Формулируются цели и признаки данных юридических средств, а также их ключевые задачи, к некоторым из которых

* **Маркус Сергей Альбертович**, следователь Пресненского межрайонного следственного отдела следственного управления по Центральному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, Москва, Россия
e-mail: mark-sergal@mail.ru
ORCID: 0009-0000-2024-7906

автор предлагает относить раскрытие содержания и значения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, объяснение сущности, значимости и разновидностей национальных интересов России, формирование российской правовой доктрины с учетом специфики цивилизационных особенностей государства и т.д.

Обсуждение и заключение. В статье аргументируется вывод о том, что наряду с официальным толкованием права неофициальное толкование также является весьма значимым, но очевидно недооцененным правоинтерпретационным средством обеспечения национальной безопасности государства, потенциал которого практически не используется. В обозначенном контексте речь идет не столько о доктринальном толковании права, сколько об обыденном его толковании, которое может быть дано широко известными, пользующимися заслуженным уважением и доверием в обществе личностями (т.н. инфлюенсерами).

Введение

Согласно наиболее распространенной и обоснованной точке зрения толкование права представляет собой процесс уяснения и разъяснения смысла правовых предписаний, являющийся залогом не только успешной правоприменительной деятельности, но и функционирования механизма правового регулирования в целом [3. С. 5-9; 13. С. 5; 1. С. 290].

Именно толкование права является важнейшим условием правильного понимания нормативно-правовых предписаний и их применения на практике, обуславливает эффективность не только правоприменительного процесса, но и самого правотворчества, ведь воля законодателя должна быть правильно понята, а созданные им нормы права применены с учетом как их текстуального выражения (буквы закона), так и того смысла (духа закона), который заложил в них правотворец в момент создания.

Справедливо звучит мысль С.С. Алексеева о том, что толкование права является своеобразным *поднормативным* правовым регулированием [1. С. 321], в том смысле, что оно «заканчивает» правотворчество возможностью его эффективного, осознанного и соответствующего сложившемуся реалиям применения, обеспечивает координацию правоотношений с учетом нормативно установленной государственной воли общества, позволяет субъектам права эффективно реализовывать не только принадлежащие им субъективные права, но и законные интересы [6. С. 22-23; 11. С. 28].

Таким образом, процесс толкования права (правоинтерпретационный процесс) является важнейшим средством правового

обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, т.к. ни многочисленные нормативно-правовые акты, направленные на охрану и защиту национальных интересов государства, ни усилия субъектов правоприменительного процесса, связанные с реализацией данных правовых норм, не смогут увенчаться успехом вне правильного, грамотного и соответствующего социально-историческим реалиям их уяснения и разъяснения.

Исследование

Несмотря на значимость и объективную необходимость интерпретации правовых норм, представители общей теории права сходятся во мнении, что именно правоинтерпретационный процесс может исказить смысл правовых предписаний, истолковать норму права так, что она, формально соответствуя текстуальному выражению нормативного предписания, извратит волю законодателя в угоду интересам какого-либо из участников правоотношения.

В указанном контексте Т.Н. Нешатаева справедливо отмечает, что судебное толкование нередко называют видом *искусства* [9. С. 115], а М.А. Куликов обращает внимание на злободневную проблему *манипулирования* юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе [5. С. 112].

Полагаем, что ключевые проблемы толкования права можно свести к следующим аспектам:

- соотношение духа и буквы закона;
- уровень профессионализма, компетентности и *порядочности* участников правоинтерпретационного процесса (ведь один и тот же закон может быть истолкован

по-разному в зависимости от того, кто и как толкует и в каких целях данное толкование осуществляется) [8. С. 350];

- объективно присутствующий субъективизм участников правоинтерпретационного процесса, обусловленный различным уровнем их политического и правового сознания (наиболее очевидно это проявляется в том, что даже судьи Конституционного Суда РФ, каждый из которых является профессионалом высочайшего уровня, тем не менее, нередко выражают свое особое мнение в процессе толкования норм Конституции РФ, не соглашаясь с позицией других судей).

Таким образом, правоинтерпретационный процесс объективно включает в себе дилемму, связанную с тем или иным субъективным *пониманием* воли правотворца и *оценкой* ситуации, в которой данная норма подлежит применению.

Сказанное лишь актуализирует проблемы, связанные с правоинтерпретационными средствами обеспечения национальной безопасности, играющими важнейшую роль как в содействии реализации национальных интересов Российской Федерации, так и в регулировании поведения участников различных правоотношений.

Под *правоинтерпретационными средствами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации* предлагаем понимать деятельность, направленную на *уяснение и разъяснение* смысла нормативно-правовых предписаний, а также акты официального и неофициального толкования права, имеющие своей целью охрану, защиту и обеспечение гарантированной реализации национальных интересов Российской Федерации, а также содействие достижению стратегических национальных приоритетов государства.

К *признакам* правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности следует относить следующие. Данные средства посредством уяснения и разъяснения смысла нормативно-правовых предписаний:

1. *обеспечивают реализацию* национальных интересов Российской Федерации, а также объясняют их ценность, смысл и содержание;

2. раскрывают содержание и демонстрируют значимость *традиционных духовно-нравственных ценностей* российского общества, сохранение и дальнейшее развитие которых лежит в основе самих национальных интересов государства;

3. направлены на *стимулирование*, активизацию правомерного поведения участников правоотношений, связанного с реализацией (содействием реализации) национальных интересов Российской Федерации и на *ограничение*, сдерживание активности участников правоотношений (как противоправной, так и правомерной, но нежелательной), способной нанести ущерб национальным интересам государства.

Сказанное позволяет заключить, что основной *целью* правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является содействие охране, защите и гарантированной реализации национальных интересов государства посредством уяснения и разъяснения смысла нормативно-правовых предписаний.

Изложенные выше признаки и цель правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности государства определяют их задачи, к числу которых необходимо относить следующие.

1. Раскрытие содержания и значения *традиционных российских духовно-нравственных ценностей*, которые, как уже отмечалось, лежат в основе как национальных интересов Российской Федерации, так и гармоничного развития российского общества и государства в целом.

В настоящее время именно данные ценности являются основным «объектом на поражение» для деструктивного информационного воздействия коллективного Запада, ставящего своей целью размыть гражданскую идентичность российского общества, подорвать патриотизм молодого поколения, привить систему ценностей, основанную на культивировании эгоизма, вседозволенности и безнравственности. Вместе с тем, именно передаваемые из поколения в поколение традиционные духовно-нравственные ценности препятствуют социокультурному расслоению общества, ведению аморального образа жизни, искажению исторической правды и отрицанию российской цивилизационной самобытности.

Следует отметить, что в данном случае речь идет не об обычных способах пропаганды важности традиционных духовно-нравственных ценностей, а именно о *правоинтерпретационных формах их культивирования* и защиты.

Так, именно обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям позволило Конституционному Суду РФ признать соответствующим Конституции РФ

ряда статей УК РФ¹, и, вместе с тем, не соответствующим Конституции РФ отдельных положений ст. 3 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»².

Верная трактовка сути и понимание значения традиционных духовно-нравственных ценностей лежит в основе судебных решений о размере выплаты алиментов³, о признании законным отстранения от работы⁴, о взыскании морального вреда⁵ и целого ряда других решений.

Сказанное позволяет прийти к *выводу* о том, что если вопросы, связанные с компенсацией морального вреда, выплатой алиментов или материнского капитала и не являются непосредственно затрагивающими национальную безопасность государства, то с ними связанное официальное толкование традиционных духовно-нравственных ценностей *можно* отнести к тем правоинтерпретационным средствам, которые данные ценности защищают и, в определенном смысле, популяризируют.

2. Объяснение сущности, значимости и разновидностей *национальных интересов* государства и *стратегических национальных приоритетов*, а также способов их правового обеспечения.

Не секрет, что значительное количество участников правоотношений, включая субъектов, наделенных правоприменительными функциями, имеют самое смутное представление как о национальных интересах государства, стратегических национальных приоритетах его развития, так и о тех нормативно-правовых актах, в которых они закреплены. Полагаем, что данные законы и подзаконные акты должны всемерно популяризироваться не только посредством правового воспитания и обучения, но и посредством *толкования* их наиболее значимых положений.

3. Формирование российской *правовой доктрины* с учетом специфики цивилизационных особенностей нашего государства, а также масштабных геополитических вызовов и угроз, с которыми ему приходится сталкиваться.

В юридической науке получила достаточное распространение классическая точка зрения, согласно которой правоинтерпретационные акты не являются источником права.

Позволим себе не согласиться с данным утверждением. Во-первых, акты официального толкования права, изданные Конституционным Судом РФ, равно как и Верховным Судом РФ являются полноценным источником российского права. Во-вторых, именно правоинтерпретационные акты являются *важнейшей основой* российской *правовой доктрины*.

В отмеченной связи подчеркнем, что несмотря на то, что в России суд или иной правоприменитель не вправе ссылаться на научные работы при обосновании своей позиции, именно юридическая доктрина выступает не только теоретической формой определенного правопонимания, но и *стратегией развития* правовой системы государства, совокупностью приоритетов его правовой политики [10. С. 61].

Именно правовая доктрина конкретизирует смысл юридических понятий и определяет вектор консервативного или либерального реформаторства, учет или отрицание правовых традиций и ценностей российского общества [10. С. 61], что доказало свое первостепенное значение в связи с последними событиями, связанными с проведением специальной военной операции и отстаиванием Россией своего суверенитета.

Таким образом, правоинтерпретационные акты играют важнейшую роль в формировании российской юридической

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023. № 23 (Часть II). Ст. 4272.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Собрание законодательства РФ. 12.07.2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

³ См, например.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2021 № Ф07-16661/2019 по делу № А56-102901/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.24 г.).

⁴ См., например: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 88-19967/2023 по делу № 2-1619/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.24 г.).

⁵ См., например: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 88-14352/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.24 г.).

доктрины, задают вектор как правотворческому, так и правоприменительному процессам и должны более активно использоваться в качестве юридического средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

4. Определение стратегического вектора развития правотворческого, правоприменительного и правообучающего процессов в Российской Федерации. Обозначенные процессы - взаимозависимые формы юридической практики, и именно то, как участники правоотношений уяснят и разъяснят действующее законодательство, предопределяет не только ее качество, но и вектор дальнейшего развития.

В отмеченной связи толкование права является не только правом и одним из полномочий отмеченных участников правоотношений, но и таким юридическим средством, использование которого преобразует, трансформирует саму их деятельность, заставляя глубже и полноценнее уяснять не только смысл юридических норм, но и способы их эффективной реализации с учетом социально-исторических реалий.

5. Координирование соблюдения, исполнения и использования правовых предписаний участниками правоотношений, исходя из национальных интересов Российской Федерации и ее стратегических приоритетов.

Полагаем, что именно правоинтерпретационные средства являются важнейшим регулятором всех форм реализации права, включая отмеченные выше формы правомерного поведения субъектов права.

Именно грамотная и своевременная интерпретация юридическим норм позволит субъектам права грамотно использовать принадлежащие им права и эффективно реализовывать законные интересы, что не только повысит правовую активность населения, но и улучшит качество правовой жизни общества.

6. Демонстрация дискриминационной, антигуманной политики коллективного Запада в отношении России, манипулятивного использования юридических целей и средств ради дискредитации нашего государства в качестве надежного партнера в международных отношениях [7. С. 163-180; 12. С. 41-53] и умаления его роли в качестве влиятельного мирового центра принятия стратегически важных геополитических решений.

В отмеченной связи В.В. Путин справедливо подчеркивает, что страны коллективного Запада «когда им мешает международное право и устав ООН, объявляют это все устаревшим, ненужным. А когда соответствует что-то их интересам, сразу ссылаются на нормы международного права...»⁶.

Разъяснение манипулятивной природы антироссийской политики коллективного Запада, находящей свое выражение в соответствующих нормативно-правовых актах, равно как и сущности антисанкционной политики России, воплощающейся, в том числе, в различных юридических предписаниях – ключевая и актуальная задача правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

7. Формирование и отстаивание национальной и, в том числе, правовой идентичности. Считаем, что с одной стороны правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности являются формой юридического самоопределения субъектов права, т.е. неотъемлемым элементом правовой идентичности [4. С. 8; 14. С. 5-11], а с другой – призваны ее формировать.

Формированию и закреплению конституционной идентичности России во внутригосударственном и международном пространстве служит ряд постановлений и заключений Конституционного Суда РФ⁷, общий смысл которых сводится к тому, что помимо внешних проявлений национально-

⁶ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии министерства обороны. 2021. 21 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c1b5039a794770ade78255> (дата обращения: 25.12.24 г.).

⁷ См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2020. № 12. Ст. 1855; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.01.2017. № 5. Ст. 866 и др.

культурной идентичности, особенно важна объективация конституционной идентичности, заключающаяся в последовательной защите всех элементов национально-культурной идентичности органами суверенной юрисдикции, в том числе управомоченными устанавливать неисполнимость актов международных/наднациональных структур по мотивам их противоречия конституционной идентичности⁸.

8. *Легитимизирование деятельности органов публичной власти*, существующего государственного и общественного устройства. Правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности, наряду с другими юридическими средствами, призваны предотвращать раскол в обществе, подрыв доверия населения к органам публичной власти, дискредитацию их правомерной деятельности. Именно правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности играют важную роль в обеспечении государственной и общественной безопасности, поддержании гражданского мира и согласия в стране, чего невозможно добиться без широкомасштабного разъяснения действующих юридических норм.

Направленность на решение вышеперечисленных задач позволяет выделить правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в особую группу юридических средств и служит критерием их отграничения от правоинтерпретационных средств как родового понятия.

Заключение

Изложенные выше аспекты позволяют прийти к *выводу* о том, что правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности играют важнейшую роль в формировании *идеологии российского государства* и, одновременно, являются ее частью. Помимо сказанного, нельзя недооценивать потенциал правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности в процессе *воспитания и правового обучения* не только юристов, но и самых широких слоев населения. В отмеченной связи

специалисты справедливо рассматривают воспитание через призму *государственно значимой деятельности* [2. С. 26-37].

Полагаем, что во многом разъяснение действующего законодательства с акцентом на отраженных в нем традиционных духовно-нравственных ценностях позволит не только повысить уровень правосознания граждан, но и воспитать их в русле действительно значимых для развития общества ценностей и проверенных временем социальных практик. Сказанное позволяет сформулировать *вывод* о том, что правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности являются важным элементом (*ресурсом*) пропаганды, направленной не только на популяризацию определенных видов правомерного поведения (служения Отечеству, неприятия наркомании, нетрадиционных сексуальных отношений и т.д.), но и сдерживания поведения как нежелательного для общества, так и противоправного.

Данный аспект напрямую связан с тем, что одной из важнейших функций нормативно-правовых актов, равно как и правовых норм выступает *информационная функция*. Право – это информация, которая управляет социальными процессами, в связи с чем эту информацию нужно суметь «без потерь» донести до участников общественных отношений и правильно объяснить ее содержание в целях желаемой координации данных отношений.

Изложенное выше позволяет утверждать, что *неофициальное толкование права* также является значимым, но *недооцененным* правоинтерпретационным средством обеспечения национальной безопасности государства, потенциал которого практически не используется. В данном случае речь идет не столько о доктринальном (научном) толковании права, сколько об *обыденном* его толковании, которое может быть дано широко известными, пользующимися заслуженным уважением и доверием в обществе личностями (т.н. *инфлюенсерами*).

Помимо сказанного, правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности могут служить социально-обусловленной и надежной

⁸ См.: Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 25.12.24 г.).

основой совершенствования как самого правотворческого процесса, так и действующего законодательства. Именно правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности, будучи производными от действующего законодательства и направленные на его толкование, могут

послужить инструментом, позволяющим данное законодательство *усовершенствовать* с точки зрения его возможности полноценно удовлетворить объективно значимые потребности личности, общества и государства, и, следовательно, реализовать национальные интересы Российской Федерации.

Литература:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982. 590 с.
2. Волкова Н.С. Воспитание как государственно значимая деятельность: правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 26-37.
3. Вопленко Н.Н. Толкование права. Волгоград, 2007.
4. Корякин К.Д. Формирование доктрины правовой идентичности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 7-10.
5. Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права: понятие, содержание, технологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 112-118.
6. Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения // Юридический мир. Москва. 2007. № 3. С. 21-29.
7. Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163-180.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2022.
9. Нешатаева Т.Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113-125.
10. Овчинников А.И., Далгатова А.О., Фатхи В.И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 59-64.
11. Субочев В.В. Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. 2007. № 2. С. 27-31.
12. Субочев В.В., Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами: основы теории // Право и управление. XXI век. 2023. № 4 (69). С. 41-53.
13. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979.
14. Честнов И.Л. Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 5-11.

ON THE CONTENT AND OBJECTIVES OF LAW INTERPRETATION MEANS OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction. Despite the fact that the problem of the content and potential of legal means of ensuring national security of the Russian Federation in the context of modern geopolitical challenges and threats attracts the attention of a significant number of specialists, there is every reason to assert that it is the legal interpretation means of ensuring national security of the state that are the least studied. This seems to be a significant gap in the legal doctrine, since it is the interpretation of the law that allow not only to increase the effectiveness of the law-implementation process, but also to protect the key national interests of the Russian Federation.

Materials and methods. When writing the article, both general scientific and specific scientific methods were used, among which one can single out dialectical, structural-functional, systemic, formal-legal, the method of legal modeling, etc. The author also used hermeneutic and heuristic methodological approaches in substantiating the potential of legal interpretation means of ensuring the national security of the Russian Federation.

The results of the study. The paper substantiates the author's concept of legal interpretation means of ensuring national security of the Russian Federation, which is proposed to be understood as ac-

tivities aimed at clarifying and explaining the meaning of legal regulations, as well as acts of official and unofficial interpretation of law, aimed at protecting, defending and ensuring the guaranteed implementation of national interests. The goals and characteristics of these legal means are formulated, as well as their key tasks, some of which the author describes as the disclosure of the content and meaning of traditional Russian spiritual and moral values, an explanation of the essence, significance and varieties of national interests of Russia, the formation of the Russian legal doctrine taking into account the specifics of the civilizational features of the state, etc.

Discussion and conclusion. The article argues that, along with the official interpretation of law, unofficial interpretation is also a very significant,

but obviously underestimated legal interpretation means of ensuring national security of the state, the potential of which is practically not used. In the designated context, we are talking not so much about the doctrinal interpretation of law, but about its ordinary interpretation, which can be given by widely known individuals who enjoy well-deserved respect and trust in society (the so-called influencers).

Sergey A. Marcus,
Investigator, the Presnensky interdistrict
investigative branch, the investigative
department for the Central Administrative
District, the Main Investigative Department
of the Investigative Committee of the Russian
Federation for the city of Moscow, Russia

Ключевые слова:

национальная безопасность, национальный интерес, стратегический национальный приоритет, юридическое средство, правоинтерпретационное юридическое средство, толкование права, правовая доктрина.

Keywords:

national security, national interest, strategic national priority, legal means, legal means of law interpretation, interpretation of law, legal doctrine.

References:

1. Alekseev S.S., 1982. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. [General Theory of Law: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow.
2. Volkova N.S., 2023. Vospitanie kak gosudarstvenno znachimaya deyatel'nost': pravovye aspekty [Education as a State-Significant Activity: Legal Aspects]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 11. P. 26-37.
3. Voplenko N.N., 2007. Tolkovanie prava [Interpretation of Law]. Volgograd.
4. Koryakin K.D., 2019. Formirovanie doktriny pravovoj identichnosti v Rossijskoj Federacii [Formation of the Doctrine of Legal Identity in the Russian Federation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. № 9. S. 7-10.
5. Kulikov M.A., 2022. Manipulirovanie yuridicheskimi celyami i sredstvami v processe tolkovaniya prava: ponyatie, sodержание, tekhnologii [Manipulation of Legal Goals and Means in the Process of Interpreting Law: Concept, Content, Technologies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law]*. № 4 (51). S. 112-118.
6. Mal'ko A.V., Subochev V.V., 2007. Zakonnyj interes i yuridicheskaya obyazannost': aspekty sootnosheniya [Legitimate Interest and Legal Obligation: Aspects of the Relationship]. *Yuridicheskij mir [Legal World]*. № 3. S. 21-29.
7. Mal'ko A.V., Subochev V.V., 2021. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak psihologicheskij fenomen i nauchnaya kategoriya [Political and Legal Manipulation as a Psychological Phenomenon and Scientific Category]. *Psihologiya i pravo [Psychology and Law]*. Vol. 11. № 1. S. 163-180.
8. Matuzov N.I., Mal'ko A.V., 2022. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow.
9. Neshataeva T.N., 2023. Ob obshchih principah prava i sudebnom tolkovanii [On General Principles of Law and Judicial Interpretation]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 3. S. 113-125.
10. Ovchinnikov A.I., Dalgatova A.O., Fathi V.I., 2016. Pravovaya doktrina kak istochnik prava v Rossijskoj Federacii [Legal Doctrine as a Source of Law in the Russian Federation]. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. № 2 (75). S. 59-64.
11. Subochev V.V., 2007. Zakonnye interesy i principy prava: aspekty vzaimosvyazi [Legitimate Interests and Principles of Law: Aspects of the Relationship]. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. № 2. S. 27-31.
12. Subochev V.V., Kulikov M.A., 2023. Manipulirovanie yuridicheskimi celyami i sredstvami: osnovy teorii [Manipulation of Legal Goals and Means: Fundamentals of Theory]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 4 (69). S. 41-53.
13. Cherdancev A.F., 1979. Tolkovanie sovetskogo prava [[Interpretation of Soviet law]. Moscow.
14. Chestnov I.L., 2023. Sub'ekt prava: dopolnitel'nost' pravovogo statusa i pravovoj identichnosti [Subject of law: complementarity of legal status and legal identity]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]*. № 2. S. 5-11.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ, НАСТУПАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ РАБОТНИКАМИ ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Артем Ермаченко*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-140-148

Введение. Негосударственные правоохранительные структуры на сегодняшний день оказывают колоссальную помощь государственным органам власти в обеспечении правопорядка на вверенных им объектах охраны. Это особенно важно в силу дефицита кадров полиции, Росгвардии. Вместе с тем деятельность служащих сферы частных услуг безопасности не безгранична и регулируется специальным законодательством. Центральное место в нем отведено уголовной ответственности по ст. 203 УК РФ, призванной существенно содержать проявления преступной деятельности данных лиц.

Состав преступления, предусмотренный ст. 203 УК РФ, по юридической конструкции объективной стороны преступления является материальным, в связи с чем наступление общественно опасных последствий данного преступления является обязательным признаком того, что данное преступление можно признать юридически оконченным. В этой связи общественно опасные последствия данного преступления по праву стоит признать опорным признаком, требующим отдельного юридического осмысления и анализа.

Материалы и методы представлены совокупностью общенаучных и частно-научных методов познания правовой действительности в заявленной сфере уголовного права. Общенаучными методами выступили: анализ и синтез, аналогия, индукция, дедукция, обобщение, сопоставление, сравнение. Специализированными частно-научными методами исследования стали: контент-анализ правовой информации из различных источников, конкретно-социологический, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил установить технико-юридические, доктринальные и правоприменительные проблемы закрепления, толкования и реализации материальных оснований привлечения

* **Ермаченко Артем Леонидович**, аспирант Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия
e-mail: art-ipost@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-5497-5844

к уголовной ответственности работников частных охранных организаций за вред, причиненный их деянием охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам. Рассмотрены наиболее сложные вопросы квалификации общественно опасных последствий, которые могут встречаться в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ. Выделены недостатки и пробелы в судебном толковании оценочных категорий «существенный вред» и «тяжкие последствия». Предложены пути законодательного совершенствования рассматриваемой нормы.

Обсуждение и заключение. Общественно опасные последствия в структуре ст. 203 УК РФ выступают обязательным и важнейшим признаком. В этой связи их юридический анализ заслуживает отдельного пристального внимания. В исследовании установлено, что основными категориями, которые законодатель связал с общественно опасными последствиями для рассматриваемого преступления являются существенный вред (ч. 1 ст. 203 УК РФ) и тяжкие последствия (ч. 2 ст. 203 УК РФ). При этом ни одно из них не раскрыто в самом уголовном законодательстве, а получило лишь судебное толкование, которое, однако, не лишено недостатков и внесло еще больше спорных. Фактически за границами квалификации остались чрезвычайно важные общественно опасные последствия в виде нарушения телесной неприкосновенности потерпевшего, либо причинения ему легкого или средней тяжести вреда здоровью. Надо сказать, что это одни из самых распространенных последствий незаконного превышения работниками частных охранных организаций своих должностных полномочий, которые встречаются на практике. Таким образом, в силу особой важности данных аспектов, в исследовании резюмирована необходимость изменения законодательного закрепления категории «тяжкие последствия» в структуре ст. 203 УК РФ и высказано авторское мнение по вопросам их квалификации и толкования.

Введение

Особенностью юридической конструкции ст. 203 УК РФ является обязательное наличие общественно опасных последствий, которые состоят в прямом причинении вреда в тех объемах и интенсивности, которые установлены уголовным законом и альтернативно указаны в содержании ст. 203 УК РФ. В самом уголовном законе данные признаки не раскрываются, в силу чего норма ст. 203 УК РФ является бланкетно-ссылочной, поскольку требует при ее применении обращения как к другому законодательству, так и к иным нормам самого уголовного закона для правильной идентификации наступивших последствий в качестве общественно опасных и охватываемых ст. 203 УК РФ.

Нивелировать отсутствие законодательного толкования признаков, раскрывающих общественно опасные последствия

в названном составе преступления, отчасти должно постановление Пленума Верховного Суда РФ¹ (далее – Постановление № 21). Однако данные разъяснения находят множество критических отзывов. В первую очередь причина кроется в их содержательном расхождении с позицией самого же Верховного Суда РФ, приводимой им же относительно сущности общественно опасных последствий по иным категориям преступлений. Во вторую очередь изменение судебного подхода к толкованию, как правило, «не успевает» за чрезвычайно быстрым обновлением уголовного закона (в особенности за предшествующие три года). По итогу правоприменительная деятельность вынуждена опираться на судебные разъяснения откровенно низкого, противоречивого качества и разрабатывать собственные подходы к толкованию сущности общественно опасных последствий, закрепленных в ст. 203 УК РФ. Результатом такой деятельности

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 // Российская газета. 2021. № 159.

становится наличие в приговорах различных судов совершенно полярных мнений по поводу одних и тех же признаков, описывающих общественно опасные последствия в данном составе преступления.

В рамках данной статьи предлагается акцентировать внимание на вопросах толкования сущности и содержания общественно опасных последствий, установленных в ст. 203 УК РФ, наметить пути их совершенствования с целью придания единообразия будущей правоприменительной деятельности.

Исследование

Наступление общественно опасных последствий по ст. 203 УК РФ, должно находиться в прямой или опосредованной причинно-следственной связи с совершенным работником частной охранной организации деянием. Данные общественно опасные последствия в уголовном законе дифференцированы, на наш взгляд, в зависимости от их объема и интенсивности негативного воздействия на общественные отношения, поставленные под защиту уголовным законом. В содержании ст. 203 УК РФ общественно опасные последствия дифференцированы и в одном случае являются криминогенно значимым признаком основного состава данного преступления (ч. 1), в другом – квалифицированного состава (ч. 2). Так, по ч. 1 ст. 203 УК РФ это существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, по ч. 2 ст. 203 УК РФ – применение насилия, либо наступление тяжких последствий.

В первую очередь стоит подчеркнуть, что категорию «существенное нарушение прав», а также «иные тяжкие последствия» в теории уголовного права и практики его применения традиционно считаются оценочными понятиями. Для уголовного права они сложны, поскольку наделены различным законодательным, судебным и научным толкованием.

Оценочные понятия для уголовного законодательства весьма острая проблема. С одной стороны, они являются «эластичными», что «позволяет отражать все многообразие социальных явлений, находящихся в развитии» [4. С. 36]. Но с другой стороны, их законодательное использование нивелирует точность последующего применения самой нормы уголовного закона, обязательным признаком которой они являются. Тем

самым, на наш взгляд, нарушается общее правило, согласно которому уголовный закон расширительному толкованию подлежать не может. Но в случаях использования самим законодателем подобных оценочных категорий, буквального толкования той или иной нормы априори быть не может. Кроме того, в основу их толкования ложится не законодательное, а судебное усмотрение, в связи с чем мы не можем говорить о единообразии в правоприменительной деятельности, поскольку такое толкование может быть одновременно и различным и не противоречить общему вектору уголовной политики в данной сфере. Это в конечном счете означает, что, например, при равных данных в одном случае вред, причиненный работником частной охранной организации, будет признан существенным, а в другом – нет. Отметим также, что российское право не является прецедентным, в связи с чем аналогия в уголовном законе при решении схожих вопросов не допускается.

В научном мире также нет единства относительно толкования подобных оценочных категорий. С учетом того, что они довольно часто встречаются в иных нормах Особенной части УК РФ, каждый исследователь считает необходимым предложить свое видение правильности их понимания и применения на практике. Но единообразие научных позиций четко прослеживается в одном: ученые настаивают на необходимости минимизации оценочных категорий в структуре норм Особенной части УК РФ [5. С. 4; 6. С. 9-10; 7. С. 14-15], и в этом мы с ними полностью солидарны.

В свою очередь Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях, аккумулирующих единообразие правоприменительной деятельности, транслирует судебное толкование указанных категорий. Тем самым Высшая Судебная инстанция РФ пытается наделить оценочные категории системным смыслом, чтобы расхождений в позициях правоохранительных органов и судов по смежным вопросам было как можно меньше. Стоит признать, что не всегда это удается и в результате вопросов возникает еще больше. Толкование данных признаков в контексте ст. 203 УК РФ, к сожалению, не является исключением.

Таким образом, использование в ст. 203 УК РФ оценочных категорий применительно к общественно опасным последствиям данного преступления предопределило, что в каждом конкретном случае правоохранительные органы, а затем суд уполномоче-

ны самостоятельно определить, подпадают ли те или иные последствия под конкретную оценочную категорию, закрепленную в ст. 203 УК РФ и тем самым решить, являются ли они общественно опасными для признания в деянии виновного указанного состава преступления.

Признаем, что несколько нивелировал различия по данным вопросам Верховный Суд Российской Федерации, определив в первую очередь юридическое толкование оценочной категории «существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»². На наш взгляд, ясности в суть искомого термина, определяющего такую важную составляющую рассматриваемого состава преступления, как общественно опасные последствия, указанная позиция Верховного Суда РФ, к сожалению, не добавила. Такое мнение основывается на том, что данные разъяснения не лишены правовых недостатков, хотя и являются продолжением традиционного доктринального и судебного подхода к толкованию признака «существенности» в аспекте вреда, ставшего результатом преступного поведения виновного.

Во-первых, Верховным Судом РФ в указанном постановлении приводится не казуальный, а довольно широкий перечень допустимых вариантов существенного вреда охраняемым интересам личности, который отнесен к контексту ч. 1 ст. 203 УК РФ, но требует юридического осмысления исходя из содержания иных норм Особенной части УК РФ. В частности, статей 136, 137, 138, 139 УК РФ. Получается, что действия, описанные в указанных статьях в рамках ч. 1

ст. 203 УК РФ Верховный Суд РФ предлагает рассматриваться в качестве общественно опасных последствий. И здесь мы разделяем научный тезис о том, что «критерии признания вреда существенным не являются всеобъемлющими и однозначными» [1. С. 54-55].

Во-вторых, Верховный Суд РФ сделал перечень последствий, которые можно признавать в качестве существенных, открытым. А это потенциально оставляет за правоприменительными органами возможность выбора иного варианта признания допущенных нарушений прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества существенными. Единственно условие, которое необходимо в таком случае соблюсти – это мотивированное описание такого выбора в приговоре суда. Такая позиция отражена в другом разъяснении Верховного Суда³ и является общепринятой и безоговорочно исполняется.

Стоит также обратить внимание на систематическое толкование Верховным Судом РФ оценки существенности причиненного вреда в рамках его других постановлений [3. С. 51]. В частности, «при оценке существенности вреда необходимо учитывать ... число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.»⁴. Полагаем, что названные обстоятельства необходимо учитывать, когда оценивается вред, причиненный деянием работника частной охранной организации в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, но именно этих критериев Верховный Суд РФ в Постановлении № 21 применительно к толкованию «существенности» для ч. 1 ст. 203 УК РФ почему-то не заложил.

² Так, согласно п. 10 Постановления № 21, рассматриваемое общественно опасное последствие предложено толковать как «нарушение прав физических и (или) юридических лиц, гарантированных Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, федеральными законами (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др.)» (О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 // Российская газета. 2021. № 159).

³ Согласно п. 19 постановления Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» «не допустима лишь констатация наличия признака, относящегося к оценочной категории, без указания на фактические материалы дела, положенные в основу заключения о его присутствии в данном деянии» (О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1).

⁴ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19: в ред. от 11 июня 2020 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12; Российская газета. 2020. № 138.

Таким образом, за правоприменительными органами по-прежнему сохраняется возможность индивидуальной оценки наличия или отсутствия существенности в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 203 УК РФ. Такая оценка буквально зависит «от конкретной жизненной ситуации» [9. С. 43]. Например, «в нарушение прав истца и требований закона и по поручению сотрудницы банка в присутствии клиентов банка, работники частной охранной организации, прибывшие в банк по вызову, вытолкали истца на улицу, угрожая, что применят спецсредства»⁵. Октябрьский районный суд г. Барнаула не усмотрел, что в результате совершения таких действий наступили общественно опасные последствия по признакам ч. 1 ст. 203 УК РФ, т.е. не были установлены ни вред как таковой, ни его существенность.

Относительно толкования второй используемой в ч. 2 ст. 203 УК РФ оценочной категории, как «тяжкие последствия», Верховный Суд РФ также внес свое видение ее толкования. Так, в п. 17 Постановления № 21 весьма однозначно отражено, что к тяжким последствиям необходим относить исключительно причинение потерпевшему смерти по неосторожности⁶. Исходя из этого мы делаем вывод о том, что такие последствия полностью охватываются ч. 2 ст. 203 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ не требуют.

Отдельно в классическом для себя варианте Верховный Суд РФ описал ситуации, когда необходима дополнительная квалификация по некоторым статьям УК РФ, если деяние виновного повлекло за собой последствия, не охватываемые ст. 203 УК РФ⁷. Следует заметить, что до появления таких разъяснений судебная практика шла

по аналогичному пути и рассматривала ситуации превышения должностных полномочий работниками частных охранных организаций и умышленное причинение ими тяжкого вреда здоровью по ч. 1 ст. 203 УК РФ и соответствующей части ст. 111 УК РФ⁸.

Далее обратим внимание на отсутствие каких-либо официальных пояснений относительно того, как необходимо квалифицировать наступление следующих последствий: причинение вреда телесной неприкосновенности, а также вреда здоровью легкой или средней тяжести (общими нормами выступают статьи 116, 115, 112 УК РФ).

Согласно судебному толкованию, даваемому в Постановлении № 21, указанные общественно опасные последствия не охватываются ч. 2 ст. 203 УК РФ, поскольку не подпадают под категорию «тяжкие последствия» [2. С. 39]. Это обусловлено тем, что само по себе применение насилия согласно логике конструкции диспозиции ч. 2 ст. 203 УК РФ и мнению Верховного Суда РФ должно повлечь наступление тяжких последствий только в виде причинения смерти по неосторожности и ничего другого. Такой парадокс вызывает объективное недоумение.

Показательно в этом плане следующее постановление, данное Набережночелнинским городским судом Республики Татарстан. Данный суд, меняя квалификацию насильственных действий Г. с ч. 2 ст. 203 УК РФ на ч. 1 ст. 203 УК РФ, указал следующее: «совершение Г. насильственных действий в отношении потерпевшего с причинением ему физической боли и телесных повреждений, относящихся к категории легкого вреда здоровью, не может считаться деянием, повлекшими тяжкие последствиями, и, как следствие, охватывается составом

⁵ Решение Октябрьского районного суда г. Барнаул 13 ноября 2017 г. Дело №2-2582/2017 // ГрадИнфо: сайт. URL: <https://guardinfo.online/2017/12/08/sudebnaya-praktika-4/> (дата обращения: 21.01.2025).

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 // Российская газета. 2021. № 159.

⁷ «В случаях, когда превышение полномочий частным детективом или частным охранником было сопряжено с убийством или умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 203 УК РФ и соответствующей статьей главы 16 Уголовного кодекса Российской Федерации» (О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 // Российская газета. 2021. № 159).

⁸ Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 26 июня 2019 г. по делу № 22-1817/2019 // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ за 2019 г.

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 203 УК РФ»⁹. Аналогично решил вопрос с квалификацией содеянного Ш. Кировский районный суд г. Уфы. Действия подсудимого Ш. судом были квалифицированы по ч. 1 ст. 203 и ч. 1 ст. 112 УК РФ с указанием в описательно-мотивировочной части приговора весьма неоднозначной судебной позиции¹⁰.

Указанные судебные решения не в полной мере согласованы с мнением Верховного Суда РФ. В частности, нарушение телесной неприкосновенности, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью не охватывается ч. 1 ст. 203 УК РФ, поскольку Верховный Суд РФ в 10 Постановлениях 21 дал четко понять, что существенность вреда «идет» в привязке к нарушению конституционных прав потерпевших, а не прав на телесную неприкосновенность и охрану здоровья.

Есть также и другой вариант квалификации, согласно которому суд учитывал и применение насилия со стороны работника частной охранной организации в связи с превышением им своих должностных полномочий по ч. 2 ст. 203 УК РФ, совокупно вменяя еще и соответствующую часть статьи УК РФ, предусматривающую ответственность за причинение вреда здоровью¹¹. Очевидно, что применяемое насилие со стороны виновного может быть как опасное, так и не опасное для жизни и здоровья потерпевшего. И в научном мире полагают, что оно в обоих случаях «полностью охватывается ч. 2 ст. 203 УК РФ и не требует дополнительной квалификации» [8. С. 67]. Отдельно отметим, что официальное толкование такого насилия разъяснено Верховным Судом РФ в рамках отдельного постановления¹², которое активно используется правоприменителями и по другим категориям уголовных дел.

Сложившаяся ситуация весьма запутанна и неоднозначна. Относительно квалификации общественно опасных последствий по ч. 2 ст. 203 УК РФ необходимо предусмотреть наделение категории «тяжкие последствия» альтернативностью применения, в связи с чем союз «и», используемый в структуре данной нормы, необходимо заменить на союз «или».

Наконец, отметим, что, к сожалению, остался без ответа и вопрос о том, как квалифицировать тяжкий вред здоровью, причиненный виновным по неосторожности при превышении должностных полномочий работником частной охранной организации. Если соотнести содержательную и penalную части норм ч. 2 ст. 118 УК РФ и ч. 2 ст. 203 УК РФ, то, во-первых, нормы о данных преступлениях соотносятся между собой как общая и специальная, означая, что при квалификации всегда применяется специальная норма. Во-вторых, при сопоставлении санкций норм, которые предусматривают тяжесть преступлений, приоритет должен отдаваться ч. 2 ст. 203 УК РФ¹³. Следовательно, последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью, совершенные по неосторожности, по логике должны охватываться категорией «тяжкие последствия» и квалифицироваться по ч. 2 ст. 203 УК РФ. Но памятуя ранее рассмотренную весьма неоднозначную позицию Верховного Суда РФ, нет гарантий, что на практике суды будут поступать именно таким образом.

Заключение

Проведенное исследование общественно опасных последствий, которые закреплены в ст. 203 УК РФ, продемонстрировало их довольно сложное юридическое восприятие

⁹ Постановление Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 22 октября 2020 г. по делу № 11-1559/2020 // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ за 2020 г.

¹⁰ Приговор Кировского районного суда г. Уфа от 14 октября 2019 г. по делу № 1-254/2019 // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ за 2019 г.

¹¹ Приговор Металлургического районного суда г. Челябинска от 22 мая 2017 г. по делу № 1-117/2017 // Актофакт. Архив судебных дел и решений: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-74RS0005-1-117-2017-2017-01-09-2-0/> (дата обращения: 23.01.2025).

¹² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29; в ред. от 15 декабря 2022 г. № 38 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2; 2023. № 3.

¹³ По ч. 2 ст. 203 УК РФ санкция нормы гораздо строже (до семи лет лишения свободы), чем санкция нормы ч. 2 ст. 118 УК РФ (до одного года лишения свободы).

и неоднозначность толкования. Существует острая необходимость изменения законодательной конструкции диспозиции ч. 2 ст. 203 УК РФ и исчерпывающего перечисления в ней всех общественно опасных последствий, которые способны усилить ответственность за данное преступление. От спорных толкований оценочных категорий «существенный вред» и «тяжкие последствия», по всей видимости уйти не придется. Но требуется кардинальный пересмотр вопросов дополнительной квалификации по ряду составов преступлений против здоровья и телесной неприкосновенности.

Решение проблемы видится в законодательной конкретизации отсутствия зависимости применения насилия и наступления тяжких последствий. Тем самым будет обеспечена самостоятельность двух частей единой нормы и ч. 2 ст. 203 УК РФ и предлагается предусмотреть ее в следующей редакции:

«2. То же деяние, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием оружия или специальных средств или повлекшее тяжкие последствия».

Литература:

1. Акимова В.В. Дифференциация ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: компаративистский подход: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Москва, 2022.
2. Борисов С.В., Чугунов А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 34-41.
3. Волков К.А. Квалификация превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Законность. 2016. № 4. С. 49-53.
4. Гармышев Я.В. Особенности установления оценочных понятий при квалификации отдельных видов преступлений // Российский следователь. 2015. № 19. С. 35-39.
5. Джинджолия Р.С. Проблемы систематизации оценочных категорий при квалификации преступлений против личности и при назначении за них наказания: анализ теории и практики: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2005. 51 с.
6. Маслова Е.Н. Оценочные категории в квалифицированных видах убийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2006.
7. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Майкоп, 2002.
8. Федорова Е.Л. Особенности квалификации превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей // Искусство правоведения. 2023. № 3(7). С. 64-71.
9. Яни П.С. Общественно опасные последствия должностных преступлений // Законность. 2014. № 3(953). С. 39-43.

CHARACTERISTICS OF SOCIALLY DANGEROUS CONSEQUENCES RESULTING FROM ABUSE OF AUTHORITY BY EMPLOYEES OF A PRIVATE SECURITY ORGANIZATION

Introduction. Nowadays non-governmental law enforcement agencies provide enormous assistance to government agencies in maintaining law and order at the facilities entrusted to them. This is especially important due to the shortage of police personnel and the Russian National Guard. At the same time, the activities of employees in the private security services sector are not unlimited and are regulated by special legislation. The central place in it is given to criminal liability under Art. 203 of the

Criminal Code of the Russian Federation, designed to significantly restrain the manifestations of criminal activity of these persons. The elements of the crime provided for in Art. 203 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to the legal construction of the objective side of the crime, are material, and therefore the occurrence of socially dangerous consequences of this crime is an obligatory sign that this crime can be considered legally completed. In this regard, the socially dangerous consequences of

this crime should rightfully be recognized as a supporting feature requiring separate legal understanding and analysis.

Materials and methods. There are presented a set of general scientific and specific scientific methods of understanding the legal reality in the declared area of criminal law. The general scientific methods were: analysis and synthesis, analogy, induction, deduction, generalization, comparison, comparison. The specialized specific scientific methods of the study were: formal-legal, technical-legal, comparative-legal, system-structural, structural-multifunctional, content analysis.

Research results. The conducted analysis allowed us to establish the technical-legal, doctrinal and law enforcement problems of securing, interpreting and implementing the material grounds for bringing employees of private security organizations to criminal liability for harm caused by their actions to public relations, benefits and interests protected by criminal law. The most complex issues of qualification of socially dangerous consequences that may occur as a result of committing a crime under Art. 203 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The article highlights the shortcomings and gaps in the judicial interpretation of the evaluative categories of "significant harm" and "serious consequences". The ways of legislative improvement of the norm under consideration are proposed.

Discussion and conclusion. Socially dangerous consequences in the structure of Art. 203 of the Criminal Code of the Russian Federation are a

mandatory feature, without which criminal liability cannot be fully implemented. In this regard, their legal analysis deserves special close attention. The study established that the main categories that the legislator associated with socially dangerous consequences for the crime in question are significant harm (Part 1 of Art. 203 of the Criminal Code) and serious consequences (Part 2 of Art. 203 of the Criminal Code). At the same time, none of them is disclosed in the criminal legislation itself, but received only a judicial interpretation, which, however, is not without shortcomings and has introduced even more controversial ones. In fact, extremely important socially dangerous consequences in the form of a violation of the bodily integrity of the victim, or causing him minor or moderate harm to health, remained outside the qualification. It should be noted that these are some of the most common consequences of illegal abuse of power by private security employees that are encountered in practice. Thus, due to the particular importance of these aspects, the study summarizes the need to change the legislative consolidation of the category of "grave consequences" in the structure of Article 203 of the Criminal Code of the Russian Federation and expresses the author's opinion on the issues of their qualification and interpretation.

Artem L. Ermachenko,
postgraduate student, Vladimir State
University named after
A. G. and N. G. Stoletov,
Vladimir, Russia

Ключевые слова:

частная охранная организация, частный охранник, руководитель, должностные обязанности, служебная деятельность, превышение полномочий, существенное нарушение прав, тяжкие последствия, применение насилия.

Keywords:

private security organization, private security guard, head, official duties, official activity, abuse of authority, significant violation of rights, grave consequences, use of violence.

References:

1. Akimova V.V., 2022. Differenciacija otvetstvennosti za prestupleniya protiv interesov sluzhby v kommercheskih i inyh organizacijah: komparativistskij podhod: dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.4. [Differentiation of liability for crimes against the interests of the service in commercial and other organizations: a comparative approach]. Moscow.
2. Borisov S.V., Chugunov A.A., 2021. Aktual'nye problemy ugovnoy otvetstvennosti za prevyshenie polnomochij chastnym detektivom ili rabotnikom chastnoj ohrannoj organizacii [Actual problems of criminal liability for abuse of power by a private detective or an employee of a private security organization]. *Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security]. No. 5. S. 34-41.
3. Volkov K.A., 2016. Kvalifikacija prevysheniya polnomochij chastnym detektivom ili rabotnikom chastnoj ohrannoj organizacii [Qualification of abuse of power by a private detective or an employee of a private security organization]. *Zakonost'* [Legality]. No. 4. S. 49-53.
4. Garmyshev Ja.V., 2015. Osobennosti ustanovleniya ocenочnyh ponjatij pri kvalifikacii otdel'nyh vidov prestuplenij [Features of establishing evaluative concepts in the qualification of certain types of crimes]. *Rossijskij sledovatel'* [Russian investigator]. No. 19. S. 35-39.

5. Dzhindzholija R.S., 2005. Problemy sistematizacii ocenочnyh kategorij pri kvalifikacii prestuplenij protiv lichnosti i pri naznachenii za nih nakazaniya: analiz teorii i praktiki: avtoreferat dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08 [Problems of systematization of evaluative categories in the qualification of crimes against the person and in sentencing for them: analysis of theory and practice]. Rjazan'.
6. Maslova E.N., 2006. Ocenочnye kategorii v kvalificirovannyh vidah ubijstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 [Evaluation categories in qualified types of murder]. Moscow.
7. Trahov A.I., 2002. Ugolovnyj zakon v teorii i sudebnoj praktike: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08 [Criminal law in theory and judicial practice]. Majkop.
8. Fedorova E.L., 2023. Osobennosti kvalifikacii prevyshenija polnomochij chastnym detektivom ili rabotnikom chastnoj ohrannoj organizacii, imejushhim udostoverenie chastnogo ohrannika, pri vypolnenii imi svoih dolzhnostnyh objazannostej [Features of qualification of abuse of authority by a private detective or an employee of a private security organization holding a private security guard certificate, when performing their official duties]. *Iskusstvo pravovedenija [Art of Jurisprudence]*. No. 3(7). S. 64-71.
9. Jani P.S., 2014. Obshhestvenno opasnye posledstvija dolzhnostnyh prestuplenij [Socially dangerous consequences of official crimes]. *Zakonnost' [Legality]*. No. 3(953). S. 39-43.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО СТРАН ЗАПАДНОЙ АФРИКИ (ЭКОВАС): РЕЗУЛЬТАТЫ 50-ЛЕТНЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Галина Костюнина*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-149-161

Введение. В статье исследуются преимущества и вызовы интеграционного взаимодействия между странами Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) за пять десятилетий функционирования. ЭКОВАС является одним из наиболее известных и динамично развивающихся интеграционных объединений на африканском континенте, одним из «столпов» формирующейся Африканской континентальной зоны свободной торговли. Автором проанализированы основные этапы углубления экономической интеграции в Западной Африке – от зоны свободной торговли до предлагаемого создания валютного союза с общей валютой к 2027 г.

Материалы и методы. При написании статьи использованы аналитические методы обработки статистической информации, представленной в базе данных Всемирного банка, ЮНКТАД и Международного торгового центра. При проведении системного анализа также применены методы обобщения, синтеза, сравнения.

Результаты исследования. Проведено исследование по выявлению влияния углубления интеграционного взаимодействия на динамику общерегионального и национальных ВВП, среднедушевых доходов. С использованием графического материала проанализирована динамика совокупного экспорта и импорта стран ЭКОВАС в сравнении с мировыми показателями, а также динамика взаимного экспорта, удельного веса взаимного экспорта в совокупном экспорте ЭКОВАС, а также товарная структура экспорта за 20-летний период, что позволило сделать соответствующие выводы о преимуществах и сохраняющихся вызовах

* **Костюнина Галина Михайловна**, доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры МЭО и ВЭС им.Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: g.kostyunina@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-7127-8825

в углублении интеграционного взаимодействия. Также автором проведен анализ динамики притока ПИИ в экономику участвующих стран для оценки уровня инвестиционной привлекательности ЭКОВАС.

Обсуждение и заключение. Участие в интеграционном объединении принесло как преимущества, так и немалые вызовы для стран-партнеров ЭКОВАС. Основные выводы, полученные автором в рамках проведенного исследования: ЭКОВАС прошел путь от зоны свободной торговли к таможенному союзу на основе частичной либерализации таможенно-тарифного регулирования и введения общего таможенного тарифа с 2015 г.; продолжается формирование общего рынка в рамках свободы торговли товарами и свободного перемещения лиц, а также создание валютного союза на основе гармонизации макроэкономического регулирования, хотя с неоднократным нарушением ранее установленных сроков и невыполнением отдельными странами взятых обязательств. Достигнуты такие позитивные эффекты благодаря углублению интеграционного взаимодействия, как более динамичный рост общерегионального ВВП и национальных ВВП ряда государств; углубление участия в международном разделении труда; рост инвестиционной привлекательности стран-участниц. Однако продолжает действовать немало вызовов, связанных с влиянием объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов. Это: сохранение низкого уровня экономического развития стран и низкого уровня благосостояния населения; дифференциация между странами по макроэкономическим показателям, что требует перехода к разноскоростной модели интеграции; сохранение сырьевой направленности товарной структуры совокупного и взаимного экспорта; сохранение невысокого уровня экономической взаимозависимости, а значит, невысокой значимости взаимных торговых связей для стран-партнеров ЭКОВАС.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что страны ЭКОВАС не смогут достичь поставленной цели введения общей валюты с 2027 г. при сохранении низкой степени готовности национальных экономик и невысокого уровня конвергенции.

Введение

Экономическое сообщество стран Западной Африки (The Economic Community of West African States, ECOWAS) было создано в 1975 г. на основе Лагосского договора¹, который был пересмотрен в 1993 г.². В него входят 15 государств: Бенин, Буркина Фасо, Кабо Верде, Кот-д-Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Биссау, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того³. В составе также была Мавритания, которая

покинула ЭКОВАС в 2000 г. Территория равна 5,1 млн км², численность населения – 384,1 млн чел., совокупный ВВП по паритету покупательной способности (ППС) – 2 360,6 млрд долл⁴. По объему ВВП ЭКОВАС занимает 4-ое место среди африканских региональных интеграционных объединений.

Крупнейшей и наиболее развитой экономикой объединения является Нигерия, на которую приходится 59,7% общерегионального ВВП, 18% территории, 53,7% численности населения, 50,9% регионального ВВП, 29,7% взаимного экспорта,

¹ The 1975 Treaty of the Economic Community of West African States. URL: <https://ecowas.int/wp-content/uploads/2022/06/The-1975-Treaty-of-ECOWAS.pdf> (дата обращения 25.12.2024).

² ECOWAS Revised Treaty – 1993. URL: <https://ecowas.int/wp-content/uploads/2022/08/Revised-treaty-1.pdf> (дата обращения 25.12.2024).

³ В начале 2024 г. Буркина Фасо, Мали и Нигер объявили о выходе из ЭКОВАС. Но руководство ЭКОВАС официальных заявлений не получало, а на официальном сайте объединения указаны все 15 членов. Поэтому в данной статье приводятся данные по 15 странам-участницам.

⁴ World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> (дата обращения 10.01.2025).

15,5% прямых иностранных инвестиций, вложенных в экономику ЭКОВАС⁵. Из 15 государств 8 партнеров относятся к странам с низкими доходами – Буркина Фасо, Гамбия, Гвинея-Бисау, Либерия, Мали, Нигер, Сьерра-Леоне и Того.

Главная цель объединения состоит в формировании общего рынка на основе торговой либерализации и содействии экономическому сотрудничеству стран-членов. Для реализации этой цели поставлены следующие задачи: поэтапное формирование таможенного союза и общего рынка; развитие экономического сотрудничества в сферах промышленности, транспорта, связи, энергетики, сельского хозяйства, природных ресурсов, валютно-финансовой сфере, культуры.

За прошедшие 50 лет с даты создания Сообщество достигло немалых успехов в интеграционном сближении, пройдя путь от зоны свободной торговли к таможенному союзу и продолжающемуся формированию общего рынка и валютного союза. ЭКОВАС – одно из наиболее известных и динамично развивающихся региональных интеграционных объединений в Африке, члены которого участвуют в формировании Африканской континентальной зоны свободной торговли.

Исследование

ЭКОВАС – от зоны свободной торговли к таможенному союзу

Первым этапом интеграционного взаимодействия стран Западной Африки стала зона свободной торговли. Для ее достижения в 1979 г. страны утвердили Схему торговой либерализации (ECOWAS Trade Liberalization Scheme, ETSL) по отмене таможенных пошлин аграрную продукцию, сырье и изделия кустарного промысла. В 1990 г. она была распространена и на промышленную продукцию, происходящих или произведенных в странах-членах. Страны также обязались не увеличивать ставки пошлин, отменить квоты и запрет на импорт. Хотя с даты принятия Схемы торговой либерализации прошло уже три с половиной десятилетия, но она реализована далеко не в полном объеме. Это относится к практике нетарифных ограничений (НТО), применение которых остается одной из главных проблем функционирования ЭКОВАС,

что повышает издержки ведения предпринимательской деятельности в странах-партнерах.

Из числа нетарифных ограничений следует выделить количественные ограничения, которые охватывают до 6% ассортимента продукции во взаимной торговле ЭКОВАС [6. С. 25]. Например, запреты на импорт и лицензии действуют в отношении ряда видов агропродукции, обрабатываемых товаров, химической продукции в Нигерии, Бенине, Гамбии.

Санитарно-ветеринарные и фито-санитарные меры, технические стандарты применяются во всех странах-членах в таких секторах, как сельское хозяйство, пищевая отрасль, обрабатывающая промышленность. Такова практика, например, Нигерии, Кабо-Верде, Ганы, где практикуется 6-10 санитарно-ветеринарных и фито-санитарных мер к агропродукции. В других участвующих государствах их число не превышает трех мер [6. С. 19].

Еще одна проблема – получение сертификата о происхождении товара, наличие которого позволяет применять тарифные преференции к товару при пересечении общих границ. По оценкам ЮНКТАД, процесс выдачи длительный, сертификат действует только 6 месяцев и должен быть одобрен Национальным комитетом по разрешениям и Комиссией ЭКОВАС. Чтобы уменьшить бюрократизированность этой процедуры, был проведен эксперимент по внедрению электронной формы сертификата о происхождении товара в торговле между Сенегалом и Кот д'Ивуаром. В настоящий момент Комиссия объединения постепенно расширяет эту практику и на другие государства.

В рамках торговой либерализации достигнуты также и такие позитивные результаты, как утверждение региональных правил происхождения товаров; общей политики в сфере защитных, антидемпинговых и компенсационных мер; общего режима транзита автомобильного транспорта и «коричневой» карты страхования (ECOWAS Brown Card Insurance Scheme) автомобилистов-нерезидентов в рамках поездок по территориям стран-членов.

Решение о переходе к таможенному союзу было принято в 2006 г. С 2015 г. введен Общий таможенный тариф (ОТТ) как важнейший инструмент таможенного союза.

⁵ World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> (дата обращения 10.01.2025).

Его ставки равны 0% для социально значимых товаров, 5% для необработанной продукции, 10% для полуфабрикатов, 20% для конечной продукции и 35% для товаров, важных для экономического развития. Но далеко не все страны и в неполном объеме выполняют принятые обязательства по ОТТ. Так, например, на начало 2025 г. Нигерия выполняла лишь 70% норм Общего таможенного тарифа⁶.

В 2017 г. принят Таможенный кодекс как свод правил в таможенной сфере. В нем определены правила применения ОТТ, правила перевозки и таможенного контроля экспортно-импортных товаров, процедуры таможенного оформления грузов и др. Введение Таможенного кодекса стало завершением формирования таможенного союза ЭКОВАС.

Таким образом, страны ЭКОВАС сначала сформировали зону свободной торговли, а с 2015 г. таможенный союз на основе отмены или снижения таможенных пошлин и введения общего таможенного тарифа. Но сохраняются такие проблемы как применение многих видов нетарифных ограничений, неэффективное регулирование торговли, неполное введение норм общей торговой политики, слабая законодательная база, коррупция.

ЭКОВАС на пути к общему рынку

В пересмотренном Договоре 1993 г. ЭКОВАС поставлена цель формирования общего рынка на основе гармонизации стандартов и правил оценки соответствия для сокращения технических стандартов в торговле; гармонизации инвестиционных кодексов и содействия реализации интеграционных проектов.

Первое направление общего рынка – **свободная торговля товарами**, которая была во многом достигнута в рамках таможенного союза. В целях упрощения доступа к торговой информации в 2020 г. был запущен официальный сайт Информационной торговой системы ЭКОВАС (ECOWAS Trade Information System, ECOTIS). В ней содержится информация о торговых соглашениях, правилах и инструментах торговой

политики, содействии развитию торговли, торговом потенциале и ресурсах стран ЭКОВАС⁷.

Продолжается гармонизация технических стандартов благодаря региональной Модели гармонизации стандартов (ECOWAS Standard Harmonization Model, ECOSHAM), которая учитывает соответствующие нормы ВТО. Утверждено 27 региональных стандартов в сфере продовольствия и сельского хозяйства [6. С. 33].

В 2023 г. страны приняли Стратегию электронной коммерции ЭКОВАС (the ECOWAS E-commerce Strategy) и План действий на 2023-2027 гг. Она нацелена на поддержку стран в использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для упрощения торговли, ускорения экономического развития, формирования новых рабочих мест и более инклюзивной торговой деятельности. В итоге, участвующие страны утвердили и реализовали немало мер в рамках формирования общего рынка товаров ЭКОВАС, в том числе в сфере либерализации нетарифных ограничений.

Следующее направление общего рынка – *свободное перемещение капитала* в целях формирования общего инвестиционного рынка, общего инвестиционного кодекса и общей инвестиционной политики.

В 2008 г. в ЭКОВАС был принят Дополнительный закон по инвестициям и способам их осуществления (the ECOWAS Supplementary Act adopting Community Rules on Investments and Modalities for their Implementation), который стал начальным этапом по гармонизации инвестиционной политики и инвестиционных режимов в странах-партнерах. Через десять лет в 2018 г. утвержден Общий инвестиционный кодекс (ECOWAS Common Investment Code) по регулированию норм доступа и применения иностранных инвестиций в рамках общей инвестиционной политики ЭКОВАС. Так, например, в качестве главного инвестиционного режима определен национальный режим как режим не менее благоприятный чем для национальных инвесторов, а также исключения из него как отсутствие существенной коммерческой деятельности

⁶ Nigeria Implements 70% ECOWAS Common External Tariff. URL: <https://motoringworldng.com/ecowas-common-external-tariff-70-implemented/> (дата обращения 12.01.2025)

⁷ ECOWAS Trade Information System. URL: https://ecotis.ecowas.int/?page_id=26321 (дата обращения 12.01.2025)

инвестора в стране-реципиенте и ведение деятельности, противоречащей экономическим интересам страны-реципиента⁸. Однако далеко не все участвующие страны применяют на практике нормы Общего инвестиционного кодекса. Так, по оценке, в Гане иностранный инвестор обязан вложить не менее 1 млн долл. для получения права ведения торговли в розничном секторе, а в Нигерии в отношении иностранных инвесторов применяют национальные запретительные списки на импорт отдельных товаров [2. С. 229].

Третье направление общего рынка – *свободное перемещение лиц*. Первыми соглашениями в этой сфере стали двусторонние соглашения между Того и Ганой, между Нигерией и Кот д'Ивуаром, в которых определялись размеры квот на миграцию лиц и визовые правила. В 1979 г. страны подписали протокол о свободном перемещении лиц, который определил право граждан стран-партнеров въезжать, проживать и вести экономическую деятельность на территории ЭКОВАС. В этом документе был предложен 15-летний переход сначала на безвизовый режим, затем на получение права на проживание и наконец на получение права обосноваться в другой стране-члене. В 1992 г. подписан Протокол о свободном перемещении лиц, ратификация которого позволила ликвидировать визовые требования для граждан, свободно переезжать из одной страны в другую в поисках работы, создавать предприятия или компании в любой стране-участнице в соответствии с национальным законодательством страны пребывания.

С 1985 г. для перемещения туристов был введен Туристический сертификат ЭКОВАС (ECOWAS Travel Certificate), который выпускался сроком на 2 года для безвизовых поездок. На 2024 г. 6 стран не участвовали в данной программе. Это – Гвинея, Кабо Верде, Кот д'Ивуар, Мали, Сенегал, Сьерра-Леоне⁹.

С 2016 г. партнеры стали переходить на Общую биометрическую идентификационную карту ЭКОВАС (ECOWAS Common Biometric ID Card) как общерегиональный паспорт. Такая карта не только дает право на безвизовый режим для всех граждан,

но и отменяет плату за получение вида на жительство в любой из стран-членов. Первыми такой переход осуществили Бенин, Гамбия, Гана, Гвинея-Бисау, Сенегал, Сьерра-Леоне. О важности введения биометрической карты говорят статистические данные, согласно которым, до 80% миграции населения стран ЭКОВАС приходится на внутреннюю миграцию. По состоянию на май 2023 г. девять стран не ввели биометрическую карту [2. С. 232].

Четвертое направление общего рынка – *свободное перемещение услуг*, наименее развито. Главное достижение связано с введением периодических обзоров политики в сфере услуг для разработки основ общей политики по либерализации торговли услугами. Еще в 2016 г. был проведен первый такой обзор при содействии ЮНКТАД и Немецкого общества по международному сотрудничеству. В нем рекомендовано акцентироваться на либерализации 12 отраслей услуг, таких как финансовые, страховые, телекоммуникационные, образовательные, энергетические, инженерные, бухгалтерские и др. В н.в. продолжается работа по разработке проекта Концепции развития рынка услуг ЭКОВАС до 2030 г. и общерегионального портала по торговле услугами.

Таким образом, страны ЭКОВАС продолжают формирование общего рынка, наибольшие результаты достигнуты в сферах свободной торговли товарами и свободного перемещения лиц, а наименьшие – свободной торговли услугами.

Общая промышленная политика ЭКОВАС

С 2010 г. в ЭКОВАС действует Общая промышленная политика (The West Africa Common Industrial Policy, WACIP) на период до 2030 г. Она призвана содействовать индустриализации и продвижению стандартов качества в Западной Африке. Намечено: (1) диверсификация и расширение промышленной производственной базы региона путем постепенного повышения уровня переработки местного сырья с нынешних 15-20% до 30% в среднем к 2030 г.; (2) постепенное повышение вклада обрабатывающей про-

⁸ ECOWAS Common Investment Code. URL: <https://edit.wti.org/document/show/8f9d38e2-ef6f-4110-93afa492244d34d5> (дата обращения 12.01.2025)

⁹ Countries that Do Not Accept ECOWAS Travel Certificate, 2023. URL: <https://www.sagetravels.com/countries-that-do-not-accept-ecowas-travel-certificate/> (дата обращения 14.01.2025)

мышленности в региональный ВВП в среднем на более чем 20 п.п. к 2030 г.; (3) постепенное увеличение объема взаимной торговли с менее чем 12% до 40% к 2030 г., при этом доля промышленных товаров в торговле региона должна составить не менее 50%; (4) постепенное увеличение объема экспорта товаров [7. С. 100].

Разработаны 10 региональных программ, в том числе по содействию автомобильным и транзитным перевозкам, по строительству совместных пограничных постов для проведения упрощенного совместного пограничного контроля (между Бенином и Нигерией, между Ганой и Кот-д-Ивуаром, между Ганой и Того); по развитию транспортного коридора Абиджан – Лагос, в том числе 6-полосной автомагистрали; по развитию Трансгамбийского транспортного коридора, в том числе совместных пограничных постов и моста, восстановление 137 км дорог между Сенегалом и Гамбией.

Активно развивается сотрудничество в сфере телекоммуникаций в целях сооружения адекватной инфраструктуры, широкополосной связи между подводными кабельными системами. Продолжается формирование Глобальной сети ЭКОВАС как системы электронного управления, обмена ресурсами в режиме реального времени с высокой пропускной способностью. В рамках Африканской системы обмена Интернет-ресурсами (the African Internet Exchange System, AXIS) формируются пункты обмена интернет-ресурсами в странах-партнерах, как Бенин, Буркина Фасо и Либерия.

Формирование валютного союза

После достижения общего рынка страны ЭКОВАС намерены перейти к валютному союзу, постепенное формирование которого началось несколько десятилетий назад. По первоначальному плану 1987 г. ставилась цель достижения конвертируемости западноафриканских валют и введения общей валюты к 2000 г. Была преобразована Западноафриканская клиринговая палата в Западноафриканское валютное агентство,

создан Фонд кредитных гарантий для клирингового и платежного механизма, а также налажен выпуск платежных карт для туристов стран-партнеров с 1998 г.

В ЭКОВАС входят две субрегиональные группы стран. Восемь государств (Бенин, Буркина Фасо, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мали, Нигер, Сенегал и Того) как, главным образом, франкоязычные страны образуют Западноафриканский экономический и валютный союз (West African Economic and Monetary Union, WAEMU), созданный в 1994 г. В качестве общей валюты использовался франк КФА¹⁰, курс которого привязан к евро.

Вторую группу образуют англоязычные страны, как Гамбия, Гана, Гвинея, Либерия, Нигерия и Сьерра-Леоне в составе Западноафриканской валютной зоны (West African Monetary Zone, WAMZ). Она была создана в 2000 г. Общей валюты нет, а применяются национальные валюты.

Единственная страна ЭКОВАС, которая не участвует ни в одном из валютных субрегиональных блоков – Кабо-Верде.

Первоначальная дата создания общей валютной зоны в рамках Западной Африки была перенесена с 2000 г. на 2004 г. Страны, не входящие в Западноафриканский экономический и валютный союз, должны были ввести общую валюту с 2004 г. Были определены критерии конвергенции, которым должны удовлетворять страны-кандидаты на переход к общей валюте: уровень инфляции не должен превышать 5 % в среднем ежегодно; объем совокупных валютных резервов равен объему импорта за 3 месяца и объему импорта за 6 месяцев; дефицит государственного бюджета не должен превышать 10% от объема налоговых поступлений за предыдущий год; максимум бюджетного дефицита (не включая гранты) составляет не более 5%¹¹. К 2004 г. лишь 2 страны из 5 полностью соответствовали установленным критериям. По итогам 2023 г. средний уровень инфляции в ЭКОВАС составлял 12,39% (критерий – 10%), а превышение установленного критерия у Гамбии (16,97%),

¹⁰ КФА – *Communaute Financiere en Afrique* (CFA) – Финансовое сообщество в Африке

¹¹ Final Communiqué of 22nd Session of the Authority of Heads of State and Government. ECOWAS. 10.12.1999. https://repository.uneca.org/bitstream/handle/10855/31449/b10797_956.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 12.01.2025).

Ганы (38,11%), Нигерии (24,66%), Сьерра-Леоне (47,64%)¹². Дефицит госбюджета при критерии не более 5% выдерживали только три страны – Либерия, Гвинея и Нигерия¹³.

В качестве общей валюты изначально предлагался франк КФА, но с учетом критики («франк КФА – пережиток колониального периода») и в соответствии с договоренностью с Францией в 2019 г. страны должны были перейти на новую валютную единицу [4]. Ее название было утверждено в том же году на заседании глав государств и правительств ЭКОВАС, как эко (производное от ЭКОВАС) [1. С. 2]. Введение общей валюты, предполагавшееся в 2019 г., было вновь отложено по просьбе руководства Нигерии по причине отсутствия конвергенции между многими странами-членами объединения [3. С. 10].

Достигнуты немалые достижения в гармонизации макроэкономической политики, которая является одним из ключевых направлений введения общей валюты, по оценке уровня конвергенции, использования базы макроэкономических данных и многосторонней системы контроля, а также сформирован Западноафриканский валютный институт. Новой датой перехода к общей валюте эко с плавающим валютным курсом называется 2027 год. Но учитывая общее экономическое положение участвующих государств, можно с уверенностью сказать, что западноафриканским странам не удастся ввести общую валюту к указанной дате.

В 2024 г. утверждено «Видение ЭКОВАС 2050» (ECOWAS Vision 2050), в котором определены задачи по формированию «полностью интегрированного сообщества народов, с сильными институтами, уважением основных прав и свобод, стремящихся к инклюзивному и устойчивому развитию»¹⁴. Один из столпов «Видения ЭКОВАС 2050» – экономическая интеграция и взаимосвязанность. Намечено активизировать свободную

торговлю товарами и перемещения лиц, углубить интеграцию национальных рынков в общерегиональный рынок; содействовать формированию валютного союза, а также экономической и финансовой интеграции; стимулировать создание адекватной инфраструктуры и взаимосвязанности.

Влияние углубления интеграционного взаимодействия на экономику и внешнеэкономические связи ЭКОВАС

Опираясь на богатый мировой опыт, можно определить несколько направлений влияния углубления интеграционного взаимодействия на экономику и внешнеэкономические связи стран-членов интеграционного объединения.

Первое направление – влияние либерализации на динамику национальных ВВП. За 1980-2023 гг. совокупный ВВП по ППС ЭКОВАС вырос с 308,8 млрд долл. до 2 360,58 млрд долл., или в 7,64 раза. За тот же период мировой ВВП по ППС увеличился с 29 600 млрд долл. до 186 000 млрд долл., или в 6,28 раза. Таким образом, совокупный ВВП по ППС ЭКОВАС рос более динамично, чем ВВП стран мира. В разрезе по странам наибольший эффект от участия в интеграционном процессе получили Кабо Верде (рост в 13,8 раза), Буркина Фасо (12,2 раза) и Гвинея (11,3 раза), а также Гана, Мали, Бенин, Нигер и Гвинея-Бисау, национальные ВВП которых росли более быстрыми темпами не только в сравнении с совокупным ВВП ЭКОВАС, но и с мировым ВВП¹⁵. Причиной роста национальных и общерегионального ВВП стало увеличение объемов потребления и численности среднего класса, проводимые реформы в сферах индустриализации и либерализации торговли. Конечно, в отдельные годы динамика роста ВВП замедлялась, что вызывалось влиянием как внешних, так и внутренних факторов, как, например, в 2019-2021 гг. сказалось негативное влияние последствий пандемии COVID-19.

¹² World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?view=chart> (дата обращения 10.01.2025).

¹³ ECOWAS Macroeconomic Convergence Report for 2022. Freetown, July 2023. P.26. URL: <https://amao-wama.org/wp-content/uploads/2023/12/ECOWAS-MACROECONOMIC-CONVERGENCE-REPORT-FOR-2022-1.pdf> (дата обращения 12.01.2025).

¹⁴ ECOWAS Vision 2050 “ECOWAS of the Peoples: Peace and Prosperity for All”. URL: https://ecowas.int/special_post/vision-2050/ (дата обращения 20.12.2024).

¹⁵ World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart&year=2024> (дата обращения 10.01.2025).

Второе направление – влияние на динамику среднелудшевых ВВП. В любом договоре об эконоическоой интеграции ставится задача повышения уровня благосостояния населения, и ЭКОВАС – не исключение. По данным Всемирного банка, среднелудшевой ВВП по ППС увеличился с 1 220,9 долл. до 4 414,29 долл. за 1990-2023 гг., или в 3,6 раза. Для сравнения данный показатель в мире возрос в 4,1 раза с 5 578,13 долл. до 23 033,87 долл. соответственно¹⁶. Т.е. среднелудшевые доходы стран ЭКОВАС росли менее динамично, чем мировой ВВП на душу населения. Главная причина связана с замедлением темпов роста общерегионального ВВП в последние годы, а значит, с замедлением объема производства в расчете на душу населения. Т.е. по данному направлению страны ЭКОВАС не получили преимуществ, за исключением отдельных государств.

Наиболее динамично росли среднелудшевые ВВП по ППС у таких стран, как Кабо

Верде (рост в 9,9 раза), Гвинея (5 раз), Буркина Фасо (4,9 раза) и Гана (4,8 раза).

Третье направление – влияние либерализации на внешнеэкономические связи.

За 2004-2023 гг. совокупный экспорт стран ЭКОВАС возрос с 13,5 млрд долл. до 135,3 млрд долл., или в 10 раз. (см.Рис.1). Для сравнения мировой экспорт возрос с 9 111,5 млрд долл. до 23 652,0 млрд долл., или в 2,6 раза. Основными экспортерами являются Нигерия, Гана, Кот д'Ивуар, на совокупную долю которых приходится 66% экспорта ЭКОВАС.

Стоимостной объем импорта ЭКОВАС также вырос с 17,5 млрд долл. в 2004 г. до 145,3 млрд долл. в 2023 г., или в 8,3 раза. Мировой импорт увеличился с 9412,1 млрд долл. до 24967,6 млрд долл., или в 2,7 раза. Последние четыре года сальдо торгового баланса отрицательное, хотя за 2021-2023 гг. сократилось.

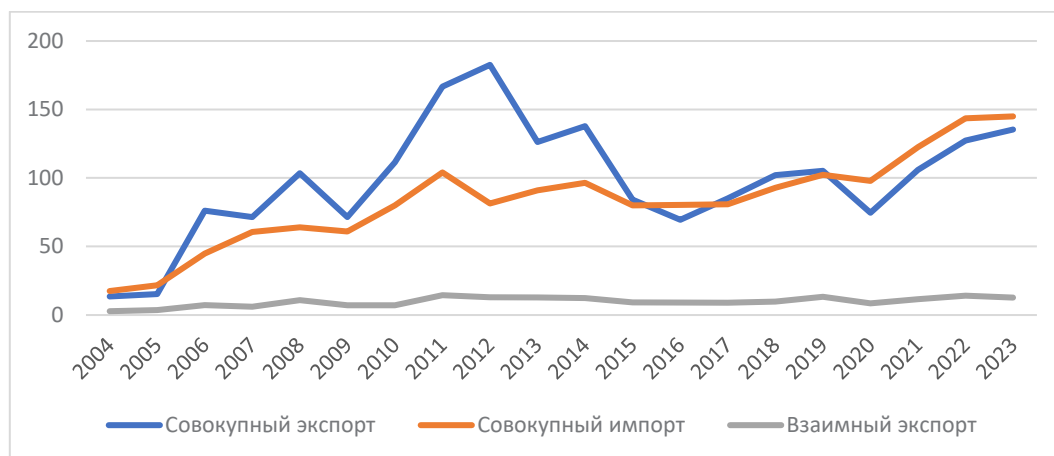

Рис.1. Динамика совокупного экспорта и импорта, взаимного экспорта стран ЭКОВАС в 2004-2023 гг., млрд долл.

Источник. Составлено на основе данных Trade statistics for international business development.

URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm (дата обращения 08.01.2025).

Таким образом, совокупный экспорт и импорт ЭКОВАС за двадцать лет рос более динамично чем мировой товарооборот, что стало одним из драйверов экономического роста участвующих государств и углубления их участия в международном разделении труда.

Взаимный экспорт увеличился с 2,8 млрд долл. до 12,7 млрд долл. за 2004-2023 гг., или в 4,1 раза (см.Рис.1). Основные экспортеры во взаимных рамках – Нигерия, Кот д'Ивуар, Сенегал, на совокупную долю которых приходится 74,8% взаимного экспорта в 2023 г. Более низкие темпы роста взаимного

¹⁶ World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart&year=2024> (дата обращения 10.01.2025).

экспорта по сравнению с совокупным экспортом привели к снижению такого важного показателя, как доля взаимного экспорта в совокупном экспорте, которая сократилась с 20,7% до 9,4% за 2004-2023 гг. Максимум

был достигнут в 2005 г. – 23,0% (см.Рис.2). Главная причина связана с исчерпанием эффекта торговой либерализации на начало 2000-х гг.

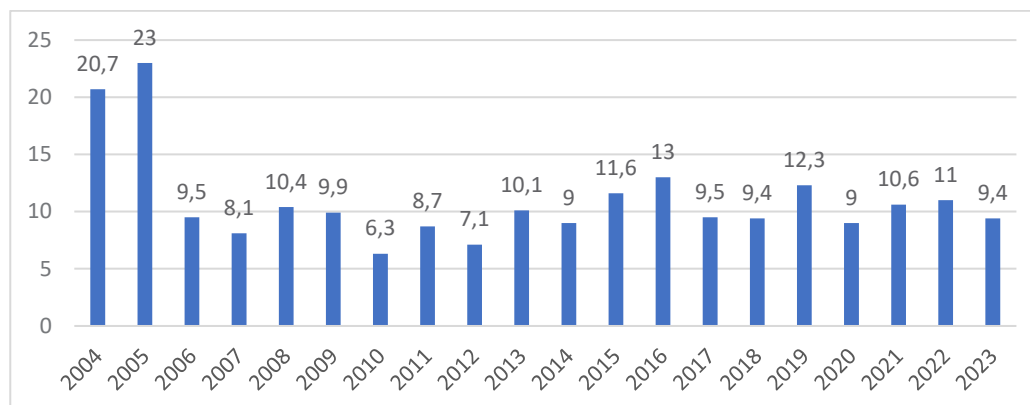

Рис.2. Динамика доли взаимного экспорта в совокупном экспорте ЭКОВАС в 2004-2023 гг., %

Источник. Подсчитано на основе данных Trade statistics for international business development.

URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm (дата обращения 08.01.2025).

Более чем двухкратное сокращение и сохранение на невысоком уровне доли взаимного экспорта в совокупном экспорте ЭКОВАС можно объяснить рядом причин. Наиболее существенные из их числа включают: неполную таможенную либерализацию взаимной торговли; сохранение многих нетарифных ограничений, как, например, пограничных и таможенных формальностей при пересечении границ; высокие издержки производства продукции; слабую транспортную инфраструктуру; схожую и слабо диверсифицированную товарную структуру экспорта с сохранением сырьевой направленности; сохранение высоких ставок пошлин на сырье, текстиль и одежду, являющихся основными группами экспорта стран ЭКОВАС; сохранение прочных экономических связей с бывшими метрополиями; нестабильную политическую ситуацию в ряде стран. В целом, по оценкам, Западная Африка больше внимания уделяет торговой либерализации, а не развитию производственного потенциала, необходимого для торговли. Хотя снижение торговых барьеров играет важную роль в динамике торговых связей, но желаемое влияние будет достигнуто лишь в случае использования адекватной инфраструктуры и качественных институтов управления [6. С. 40].

Товарная структура совокупного экспорта носит слабо диверсифицированный характер. В 2023 г. в ней преобладали топливо минеральное (47,5%), жемчуг и драгоценные камни и металлы (22,7%), руды (7,4%), какао и продукты из него (6,5%) с совокупной долей в 84,1%. Если сравнить данные за 2023 г. с данными за 2004 г., то главный вывод – в течение двух десятилетий сохранилась сырьевая направленность совокупного экспорта ЭКОВАС, хотя произошли изменения в соотношении между отдельными товарными группами. Так, например, в 4 раза возросла доля топлива минерального, а удельный вес жемчуга, драгоценных камней и металлов – в 2,5 раза, руды и шлаков – в 1,6 раза. (см. рис.3). Также можно заметить, что двадцать лет назад товарная структура совокупного экспорта была более диверсифицированной, чем по итогам 2023 г.

В товарной структуре взаимного экспорта преобладает топливо минеральное (48,7%), другие товарные группы имеют доли до 4%. Из числа последних следует выделить: черные металлы (4,0%), пластмассы и изделия из них (3,9%), соль (3,7%), жиры и масла животного или растительного происхождения (3,1%), эфирные масла и резиноиды (3,0%).

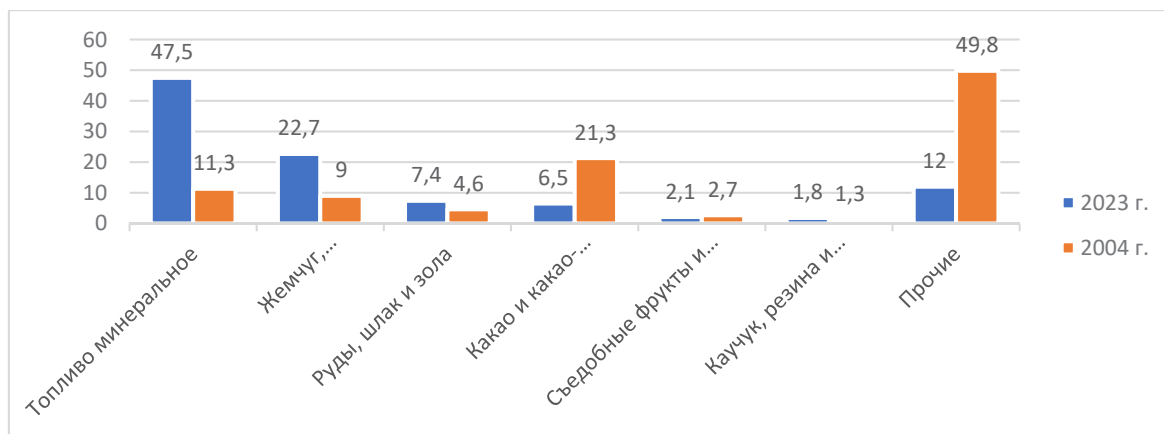

Рис.3. Товарная структура совокупного экспорта ЭКОВАС в 2004 и 2023 гг., %.
 Источник. Составлено на основе данных Trade statistics for international business development.
 URL: <https://www.trademap.org/BilateralTS.aspx?nvpm> (дата обращения 08.01.2025).

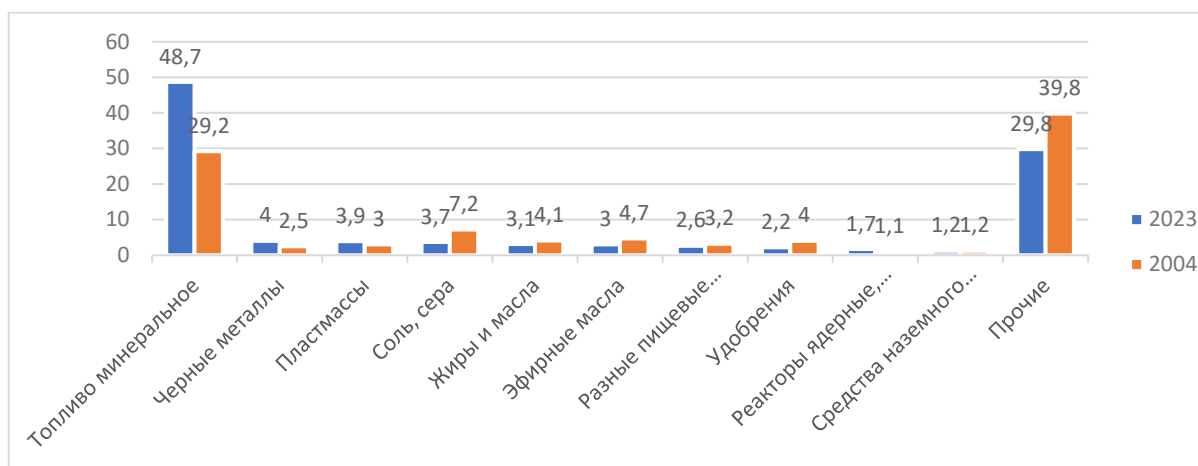

Рис.4. Товарная структура взаимного экспорта ЭКОВАС в 2004 и 2023 гг., %
 Источник. Составлено на основе данных: Trade statistics for international business development.
 URL: <https://www.trademap.org/BilateralTS.aspx?nvpm> (дата обращения 08.01.2025).

Как можно заметить, за 20 лет в товарной структуре взаимного экспорта не произошло существенных изменений: в ней по-прежнему преобладают сырье и продукция с низкой степенью обработки. Увеличились доли топлива минерального топлива, черных металлов, пластмасс и ядерных реакторов.

Таким образом, товарные структуры совокупного и взаимного экспорта имеют как схожие, так и различные черты. К схожим чертам можно отнести слабую диверсификацию структур (на три товарные группы приходится немногим более $\frac{3}{4}$ совокупного экспорта и более $\frac{1}{2}$ взаимного экспорта), а также преобладающую роль минерального топлива (около $\frac{1}{2}$). Различия: во-первых, явно сырьевой характер совокупного экспорта и смешанный характер структуры

взаимного экспорта, в которой более высокие позиции занимают средства наземного транспорта, ядерные реакторы и ряд других; во-2-х, крупную роль в совокупном экспорте играют такие товарные группы, как жемчуг и драгоценные камни, руды, какао и какао-продукты, а во взаимном экспорте – черные металлы, пластмассы и изделия из них, а также ядерные реакторы и оборудование, средства наземного транспорта кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава. Кроме того, взаимный экспорт более диверсифицирован (3/4 приходится на 12 товарных групп, тогда как во взаимном экспорте – на 3 группы).

Четвертое направление влияния – рост инвестиционной привлекательности стран ЭКОВАС.

Таблица 1.

Прямые иностранные инвестиции в экономике стран ЭКОВАС в 2000-2023 гг., млн долл.

Страна	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Бенин	60	21	177	150	176	434
Буркина Фасо	23	19	35	232	149	85
Кабо Верде	34	19	112	120	73	118
Кот д-Ивуар	235	192	339	494	509	1753
Гамбия	44	24	37	13	46	208
Гана	115	156	2527	3192	1877	1354
Гвинея	10	102	101	48	174	893
Гвинея-Биссау	1	10	33	19	20	24
Либерия	431	194	450	627	87	745
Мали	83	159	406	276	308	698
Нигер	9	12	940	529	367	966
Нигерия	930	3403	6099	3064	2385	1873
Сенегал	63	54	266	409	1481	2641
Сьерра Леоне	5	27	238	252	349	263
Того	42	49	86	258	639	34
ЭКОВАС	2085	4441	11846	9683	8640	12089
Мир	1270764	916277	1309001	1762155	935578	1331813
Доля ЭКОВАС в мировых ПИИ, %	0,16	0,48	0,67	0,55	0,44	0,91

Источник. Составлено на основе World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government (UNCTAD/WIR/2024). P.242. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_annex-1_en.pdf (дата обращения 08.01.2025).

За 2000-2023 гг. прямые иностранные инвестиции в ЭКОВАС увеличились с 2 085 млн долл. до 12 089 млн долл., или в 5,8 раза. Для сравнения мировые ПИИ за рассматриваемый период возросли в меньшей степени с 1 270 764 млн долл. до 1 331 813 млн долл., или в 1,05 раза. Доля ЭКОВАС в мировых ПИИ повысилась с 0,16% до 0,91% соответственно (см.табл.1). В итоге, возросла инвестиционная привлекательность стран ЭКОВАС за последние два с половиной десятилетия, что стало возможным благодаря проводимой торговой либерализации, индустриализации и реформированию национальных экономик, продолжающейся гармонизации инвестиционной политики.

Заключение

За 50 лет с даты создания ЭКОВАС страны достигли немалых преимуществ в углублении интеграционного взаимодействия. Основные из их числа: свободное перемещение товаров и лиц, правда, с сохранением немалого числа изъятий и неполного выполнения участвующими странами принятых обязательств; частичная гармонизация инвестиционной и макроэкономической политики; реализация программ и проектов в рамках общей промышленной политики,

направленной на повышение уровня экономического развития, диверсификацию структуры экономики, промышленности и экспорта, повышение уровня развития инфраструктуры, повышение уровня благосостояния населения. Об этом свидетельствуют результаты проведенного исследования, такие как более динамичный рост общерегионального ВВП и национальных ВВП отдельных стран; более динамичный рост совокупной внешней торговли, а значит, углубление участия стран ЭКОВАС в международном разделении труда; более динамичный рост объемов ПИИ в экономику участвующих стран по сравнению с мировыми показателями, что доказывает преимущества проводимой либерализации и повышение инвестиционной привлекательности интеграционного объединения.

Однако сохраняются немалые вызовы: неполная торговая либерализация, прежде всего, в сфере нетарифных ограничений; отсутствие свободного перемещения услуг и капиталов; противоречия между странами по вопросам углубления интеграционного взаимодействия; нарушение сроков достижения утвержденных интеграционных целей; политическая нестабильность, что препятствует активизации углубления интеграционного взаимодействия и получения

больших эффектов от участия в нем. В итоге страны смогли только сформировать таможенный союз, тогда как общий рынок и валютный союз пока не созданы, а даты неоднократно переносились.

Перечисленные и иные вызовы в ЭКОВАС связаны, прежде всего, с негативным влиянием общеэкономических проблем, сохраняющихся для большинства стран Глобального Юга, таких как невысокий уровень экономического развития, слабо диверсифицированная структура экономики и экспорта, низкий уровень развития инфраструктуры, низкий уровень жизни населения, дифференциация между странами по основным макроэкономическим показателям. К перечисленным общим причинам следует добавить проблемы, выявленные в рамках проведенного исследования. Это сохранение более низких темпов среднедушевых дохо-

дов стран ЭКОВАС; менее динамичный рост взаимного экспорта по сравнению с совокупным экспортом объединения и снижение доли взаимного экспорта в совокупном экспорте за последние два десятилетия; невысокая доля взаимного экспорта в совокупном экспорте, что свидетельствует о сохранении незначительности взаимных торговых связей для стран-партнеров; сохранение сырьевых направлений экспорта; неравномерное распределение преимуществ от экономической интеграции между странами. Так, исследование показало, что наибольшей эффект получили такие государства, как Кабо-Верде, Буркина Фасо, Гвинея-Бисау, Гана.

В целом, несмотря на сохраняющиеся небольшие объективные и субъективные препятствия, ЭКОВАС является одним из наиболее эффективных интеграционных объединений в Африке.

Литература:

1. Жамбиков А. ЭКОВАС и введение единой валюты в Западной Африке: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 54-58.
2. Amoabeng Ortsin, E. The ECOWAS Common Investment Market Vision: A Conceptual Preview in Financing Africa's Development. Ed. by Diery Seck. Springer Cham. 2021. P. 221-245.
3. Byiers, B., Cheikh T. Dièye. Regional integration in West Africa: Wasteful Overlaps or Necessary Options? // Discussion Paper No. 322. ECDPM Reports. May. 2022. 36 p.
4. Gaens B. et all. Differentiation in ASEAN, ECOWAS and MERCOSUR: A Comparative Analysis. EU IDEA Policy Papers, August 2020, No. 6. 20 p.
5. Kanu Success Ikechi et. all. Trade Relations and Trade Openness amongst the ECOWAS Member Nations // International Journal of Management Science and Business Administration. Vol. 8. Issue 2. January 2022. P. 33-47.
6. Regional Integration and Non-Tariff Measures in the Economic Community of West African States. (ECOWAS). United Nations, Geneva, 2018. 49 p.
7. Sebil Olalekan Oshota, Bashir Adelowo Wahab. Institutional Quality and Intraregional Trade Flows: Evidence from ECOWAS // Journal of African Trade. 2022. № 9 P. 73-106.

THE ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES (ECOWAS): RESULTS OF 50 YEARS OF FUNCTIONING

Introduction. The article analyzes the advantages and challenges of integration cooperation between the countries of the Economic Community of West African States (ECOWAS) over five decades of functioning. ECOWAS is one of the most well-known and dynamically developing integration agreements on the African continent, one of the "pillars" of the emerging African Continental Free Trade Area. The author analyzes the main stages of deepening econom-

ic integration in West Africa, from a free trade area to the creation of a monetary union with a common currency proposed by 2027.

Materials and methods. The author uses the analytical methods of processing statistical information as well as methods of generalizations, synthesis and comparative analysis. Literature on the topic of the study from a database of the World Bank, UNCTAD and the International Trade Center are also used.

Results of the study. A study has been conducted to determine the impact of deepening integration interaction on the dynamics of regional and national GDP and per capita incomes. Using the graphic material, the dynamics of the total exports and imports of ECOWAS countries in comparison with global indicators, as well as the dynamics of mutual exports and the share of mutual exports in the total exports of ECOWAS over a 20-year period were analyzed. The author also analyzed the dynamics of FDI inflows into the economies of participating countries to assess the level of investment attractiveness of ECOWAS.

Discussion and conclusion. The main conclusions obtained by the author in the framework of the study: ECOWAS has moved from a free trade area to a customs union based on partial liberalization of customs duties and the introduction of a common customs tariff since 2015; the formation of a common market continues within the framework of achieved freedom of trade in goods and free movement of persons, as well as the creation of a monetary union based on harmonization of macroeconomic policies, although with repeated violations of previously set deadlines and non-fulfillment by individual countries of their obligations. Such positive effects have been achieved due to deepening integration interaction as a more dynamic growth of regional GDP and national GDP

of a number of states; deepening participation in the international division of labor; increased investment attractiveness of the participating countries. However, there are still many challenges associated with the influence of objective and subjective, internal and external factors. These are: maintaining a low level of economic development of countries and a low level of well-being of the population; differentiation between countries in terms of macroeconomic indicators, which requires a transition to a multi-speed integration model; maintaining the raw material orientation of the commodity structure of exports; maintaining a low level of economic interdependence, which means that mutual trade relations are of low importance to ECOWAS countries. Taking into account the above, it can be concluded that the ECOWAS countries will not be able to achieve the goal of introducing a common currency to 2027, while maintaining a low degree of readiness of national economies and a low level of convergence.

Galina M. Kostyunina,
Doctor of Sciences (Economics), Professor,
Senior Researcher, The Department of
International Economic Relations and Foreign
Economic Ties named after N. Liventsev,
MGIMO University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

Экономическое сообщество стран Западной Африки, ЭКОВАС, Африка, интеграция, таможенный союз, общий рынок, валютный союз.

Keywords:

Economic community of West African States, ECOWAS, Africa, integration, customs union, common market, monetary union.

References:

1. Zhambikov A., 2020. ECOWAS i vvedenie edinoy valyuti v Zapadnoy Afrike: problemi i perspektivi. [ECOWAS and introduction of a common currency in West Africa: problems and perspectives]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*. № 3. S.54-58.
2. Amoabeng Ortsin, E., 2021. The ECOWAS Common Investment Market Vision: a Conceptual Preview in Financing Africa's Development. *Ed. by Diery Seck*. Springer Cham. P.221-245.
3. Byiers, Bruce, Cheikh T. Dièye, 2022. Regional integration in West Africa: Wasteful Overlaps or Necessary Options? *Discussion Paper No. 322. ECDPM Reports*. May. 36 p.
4. Gaens B. et al, 2020. Differentiation in ASEAN, ECOWAS and MERCOSUR: A Comparative Analysis. *EU IDEA Policy Papers*. Brussels, August. No. 6. 20 p.
5. Kanu Success Ikechi et. al, 2022. Trade Relations and Trade Openness amongst the ECOWAS Member Nations. *International Journal of Management Science and Business Administration*. Vol. 8. Issue 2. January. P. 33-47.
6. Regional Integration and Non-Tariff Measures in the Economic Community of West African States. (ECOWAS), 2018. United Nations. Geneva. 49 p.
7. Sebil Olalekan Oshota, Bashir Adelowo Wahab, 2022. Institutional Quality and Intraregional Trade Flows: Evidence from ECOWAS. *Journal of African Trade*. № 9. P. 73-106.

ТАРГЕТИРОВАНИЕ ИНФЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ ШОКОВ 2020–2022: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Борис Черняховский*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-162-170

Введение. В статье проводится анализ и оценка эффективности применения режима инфляционного таргетирования центральными банками в кризисных для экономики условиях путем исследования опыта применения режима таргетирования инфляции в условиях пандемии Covid-19 и геополитической напряженности, вызванной начавшейся в феврале 2022 года специальной военной операцией. В рамках исследования автор выявляет эффективность таргетирования инфляции и его положительные эффекты в кризисных условиях 2020–2022 гг.

Материалы и методы. В ходе написания работы применялась совокупность общенаучных и формального-логических методов (включая методы познания, описания, анализа, индукции, дедукции, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования).

Результаты исследования. Анализ таргетирования инфляции в кризисных условиях 2020–2022 гг. выявил неодинаковое воздействие таргетирования инфляции на уровень инфляции в экономиках государств, снижение и ограниченность применения мер инфляционного таргетирования в кризисных условиях. С одной стороны, применение мер инфляционного таргетирования обеспечивает формирование определенного уровня инфляционных ожиданий у экономических агентов, что ограничивает проинфляционные риски. С другой стороны, экономические трудности, с которыми сталкивались государства в кризисных условиях 2020–2022 гг., значительно снижали эффективность мер инфляционного таргетирования, в результате чего у некоторых государств не было возможности привести уровень инфляции к целевому уровню в течение указанного периода.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что применение режима таргетирования инфляции в условиях кризиса способствует остановке роста инфляции в перспективе и последующему ее возвращению на целевой уровень. Но наибольшую эффективность режим таргетирования инфляции показывает в период окончания кризиса, когда возникают признаки восстановления экономики.

* **Черняховский Борис Игоревич**, кандидат экономических наук, начальник управления правовой работы, АО «НПО «Техномаш» им. С.А. Афанасьева», Москва, Россия
e-mail: 23.01.1993@bk.ru
ORCID ID: 0009-0008-0062-7029

Введение

Для борьбы с инфляцией в последние десятилетия часто стал применяться режим инфляционного таргетирования. По данным МВФ, в настоящее время денежно-кредитную политику в рамках таргетирования инфляции проводят центральные банки 45 стран¹.

Целью инфляционного таргетирования (далее – ИТ) является поддержка уровня инфляции в соответствии с точной целью по инфляции или в рамках целевого диапазона. Благодаря ИТ центральные банки, используя инструменты монетарной политики, добиваются достижения уровня инфляции до определенного заранее заданного показателя. Хотя данное утверждение справедливо не для всех стран [4. С. 9]².

В большинстве случаев применение ИТ приносит положительные результаты, что подтверждается множеством научных исследований. Но в некоторых случаях применение инфляционного таргетирования приводило к негативным результатам, например, когда цель по достижению целевого уровня инфляции устанавливалась в качестве более приоритетной по отношению к цели достижения экономического роста [1. С. 86].

За время применения центральными банками режима таргетирования инфляции накопился значительный опыт. Но 2020–2022 гг. представляют собой условия, в которых поддержание инфляции в рамках целевых значений оказалось трудновыполнимой задачей. Множество государств, в которых применяется режим ИТ, были вынуждены справляться со следующими экономическими шоками, вызванными:

1) пандемией Covid-19, с которой пришлось столкнуться всем странам мира. Также множество государств столкнулось с экономической нестабильностью, вызванной резким восстановлением экономик после смягчения коронавирусных ограничений³;

2) геополитической напряженностью, вызванной начавшейся в феврале 2022 года специальной военной операцией (далее – СВО), в связи с чем множество государств столкнулось с экономической нестабильностью.

Исследование опыта борьбы с дефляцией и инфляцией, осуществляемой центральными банками государств в 2020–2024 годах, позволит понять, насколько эффективно применение ИТ в кризисных условиях и каковы его положительные эффекты в соответствующий период.

Исследование

Когда в 2020 году начался экономический кризис, вызванный Covid-19, во множестве государств наблюдался спад экономической активности и, как следствие, возник риск дефляции. Для поддержания своих экономик и снижения риска дефляции центральные банки начали стимулирующую монетарную политику, выразившуюся в снижении ключевых ставок. Так, процентная ставка в США снизилась с 1,75% до 0,25%. К 0,25% уменьшил процентную ставку ЦБ Австралии, а ЦБ Дании уменьшил ее до 0% [5. С. 117]. Китай снизил ключевую ставку с 4,15% до 3,85%.

Центральный банк Российской Федерации (далее – ЦБ РФ, Банк России) перешел к мягкой денежно-кредитной политике, снизив ключевую ставку с 6% до исторического минимума в 4,25% годовых.

Помимо стимулирования экономической активности центральные банки стремились сохранить уровень инфляции около целевых значений. Например, ЦБ РФ, комментируя снижение ключевой ставки до 4,25%, отмечает, что «такая реакция денежно-кредитной политики потребовалась, чтобы не допустить продолжительного отклонения инфляции вниз от цели (вблизи 4%) и создать условия для более быстрого возвращения экономики к потенциалу ее развития»⁴.

¹ Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions (2023). URL: <https://www.elibrary.imf.org/fileasset/downloads/AEIEA2023001-S001.pdf> (дата обращения — 26.12.2024).

² Например, Турция не смогла справиться с высоким уровнем инфляции и достичь цели инфляционного таргетирования.

³ Горюнов Е.В. Причины и последствия глобальной инфляции (Препринт научно-исследовательской работы). URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/wpaper/wpaper-2023-1261.pdf> (дата обращения — 27.12.2024).

⁴ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/87358/on_2021\(2022-2023\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/87358/on_2021(2022-2023).pdf) (дата обращения — 27.12.2024).

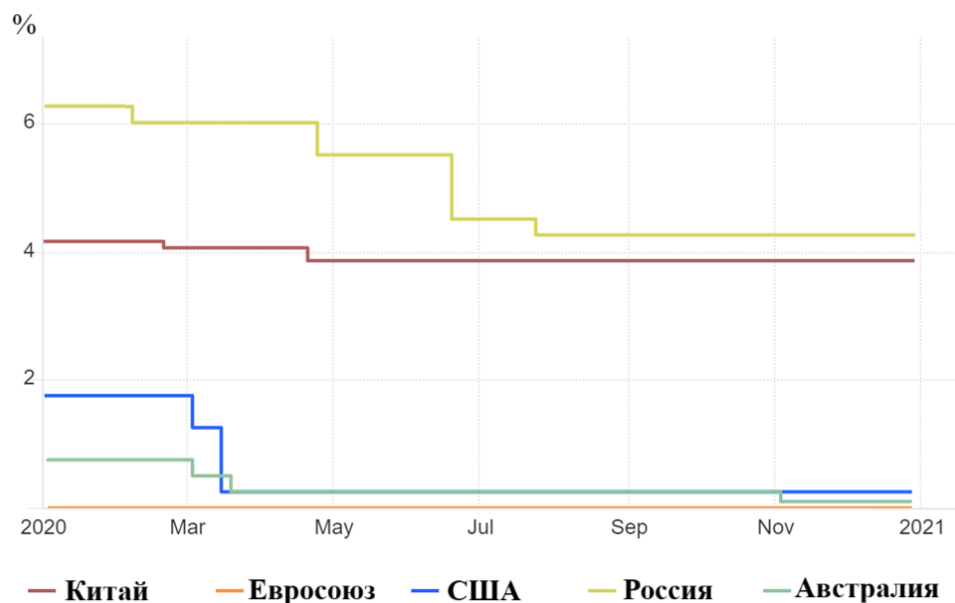

Рис. 1. Ключевые ставки в 2020 г. в Китае, Европейском Союзе, США, России и Австралии.
Источник: составлено автором на основании данных с tradingeconomics.com.

Рис 2. Ключевая ставка, установленная Банком России, и инфляция в период с 01 января 2020 года по октябрь 2021 года.

Источник: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2022_2024/ (дата обращения – 27.12.2024).

На рис. 2 выделены 2 периода:

1. Сохранения ключевой ставки неизменной до февраля 2021 года. В этот период инфляция достигла целевого значения в 4% и непрерывно росла до февраля 2021 года.

2. Повышения ключевой ставки в марте-октябре 2021 года – результат реагирования Банка России на возникшее инфляционное давление, когда инфляция существенно отклонилась от целевых значений.

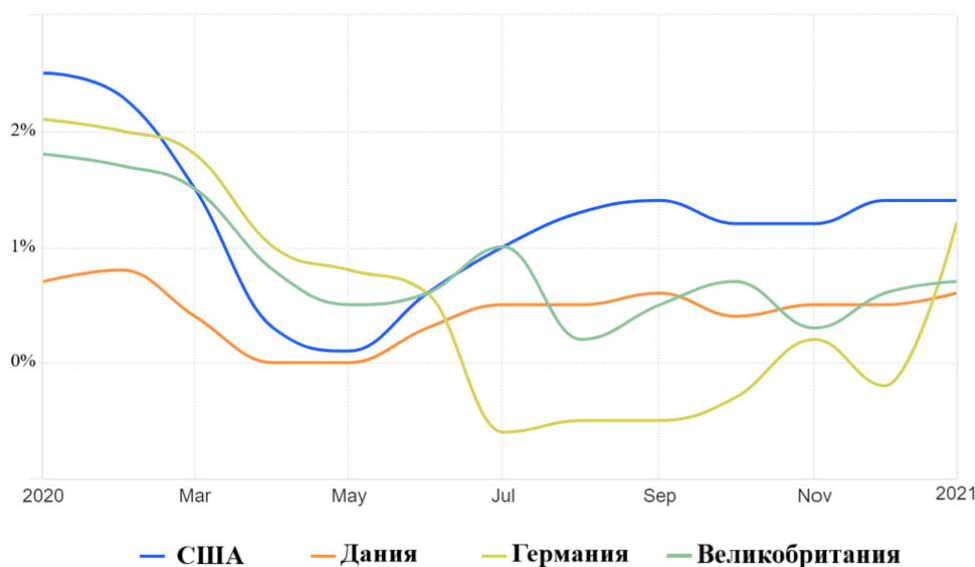

Рис. 3. Уровень инфляции в 2020 году в США, Дании, Германии и Великобритании.

Источник: составлено автором на основании данных с tradingeconomics.com.

Результатом снижения ключевой ставки в государствах стало стимулирование экономической активности и повышение уровня инфляции до целевых значений.

Но не все государства смогли справиться с дефляционным давлением. Например, Япония не могла достичь целевого уровня инфляции вплоть до апреля 2022 года.

Стоит уточнить, что действия центральных банков не ограничивались только использованием инструментов денежно-кредитной политики, предпринимались и другие меры по стимулированию экономики. Помимо помощи, которую правительства государств оказывали своим экономикам, центральными банками дополнительно предпринимались такие меры, как таргетирование доходности государственных облигаций, предоставление ликвидности коммерческим банкам, валютные, словесные интервенции и другие. Чтобы поддержать ликвидность банков, ЦБ РФ на постоянной основе стал проводить аукционы РЕПО по предоставлению кредитов по сниженной ставке, ввел специальную программу рефинансирования на основе регуляторных послаблений и использовал иные меры воздействия на экономику РФ [5. С. 117]. Также

Банк России перешел к практике проведения пресс-конференции Председателя Банка России после каждого заседания Совета директоров в период роста экономической неопределенности весной 2020 года, а затем принял решение сохранить эту практику в будущем⁵.

В 2021 году в большинстве государств произошло восстановление экономической активности до уровней, предшествующих распространению Covid-19. Но в результате экономического стимулирования, которое, по мнению некоторых авторов, было чрезмерным, государства столкнулись с повышенной инфляцией, которая усилилась на фоне инфляционного шока, возникшего в результате начала Специальной военной операции в феврале 2022 г.

Вследствие восстановления мирового спроса после пандемии COVID-19, резкого роста мировых цен на продовольствие и энергоносители, а также проблем с поставками глобальная инфляция резко выросла. К началу 2022 г. в странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития инфляция достигла 7%, а к октябрю 2022 г. превысила 10%. Аналогичные показатели для США составляют 6,8 и 7,5%, для

⁵ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/87358/on_2021\(2022-2023\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/87358/on_2021(2022-2023).pdf) (дата обращения — 27.12.2024).

Великобритании – 4,7 и 9,2%, для стран зоны евро – 4,9 и 10,0%, для Германии – 5,2 и 9,6%, для Франции – 2,3 и 6,0%, для Канады – 4,7 и 6,7%.

28.02.2022 г. Банк России для борьбы с инфляцией, впоследствии достигшей 17,8% в апреле 2022 г., повысил ключевую ставку до 20%⁷. Но характер возникших в экономике РФ проблем не позволил держать инфляцию рядом с целевым уровнем.

Действия ЦБ РФ по сдерживанию инфляции резко контрастируют с действиями центральных банков других государств,

в которых наблюдался рост инфляции на протяжении 2022 г. Например, Европейский центральный банк (далее – ЕЦБ) повысил ставку с 0 до 0,5% впервые за 11 лет только, когда инфляция отклонилась от целевой на 6,6%: инфляция достигла 8,6%, целевой уровень инфляции – 2%. Цикл повышения ставок в США в 2022 году начался только после того, как инфляция достигла 7%⁸. Моментальная реакция ЦБ РФ объясняется резкими изменениями в экономике, которые наступили после начала СВО.

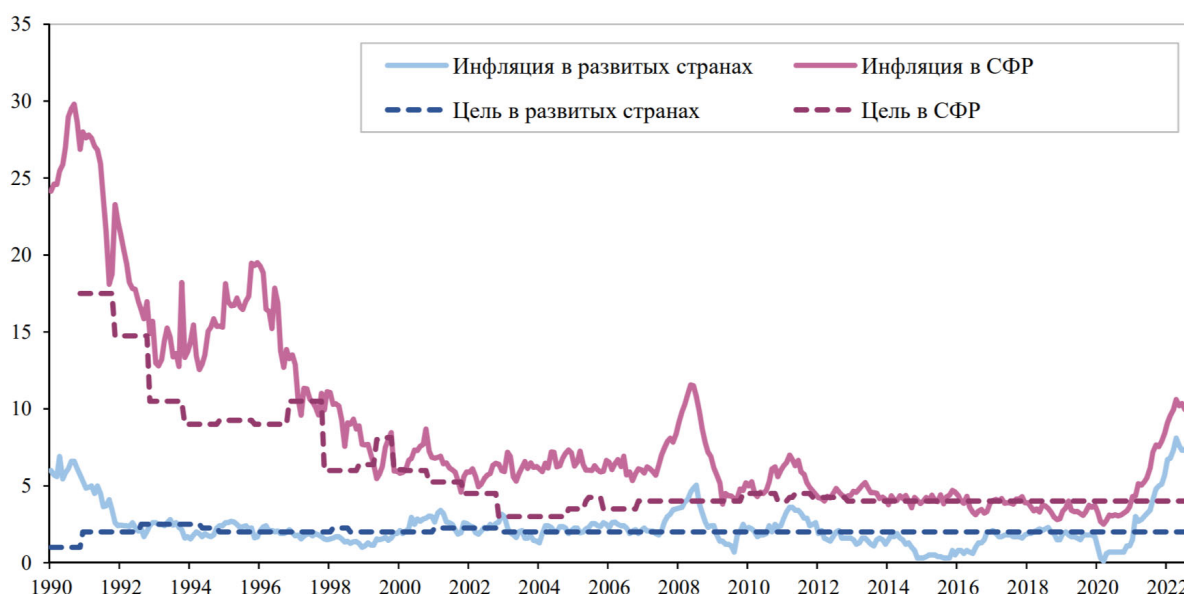

Рис. 4. Инфляция и цели в развитых странах и странах с формирующимися рынками (% г/г) 1990–2022 гг.

Источник: Мещеряков А., Сухомлинов А., Колосов А. Факторы выбора уровня цели по инфляции: теория и практика в мире: исследовательский доклад. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/146496/research_policy_notes_b_1_3.pdf (дата обращения – 27.12.2024).

На *рис. 4* изображены медианные значения инфляции и целей центральных банков для группы развитых стран (13 стран) и для группы стран с формирующимися рынками (34 страны), применяющих по состоянию

на 2022 год режим инфляционного таргетирования. Состав групп менялся по годам в соответствии с классификацией МВФ: Южная Корея и Израиль относятся к развитым странам с 1997 года, Чехия – с 2009 года.

⁶ Горюнов Е.В. Причины и последствия глобальной инфляции (Препринт научно-исследовательской работы). URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/wpaper/wpaper-2023-1261.pdf> (дата обращения — 27.12.2024).

⁷ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf) (дата обращения — 27.12.2024).

⁸ National Income and Product Accounts, Table 2.8.11. Real Personal Consumption Expenditures by Major Type of Product: Percent Change from Month One Year Ago. URL: [\(дата обращения — 27.12.2024\).](https://apps.bea.gov/iTable/?reqid=19&step=3&isuri=1&1921=survey&1903=11#eyJhcBHpZCI6MTksInNOZXByeSBjYXNpdCwMlDMSmRhdGEiOltIk5JUUEFVGFiGVBFTGlzdClstJyQyNCjdLFSiqZFoZWdvcmlcyIsIlIN1cnZleSjdlLSIrmlyc3RfWVWWhciIsIjIwMiIxSXsbXkxhc3RfWVWWhciIsIjIwM-jQiXSxbIIjYwXlIiwicMCjdLFsiZDVyaVVvZiwiTSJDXX0=)

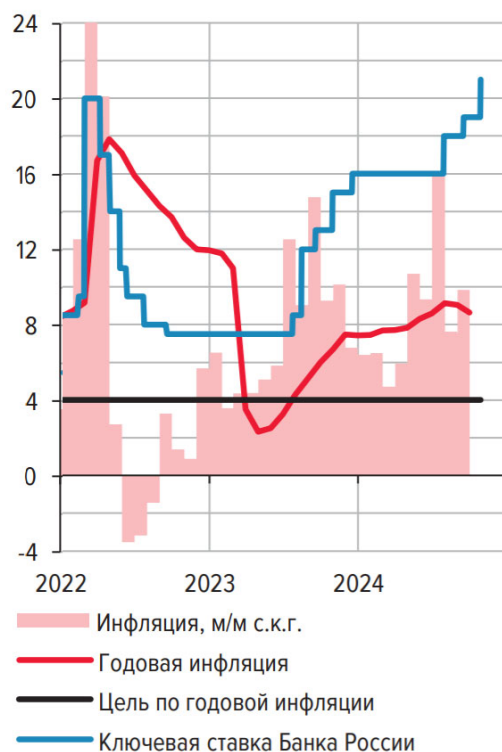

Рис. 5. Ключевая ставка ЦБ РФ и уровень инфляции в России в 2022–2024 гг.

Источник: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf) (дата обращения – 27.12.2024).

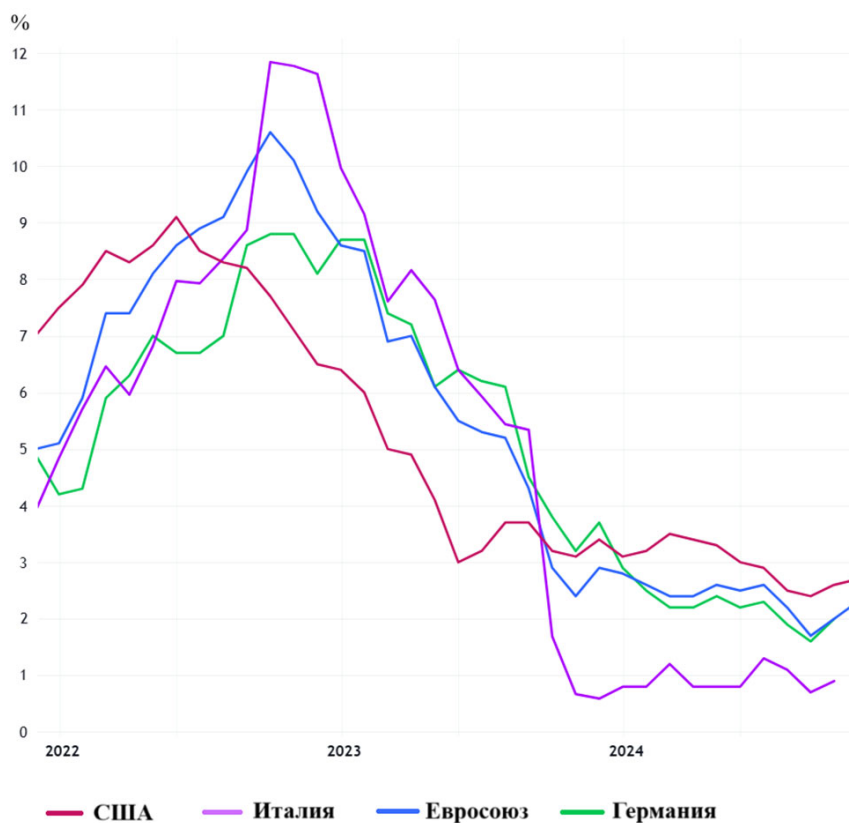

Рис. 6. Уровень инфляции 2022–2024 гг. в США, Италии, Евросоюзе и Германии.

Источник: составлено автором на основании данных с tradingview.com.

В 2023–2024 гг. в странах Западной Европы и США наблюдалось постепенное снижение инфляции, почти достигшей цели ИТ. Банку России не удалось достичь целевого уровня инфляции (4%), что привело к ужесточению денежной-кредитной политики в 2023–2024 гг. и повышению ключевой ставки до рекордного 21%.

Анализ применения режима ИТ в кризисных условиях, возникших в 2020 и 2022 годах, показывает, что эффективность применения центральными банками режима ИТ в период кризисов заметно снижается, поскольку в экономике возникают нарушения, на которые центральный банк не может повлиять одномоментно. Тем более, применяемые центральным банком монетарные меры регулирования экономики начинают действовать с большим временным лагом. По этой же причине центральный банк не имеет возможности моментально реагировать на отклонение инфляции от целевого уровня, поскольку такие действия могут снизить стабильность экономики и доверие экономических агентов к центральному банку.

Более того, эффективность применения режима ИТ приносит неодинаковые, индивидуальные для каждой экономики результаты. Если в 2020 году ЦБ РФ успешно удалось справиться с риском дефляции, удерживать уровень инфляции рядом с целевым показателем и достичь его к концу 2020 года, то Национальному банку Дании в течение долгого периода времени не удавалось достичь повышения уровня инфляции до целевого показателя⁹. В 2022–2024 годах ЦБ РФ, наоборот, удалось лишь на время добиться снижения инфляции до целевого значения, однако в 2023–2024 гг. инфляция начала расти выше целевого значения в 4%, в результате чего 25.10.2024 г. Банк России повысил ключевую ставку до 21%.

Вместе с тем установление целевого уровня инфляции позволяет ускорить принятие мер, направленных на удержание инфляции на целевом уровне.

Стоит уточнить, что применение мер ИТ в кризисных условиях сильно ограничено и не является предсказуемым в полной мере. Применение центральными банками мер монетарной политики для регулирования уровня инфляции могло способствовать достижению инфляцией целевого уровня

в 2020–2022 гг., но не могло предопределить достижение этого уровня, так как:

- в условиях кризиса нарушается трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики, что осложняет поддержание финансовой стабильности национальной экономики;

- общая инфляция состоит из двух компонентов – монетарного и немонетарного. Если монетарная инфляция может управляться центральным банком, то немонетарная находится вне зоны ответственности центрального банка и не в полной мере управляема имеющимися у него инструментами.

В дополнение к вышеперечисленным сложностям, понижающим эффективность монетарной политики, к началу третьего десятилетия XXI века, по мнению Е.Н. Смирнова, произошло ослабление действия структурных сил, подавлявших инфляцию в последние десятилетия (экономическая глобализация, демографический рост, цифровизация услуг и др.) [3. С. 47].

Недооценивать эффективность применения ИТ в условиях кризиса не стоит. Одно из ключевых достоинств его применения заключается в формировании «необходимого» уровня инфляционных ожиданий у экономических агентов, что ограничивает проинфляционные риски. Сдвиг инфляционных ожиданий к более высокому уровню по сравнению с целевым уровнем по инфляции и закрепление на нем способствует росту инфляции, а также запускает механизм «спираль зарплаты-цены», когда повышение потребительских цен приводит к повышению заработных плат, что, в свою очередь, влечет за собой очередное повышение потребительских цен через рост издержек.

Опыт борьбы с инфляцией 2020–2024 гг. показывает, что наибольшую эффективность таргетирование инфляции приобретает в период окончания кризиса, когда возникают признаки восстановления экономики, так как в период кризиса экономика сталкивается с такими трудностями, что поддержание уровня инфляции около целевого значения становится крайне затруднительным.

ИТ дает сигнал для центрального банка, когда предпринятые монетарные меры сработали и когда следует предпринимать действия по смягчению/ужесточению

⁹ Huidrom Raju. Wage and Inflation Dynamics in Denmark. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/selected-issues-papers/Issues/2023/07/18/Wage-and-Inflation-Dynamics-in-Denmark-536738> (дата обращения — 27.12.2024).

денежно-кредитной политики, а экономическим агентам дается сигнал о возможном изменении ключевой ставки. Например, цикл снижения ключевой ставки ЕЦБ начался до достижения целевого уровня инфляции (2%), когда уровень инфляции составлял 2,6%. В сентябре 2024 г. в Еврозоне уровень инфляции оказался ниже целевого уровня (1,7%), что является стимулом к дальнейшему снижению ключевой ставки ЕЦБ.

Заключение

Таким образом, опыт применения таргетирования инфляции в кризисных условиях 2020–2022 гг. позволяет сделать вывод о

снижении эффективности таргетирования инфляции в кризисные периоды по вышеописанным причинам, что, за некоторыми исключениями, выражается в невозможности удержания инфляции около целевого уровня. Применяя таргетирование инфляции, центральный банк способен влиять на инфляционные ожидания экономических агентов, не допуская их сдвиг до уровней, создающих проинфляционные или дезинфляционные риски. Применение режима таргетирования инфляции в условиях кризиса способствует остановке роста инфляции в перспективе и последующему ее возвращению на целевой уровень.

Литература:

1. Воскалян М.А., Галстян А.Г. Ловушка инфляционного таргетирования и ее воздействие на экономический рост: случай Армении // Управленец. 2017. № 5 (69).
2. Гукасова Е.Р. Роль центрального банка в борьбе с ростом инфляции: международный и российский опыт // Финансовые рынки и банки. 2022. № 4.
3. Смирнов Е.Н. Глобальная инфляция: современный детерминизм и вызовы для политики // Управление. 2024. № 2 (12).
4. Синельникова-Мурылева Е.В., Гребенкина А.М. Оптимальная инфляция и инфляционное таргетирование: страновой опыт // Финансы: теория и практика. 2019. № 23 (1).
5. Черемушкин Д.Н. Действия центральных банков мира в период пандемии и их влияние на фондовые площадки // Kant. 2021. № 3 (40).

INFLATION TARGETING AMID 2020–2022 SHOCKS: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE

Introduction. The article analyzes and evaluates the effectiveness of inflation targeting regimes applied by central banks during economic crises by examining the experience of inflation targeting during the COVID-19 pandemic and the geopolitical tensions triggered by the special military operation that began in February 2022. Within the framework of the study, the author identifies the effectiveness of inflation targeting and its positive effects under the crisis conditions of 2020–2022.

Materials and methods. The work employs a combination of general scientific and formal-logical methods (including methods of cognition, description, analysis, induction, deduction, comparison, analogy, systematization, and modeling).

Results of the study. The analysis of inflation targeting during the crisis conditions of 2020–2022 revealed varying impacts of inflation targeting on inflation levels in different economies, as well as a reduction and limited application of inflation target-

ing measures during crises. On the one hand, the use of inflation targeting measures helps shape certain inflation expectations among economic agents, thereby limiting pro-inflationary risks. On the other hand, the economic challenges faced by countries during the crisis conditions of 2020–2022 significantly reduced the effectiveness of inflation targeting measures, making it difficult for some countries to bring inflation levels back to their targets.

Discussion and conclusion. The study showed that the application of inflation targeting during a crisis helps halt inflation growth in the short term and subsequently return it to the target level. However, inflation targeting is most effective during the post-crisis period, when signs of economic recovery emerge.

Boris I. Chernyakhovsky, Candidate of Sciences (Economics), Head of Legal Affairs Department, JSC «NPO Technomash named after S.A. Afanasyev», Moscow, Russia

Ключевые слова:

инфляция, дефляция, инфляционное таргетирование, монетарная политика, процентная ставка, инфляционные ожидания, кризис, экономический шок.

Keywords:

inflation, deflation, inflation targeting, monetary policy, interest rate, inflation expectations, crisis, economic shock.

References:

1. Voskanyan M.A., Galstyan A.G., 2017. Lovushka inflyatsionnogo targetirovaniya i ee vozdeystvie na ekonomicheskiy rost: sluchay Armenii [The trap of inflation targeting and its impact on economic growth: the case of Armenia]. *Upravlenets [Manager]*. № 5 (69).
2. Gukasova E.R., 2022. Rol' tsentral'nogo banka v bor'be s rostom inflyatsii: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt [The role of the central bank in combating rising inflation: international and Russian experience]. *Finansovye rynki i banki [Financial Markets and Banks]*. № 4.
3. Smirnov E.N., 2024. Global'naya inflyatsiya: sovremennyy determinizm i vyzovy dlya politiki [Global inflation: modern determinism and challenges for politics]. *Upravlenie [Management]*. № 2 (12).
4. Sinelnikova-Muryleva E.V., Grebenkina A.M., 2019. Optimal'naya inflyatsiya i inflyatsionnoe targetirovanie: stranovoy opyt [Optimal inflation and inflation targeting: country experience]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. № 23 (1).
5. Cheremushkin D.N., 2021. Deystviya tsentral'nykh bankov mira v period pandemii i ikh vliyanie na fondovye ploshchadki [Actions of the central banks of the world during the pandemic and their impact on stock markets]. *Kant [Kant]*. № 3 (40).

КРИПТОАКТИВЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КЛИРИНГА В АГЕНТСКОЙ СИСТЕМЕ РАСЧЕТОВ

Евгений Мантуров*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-171-182

Введение. В статье рассматриваются альтернативные механизмы международных расчетов, которые начали активно применяться после введения международных санкций против России. Статья направлена на исследование использования криптоактивов в качестве инструментов клиринга в такого рода механизмах.

Материалы и методы. Актуальность проведенного исследования состоит в рассмотрении теоретических аспектов инфраструктуры международных платежей, а также стоящего в её основе института доверия. Кроме того, был проведен анализ трансформации этих институтов под влиянием санкций и цифровых технологий. Методологическая база исследования опирается на институциональный подход А. Аузана, а также современные исследования и кейсы применения криптоактивов для международных платежей.

Результаты исследования. В статье обосновано, что криптоактивы трансформировали институт доверия, лежащий в основе агентской системы расчетов. Фактически, они являются независимым инструментом международных платежей и клиринга, который потенциально может использоваться в условиях санкционных ограничений.

Обсуждение и заключение. Выводы и обобщения исследования могут быть применены в практике управления крупными бизнес-структурами в процессе формирования инфраструктуры международных расчетов, а также государственными органами для развития регулирования криптоактивов.

Введение

Международные финансовые санкции оказали отрицательное влияние на систему международных расчетов Российской Федерации. Подавляющее большинство банков было отключено

от системы SWIFT, были закрыты счета у банков-корреспондентов, возникли ограничения на открытие филиалов и владение дочерними банками в других юрисдикциях. В этих условиях происходит фундаментальная трансформация международной торговли и экосистемы международных расчетов,

* Мантуров Евгений Денисович, аспирант кафедры международных экономических отношений и внешне-экономических связей им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: evgeniymanturov.em@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0952-2721

при которой *ex ante* конкурентные отношения заменяются *ex post* двусторонними договоренностями с высокой степенью специфичности активов. Это приводит к формированию новых траекторий институционального развития платежных систем, характеризующихся повышенной ролью двусторонних механизмов урегулирования и клиринга. В результате скорость международных платежей существенно снижается, так как возникает необходимость в использовании дополнительных посредников для международных переводов, а некоторые юрисдикции (например, Латинская Америка, часть Юго-Восточной Азии) стали полностью отрезаны от расчетов с российскими экономическими субъектами [3]. Все это повысило актуальность альтернативных систем международных расчетов, в частности агентской схемы.

Исследование

Основой для изучения агентских схем международных расчетов является институциональный подход. Металогическую основу для понимания институтов как "правил игры" в обществе, структурирующих стимулы в процессе экономического, политического и социального взаимодействия заложили фундаментальные труды Д. Норта [14]. Работы О. Уильямсона существенно обогатили данное направление, предложив многоуровневую модель институционального анализа и сконцентрировав внимание на трансакционных издержках как ключевом объяснительном механизме институциональных изменений [19]. В российской научной традиции значительный вклад в развитие институциональной теории внесли исследования А. Аузана, который адаптировал концептуальный аппарат неоинституционализма к анализу трансформационных процессов в переходных экономиках. В данной статье институциональный подход применяется для анализа сферы международных расчетов и, в частности, агентских расчетов в качестве института [1].

Отдельное внимание уделяется сетевым эффектам распространения технологий международных расчетов. Так, в работе А. Милна разработана теоретическая модель, демонстрирующая, как сетевые эффекты влияют на внедрение инноваций в платежных системах [12]. К. Стилиану и др. анализируют влияние сетевых эффектов на конкуренцию на рынке криптовалют

и рыночную концентрацию. Авторы показывают, что сетевые эффекты могут приводить к доминированию отдельных криптовалют, что влияет на структуру международных расчетов с их использованием [18]. Н. Крузе, А. Гупта и Ф. Меццанотти исследуют влияние экономических шоков на внедрение электронных платежных систем, демонстрируя, как сетевые эффекты ускоряют или замедляют принятие новых технологий в зависимости от экономического контекста [8].

Использование криптоактивов для международных расчетов активно изучается отечественными и зарубежными авторами. В частности, Д. Кочергин предлагает комплексный анализ экономической природы, классификации и регулирования оборота криптоактивов в международном контексте. С.Н. Рябухин анализирует цифровые финансовые активы как инструмент международных расчетов, рассматривая их потенциал для диверсификации платежных инструментов и повышения эффективности трансграничных платежей [5]. З. Безовский, Л. Давцев и М. Митрева исследуют текущее состояние принятия криптовалют в качестве электронного платежного метода, выявляя факторы, влияющие на их распространение в международных расчетах [6]. Р. Приэм рассматривает преимущества, риски и регуляторные последствия использования технологии распределенного реестра для клиринга и расчетов по ценным бумагам, что имеет непосредственное отношение к возможностям использования блокчейн-технологий в международных финансовых операциях [15].

Вопросы использования криптоактивов для обхода международных торговых санкций анализируются в работе С.И. Долгова и др., где авторы рассматривают возможности противодействия санкциям в международной торговле, включая использование криптовалют и альтернативных платежных механизмов [3]. А. Коробана исследует взаимосвязь между международными финансовыми санкциями и криптовалютами, анализируя вызовы и потенциальные решения в условиях санкционного давления. Автор рассматривает правовые и технические аспекты использования криптовалют для осуществления трансграничных платежей в обход традиционных финансовых институтов [7]. Л. Фантаччи и Л. Гобби анализируют геополитические аспекты инноваций в сфере денег и платежей, рассматривая

стейблкоины и цифровые валюты центральных банков в контексте гегемонии доллара США и возможностей для создания альтернативных финансовых систем [9].

Современные исследования демонстрируют существенную фрагментарность регуляторных подходов к криптоактивам на международном уровне. Кочергин подчеркивает важность правильной классификации криптоактивов для эффективного регулирования, выделяя три категории: криптовалюты, токены-утилиты и токены-активы [11]. С.П. Ядав отмечает наличие трех основных регуляторных стратегий (запретительной, выжидательной и стимулирующей), указывая на проблему регуляторного арбитража в условиях различий национальных подходов [20]. В перспективе ожидается постепенная конвергенция регуляторных подходов и возрастающая роль технологий

регтех в обеспечении соответствия регуляторным требованиям [10]. Особую значимость приобретает международная координация, поскольку трансграничный характер криптоактивов требует согласованных регуляторных подходов для минимизации рисков и максимизации потенциальных выгод в международных платежах.

Агентская схема предполагает использование посредников (агентов) для осуществления международных платежей. В случае импорта, после заключения контракта с поставщиком из страны Б компания импортер в стране А передает аванс агенту в стране А, далее агент в стране Б перечисляет аванс поставщику. После этого поставщик осуществляет отгрузку товара. При этом деньги границу не переходят. В случае экспорта схема работает аналогичным образом, только в обратную сторону (см. рис. 1).

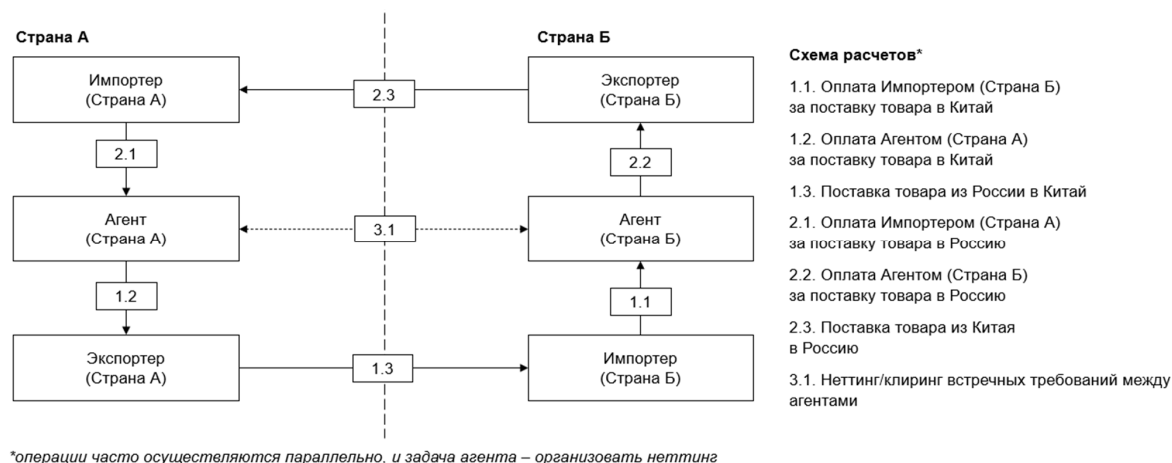

Рисунок 1. Агентская схема международных расчетов

Источник: составлено автором

Ранее роль таких агентов выполняли коммерческие банки, однако с введением санкций и закрытием прямых корреспондентских отношений, вынужденно возникли надстройки над традиционной банковской системой в виде агентов. Данная схема позволяет проводить платежи в условиях отсутствия прямых корреспондентских отношений между банками различных стран. Кроме того, такой схемой могут пользоваться для проведения платежей за санкционную продукцию. Например, Иран активно использует сеть агентов для получения оплаты за углеводороды [9].

Ключевым недостатком данной системы является необходимость клиринга. Клиринг — это взаимозачет требований между участниками агентской / платежной сети.

Так как деньги не перемещаются через границу, между платежными компаниями возникают денежные требования, которые накапливаются по мере осуществления расчетов. Далее агенты-участники одной сети могут осуществить клиринг и списать в равной мере требования друг к другу. Иногда в такой системе могут возникать дисбалансы, например, импорт значительно превосходит экспорт, соответственно, требований по импорту существенно больше, чем по экспорту. Эта проблема решается обращением к агентам с противоположным дисбалансом, которые, например, обслуживают другую страну.

Основой клиринга и осуществления операций в агентских сетях является доверие. Доверие к контрагенту в другой стране

позволяет агенту быть уверенным в том, что в случае перечисления им денежных средств, возникшее требование будет выполнено. Доверие вырабатывается в результате опыта длительных взаимоотношений, поэтому скорость масштабирования агентской сети достаточно низкая. Это было наглядно продемонстрировано после введения анти-российских санкций: банки практически моментально перестали проводить платежи, а агентские расчеты не смогли быстро адаптироваться, что привело к существенным проблемам в международных расчетах.

Проблема доверия может быть решена посредством формирования институтов. Институты представляют собой набор правил с механизмом принуждения, который заставляет эти правила соблюдать [1]. В случае финансового сектора к формальным институтам можно отнести международный арбитражный суд, местное законодательство и исполнительные органы власти, к неформальным - определённые правила, по которым компании взаимодействуют между собой. Однако, очевидно, что агенты из подсанкционных стран будут сталкиваться со сложностями в использовании формальных международных институтов, так как они обычно не готовы работать с подсанкционными лицами. Неформальные же институты гораздо более инертные, что ограничивает возможности по масштабированию связанной агентской сети.

Данная дихотомия институционального обеспечения транзакций в условиях санкционных ограничений приводит к формированию специфической институциональной среды, характеризующейся высокими транзакционными издержками и асимметрией информации. Согласно Норту, институты эволюционируют в направлении снижения неопределённости, однако в контексте санкционного давления наблюдается обратный процесс - деградация существующих институциональных механизмов и фрагментация экономического пространства [14]. Эмпирические исследования демонстрируют, что в условиях отсутствия эффективных формальных институтов экономические агенты склонны к формированию закрытых коалиций, основанных на репутационных механизмах и повторяющихся взаимодействиях, что существенно ограничивает круг потенциальных контрагентов и препятствует

оптимальному распределению ресурсов. Таким образом, институциональная трансформация финансового сектора в условиях санкционных ограничений требует разработки альтернативных механизмов обеспечения доверия, которые могли бы компенсировать дисфункцию международных формальных институтов без критического увеличения транзакционных издержек.

В глобальном масштабе независимые агенты для клиринга обычно используют традиционную банковскую платёжную инфраструктуру. По части платежей они осуществляют неттинг, а остаток переводят между своими счетами через банки-партнеры для выравнивания баланса ликвидности. В настоящее время уйти от традиционных финансовых посредников в виде банков не представляется возможным. Связано это с тем, что страны, которым требуются услуги агентов (чаще всего они относятся к развивающимся или подсанкционным) обладают положительным сальдо внешней торговли со своими партнерами. По этой причине осуществить клиринг внутри агентской сети развивающихся стран не представляется возможным.

В частности, положительное сальдо внешней торговли стран БРИКС составило более 890 млрд долл. в 2023 г., и только у Индии торговый баланс был отрицательным. У Российской Федерации ситуация аналогичная - положительное сальдо в 199 млрд долл. при общем товарообороте в 616 млрд долл.¹ Несмотря на то, что около 80% товарооборота приходится на дружественные страны, проблемы в расчетах возникают и с ними. Банки из дружественных стран опасаются вторичных санкций и отказываются открывать корреспондентские счета санкционным банкам и подключаться к системе СПФС.

В результате агентская схема расчетов также активно используется с дружественными странами. С ними проблема клиринга встает особенно остро, так как а) с большинством из них у России положительное сальдо внешней торговли (см. рис. 2); б) их валюты обладают повышенной волатильностью и / или являются ограниченно конвертируемыми; в) банки из этих стран часто связаны не напрямую, а через западные банки-корреспонденты, что повышает риск остановки транзакций, связанных с РФ. Таким образом, проблема клиринга в агентской системе встает наиболее остро.

¹ ITC, Trademap data, 2024. Электронный ресурс. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 08.11.2024)

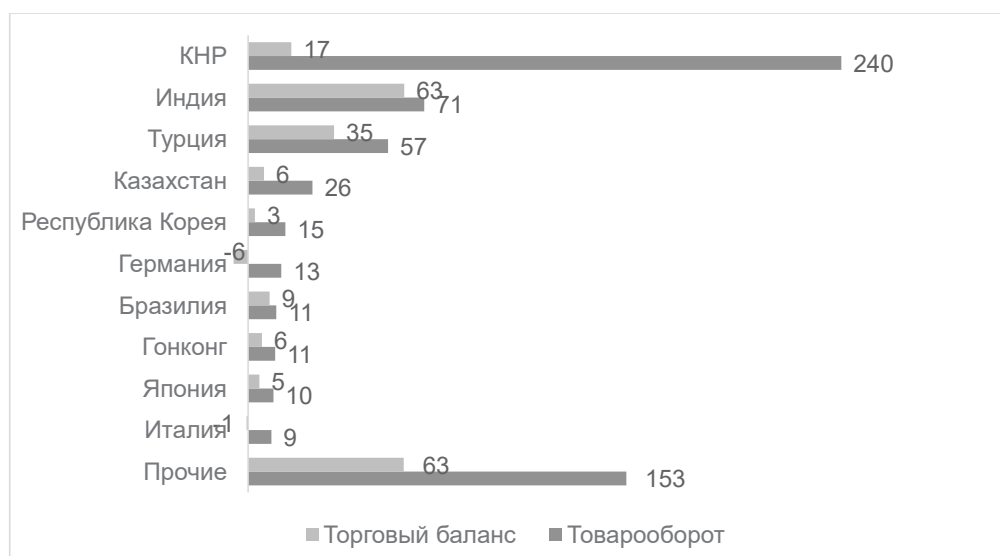

Рис. 2. Сопоставление товарооборота и сальдо внешней торговли России с крупнейшими торговыми партнерами на 2023 г. в млрд долл.

Источник: составлено автором на основе данных TradeMap

Теоретически проблема клиринга в агентской сети решается с помощью криптоактивов. Особенности технологии блокчейн, на которой функционируют криптоактивы могут помочь им выступить в качестве формального надгосударственного института в международных расчетах [15].

В данной статье в отношении криптоактивов мы отталкиваемся от определения ЦБ РФ, в частности «криптоактив – актив, который существует в цифровом виде или является цифровым представлением другого актива и создан с применением технологии распределенных реестров».² Криптоактивы могут быть как привязанными к реальным активам (стейблкоины, токенизированные инструменты), так и нет (токены приложений). Наиболее распространенными (по капитализации) среди них являются токены приложений: Bitcoin, Ethereum, Solana, BNB, а также токенизированный доллар (Tether). Токены приложений отличает большая волатильность, что снижает их удобство для международных расчетов. Поэтому в этой сфере преимущественно пользуются стейблкоинами, привязанными к фиатным валютам [11].

Использование стейблкоинов в международных расчетах стало возможным благодаря тому, что по аналогии с традиционными

платежными системами криптоактивы также представляют собой институты для международных расчетов. Формальными характеристиками институтов являются: наличие определенных правил, а также механизма принуждения [1]. Криптографическая архитектура криптоактивов предполагает наличие жестко зафиксированных правил перевода, хранения и обмена токенами. Помимо этого, эти токены также можно вписать в смарт-контракты, которые после заключения исполняются автоматически вне зависимости от воли сторон. Из-за децентрализации формальный механизм принуждения фактически отсутствует, однако архитектура приложений построена таким образом, чтобы нарушение правил было невыгодным для участников. Обычно это делается с помощью штрафов и комиссий за транзакции, которые принуждают участников сети действовать определенным образом.

Получается, что криптоактивы становятся альтернативным институтом международных платежей. За счет существования общих для всех правил, которые крайне сложно нарушить из-за особенностей архитектуры агенты могут быть уверены в том, что расчеты пройдут без проблем, с фиксированными комиссиями и без мошенничества

² Банк России (2022), Доклад для общественных консультаций «Развитие рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации». Электронный ресурс. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/141992/report_07112022.pdf (дата обращения: 07.07.2024)

со стороны контрагентов. Во многих криптоактивах также отсутствует централизованный контроль, что позволяет избежать предвзятости и прочих подобных ограничений [16]. Можно даже сказать, что передача криптоактива аналогична передаче наличной валюты или товара. Этот обмен не требует вовлечения банков для расчетов, а потому может быть осуществлен, если прямые корреспондентские отношения отсутствуют. Дополнительная надстройка позволяет решить проблему доверия между агентами

в условиях приостановки корреспондентских отношений между банками [7].

В упрощенном формате схема представлена на рисунке 3. Так, после осуществления стандартного агентского расчета, агент страны А, получивший деньги, покупает криптоактивы на криптобирже, переводит их Агенту в стране Б для закрытия требований. Затем агент в стране Б продает эти криптоактивы на криптобирже и получает фиатную валюту. Баланс ликвидности агентов вернулся к изначальному состоянию.

Рис. 3. Схема клиринга с помощью криптоактивов в агентской системе расчетов

Источник: составлено автором

Необходимость присутствия агентов в схеме с использованием криптоактивов обусловлена тем, что в подавляющем большинстве стран банки не имеют права / опасаются взаимодействовать с криптобиржами напрямую. Помимо этого, в развивающихся странах банки часто могут быть санкционными (например, Венесуэла, Иран, Россия, КНДР) в этом случае даже при согласии государственных органов и желании у банка организовать взаимодействие с криптобиржей, это будет невозможно из-за опасений биржи относительно вторичных санкций. Наличие агентов позволяет закрыть данный вопрос. Они могут создавать несвязанные компании, деньги между которыми будут передаваться в наличной валюте или холодных кошельках. Это позволяет избежать публичности и снизить вероятность попадания под санкции.

При этом, важно отметить, что только глобально распространенные криптоактивы могут выступать в качестве института международных расчетов. Именно благодаря своей распространенности и подтвержденной

надежности они могут гарантировать своевременное исполнение расчетов. Прочие локальные истории, например, цифровые валюты центральных банков (далее - ЦВЦБ) или цифровые финансовые активы (далее - ЦФА) в ближайшее время не смогут выступить в качестве института международных расчетов, так как признаются и регулируются они исключительно органами одной / нескольких стран [2, 5]. Это ограничивает доверие со стороны иностранных участников, так как у регулятора сохраняется возможность воздействовать на систему, и может вызывать противодействие со стороны альтернативных платежных институтов (например, SWIFT).

Данное ограничение проистекает из фундаментального институционального противоречия: национальные регуляторы стремятся установить контроль над финансовыми инструментами в рамках своей юрисдикции, что неизбежно снижает их привлекательность как трансграничного средства расчетов. Эмпирические исследования показывают, что институциональное

доверие к финансовому инструменту обратно пропорционально степени его централизованного контроля [13]. В контексте геоэкономической фрагментации глобальной финансовой системы данный феномен приобретает особую значимость. Успешность глобальных криптоактивов обусловлена именно их устойчивостью к регуляторным интервенциям отдельных государств, что формирует своеобразный "институциональный иммунитет" к политическим рискам. При этом ЦВЦБ и ЦФА, несмотря на потенциальные преимущества в скорости и стоимости транзакций, остаются уязвимыми к регуляторным и санкционным воздействиям, что существенно ограничивает их потенциал в качестве инструмента трансграничных расчетов в условиях геополитической напряженности.

Наличие дополнительных посредников, включая агентов и криптобиржи повышает стоимость международных платежей. Каждая из этих систем для функционирования требует определённых ресурсов. Так, если текущая стоимость банковского перевода может составлять от 0,01% до 5% для юридических и физических лиц соответственно, то добавление агентов и криптоактивов в систему может увеличить стоимость вплоть до 10%. Тем не менее в данном случае главное - решение проблемы с международными платежами, а размер комиссий можно переложить в итоговые цены реализации продукции. По мере распространения расчетов с помощью криптоактивов ожидается увеличение размеров транзакций с последующим снижением относительного размера комиссий.

Исследования показывают, что экономическая целесообразность использования криптоактивов в международных расчетах определяется совокупностью факторов, включая транзакционные издержки, скорость осуществления платежей и институциональные барьеры традиционных систем. Согласно эмпирическим данным, наблюдается обратная зависимость между объемом транзакции и относительной величиной комиссии, что подтверждает гипотезу о снижении удельных издержек при масштабировании операций с криптоактивами [17]. При этом необходимо учитывать дополнительные факторы, влияющие на общую эффективность таких систем расчетов. Во-первых, волатильность криптоактивов создает дополнительные риски, которые могут быть хеджированы, но требуют соответствующих финансовых инструментов и экспертизы. Во-вторых, существует проблема асимме-

трии информации между участниками рынка, что может приводить к неоптимальным решениям при выборе инструментов расчетов. В-третьих, регуляторная неопределенность в различных юрисдикциях создает дополнительные транзакционные издержки, связанные с обеспечением комплаенса.

Сфера международных платежей (в т.ч. с помощью криптоактивов) позволяет реализовывать экономию от масштаба. Создание платежной сети предполагает относительно высокие инфраструктурные затраты, последующие же предельные издержки на подключение дополнительных участников стремятся к нулю. Помимо этого, каждый включенный в сеть дополнительный участник усиливает связанность и широту охвата платежной сети. Фактически увеличение количества узлов повышает полезность для каждого отдельного участника сети - создается сетевой эффект [12]. Рост полезности такого рода сетей обычно имеет экспоненциальную зависимость, что усложняет развитие альтернатив и приводит к монополизации.

В традиционной системе международных платежей монополизация проявляется наиболее явно. Так, обмен финансовыми сообщениями долгое время велся с использованием одной системы (SWIFT), а подавляющее большинство расчетов обслуживалось крупнейшими американскими банками-корреспондентами. Формирование этой монополии, с одной стороны, происходило естественно: организация подобной сети потребовала существенных затрат на разработку международных стандартов по обмену финансовыми сообщениями, криптографии для защиты от перехвата и взлома. Кроме того, так как основой корреспондентских отношений является доверие, скорость распространения данной сети была низкой. С другой стороны, поддержание монопольного положения данной сети осуществляется искусственно: против альтернативных сетей вводятся санкции (Иран, Россия), а крупнейшие банки-корреспонденты отказываются присоединяться к другим системам. Подобное монопольное положение в международных платежах открыло западным странам возможность использовать платежную систему как оружие в экономической борьбе.

Избежать усиления одного участника возможно при отсутствии существенных барьеров по включению в сеть и высокой скорости её распространения [18]. Так, если бы подключение крупных участников к вновь

созданной платежной сети происходило моментально, сеть распространялась бы очень быстро, что ускорило бы окупаемость инвестиции в создание платежных сетей и простимулировало бы большее число игроков к инвестициям в данную область. Подобный эффект наблюдается у социальных сетей. За счет фактически моментального подключения новых пользователей, они очень быстро распространяются том числе за счет "сарафанного радио", что позволяет новым игрокам захватывать доли традиционных лидеров. Например, мессенджер «Телеграм» забрал долю «Вконтакте» в области обмена сообщениями.

Основанные на криптоактивах платежные системы де-факто функционируют по аналогии с социальными сетями. У них отсутствует ценз на размер игроков. Создать кошельки можно как со стороны финансовых институтов, так и компаний и физических лиц. Проверки новых участников производятся быстро или вообще не делаются, за счет чего скорость подключения значительно более высокая, чем у традиционных платежных систем. Это дает возможность вновь созданным блокчейн-сетям / токенам быстро расширить охват новых игроков, что позволяет быстро налаживать платежное сообщение между даже самыми отдаленными регионами, где имеется доступ в интернет. Таким образом, развитие крипто платежных систем может помочь побороть монополию западных стран на контроль за международными платежами и сформировать более инклюзивную и справедливую мировую платежную систему.

К дополнительным факторам, способствующим имплементации крипто платежных систем, являются сравнительно низкие комиссии и высокая скорость платежей. Несмотря на то что криптоактивы как способ клиринга в агентской сети являются дополнительной надстройкой, которая также требует оплаты комиссии для функционирования, их использование все ещё дешевле корреспондентских расчетов [6]. Связано это с тем, что блокчейн-сети позволяют связывать платежных агентов напрямую, минуя длинные цепочки банков-корреспондентов особенно для удаленных регионов. В случае блокчейн-сети комиссия платится один раз, а платеж проходит практически мгновенно, тогда как в цепочке банков каждый будет запрашивать уплату комиссии за обработку операции, а её проверка каждым участником занимает дополнительное время.

Ключевым риском увеличения использования криптоактивов является "криптоизация". По аналогии с долларизацией, криптоизация — это феномен денежного обращения, когда криптовалюты начинают широко применяться для операций внутри страны вплоть до полного вытеснения национальной валюты. Происходит это в случае нестабильности национальной валюты, которая обычно связана с высоким уровнем инфляции и одновременным ограничением на хранение и использование иностранной валюты. В качестве примера можно привести Аргентину. Граждане начинают опасаться за сохранность собственных сбережений и, не имея возможности использовать иностранную валюту, начинают хранить свои средства в криптоактивах. Сокращение использования приводит к дальнейшему ослаблению национальной валюты и усиливает тенденции криптоизации. Этот риск необходимо в первую очередь принимать во внимание, имплементируя криптоактивы в международные расчеты на государственном уровне.

Основой для активного распространения и последующего внедрения криптоактивов является регулирование [11]. Наличие регулирования международных платежей с использованием криптоактивов дает участникам внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) возможность развивать данное направления без опасения санкций со стороны регулятора. В то же время отсутствие регулирования порой лучше, чем запретительное или плохо написанное регулирование. Так, в условиях отсутствия регулирования, а соответственно запретов и разрешений на использование криптоактивов, платежные игроки могут на практике трансформировать рынок платежей. Плохо написанное же регулирование за счет нереализуемых регламентов / форм отчетности может запретить использовать криптоактивы не хуже, чем прямой запрет регулятора.

Помимо развития законодательства, важным аспектом государственной политики в области развития криптоплатежей является трансформация дискурса с запретительного на осторожный и с осторожного на инновационный. Связано это с тем, что несмотря на наличие регулирования, банки могут ограничивать имплементацию криптоактивов, основываясь на собственных риск политиках. Ярким примером являются ОАЭ, где регулирование криптоактивов действует уже на протяжении 4 лет, а официальный

банковский канал обмена появился только в 2023 году. Трансформация дискурса должна происходить посредством последовательной разрешительной государственной политики и вербальных интервенций от представителей центрального банка и других регулирующих органов.

Анализ мирового опыта регулирования криптоактивов демонстрирует наличие так называемого "регуляторного градиента" – континуума нормативных подходов от полностью запретительных до прогрессивно стимулирующих [11]. В данном контексте особую значимость приобретает концепция "регуляторной гибкости" (regulatory flexibility), позволяющая адаптировать нормативную базу к стремительно эволюционирующим технологическим инновациям в сфере криптоактивов и сопутствующей инфраструктуры. Исследования показывают, что юрисдикции, имплементирующие принципы "песочниц" и экспериментальных правовых режимов, демонстрируют более эффективное интегрирование криптоактивов в легитимные финансовые экосистемы [10].

Институциональный аспект регулирования криптоактивов требует особого внимания в контексте формирования многоуровневой системы надзора и контроля, балансирующей между императивами финансовой безопасности и стимулированием инноваций. Дифференцированный подход к регулированию различных типов криптоактивов.) позволяет минимизировать системные риски при сохранении потенциала для технологической трансформации платежной инфраструктуры. Как отмечает С. Ядав, ключевой задачей современного регулятора является не столько контроль per se, сколько формирование экосистемы, в которой инновационные финансовые инструменты могут эволюционировать в рамках определенных нормативных параметров, обеспечивающих защиту интересов всех стейкхолдеров.

Перспективным направлением развития регуляторной среды является концепция "технологически нейтрального регулирования" (technology-neutral regulation), при котором нормативные требования фокусируются на экономической сущности и функциональных характеристиках фи-

нансовых инструментов, а не на технологической платформе их реализации. Данный подход позволяет обеспечить долгосрочную устойчивость нормативной базы в условиях перманентной технологической эволюции блокчейн-систем и сопутствующих протоколов [10].

Заключение

Таким образом, использование криптоактивов в агентских схемах международных расчетов позволяет создавать доверие между незнакомыми контрагентами. Это позволяет снижать транзакционные издержки на клиринг и ускоряет расширение агентской сети. Повышение скорости с одновременным снижением издержек для агентов также может положительно отразиться на стоимости трансграничных платежей для участников международной торговли. Тем не менее важно ответить, что используемые токены должны работать в децентрализованной неподконтрольной субъектам санкций сети. В противном случае внедрение криптоактивов в процесс клиринга агентских схем окажется даже не бесполезным, а опасным для функционирования агентских схем.

Говоря о конкретно российской сфере международных расчетов, агентские схемы уже достаточно активно используются для расчётов с удаленными и сложными юрисдикциями, а также с продукцией, попавшей под ограничения. Проблема дисбалансов ликвидности наблюдается у многих некрупных агентов, а также по системе в целом из-за превышения экспорта над импортом и ограничениями на внешние инвестиции. Использование криптоактивов для международных расчетов регулярно декларируется руководителями финансовых институтов³ и участниками ВЭД⁴. В условиях отсутствия регулирования, можно предположить, что криптоактивы используются как раз для клиринга в агентских схемах. Здесь уже могут возникать сложности с доверием участников ВЭД непосредственно к агентам, поэтому внедрение экспериментально-правового режима по расчетам в криптоактивах может стать катализатором решения проблем доверия в системе [4].

³ В «Сбере» поддержали легализацию криптовалют в России // РБК, 2024. Электронный ресурс. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66d6bcc49a794714d969547c> (дата обращения: 15.11.2024)

⁴ Росбанк разработал решения для трансграничных расчетов в криптовалюте // РБК, 2024. Электронный ресурс. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64798fc79a79470249aee3c0> (дата обращения: 15.11.2024)

Критически важным в подготовке и имплементации экспериментально-правового режима является взаимодействие с экспертным сообществом. Руководство криптобирж, обменников, агентов часто разбирается в рынке международных платежей гораздо лучше, чем регуляторы и участники ВЭД. По этой причине для успешной реализации

эксперимента необходимо вовлечение в процесс всех релевантных лиц. Такого рода всесторонние консультации позволят сформировать действительно работающее законодательство и сформировать альтернативный корреспондентским отношениям институт доверия между участниками ВЭД.

Литература:

1. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2013.
2. Данилова Е.А., Маслов А.В. Цифровые валюты в международных расчетах: проект mBridge // ЭКО. 2024. № 3. С. 80–94.
3. Долгов С. И. и др. Возможности противодействия санкциям в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 36-54.
4. Носкова Ю. Б., Лупашко Н. М. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций как способ интеграции национальной экономики Российской Федерации в мировое экономическое пространство // European and Asian Law Review. 2020. № 1. С. 43-50.
5. Рябухин С. Н. и др. Цифровые финансовые активы как инструмент международных расчетов // Мир новой экономики. 2024. Т. 18. № 2. С. 59-68.
6. Bezovski Z., Davcev L., Mitreva M. Current adoption state of cryptocurrencies as an electronic payment method // Management Research and Practice. 2021. Vol. 13. № 1. P. 44-50.
7. Corobana A. Financial international sanctions and cryptocurrencies. Challenges and solutions // European Business Law Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 71-80.
8. Crouzet N., Gupta A., Mezzanotti F. Shocks and technology adoption: Evidence from electronic payment systems // Journal of Political Economy. 2023. Vol. 131. № 11. P. 3003-3065.
9. Fantacci L., Gobbi L. Stablecoins, central bank digital currencies and US dollar hegemony: The geopolitical stake of innovations in money and payments // Accounting, Economics, and Law: A Convivium. 2024. Vol. 14. № 2. P. 173-200.
10. Griffith T., Clancey-Shang D. Cryptocurrency regulation and market quality // Journal of International Financial Markets, Institutions and Money. 2023. Vol. 84. P. 101744.
11. Kochergin D. Crypto-assets: Economic nature, classification and regulation of turnover // International organisations research journal. 2022. Vol. 17. № 3. P. 75-130.
12. Milne A. What is in it for us? Network effects and bank payment innovation // Journal of Banking & Finance. 2006. Vol. 30. № 6. P. 1613-1630.
13. Nakamoto S. Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system. 2008.
14. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge university press, 1990.
15. Priem R. Distributed ledger technology for securities clearing and settlement: benefits, risks, and regulatory implications // Financial Innovation. 2020. Vol. 6. № 1. P. 11.
16. Šilenskytė A., Butkevičienė J., Bartminas A. Blockchain-based connectivity within digital platforms and ecosystems in international business // Journal of International Management. 2024. Vol. 30. № 3. P. 101-109.
17. Skinner C. P. Coins, Cross-Border Payments, and Anti-Money Laundering Law // Harv. J. on Legis. 2023. Vol. 60.
18. Stylianou K. et al. Cryptocurrency competition and market concentration in the presence of network effects // Ledger. 2021. Vol. 6. P. 81-101.
19. Williamson O. E. The institutions of governance // The American economic review. 1998. Vol. 88. № 2. P. 75-79.
20. Yadav S. P. et al. Blockchain-based cryptocurrency regulation: An overview // Computational Economics. 2022. Vol. 59. № 4. P. 1659-1675.

PAYMENTS OF EAEU COUNTRIES IN THE CONTEXT OF GLOBAL CRISES

Introduction. The article considers alternative mechanisms of international settlements, which began to be actively used after the introduction of international sanctions against Russia. The article aims to investigate the usage of cryptoassets as clearing instruments in such mechanisms.

Materials and Methods. The relevance of this study is to consider the theoretical aspects of the infrastructure of international payments, as well as the underlying institution of trust. In addition, the transformation of this institution under the influence of sanctions and digital technologies was analyzed. The methodological basis of the study is based on the institutional approach of A. Auzan, as well as modern studies and cases of cryptoassets application for international payments.

Results. The article substantiates that cryptoassets have transformed the institution of trust underlying the agent-based settlement system. In fact, they became an independent instrument of international payments and clearing, which can potentially be used under sanctions restrictions.

Discussion and Conclusion. The conclusions of the study could be applied in the management of large business structures for the forming the infrastructure of international settlements, as well as by government agencies for the development of regulation of cryptoassets.

Evgeniy D. Manturov,
postgraduate, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

институты, платежная инфраструктура,
международные расчеты, криптоактивы,
санкции, криптоизация.

Keywords:

institutions, payment infrastructure,
international settlements, cryptoassets,
sanctions, cryptoization.

References:

1. Auzan A.A., 2013. *Jekonomika vsego: kak instituty opredelajut nashu zhizn'* [The Economy of Everything: How Institutions Determine Our Life]. Moscow.
2. Danilova E.A., Maslov A.V., 2024. *Cifrovye valjuty v mezhdunarodnyh raschetah: proekt mBridge* [Digital currencies in international settlements: mBridge project]. *ECO [ECO]*. № 3. P. 80–94.
3. Dolgov S. I. et al., 2022. *Vozmozhnosti protivodejstviya sankcijam v mezhdunarodnoj torgovle* [Opportunities to counteract sanctions in international trade]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian foreign economic bulletin]*. №. 4. P. 36–54.
4. Noskova Y. B., Lupashko N. M., 2020. *Jeksperimental'nye pravovye rezhimy v sfere cifrovych innovacij kak sposob integracii nacional'noj jekonomiki Rossijskoj Federacii v mirovoe jekonomicheskoe prostranstvo* [Experimental legal regimes in the field of digital innovation as a way to integrate the national economy of the Russian Federation into the global economic space]. *European and Asian Law Review [European and Asian Law Review]*. № 1. P. 43–50.
5. Ryabukhin S. N. et al., 2024. *Cifrovye finansovye aktivy kak instrument mezhdunarodnyh raschetov* [Digital financial assets as an instrument of international settlements]. *Mir novoj jekonomiki [World of New Economy]*. Vol. 18. № 2. P. 59–68.
6. Bezovski Z., Davcev L., Mitreva M., 2021. *Current adoption state of cryptocurrencies as an electronic payment method*. *Management Research and Practice*. Vol. 13. № 1. P. 44–50.
7. Corobana A., 2022. *Financial international sanctions and cryptocurrencies. Challenges and solutions*. *European Business Law Journal*. Vol. 1. № 1. P. 71–80.
8. Crouzet N., Gupta A., Mezzanotti F., 2023. *Shocks and technology adoption: Evidence from electronic payment systems*. *Journal of Political Economy*. Vol. 131. № 11. P. 3003–3065.
9. Fantacci L., Gobbi L., 2024. *Stablecoins, central bank digital currencies and US dollar hegemony: The geopolitical stake of innovations in money and payments*. *Accounting, Economics, and Law: A Convivium*. Vol. 14. № 2. P. 173–200.
10. Griffith T., Clancey-Shang D., 2023. *Cryptocurrency regulation and market quality*. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. Vol. 84. P. 101744.
11. Kochergin D., 2022. *Crypto-assets: Economic nature, classification and regulation of turnover*. *International organisations research journal*. Vol. 17. № 3. P. 75–130.
12. Milne A., 2006. *What is in it for us? Network effects and bank payment innovation*. *Journal of Banking & Finance*. Vol. 30. № 6. P. 1613–1630.

13. Nakamoto S., 2008. Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system.
14. North D.C., 1990. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge university press.
15. Priem R., 2020. Distributed ledger technology for securities clearing and settlement: benefits, risks, and regulatory implications. *Financial Innovation*. Vol. 6. № 1. P. 11.
16. Šilenskytė A., Butkevičienė J., Bartminas A., 2024. Blockchain-based connectivity within digital platforms and ecosystems in international business. *Journal of International Management*. Vol. 30. № 3. P. 101-109.
17. Skinner C.P., 2023. Coins, Cross-Border Payments, and Anti-Money Laundering Law. *Harv. J. on Legis*. Vol. 60.
18. Stylianou K. et al., 2021. Cryptocurrency competition and market concentration in the presence of network effects. *Ledger*. Vol. 6. P. 81-101.
19. Williamson O.E., 1998. The institutions of governance. *The American economic review*. Vol. 88. № 2. P. 75-79.
20. Yadav S. P. et al., 2022. Blockchain-based cryptocurrency regulation: An overview. *Computational Economics*. Vol. 59. № 4. P. 1659-1675.

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО БИЗНЕСА ТЭК 4.0: НОВОЕ КАЧЕСТВО ЦИФРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Агнесса Иншакова*

Денис Матыцин**

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-183-194

***Введение.** Статья посвящена разработке подхода к управлению устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 и рекомендаций для перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста. Влияние управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на качество цифрового экономического роста в регионах России определяется методом регрессионного анализа. На основе прогрессивного опыта топ-15 регионов России с наиболее высоким качеством экономического роста в 2023 г. составлена экономико-математическая модель. Теоретическая значимость модели в том, что она раскрыла причинно-следственные связи изменения качества цифрового экономического роста в регионах России. Главный результат состоит в разработке подхода к управлению устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0. В соответствии с ним предложены рекомендации по совершенствованию управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0. Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что раскрыта перспектива перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г., что способствует повышению предсказуемости и позволяет усовершенствовать практику планирования и прогнозирования изменения качества цифрового экономического роста в регионах России. Управленческая значимость авторских рекомендаций связана с тем, что они обеспечат переход регионов России к новому качеству цифрового экономического роста.*

* **Иншакова Агнесса Олеговна**, доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Волжского института экономики, педагогики и права, Россия
e-mail: ainshakova@list.ru
ORCID ID: 0000-0001-8255-8160

** **Матыцин Денис Евгеньевич**, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Волжского института экономики, педагогики и права, Россия
e-mail: dmatytsin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4038-4032

Материалы и методы. Влияние управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на качество цифрового экономического роста в регионах России определяется в статье методом регрессионного анализа. Используются новейшие из доступных эмпирических данных, актуальных на 2024 г. В выборку исследования вошли топ-15 регионов России с наиболее высоким качеством экономического роста в 2023 г., согласно рейтингу RIA (2024). Качество экономического роста в регионах России измерено также с помощью ВРП с опорой на статистику Rosstat (2024), на базе которой определен темп экономического роста, и с помощью уровня цифровизации региональной экономики по оценке National Research University Higher School of Economics (2024). В качестве показателя устойчивости развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 выступает объем отгруженной продукции в ТЭК из материалов Rosstat (2024). Методология исследования предполагает проведение факторного анализа каждой из характеристик качества цифрового экономического роста в регионах России (QGRR) от реализации всей совокупности мер управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 (SDFEC4.0). Также составляется прогноз перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста до 2030 г. (до окончания «десятилетия действий») и предлагаются рекомендации по совершенствованию управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 для воплощения этого прогноза на практике.

Результаты исследования. Для определения влияния управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на качество цифрового экономического роста в регионах России проведен регрессионный анализ данных, позволивший составить эконометрическую модель, свидетельствующую о том, что при росте доли бизнес-структур ТЭК 4.0, использующих ERP-системы, на 1% качество жизни повышается на 0,172 балла, темп экономического роста возрастает на 0,803%, устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 увеличивается на 0,017 трлн руб., но уровень цифровизации региональной экономики сокращается на 0,234 балла. На основании предложенной модели разработан подход к управлению устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0, поддерживающий переход регионов России к новому качеству цифрового экономического роста. В этом подходе в качестве главных мер управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 выступает рост активности использования ERP-систем, геоинформационных систем, IoT, облачных сервисов и Больших данных, так как это обеспечивает улучшение половины или более половины качественных характеристик экономического роста в регионах России.

Из системы управленческих мер в авторском подходе исключен рост активности использования AI и цифровых платформ, так как они оказывают негативное влияние на большинство характеристик экономического роста в регионах России. В соответствии с предложенным подходом разработаны рекомендации для перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г.

Обсуждение и заключение. Главным результатом проведенного исследования является разработка подхода к управлению устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0. Теоретическая значимость статьи заключается в том, что с опорой на передовой опыт топ-15 регионов России с наиболее высоким качеством экономического роста в 2023 г. в ней представлена разработанная авторская экономико-математическая модель, раскрывшая причинно-следственные связи изменения данного качества. Предложенные рекомендации по совершенствованию управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 обладают управленческой значимостью, так как способствуют обеспечению перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста. Практическая значимость исследования заключается в том, что в нем раскрытая перспектива перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г., что повышает предсказуемость и позволяет усовершенствовать практику планирования и прогнозирования изменения качества цифрового экономического роста в регионах России.

Введение

Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) охватывает производство и потребление топливо-энергетических ресурсов. Поскольку данные ресурсы критически необходимы для хозяйственной деятельности, функционирование ТЭК во многом определяет экономический рост – как количественно, так и качественно. Непрерывно возрастающая и достигшая к настоящему времени очень высокого уровня глобальная конкуренция стран повысила значимость именно качественных характеристик экономического роста, отражающих выигрыш стран в конкурентной борьбе [1].

Внимание мирового сообщества приковано к качеству экономического роста потому, что опыт последних десятилетий наглядно продемонстрировал, что качественные характеристики экономического роста представляют гораздо большую ценность для хозяйственных систем, чем его количественные характеристики. Россия как одна из наиболее динамично развивающихся стран, в частности, входящей в БРИКС, демонстрировала выдающийся темп экономического роста на протяжении последних десятилетий.

В частности, согласно статистике World Bank (2024b), в 2000 г. темп экономического роста в России составлял 32,57% (ВВП России достиг в 2000 г. 259,71 трлн долл. по сравнению с 195,91 трлн долл. в 1999 г.). В 2022 г. темп экономического роста в России также оказался очень быстрым и составил 22,93% (ВВП России достиг в 2022 г. 2266,03 трлн долл. по сравнению с 1843,39 трлн долл. в 1921 г.).

Количественные характеристики экономического роста России значительно превосходят мировое хозяйство. Так, темп роста мирового ВВП в 2000 г. составлял 3,39% (он достиг в 2000 г. 33839,39 трлн долл. по сравнению с 32731,00 трлн долл. в 1999 г.). В 2022 г. темп роста мирового ВВП остался примерно на этом же уровне и составил 3,79% (он достиг в 2022 г. 101225,06 трлн долл. по сравнению с 97527,03 трлн долл. в 1921 г.) (World Bank, 2024b).

За эти чуть более трех десятилетий доля России в мировом ВВП почти утроилась, составив 2,24% в 2022 г. по сравнению с 0,77% в 2000 г. (World Bank, 2024b). Тем не менее, несмотря на бурный экономический рост и на интенсивную цифровую модернизацию экономики, все это время Россия продолжала оставаться в категории стран с доходами

выше среднемирового уровня, пока большинство стран с высокими доходами вносили гораздо меньший вклад в формирование мирового ВВП. К примеру, в 2022 г. доля ОАЭ в мировом ВВП составила 0,50%, доля Чили: 0,30, доля Дании: 0,39%, а доля Австралии: 1,67% (World Bank, 2024b).

И только в 2024 г. произошел переход из количественного в качественное, при котором Россия перешла в категорию стран с высокими доходами (World Bank, 2024a), что объясняется одноименным законом диалектики. Пример России показывает, что быстрый темп экономического роста не гарантирует высокий уровень жизни населения. Поэтому актуальность для современной экономической науки и практики представляет разработка такого подхода к управлению экономическим ростом, который одновременно будет обеспечивать и его быстрый темп, и его высокое качество.

Влияние ТЭК на экономический рост наиболее отчетливо проявляется на уровне регионов как экономических систем в составе стран. В связи с Четвертой промышленной революцией возник новый экономический феномен – ТЭК 4.0, представляющий собой высокотехнологичное производство [2] и потребление топливо-энергетических ресурсов с применением технологий индустрии 4.0. Учитывая существенные различия в экономической деятельности ТЭК и в уровне цифровизации среди регионов России, изучать ТЭК 4.0 в России целесообразно на уровне региональной экономики.

От устойчивости развития регионально-го бизнеса ТЭК 4.0 зависит темп и качество экономического роста в регионах России [3]. Проблема заключается в несформированности управленческого подхода к обеспечению устойчивого развития регионально-го бизнеса ТЭК 4.0 в России. В стремлении внести вклад в решение поставленной проблемы эта статья ставит перед собой цель разработать подход к управлению устойчивым развитием регионально-го бизнеса ТЭК 4.0 предложить рекомендации для перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста.

Исследование

В основе этого исследования лежит концепция качества экономического роста, в соответствии с которой качество цифрового экономического роста измеряется с позиций уровня цифровизации, качества жизни и темпа экономического роста [8, 11, 13, 16].

Устойчивое развитие регионального бизнеса ТЭК 4.0 предполагает стабильный рост объема сгенерированных и предоставленных потребителям региона топливно-энергетических ресурсов [6, 7, 12].

Проведенный обзор литературы позволил выявить и систематизировать потенциальные управленческие факторы устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0, в числе которых следующие:

1. Использование ERP-систем [9];
2. Применение геоинформационных систем [14];
3. Задействование Интернета вещей – IoT [21];
4. Приложение облачных сервисов [20];
5. Использование искусственного интеллекта – AI [17, 22];
6. Применение Больших данных [5];
7. Задействование цифровых платформ [4].

Тем не менее существующие публикации не объясняют, какое влияние использование перечисленных цифровых технологий в региональном бизнесе ТЭК 4.0 оказывает на качество цифрового экономического роста в регионах, в частности, в России. Это является пробелом в литературе и вызывает следующий исследовательский вопрос: «Какие управленческие факторы устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК

4.0 повышают качество цифрового экономического роста в регионах России?».

Влияние управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на качество цифрового экономического роста в регионах России

Влияние управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на качество цифрового экономического роста в регионах России определяется в этой статье методом регрессионного анализа. В статье используются новейшие из доступных эмпирических данных, актуальных на 2024 г. В выборку исследования вошли топ-15 регионов России с наиболее высоким качеством экономического роста в 2023 г., согласно рейтингу RIA (2024).

Качество экономического роста в регионах России измерено также с помощью ВРП с опорой на статистику Rosstat (2024), на базе которой определен темп экономического роста, и с помощью уровня цифровизации региональной экономики по оценке National Research University Higher School of Economics (2024). В качестве показателя устойчивости развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 выступает объем отгруженной продукции в ТЭК из материалов Rosstat (2024). Качество экономического роста в регионах России охарактеризовано в табл. 1.

Таблица 1.

Качество экономического роста в регионах России

Регион	Индекс качества жизни в 2023 г., баллы 1-100	ВРП в 2020 г., трлн. руб.	ВРП в 2021 г., трлн. руб.	Годовой экономический рост, %	Объем отгруженной продукции в ТЭК в 2022 г., трлн. руб.	Уровень цифровизации в 2022 г., баллы 1-100
	QGRR(1)	-	-	QGRR(2)	QGRR(3)	QGRR(4)
Белгородская область	64,625	0,997	1,355	35,84	0,030	67,13
Воронежская область	64,061	1,063	1,255	18,06	0,144	64,07
Калининградская область	66,175	0,549	0,675	22,88	0,063	63,62
Калужская область	64,622	0,562	0,664	18,20	0,029	59,87
Краснодарский край	74,355	2,667	3,201	20,00	0,126	54,91
Ленинградская область	67,970	1,239	1,481	19,58	0,210	64,99
Липецкая область	61,932	0,618	0,844	36,51	0,028	65,13
Московская область	79,999	5,406	6,832	26,38	0,334	68,27
Нижегородская область	63,955	1,600	1,888	17,98	0,012	62,13
Республика Татарстан	73,757	2,631	3,455	31,29	0,169	70,71
Ростовская область	64,844	1,715	2,017	17,64	0,197	64,39
Самарская область	64,836	1,625	2,123	30,58	0,135	61,62
Свердловская область	93,198	2,513	3,038	20,93	0,277	55,43
Тульская область	62,602	0,713	0,868	21,69	0,060	66,99
Тюменская область	62,699	7,281	11,349	55,89	0,380	68,10

Источник: составлено автором на основе материалов National Research University Higher School of Economics (2024), RIA (2024), Rosstat (2024).

Статистика управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 взята за 2022 г. из материалов

National Research University Higher School of Economics (2024) и приведена в табл. 2.

Таблица 2.
Доля бизнес-структур 4.0, использующих цифровые технологии в регионах России в 2022 г., %

Регион	ERP-системы	Геоинформационные системы	Интернет вещей (IoT)	Облачные сервисы	Искусственный интеллект (AI)	Большие данные	Цифровые платформы
	SDFEC4.0(1)	SDFEC4.0(2)	SDFEC4.0(3)	SDFEC4.0(4)	SDFEC4.0(5)	SDFEC4.0(6)	SDFEC4.0(7)
Белгородская область	16,1	15,7	14	30,9	7,9	26,4	16,4
Воронежская область	16,5	13	12,4	27,4	6,3	21,9	13,9
Калининградская область	10,8	13,5	13,1	23,6	4,5	27,5	14,0
Калужская область	16,8	12,1	15,7	31,2	8,5	23,3	15,6
Краснодарский край	13,2	12,4	15,1	24,6	6,6	30,1	16,3
Ленинградская область	15,0	15,4	16,9	29,3	6,0	33,2	17
Липецкая область	15,7	15,7	12,7	28,2	6,7	24	14,9
Московская область	20,8	12,6	21,9	32,2	10,6	30,3	21,8
Нижегородская область	17,1	12,4	12,1	31,3	5,2	24,7	13,8
Республика Татарстан	13,9	14,0	15,2	35,3	6,2	28	18,3
Ростовская область	12,7	13,1	13,4	25,5	5,3	27,1	14
Самарская область	16,7	13,1	14,2	26,7	6,2	25,5	15,7
Свердловская область	15,9	13,7	15,4	28,7	6,1	33,5	16,6
Тульская область	15,8	13,7	16,2	24,6	7,1	29,8	20,2
Тюменская область	15,8	15,6	15,8	25,4	5,9	30,2	15,6

Источник: составлено автором на основе материалов National Research University Higher School of Economics (2024).

Методология этого исследования предполагает проведение факторного анализа каждой из характеристик качества цифрового экономического роста в регионах России (QGRR) от реализации всей совокупности мер управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 (SDFEC4.0). Также составляется прогноз перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста до 2030 г. (до окончания «десятилетия действий») и предлага-

ются рекомендации по совершенствованию управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 для воплощения этого прогноза на практике.

Для определения влияния управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на качество цифрового экономического роста в регионах России проведен регрессионный анализ данных из табл. 1-2, позволивший составить следующую эконометрическую модель:

$$\begin{aligned}
 QG_{RR(1)} &= 22,417 + 0,172 * SD_{FEC4.0(1)} - 3,220 * SD_{FEC4.0(2)} - 2,760 * SD_{FEC4.0(3)} + \\
 &+ 0,920 * SD_{FEC4.0(4)} + 3,936 * SD_{FEC4.0(5)} + 3,311 * SD_{FEC4.0(6)} - 0,908 * SD_{FEC4.0(7)}; \\
 QG_{RR(2)} &= -47,176 + 0,803 * SD_{FEC4.0(1)} + 6,666 * SD_{FEC4.0(2)} + 3,061 * SD_{FEC4.0(3)} - \\
 &- 0,448 * SD_{FEC4.0(4)} - 2,715 * SD_{FEC4.0(5)} - 1,522 * SD_{FEC4.0(6)} - 0,219 * SD_{FEC4.0(7)}; \\
 QG_{RR(3)} &= -0,525 + 0,017 * SD_{FEC4.0(1)} + 0,014 * SD_{FEC4.0(2)} + 0,066 * SD_{FEC4.0(3)} - \\
 &- 0,002 * SD_{FEC4.0(4)} - 0,053 * SD_{FEC4.0(5)} + 0,003 * SD_{FEC4.0(6)} - 0,028 * SD_{FEC4.0(7)}; \\
 QG_{RR(4)} &= 40,096 - 0,234 * SD_{FEC4.0(1)} + 2,539 * SD_{FEC4.0(2)} + 2,488 * SD_{FEC4.0(3)} + \\
 &+ 0,204 * SD_{FEC4.0(4)} - 3,733 * SD_{FEC4.0(5)} - 1,854 * SD_{FEC4.0(6)} + 1,571 * SD_{FEC4.0(7)}.
 \end{aligned}
 \tag{1}$$

Модель (1) свидетельствует о том, что при росте доли бизнес-структур ТЭК 4.0, использующих ERP-системы, на 1% качество жизни повышается на 0,172 балла, темп экономического роста возрастает на 0,803%, устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 увеличивается на 0,017 трлн руб., но уровень цифровизации региональной экономики сокращается на 0,234 балла.

Повышение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, применяющих геоинформационные системы, на 1% ускоряет темп экономического роста на 6,666%, повышает устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на 0,014 трлн руб., наращивает уровень цифровизации региональной экономики на 2,539 балла, но при этом снижает качество жизни на 3,220 балла.

Увеличение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, задействующих IoT, на 1% ускоряет темп экономического роста на 3,061%, повышает устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на 0,066 трлн руб., увеличивает уровень цифровизации региональной экономики на 2,488 балла, но при этом снижает качество жизни на 2,760 балла.

При росте доли бизнес-структур ТЭК 4.0, прилагающих к своей деятельности облачные сервисы, на 1% качество жизни повышается на 0,920 балла, уровень цифровизации

региональной экономики возрастает на 0,204 балла, но при этом темп экономического роста замедляется на 0,448% и устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 сокращается на 0,002 трлн руб.

Повышение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, использующих AI, на 1% повышает качество жизни на 3,936 балла, но при этом снижает темп экономического роста на 2,715%, снижает устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на 0,053 трлн руб. и уменьшает уровень цифровизации региональной экономики на 3,733 балла.

Увеличение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, применяющих Большие данные, на 1% повышает качество жизни на 3,311 балла и повышает устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на 0,003 трлн руб., но при этом замедляет темп экономического роста на 1,522% и снижает уровень цифровизации региональной экономики на 1,854 балла.

Наращение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, задействующих цифровые платформы, на 1% повышает уровень цифровизации региональной экономики на 1,571 балла, но при этом снижает качество жизни на 0,908 балла, замедляет темп экономического роста на 0,219% и понижает устойчивость развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на 0,028 трлн руб.

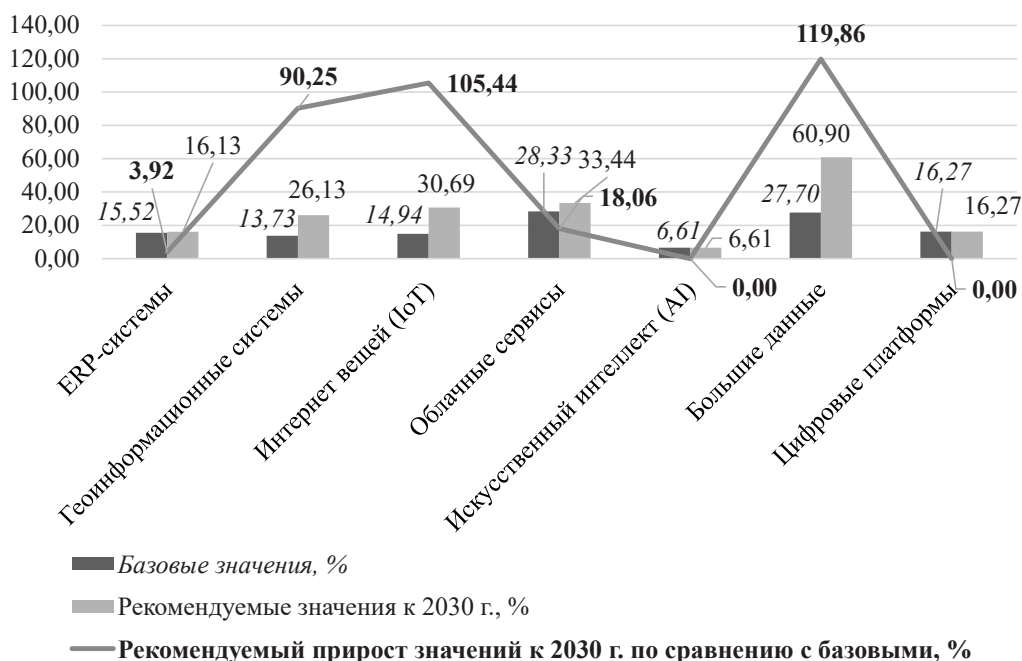

Рисунок 1. Рекомендации для перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г.

Источник: рассчитано и построено автором.

На основании модели (1) разработан подход к управлению устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0, поддерживающий переход регионов России к новому качеству цифрового экономического роста. В этом подходе в качестве главных мер управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 выступает рост активности использования ERP-систем, геоинформационных систем, IoT, облачных сервисов и Больших данных, так как это обеспечивает улучшение половины или более половины качественных характеристик экономического роста в регионах России.

Из системы управленческих мер в авторском подходе исключен рост активности использования AI и цифровых платформ, так как они оказывают негативное влияние на большинство характеристик экономического роста в регионах России. В соответствии с предложенным подходом разработаны рекомендации для перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г. (рис. 1).

Согласно рис. 1, рекомендации по совершенствованию управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0

в регионах России в период до 2030 г. в соответствии с авторским управленческим подходом включают в себя:

- рост доли бизнес-структур ТЭК 4.0, использующих ERP-системы, на 3,92% (с 15,52% в 2022 г. до 16,13% к 2030 г.);
- повышение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, применяющих геоинформационные системы, на 90,25% (с 13,73% в 2022 г. до 26,13% к 2030 г.);
- увеличение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, задействующих IoT, на 105,44% (с 14,94% в 2022 г. до 30,69% к 2030 г.);
- рост доли бизнес-структур ТЭК 4.0, прилагающих к своей деятельности облачные сервисы, на 18,06% (с 28,33% в 2022 г. до 33,44% к 2030 г.);
- увеличение доли бизнес-структур ТЭК 4.0, применяющих Большие данные, на 119,86% (с 27,70% в 2022 г. до 60,90% к 2030 г.).

Составленный с учетом успешной практической реализации предложенных рекомендаций прогноз перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста до 2030 г. (до окончания «десятилетия действий») показан на рис. 2.

Рисунок 2. Перспектива перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г.

Источник: рассчитано и построено автором.

Как показано на рис. 2, совершенствование управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 открывает перспективу перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г., благодаря которому будет достигнуто:

- повышение качества жизни на 45,68% (с 68,64 баллов в 2023 г. до 100,00 баллов к 2030 г.);
- ускорение темпа экономического роста на 299,30% (с 26,23% в 2022 г. до 104,74% к 2030 г.);
- увеличение устойчивости развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на 907,05% (с 0,15 трлн руб. в 2022 г. до 1,47 трлн руб. к 2030 г.);
- Рост уровня цифровизации региональной экономики на 15,67% (с 63,82 баллов в 2022 г. до 73,83 баллов к 2030 г.).

Статья ответила на поставленный исследовательский вопрос и вносит вклад в литературу [8, 11, 13, 16], относящуюся к концепции качества экономического роста, через уточнение влияния управленческих факторов устойчивого развития регионального бизнеса ТЭК 4.0 на качество цифрового экономического роста в регионах России.

Подтверждено положительное влияние на качество цифрового экономического роста в регионах России таких управленческих факторов, как применение в бизнесе ТЭК 4.0 ERP-систем (в доказательство [9]), геоинформационных систем (в доказательство [14]), IoT (в доказательство [21]), облачных сервисов (в доказательство [20]) и Больших данных (в доказательство [5]).

Установлено в целом негативное влияние на качество цифрового экономического

роста в регионах России таких управленческих факторов, как применение в бизнесе ТЭК 4.0 AI (в опровержение [17, 22]) и цифровых платформ (в опровержение [4]). Благодаря этому статья продолжила международную научную дискуссию [6,7, 12] по вопросам управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0.

Заключение

Итак, главным результатом проведенного исследования является разработка подхода к управлению устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0. Теоретическая значимость статьи заключается в том, что с опорой на передовой опыт топ-15 регионов России с наиболее высоким качеством экономического роста в 2023 г. в ней представлена разработанная авторская экономико-математическая модель, раскрывшая причинно-следственные связи изменения данного качества.

Полагаем, что предложенные рекомендации по совершенствованию управления устойчивым развитием регионального бизнеса ТЭК 4.0 обладают управленческой значимостью, так как обеспечат переход регионов России к новому качеству цифрового экономического роста. Практическая значимость исследования заключается в том, что в нем раскрыта перспектива перехода регионов России к новому качеству цифрового экономического роста к 2030 г., что повышает предсказуемость и позволяет усовершенствовать практику планирования и прогнозирования изменения качества цифрового экономического роста в регионах России.

Литература:

1. Иншакова А.О., Матыцин Д.Е., Балтутите И.В. Дистанционное инвестиционное предпринимательство в условиях цифровой трансформации: правовое регулирование и рынок высшего образования // Информационное общество. 2024. № 3. С. 21-29.
2. Иншакова, А.О., Иншакова, Е.И. Новые технологии для инклюзивного и устойчивого роста: технологическое обеспечение, стандарты и коммерческий оборот // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 195–205.
3. Рыженков, Д.Е., Матыцин Д.Е. Цифровизация "зеленой" экономики: правовой аспект // Право и цифровая экономика. 2023. № 1(19). С. 53-59.
4. Arkin, P., Abushova, E., Bondarenko, V., Przdetksaya, N. The concept of "smart cities": Prospects for the telecommunications business and the current trend in the development of modern society // Lecture Notes in Computer Science. 12526 LNCS. 2020. P. 308-317. DOI: 10.1007/978-3-030-65729-1_26
5. Asiri, A.M., Al-Somali, S.A., Maghrabi, R.O. The Integration of Sustainable Technology and Big Data Analytics in Saudi Arabian SMEs: A Path to Improved Business Performance // Sustainability (Switzerland). № 16(8). 3209. 2024. DOI: 10.3390/su16083209

6. Bogoviz, A.V., Lobova, S.V., Ragulina, Y.V., Alekseev, A.N. A comprehensive analysis of energy security in the member states of the Eurasian economic union, 2000-2014 // International Journal of Energy Economics and Policy. № 7(5). 2017. P. 93-101.
7. Burkhanov, A.U., Tursunov, B., Uktamov, K., Usmonov, B. Econometric analysis of factors affecting economic stability of chemical industry enterprises in digital era: in case of Uzbekistan // ACM International Conference Proceeding Series. 2022. P. 484-490.
8. Dotsenko, E., Galoyan, D., Burdenko, E., Mudrova, S. Structural Inertia as a Constraint for Sustainable Development and Interregional Differences in Quality of Life Reducing // E3S Web of Conferences. № 174, 04041. 2020.
9. Galoyan, D., Mkrtchyan, T., Hrosul, V., Smirnova, P., Balamut, H. Formation of Adaptation Strategy for Business Entities in the Context of Digital Transformation of the Economy // Review of Economics and Finance. № 21(1). 2023. P. 616-621.
10. Gulnora, A. Financial development and renewable energy consumption // Economic Growth and Wellbeing: Evidence from the Belt and Road Initiative Countries. 2022. P. 35-53.
11. Inshakova, A.O., Sozinova, A.A., Litvinova, T.N. Corporate fight against the covid-19 risks based on technologies of industry 4.0 as a new direction of social responsibility // Risks. № 9(12). 212. 2021. DOI: 10.3390/risks9120212
12. Karlibaeva, R.H., Nyangarika, A. Overview of investments in the energy and aluminum markets // Renewable Energy Investments for Sustainable Business Projects. 2023. P. 153-164. DOI: 10.1108/978-1-80382-883-120231012
13. Kurbonov, K., Makhmudov, S., Mamadiyrov, Z., Khamdamov, S.-J., Karlibaeva, R., Samadov, A., Djalilov, F. The Impact of Digital Technologies on Economic Growth in the Example of Central Asian and European Countries // ACM International Conference Proceeding Series. 2023. P. 403-409. DOI: 10.1145/3644713.3644770
14. Mkrtchyan, F.A. Features of the Geoinformation Monitoring System Using Microwave and Optical Tools // Journal of Environmental and Earth Sciences. № 6(2). 2024. P. 17-28. DOI: 10.30564/jees.v6i2.6325
15. National Research University Higher School of Economics. Digital Economy Indicators in the Russian Federation: 2022: Data Book, Moscow: HSE, 2023. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf>.
16. Popkova, E.G., Bogoviz, A.V., Lobova, S.V., Romanova, T.F. The essence of the processes of economic growth of socio-economic systems // Studies in Systems, Decision and Control. № 135. 2018. P. 123-130. DOI: 10.1007/978-3-319-72613-7_10
17. Revathi, P., Senthilkumar, K., Kumar, K.S.A. AI Assistance in Circular Business Models for Sustainable Development in India // Proceedings of 2024 International Conference on Science, Technology, Engineering and Management, ICSTEM 2024. DOI: 10.1109/ICSTEM61137.2024.10560744
18. RIA. Рейтинг российских регионов по качеству жизни - 2023. URL: <https://ria.ru>.
19. Rosstat - 2024. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru>.
20. Sethi, I.S., Shrivastava, M., Goyal, D. Implementation of cloud computing towards Secure Online Auction for sustainable future of business // ACM International Conference Proceeding Series. № 124. 2023. DOI: 10.1145/3647444.3647951.
21. Tondro, M., Jahanbakht, M. Utilizing IoT Technological Innovation by Startup Businesses for Sustainable Smart Transportation in Developing Countries // 2023 IEEE Conference on Technologies for Sustainability, SusTech 2023. P. 293-298. DOI: 10.1109/SusTech57309.2023.10129642
22. Vanchukhina, L.I., Andronova, I.V., Sysoev, O.E., Smetanina, A.I. The Mechanism of Innovative Development of Agribusiness Based on AI, Big Data, and IoT for Transitioning to Expanded Reproduction in AgroTech // AgroTech: AI, Big Data, IoT. 2022. P. 241-247. DOI: 10.1007/978-981-19-3555-8_25
23. World Bank. Country classifications by income level for 2024-2025: Russia moved from the upper-middle-income to the high-income category. 2024a. URL: <https://blogs.worldbank.org>.
24. World Bank. GDP (current US\$). 2024b. URL: <https://data.worldbank.org>.

MANAGING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONAL BUSINESS TEK 4.0 FOR TRANSITION OF RUSSIAN REGIONS TO A NEW QUALITY OF DIGITAL ECONOMIC GROWTH

Introduction. The article is devoted to the development of an approach to the management of sustainable development of regional business TEK 4.0 and recommendations for the transition of Russian regions to a new quality of digital economic growth. The influence of management factors of sustainable

development of regional business of fuel and energy complex 4.0 on the quality of digital economic growth in Russian regions is determined by regression analysis. Based on the progressive experience of the top-15 regions of Russia with the highest quality of economic growth in 2023, an economic and mathematical model

is compiled. The theoretical significance of the model is that it revealed the cause-and-effect relationships of changes in the quality of digital economic growth in the regions of Russia. The main result consists in the development of an approach to the management of sustainable development of regional business TEK 4.0. In accordance with it, recommendations for improving the management of sustainable development of regional business FEC 4.0 are proposed. The practical significance of the research results consists in the fact that the disclosed prospect of transition of Russian regions to a new quality of digital economic growth by 2030, which contributes to the predictability and allows to improve the practice of planning and forecasting of changes in the quality of digital economic growth in Russian regions. The managerial significance of the author's recommendations is associated with the fact that they will ensure the transition of Russian regions to a new quality of digital economic growth.

Materials and methods. The influence of managerial factors of sustainable development of regional business TEK 4.0 on the quality of digital economic growth in Russian regions is determined in the article by regression analysis. The latest available empirical data relevant for 2024 are used. The study sample includes the top 15 Russian regions with the highest quality of economic growth in 2023, according to the RIA rating (2024). The quality of economic growth in Russia's regions is also measured by GRP based on Rosstat statistics (2024), on the basis of which the economic growth rate is determined, and by the level of digitalization of the regional economy as assessed by the National Research University Higher School of Economics (2024). The volume of shipped products in the fuel and energy sector from the materials of Rosstat (2024) acts as an indicator of sustainability of regional business development of FEC 4.0. The methodology of the study involves a factor analysis of each of the characteristics of the quality of digital economic growth in Russian regions (QGRR) from the implementation of the totality of measures to manage the sustainable development of regional business of fuel and energy complex 4.0 (SDFEC4.0). The forecast of the Russian regions' transition to the new quality of digital economic growth until 2030 (before the end of the "decade of action") is also prepared and recommendations for improving the management of sustainable development of regional business of fuel and energy complex 4.0 are offered to put this forecast into practice.

Results of the study. In order to determine the influence of management factors of sustainable development of regional business of fuel and energy complex 4.0 on the quality of digital economic growth in Russian regions, the regression analysis of data was conducted, which made it possible to compile an econometric model indicating that when the share of

ing ERP-systems increases by 1%, the quality of life increases by 0.172 points, the rate of economic growth increases by 0.803%, the sustainability of regional business of fuel and energy complex 4.0 increases by 0.017 trillion rubles, but the level of digitalization of the regional economy decreases by 0.234 points, but the level of digitalization of the regional economy decreases by 0.234 points. Based on the proposed model, we have developed an approach to managing the sustainable development of regional business of FEC 4.0 that supports the transition of Russian regions to a new quality of digital economic growth. In this approach, the main measures for managing the sustainable development of regional business of fuel and energy complex 4.0 are the increase in the use of ERP-systems, geographic information systems, IoT, cloud services and Big Data, as it ensures the improvement of half or more than half of the qualitative characteristics of economic growth in Russian regions.

The author's approach excludes from the system of management measures the increase in the use of AI and digital platforms, as they have a negative impact on most characteristics of economic growth in Russian regions. In accordance with the proposed approach, recommendations have been developed for the transition of Russian regions to a new quality of digital economic growth by 2030.

Discussion and conclusion. The main result of the conducted research is the development of an approach to the management of sustainable development of regional business TEK 4.0. The theoretical significance of the article lies in the fact that based on the best practices of the top-15 regions of Russia with the highest quality of economic growth in 2023, it presents the author's developed economic and mathematical model that reveals the cause-and-effect relationships of changes in this quality. The proposed recommendations for improving the management of sustainable development of regional business TEK 4.0 have managerial significance, as they help to ensure the transition of Russian regions to a new quality of digital economic growth. The practical significance of the study lies in the fact that it reveals the prospect of transition of Russian regions to a new quality of digital economic growth by 2030, which increases predictability and allows to improve the practice of planning and forecasting of changes in the quality of digital economic growth in Russian regions.

Agnessa O. Inshakova,
Doctor of Sciences (Law), Professor, Senior
Researcher, Volga Institute of Economics,
Pedagogy and Law, Russia

Denis E. Matytsin, Doctor of Sciences (Law),
Candidate of Sciences (Economics), Senior
Researcher, Volga Institute of Economics,
Pedagogy and Law, Russia

Ключевые слова:

региональное управление, устойчивое развитие, региональный бизнес, ТЭК 4.0, переход к новому качеству экономического роста, качество цифрового экономического роста, регионы России.

Keywords:

regional management, sustainable development, regional business, fuel and energy complex 4.0, transition to a new quality of economic growth, quality of digital economic growth, Russian regions.

References:

1. Inshakova, A.O., Matytsin, D.E., Baltutite, I.V., 2024. Distantcionnoe investitsionnoe predprinimatel'stvo v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: pravovoe regulirovanie i rynek vysshego obrazovaniya [Distance investment entrepreneurship in the conditions of digital transformation: legal regulation and the market of higher education]. *Informatsionnoe obshchestvo [Information Society]*. № 3. С. 21-29.
2. Inshakova, A.O., Inshakova, E.I., 2022. Novye tekhnologii dlya inkluzivnogo i ustoichivogo rosta: tekhnologicheskoe obespechenie, standarty i kommercheskii oborot [New technologies for inclusive and sustainable growth: technological support, standards and commercial turnover]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma [Legal Concept = Legal Paradigm]*. Vol. 21. № 2. S. 195-205.
3. Ryzhenkov, D.E., Matytsin D.E., 2023. Tsifrovizatsiya "zelenoi" ekonomiki: pravovoi aspekt [Digitalization of "green" economy: the legal aspect]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika [Law and Digital Economy]*. 2023. №1 (19). S. 53-59.
4. Arkin, P., Abushova, E., Bondarenko, V., Przdetskaya, N., 2020. The concept of "smart cities": Prospects for the telecommunications business and the current trend in the development of modern society. *Lecture Notes in Computer Science. 12526 LNCS. P. 308-317. DOI: 10.1007/978-3-030-65729-1_26*
5. Asiri, A.M., Al-Somali, S.A., Maghrabi, R.O., 2024. The Integration of Sustainable Technology and Big Data Analytics in Saudi Arabian SMEs: A Path to Improved Business Performance. *Sustainability (Switzerland)*. № 16(8), 3209. DOI: 10.3390/su16083209
6. Bogoviz, A.V., Lobova, S.V., Ragulina, Y.V., Alekseev, A.N., 2017. A comprehensive analysis of energy security in the member states of the Eurasian economic union, 2000-2014. *International Journal of Energy Economics and Policy*. № 7(5). P. 93-101.
7. Burkhanov, A.U., Tursunov, B., Uktamov, K., Usmonov, B., 2022. Econometric analysis of factors affecting economic stability of chemical industry enterprises in digital era: in case of Uzbekistan. *ACM International Conference Proceeding Series*. P. 484-490.
8. Dotsenko, E., Galoyan, D., Burdenko, E., Mudrova, S., 2020. Structural Inertia as a Constraint for Sustainable Development and Interregional Differences in Quality of Life Reducing. *E3S Web of Conferences*. № 174, 04041.
9. Galoyan, D., Mkrtchyan, T., Hrosul, V., Smirnova, P., Balamut, H., 2023. Formation of Adaptation Strategy for Business Entities in the Context of Digital Transformation of the Economy. *Review of Economics and Finance*. № 21(1). P. 616-621.
10. Gulnora, A., 2022. Financial development and renewable energy consumption. *Economic Growth and Wellbeing: Evidence from the Belt and Road Initiative Countries*. P. 35-53.
11. Inshakova, A.O., Sozinova, A.A., Litvinova, T.N., 2021. Corporate fight against the covid-19 risks based on technologies of industry 4.0 as a new direction of social responsibility. *Risks*. № 9(12), 212. DOI: 10.3390/risks9120212
12. Karlibaeva, R.H., Nyangarika, A., 2023. Overview of investments in the energy and aluminum markets. *Renewable Energy Investments for Sustainable Business Projects*. P. 153-164. DOI: 10.1108/978-1-80382-883-120231012
13. Kurbonov, K., Makhmudov, S., Mamadiyrov, Z., Khamdamov, S.-J., Karlibaeva, R., Samadov, A., Djalilov, F., 2023. The Impact of Digital Technologies on Economic Growth in the Example of Central Asian and European Countries. *ACM International Conference Proceeding Series*. P. 403-409. DOI: 10.1145/3644713.3644770
14. Mkrtchyan, F.A., 2024. Features of the Geoinformation Monitoring System Using Microwave and Optical Tools. *Journal of Environmental and Earth Sciences*. № 6(2). P. 17-28. DOI: 10.30564/jees.v6i2.6325
15. National Research University Higher School of Economics, 2024. Digital Economy Indicators in the Russian Federation: 2022: Data Book, Moscow: HSE, 2023. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf>.
16. Popkova, E.G., Bogoviz, A.V., Lobova, S.V., Romanova, T.F., 2018. The essence of the processes of economic growth of socio-economic systems. *Studies in Systems, Decision and Control*. № 135. P. 123-130. DOI: 10.1007/978-3-319-72613-7_10
17. Revathi, P., Senthilkumar, K., Kumar, K.S.A., 2024. AI Assistance in Circular Business Models for Sustainable Development in India. *Proceedings of 2024 International Conference on Science, Technology, Engineering and Management, ICSTEM 2024*. DOI: 10.1109/ICSTEM61137.2024.10560744
18. RIA, 2024. Рейтинги российских регионов по качеству жизни - 2023. URL: <https://ria.ru>.
19. Rosstat, 2024. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru>.

20. Sethi, I.S., Shrivastava, M., Goyal, D., 2023. Implementation of cloud computing towards Secure Online Auction for sustainable future of business. *ACM International Conference Proceeding Series*. № 124. DOI: 10.1145/3647444.3647951
21. Tondro, M., Jahanbakht, M., 2023. Utilizing IoT Technological Innovation by Startup Businesses for Sustainable Smart Transportation in Developing Countries. *2023 IEEE Conference on Technologies for Sustainability, SusTech 2023*. P. 293–298. DOI: 10.1109/SusTech57309.2023.10129642
22. Vanchukhina, L.I., Andronova, I.V., Sysoev, O.E., Smetanina, A.I., 2022. The Mechanism of Innovative Development of Agribusiness Based on AI, Big Data, and IoT for Transitioning to Expanded Reproduction in AgroTech. *AgroTech: AI, Big Data, IoT. P.* 241-247. DOI: 10.1007/978-981-19-3555-8_25
23. World Bank, 2024a. Country classifications by income level for 2024-2025: Russia moved from the upper-middle-income to the high-income category. URL: <https://blogs.worldbank.org>.
24. World Bank, 2024b. GDP (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org>.

СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БРИКС+ КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА БЫСТРОРАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Анастасия Чикова*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-195-206

Введение. В условиях глобальных трансформаций, вызванных экономическими кризисами, изменениями в международной политике и процессами деглобализации, формирование нового многополярного мирового порядка становится одной из ключевых тенденций. Межгосударственное объединение БРИКС+, включающее такие страны, как Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, Египет, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Иран и Эфиопия, играет важную роль в этом процессе. БРИКС+ становится альтернативой традиционным западным институтам, предлагая новые подходы к экономическому сотрудничеству, дедолларизации и созданию альтернативных платежных систем. Цель данного исследования заключается в оценке влияния БРИКС+ на глобальную экономическую архитектуру и определении текущих вызовов, связанных с расширением данного межгосударственного объединения.

Материалы и методы. В настоящем исследовании использованы данные из открытых источников, включая статистические отчеты, аналитические материалы международных организаций, а также публикации в научных изданиях. Для анализа экономических показателей стран-участниц БРИКС+ применялись методы сравнительного анализа, включая сопоставление данных по ВВП, объемам торговли и энергетическим ресурсам. Также были рассмотрены инициативы БРИКС+ в области дедолларизации и создания альтернативных платежных систем. Особое внимание уделено процессам расширения объединения и его влиянию на глобальную экономическую архитектуру.

Результаты исследования. Расширение БРИКС+ и его экономические успехи ставят под сомнение доминирование традиционных западных институтов, таких как Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ). Однако внутренние разногласия между странами-участницами, такие как напряженность между Китаем и Индией или Саудовской Аравией и Ираном, могут затруднить достижение консенсуса по ключевым вопросам. Кроме того, различия в уровне экономического развития и политических систем требуют более гибкого подхода к координации сотрудничества. Несмотря на эти

* **Чикова Анастасия Евгеньевна**, преподаватель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: nastya.chikova@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0009-7774-911X

вызовы, БРИКС+ обладает значительным потенциалом для укрепления своей роли в глобальной экономике. Инициативы по дедолларизации и созданию альтернативных платежных систем могут стать важным шагом к формированию новой финансовой архитектуры, независимой от западных институтов. Расширение сотрудничества с региональными блоками, такими как ЕАЭС, АСЕАН и МЕРКОСУР, также открывает новые возможности для экономического роста и интеграции.

Обсуждение и заключение. БРИКС+ становится важным игроком на мировой арене, предлагая альтернативу традиционным западным институтам и способствуя формированию многополярного мирового порядка. Расширение объединения и рост экономических показателей свидетельствуют о его растущем влиянии. Однако для дальнейшего успеха странам-участницам необходимо укреплять координацию и находить компромиссы по ключевым вопросам. В условиях глобальной экономической нестабильности БРИКС+ может стать платформой для гармоничного взаимодействия стран Глобального Юга и противодействия гегемонии западных держав.

Введение

До недавнего времени в мировом развитии можно было наблюдать две разнонаправленные тенденции: глобализацию и деглобализацию. Кризис 2008 года, а также экономические потрясения 2014 года продемонстрировали, что процессы глобализации привели к формированию нестабильной экономической системы, подверженной кризисам. Это был период доминирования либеральной стратегии экономической политики, сопровождавшейся дерегулированием финансовых рынков и созданием однополярного мира во главе с США.

В настоящее время наблюдается замедление процессов глобализации и усиление эффектов регионализации. Происходит трансформация мирового порядка в сторону многополярности, что становится одной из ключевых тенденций глобального развития. Переход от глобальных проектов к более локализованным стал очевиден еще в начале 2022 года. Санкционная политика, введенная США и рядом европейских стран с 24 февраля, привела к еще более выраженной регионализации международных отношений.

В текущих условиях наблюдается снижение роли глобальных институтов и объединений, в то время как значение региональных блоков лишь возрастает. Крупные

развивающиеся экономики оказывают все более заметное влияние на международные экономические процессы и начинают формировать альтернативы западным институтам.

В основе данной тенденции лежит межгосударственное объединение БРИКС+, которое стало важным политическим и экономическим блоком, претендующим на лидерство в новом мировом порядке. В его состав входит десять государств, обладающих мощными экономическими, энергетическими и военными возможностями: Бразилия, Египет, Индия, Иран, Китай, Объединенные Арабские Эмираты, Россия, Саудовская Аравия, Эфиопия и Южная Африка¹. На фоне масштабных изменений в мировой экономике государства-участники данного объединения становятся определенным центром силы, способным не только бросить вызов устоявшемуся экономическому порядку, но и предложить новые механизмы сотрудничества, основанные на принципах равноправия и взаимного уважения [2. С. 138-148].

Исследование

Усиление роли БРИКС+ на мировой арене

Тенденции развития нового многополярного мира и осознание необходимости следовать регионализации отношений привели к расширению БРИКС за счет

¹ An Evolving BRICS and the Shifting World Order. BCG. URL: <https://www.bcg.com/publications/2024/brics-enlargement-and-shifting-world-order> (дата обращения: 03.12.2024).

присоединения в январе 2024 года пяти новых стран: Египта, Ирана, Объединенных Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Эфиопии. В том же году еще более 30 стран подали заявки на вступление². Расширение альянса говорит о его значимости в глобальном экономическом управлении и подчеркивает его привлекательность для стран с формирующимися рынками и развивающихся стран, которые видят в нем площадку для взаимовыгодного сотрудничества и выражения своих интересов³. Этот процесс открывает новые возможности для формирования альтернативного мирового порядка, реформирования глобальной финансовой архитектуры и создания независимых финансовых структур. БРИКС+ выступает не как антизападный проект, а как платформа для равноправного диалога, что способствует укреплению многополярного мира [1. С. 55-71].

Вступая в новую эпоху глобального развития, страны-участницы стремятся активизировать свою роль в формировании международного баланса сил, найти новые возможности для экономического роста и противодействовать гегемонии, установленной США и их союзниками [3. С. 240-249]. В частности, поворот Юго-Восточной Азии в сторону БРИКС+ представляет собой глобальную стратегию, которую мало кто мог предвидеть. Страны привлекает доступ к финансированию и политическое движение, независимое от влияния западного мира⁴.

Вопреки распространенному мнению о наличии множества культурных, политических и экономических различий среди стран-участниц, именно это многообразие является ключевым преимуществом БРИКС.

Основным аспектом данного объединения является стремление к построению отношений на основе равноправия. Политика БРИКС+ не направлена на создание механизмов доминирования, аналогичных западной системе⁵. Решение возникающих вопросов достигается благодаря консенсусу, что, в свою очередь, способствует более гармоничному взаимовлиянию и сотрудничеству среди участников альянса⁶. Поэтому неудивительно, что данный подход находит отклик у стран Глобального Юга, привлекая все больше единомышленников.

Расширение БРИКС ставит под сомнение доминирующее положение таких глобальных институтов, как Всемирный банк и МВФ, возглавляемых западными державами. Эта тенденция также ослабляет значение группы G20, которая фактически разывается с двух сторон: семь наиболее развитых стран-участниц укрепляют сотрудничество в рамках G7, тогда как шесть крупных развивающихся экономик стремятся утвердить свои позиции за счет БРИКС+.

Экономические показатели БРИКС+

Рост ВВП и числа стран-участниц. В состав БРИКС+ входят крупнейшие мировые производители энергоресурсов, а также страны с высокими показателями потребления энергии, относящиеся к группе развивающихся экономик. На сегодняшний день они занимают 36% земной поверхности и составляют 45% населения планеты⁷. На эти страны приходится более 40% добычи и экспорта сырой нефти. Их доля в мировом ВВП составляет около 1/4, а в мировой торговле товарами – 2/5. С учетом ряда стран, подавших заявки на вступление, доля БРИКС+ может увеличиться до 1/3 мирового ВВП (таблица 1)⁸.

² Ушаков заявил о более чем 30 заявках на вступление в БРИКС. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/667a9e3d9a79476b3e7ba40f> (дата обращения: 03.12.2024).

³ BRICS 2024 and the March of Multipolarity. Réseau International. URL: <https://en.reseauinternational.net/brics-2024-et-la-marche-de-la-multipolarite/> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ BRICS Overview 2024. Great Power Relations. URL: <https://greatpowerrelations.com/brics-overview-2024/> (дата обращения: 06.12.2024).

⁵ Устремления БРИКС не направлены на создание нового механизма доминирования. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240707/briks-1957981288.html> (дата обращения: 07.12.2024).

⁶ Расширение БРИКС и единая валюта: как это может изменить мировую экономику. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18684589> (дата обращения: 07.12.2024).

⁷ BRICS 2024 and the March of Multipolarity. Réseau International. URL: <https://en.reseauinternational.net/brics-2024-et-la-marche-de-la-multipolarite/> (дата обращения: 07.12.2024).

⁸ An Evolving BRICS and the Shifting World Order. BCG. URL: <https://www.bcg.com/publications/2024/brics-enlarge-ment-and-shifting-world-order> (дата обращения: 10.12.2024).

Таблица 1
Ключевые показатели БРИКС+ и G7 в 2024 году, %

Площадь территории (в % от мировой)	
БРИКС+	36%
G7	16,1%
Мировое население	
БРИКС+	45%
G7	9,7%
Мировой ВВП по паритету покупательной способности	
БРИКС+	37,3%
G7	29,9%
Мировые запасы нефти	
БРИКС+	44%
G7	3,9%
Мировое производство алюминия	
БРИКС+	79%
G7	1,3%
Мировое производство пшеницы	
БРИКС+	49%
G7	19%

Источник: Основа многополярного мира – формирование новых точек роста. Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/materials/osnova-mnogopolyarnogo-mira-formirovanie-novykh-tochek-rosta/> (дата обращения: 08.12.2024).

Присоединение новых стран значительно усилит влияние БРИКС+ на глобальные рынки углеводородов, в частности нефти,

что может привести к покрытию 42% всех мировых поставок. Расширение блока также приведет к консолидации 75% мировых запасов марганца, 50% запасов графита, 28% запасов никеля и 10% запасов меди⁹. Экономический потенциал данного объединения, который уже сейчас превышает совокупный ВВП стран G7, в сочетании с активной политикой дедолларизации и укреплением позиций на мировом энергетическом рынке создает реальную альтернативу западным финансовым институтам и инструментам.

Для сравнительного анализа экономического потенциала стран-участниц БРИКС и G7 целесообразно использовать показатели ВВП, рассчитанные по паритету покупательной способности (ППС). Данный показатель рассчитывается с использованием международных долларов (доллар США выступает в качестве базовой страны для расчетов) и позволяет более точно сопоставить цены на товары и услуги с учетом различий в стоимости жизни и уровне инфляции между странами. На рисунке 1 представлена динамика с 2000 по 2024 год, демонстрирующая, что совокупный объем ВВП по ППС стран БРИКС значительно вырос с 2000 года, достигнув 65,791 трлн долл. Это позволило увеличить долю группы в мировом ВВП с 21,37% до 37,3%. Для сравнения: доля стран G7 в настоящее время составляет 29,9%¹⁰.

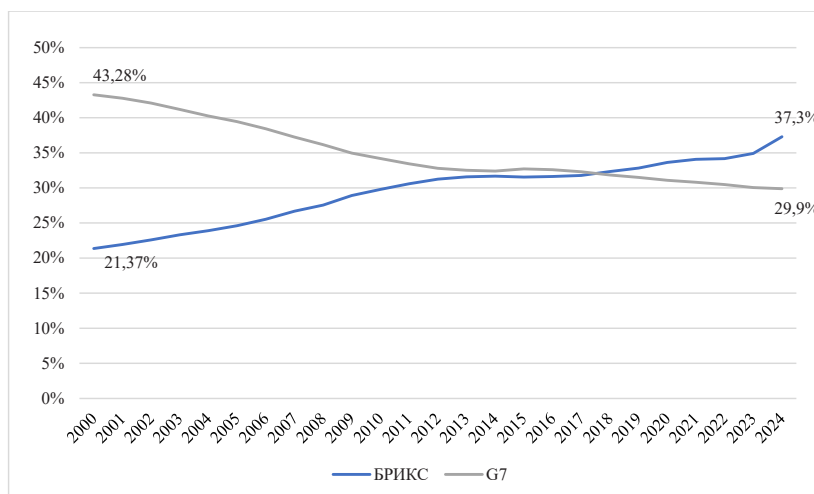

Рис. 1. Доля стран БРИКС и G7 в общем объеме мирового ВВП по ППС в 2000 - 2024 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных Statista¹¹.

⁹ Расширение БРИКС и единая валюта: как это может изменить мировую экономику. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18684589> (дата обращения: 11.12.2024).

¹⁰ Combined Gross Domestic Product (GDP) in Purchasing Power Parity (PPP) of the BRICS and G7 Countries from 2000 to 2024. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412418/gdp-development-g7-brics/> (дата обращения: 12.12.2024).

¹¹ BRICS and G7 Countries' Share of the World's Total Gross Domestic Product (GDP) in Purchasing Power Parity (PPP) from 2000 to 2024. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/> (дата обращения: 13.12.2024).

Многие участники БРИКС уже сегодня демонстрируют более высокие темпы роста реального ВВП по сравнению с членами G7 [6. С. 179-184]. Согласно прогнозам Goldman Sachs, средний темп роста ВВП стран-участниц БРИКС до 2050 года составит 189%, в то время как для G7 данный показатель ожидается на уровне 50%. Новые участники БРИКС, такие как Эфиопия (прогнозируемый рост ВВП к 2050 году – 1170%) и Египет (прогнозируемый рост ВВП – 635%), показывают еще более высокие темпы потенциального экономического роста, что значительно увеличивает экономический потенциал данного блока¹². Стремление БРИКС расширить свой состав за счет новых участников предполагает, что в ближайшие десятилетия данная группа может затмить по объемам ВВП страны G7.

Торговые отношения. БРИКС+ играет важную роль в противостоянии ограничительным мерам, введенным против стран Глобального Юга, и в обеспечении надежности цепочек поставок. Участники блока развивают торговые партнерства в таких ключевых секторах, как технологии, энергетика и сельское хозяйство, с целью увеличения объемов взаимной торговли и диверсификации экономик. В период с 2002 по 2022 год доля мировой торговли товарами между участниками объединения увеличилась более чем в два раза – до 40%¹³. Эта тенденция становится более очевидной при анализе растущей зависимости отдельных экономик стран БРИКС+ от торговли с другими участниками блока. В таблице 2 представлены данные

МВФ, которые иллюстрируют различия в объемах экспорта внутри блоков и между блоками БРИКС и G7 с 2018 по 2023 год. В 2023 году объем торговли стран с союзниками увеличился почти на 270 млрд долл. по сравнению с 2018 годом. Этот сдвиг произошел на фоне снижения торговли с конкурирующими блоками на 314 млрд долл¹⁴.

Таблица 2
Изменение объемов экспорта между БРИКС и G7 в 2023 году, п.п.

Название блока	Изменение объемов экспорта внутри блока	Изменение объемов экспорта между блоками
БРИКС	1,6	-1,4
G7	2,4	-1,0
Среднее значение	2,1	2,1

Источник: составлено автором на основе данных Visual Capitalist¹⁵.

Например, торговый спор между США и Китаем привел к тому, что доля экспорта Китая в страны G7 сократилась на 5,2 процентных пункта с 2018 по 2023 год, что стало самым значительным снижением за последние пять лет. Специальная военная операция и последовавшие за ней санкционные ограничения со стороны Запада привели к снижению доли России в экспорте стран G7 на 3,8 процентных пункта в тот же период¹⁶. Вместе с тем Индия и ЮАР продолжают наращивать экспорт с конкурирующим блоком (таблица 3).

Таблица 3
Изменение объемов экспорта между странами-участницами БРИКС и G7 в 2023 году, п.п.

Страна	Изменение объемов экспорта между странами-участницами одного блока	Изменение объемов экспорта между странами-участницами различных блоков
Индия	0,0	3,9
Россия	0,7	-3,8
Италия	0,8	-0,7
Канада	0,9	-0,7
Франция	1,0	-1,1
ЕС	1,1	-1,5
Германия	1,4	-2,1
ЮАР	1,5	1,5

¹² Charted: Comparing the GDP of BRICS and the G7 Countries. Visual Capitalist. URL: <https://www.visualcapitalist.com/charted-comparing-the-gdp-of-brics-and-the-g7-countries/> (дата обращения: 13.12.2024).

¹³ The Bloc Effect: International Trade with Geopolitical Allies in the Rise. Visual Capitalist. URL: <https://www.visualcapitalist.com/sp/hf02-international-trade-with-geopolitical-allies-rising/> (дата обращения: 15.12.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Страна	Изменение объемов экспорта между странами-участницами одного блока	Изменение объемов экспорта между странами-участницами различных блоков
США	1,6	-0,4
Япония	2,0	-1,7
Китай	2,1	-5,2
Бразилия	3,7	-3,3
Великобритания	10,2	0,5

Источник: составлено автором на основе данных Visual Capitalist¹⁷.

С присоединением новых членов БРИКС+ будет усиливать влияние и укреплять свою роль в мировой экономике. Согласно статистическим данным, объемы внешней торговли с новыми участниками выросли на 28%, при этом экспорт увеличился на 21%, а импорт – на 38,5%¹⁸. Страны получают выгоду от диверсификации экономических отношений.

В частности, Египет играет важную роль в торговых отношениях благодаря своему стратегическому геополитическому положению, контролируя Суэцкий канал и обеспечивая безопасность Средиземного и Красного морей. Он является ключевым узлом для многих отраслей промышленности и сельского хозяйства, а также важным элементом в глобальных цепочках поставок. Кроме того, Египет представляет собой крупный рынок с населением 106 млн человек для широкого спектра товаров, включая продукты ядерной энергетики. В 2022 году экспорт Египта в страны БРИКС увеличился на 5,3% и достиг 4,9 млрд долл. Ожидается, что эта цифра удвоится¹⁹. Вступление в БРИКС обеспечит Египту доступ к стратегическим товарам, таким как зерно, поскольку страны-участницы производят 1/3 мирового объема зерна. Египет также выиграет от привлечения прямых иностранных инвестиций и получения льготного финансирования для проектов развития через Национальный банк развития (НБР)²⁰.

Присоединение ОАЭ и Саудовской Аравии позволит установить новые торговые отношения и получить доступ к перспективным рынкам. Обе страны уже имеют тесные экономические и политические связи с Китаем, который является важнейшим торговым партнером для Саудовской Аравии с долей 19,8%, а также для ОАЭ с долей 14,9%. Таким образом, вступление в БРИКС будет способствовать еще большему расширению этих связей. Кроме того, Китай является крупнейшим покупателем нефти из ОАЭ и Саудовской Аравии. В целом на страны БРИКС приходится около 37% саудовского экспорта энергоносителей и 33% эмиратского экспорта нефти²¹. В то же время ОАЭ зарекомендовали себя как влиятельная морская логистическая держава и намерены расширять свои сети с помощью членства в БРИКС. В частности, такие страны, как Бразилия и Южная Африка, являются интересными партнерами с точки зрения логистической стратегии ОАЭ²².

Вступление Ирана в БРИКС рассматривается как стратегический шаг, направленный на расширение торговли и сотрудничества в области энергетики, в частности с Россией и Китаем. По общим запасам нефти Иран занимает первое место среди членов БРИКС наряду с Саудовской Аравией и Венесуэлой, и ожидается, что он сможет удовлетворить растущие энергетические потребности стран-участниц блока. Важно отметить, что

¹⁷ Там же.

¹⁸ Анализ экономик стран БРИКС и их сотрудничества с Россией в части международной торговли. SBS Consulting. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/483/pocirs7onr17rba1ofn2aagir5zsiceh.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

¹⁹ Egypt and BRICS: Priorities for Engagement. Valdai Discussion Club. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/egypt-and-brics-priorities-for-engagement/> (дата обращения: 15.12.2024).

²⁰ Там же.

²¹ Economic Diversification and Political Multi-Alignment: Saudi Arabia, the United Arab Emirates and BRICS. Brussels International Center. URL: <https://www.bic-rhr.com/research/economic-diversification-and-political-multi-alignment-saudi-arabia-united-arab-emirates> (дата обращения: 16.12.2024).

²² Там же.

объем ненефтяной торговли между Ираном и пятью членами БРИКС в 2022-2023 гг. увеличился на 14% по сравнению с предыдущим годом и составил 38,43 млрд долл.²³ Ожидаемые выгоды для Ирана включают увеличение экспорта энергоносителей, инвестиции в энергетическую инфраструктуру и потенциальное смягчение последствий от санкций США за счет использования национальных валют в торговле энергоносителями²⁴.

Присоединение Эфиопии к БРИКС также внесет свой вклад в развитие сотрудничества между странами Глобального Юга. Планируется активная работа в области науки и технологий, обороны, торговли и инвестиций. Кроме того, вступление в БРИКС позволит Эфиопии углубить экономическое сотрудничество с развивающимися рынками. Используя огромный потенциал стран БРИКС, Эфиопия сможет извлечь выгоду из расширения торговых возможностей, привлечения прямых иностранных инвестиций и доступа к современным технологиям²⁵.

НБР и взаиморасчеты в национальных валютах. Усиление процессов деглобализации привело к фрагментации мировой валютной системы. Глобальный экономический кризис и процессы деглобализации способствуют изменениям в финансовом секторе и поднимают вопрос о необходимости создания резервных валют. В этой связи одной из ключевых тем в повестке БРИКС+ стала инициатива по дедолларизации расчетов между ее участниками и создание новой резервной валюты в противовес финансовой гегемонии США [5. С. 119-131]. Особенно актуальным данный вопрос становится в контексте санкционных ограничений против стран Глобального Юга.

БРИКС+ ведет активную политику, направленную на снижение зависимости от международной валютной системы, контролируемой западными державами. Учитывая,

что в состав данного объединения входят ведущие экспортеры и импортеры сырьевых товаров, БРИКС+ может способствовать созданию альтернативной системы торговли, в частности энергоносителями. Эта система позволит осуществлять торговлю в обход мировой финансовой системы и западных санкций, а также предоставит возможность влиять на нефтяные цены²⁶.

Так, например, НБР выдал около 20% кредитов в китайских юанях. Бразилия и Китай договорились вести двустороннюю торговлю в национальных валютах, а Китай и Россия уже применяют эту практику. В Саудовской Аравии также активно обсуждается переход на альтернативные доллару США формы взаиморасчетов, что было подчеркнуто министром финансов Мохаммедом аль-Джадааном в январе 2023 года²⁷. На сегодняшний день доля доллара во взаимных расчетах стран БРИКС+ составляет лишь 28,8%, остальное приходится на национальные валюты, и этот показатель продолжает снижаться²⁸.

На фоне нарастающего давления и стремления стран Глобального Юга к независимости идея создания резервной валюты БРИКС+ становится все более актуальной. Предполагается формирование корзины валют, состоящей из национальных валют стран-участниц БРИКС, с возможностью добавления валют новых членов объединения. Новая резервная валюта может служить альтернативой международному резервному активу, известному как Специальные права заимствования (СДР), который основан на корзине международных валют: доллар США, евро, фунт стерлингов, японская йена и китайский юань [8. С. 8-23]. Предлагается назвать новую резервную валюту на основе валют стран БРИКС, каждая из которых начинается с буквы R (реал, рубль, рупия, юань (англ. «Renminbi») и ранд). В условиях,

²³ Economics and Politics: What BRICS Membership Means for Iran. A.A. Around the World. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/economics-and-politics-what-brics-membership-means-for-iran/2977551> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁴ Iran Becomes a Member of BRICS, with Hopes and Challenges. Iran International. URL: <https://www.iranintl.com/en/202401020918> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁵ Ethiopia's Membership in BRICS Would Contribute Significantly to Realizing South-South Cooperation: PM Abiy. ENA Reliable News Source. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/eng_3244934 (дата обращения: 18.12.2024).

²⁶ BRICS Overtaking G7 In Economic Might. Counter Currents. Org. URL: <https://countercurrents.org/2023/11/brics-overtaking-g7-in-economic-might/> (дата обращения: 19.12.2024).

²⁷ Economic Diversification and Political Multi-Alignment: Saudi Arabia, the United Arab Emirates and BRICS. Brussels International Center. URL: <https://www.bic-rhr.com/research/economic-diversification-and-political-multi-alignment-saudi-arabia-united-arab-emirates> (дата обращения: 20.12.2024).

²⁸ Russia's Trade Turnover with BRICS States Up to \$294 bln in 2023 - Chamber of Commerce. TASS. URL: <https://tass.com/economy/1769331> (дата обращения: 20.12.2024).

когда глобальная экономика становится все более многополярной, реализация данной инициативы может способствовать трансформации мировой финансовой системы. В частности, она позволит: снизить зависимость мировой экономики от традиционных резервных валют, таких как доллар или евро; укрепить экономические связи между участниками объединения и повысить их влияние в глобальных экономических процессах; стать удобным инструментом для стран БРИКС+ в условиях глобальной экономической нестабильности, обеспечивая финансовую устойчивость²⁹.

В ответ на блокировку платежей между Россией и странами Юго-Восточной Азии страны БРИКС+ начали активную разработку платформы BRICS Bridge, которая обеспечит расчеты в национальных валютах, в том числе в цифровой форме. Эта инициатива позволит осуществлять платежи напрямую и снизить влияние третьих стран на финансовые потоки между государствами-членами объединения. С введением BRICS Bridge расчеты станут более анонимными и независимыми от внешних факторов, что предоставит странам БРИКС+ дополнительные конкурентные преимущества в международной торговле. Такой подход особенно актуален на фоне санкций, введенных ЕС против российского аналога SWIFT – СПСФ, что значительно ограничило доступ России к международным платежным системам. Проект BRICS Bridge является важным шагом к созданию устойчивой экономической архитектуры стран БРИКС+, направленным на повышение гибкости расчетов в национальных валютах³⁰.

Экономические показатели деятельности БРИКС+ ставят под сомнение прогнозы западных аналитиков, предсказывавших неудачу альянса в силу его гетерогенности, а также подтверждают неэффективность санкционного давления на страны-участницы, в частности на Россию. Санкционные меры больше не являются исключительной монополией западных держав. Одним из

подтверждений этого стало заявление Китая в январе 2024 года о введении санкций против пяти оборонных компаний США в ответ на поставки вооружений Тайваню³¹.

БРИКС+: вызовы и возможности для развития

Расширение БРИКС представляет собой важный этап в развитии глобальной экономики и международной политики. С одной стороны, расширение альянса открывает новые перспективы для повышения экономической активности и улучшения межгосударственного взаимодействия. С другой стороны, интеграция стран с различными политическими системами и экономическими моделями создает новые вызовы и риски.

Интеграция внутри БРИКС способствует укреплению дипломатического влияния стран-участниц, предоставляя возможность для более сбалансированной архитектуры глобального управления. Включение новых участников содействует углублению сотрудничества в сферах безопасности и дипломатии. Однако в рамках группы также возникают проблемы, включая внутренние разногласия и напряженность между государствами, что может препятствовать единству объединения. В его состав входят государства, значительно различающиеся по политическим системам, институциональным основам, экономическим моделям и культурным традициям. Кроме того, в состав БРИКС+ входят геополитические соперники. Двусторонняя напряженность, вызванная историческими спорами и внешним геополитическим давлением, например между Китаем и Индией или Саудовской Аравией и Ираном, может затруднить развитие сотрудничества.

Экономическое неравенство и различия в уровне развития также создают дополнительные проблемы, усложняя разработку согласованной политики и справедливое распределение ресурсов. Различные нормативно-правовые базы мешают свободному движению торговых и инвестиционных потоков, что требует сложных переговоров³².

²⁹ Резервная валюта БРИКС: пути формирования. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rezervnaya-valyuta-briks-puti-formirovaniya/> (дата обращения: 21.12.2024).

³⁰ Минфин сообщил о работе над платформой для расчетов в нацвалютах в БРИКС. URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/06/2024/667b4c5f9a7947478a28de7f> (дата обращения: 22.12.2024).

³¹ КНР введет санкции против пяти компаний ВПК США за поставки Тайваню оружия. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240107/kitay-1920012800.html?ysclid=izwh2khmbr82664622> (дата обращения: 23.12.2024).

³² Russia in BRICS+ and Creating a New Economic Order. Trends Research & Advisory. URL: <https://trendsresearch.org/insight/russia-in-brics-and-creating-a-new-economic-order/> (дата обращения: 23.12.2024).

Также стоит учитывать, что БРИКС+ в значительной степени ориентирован на страны Ближнего Востока, что может потребовать дальнейшего регионального балансирования по мере расширения группы.

Кроме того, БРИКС+ нельзя назвать международной организацией, поскольку у него отсутствует устав, хартия или какой-либо другой документ, строго регламентирующий его деятельность. Однако отсутствие формального статуса организации несколько не препятствует его развитию и процветанию. За время своего существования БРИКС+ подтвердил статус влиятельного объединения, способного эффективно решать глобальные экономические и политические проблемы [7. С. 15-23].

Безусловно, между странами-участниками БРИКС+ существуют стратегические разногласия. Китай стремится ослабить влияние западных держав, в то время как Индия предпочитает реформировать существующую архитектуру, пытаясь убедить другие страны Глобального Юга выступить против геополитической повестки Китая³³. Тем не менее, несмотря на существующие очаги напряженности между членами БРИКС+, объединяющим фактором для текущих и будущих участников этой группы остается противостояние стремлению США и Европейского союза (ЕС) навязать свои правила игры.

В ответ на текущие вызовы странам БРИКС+ необходимо укреплять координацию макроэкономической политики и многостороннее сотрудничество для содействия восстановлению экономики. В условиях взаимозависимого мира дальнейшая фрагментация лишь углубит глобальные рецессии и усилит инфляционные процессы, поэтому страны БРИКС+ должны укреплять сотрудничество с целью совершенствования глобального экономического управления³⁴.

Если между БРИКС+ и региональными союзами, такими как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Южноафриканский таможенный союз (ЮТС), Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Ассоциация

государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Африканская континентальная зона свободной торговли (АКЗСТ) и Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), будут установлены институциональные связи, многосторонняя торговая система значительно укрепит. Снижение таможенных барьеров, переход на национальные валюты и диверсификация цепочек поставок между региональными блоками может принести гораздо больше возможностей для экономического и научно-технического сотрудничества. Также имеет место подход «интеграция интеграций», когда участники БРИКС+, возглавляющие данные союзы в своих регионах, предпринимают усилия по гармонизации механизмов торгового и инвестиционного регулирования [4. С. 37-66].

Данная тенденция может также затронуть Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), где уже ведутся переговоры о расширении торговых связей между двумя организациями. ШОС представляет собой блок безопасности, но также обладает торговыми полномочиями. Эта организация может привлечь к БРИКС+ таких членов ШОС, как Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан. К тому же есть государства-наблюдатели, заинтересованные в присоединении к полноправному членству, такие как Афганистан, Беларусь, Монголия и Палестина, а также партнеры по диалогу – Азербайджан, Камбоджа, Непал, Шри-Ланка и Турция³⁵.

В условиях динамично меняющегося мирового ландшафта БРИКС+ играет ключевую роль в развитии мировой торговли, инвестиционного климата и глобальной финансовой системы [9. Р. 173-191]. Проблемы, безусловно, существуют, но коллективная сила и общие цели делают БРИКС+ платформой с огромным потенциалом. На пути преодоления этих сложностей дипломатическое сотрудничество становится первостепенной задачей, обеспечивая дальнейшее развитие и поиск точек соприкосновения между его разнообразными участниками.

³³ The Future of BRICS: Between Objectives and Challenges. Global South Experts Turn the Tables. Stimson. URL: <https://www.stimson.org/2023/the-future-of-brics-between-objectives-and-challenges/> (дата обращения: 25.12.2024).

³⁴ BRICS Plus: Navigating Global Challenges and Broadening Influence. Observer Research Foundation. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/brics-plus-navigating-global-challenges-and-broadening-influence> (дата обращения: 25.12.2024).

³⁵ Intra-BRICS Trade and Analysis 2023. BRICS Portal. URL: <https://infobrics.org/post/39263/> (дата обращения: 26.12.2024).

На фоне нарастающей глобальной экономической напряженности и ограниченности традиционных многосторонних институтов БРИКС+ выступает в качестве координационного центра для обсуждения насущных вопросов. Наконец, продолжающееся расширение группы отражает возрастающий интерес к ее экономическому потенциалу. Тем не менее эффективность деятельности БРИКС+ зависит от способности его участников учитывать мнения друг друга и достигать компромиссных решений по глобальным вопросам³⁶.

Как справедливо отметил президент ЮАР Сирил Рамафоса, «БРИКС – это равноправное партнерство стран, которые имеют разные взгляды, но общее видение лучшего мира», что подчеркивает важность продолжения работы по укреплению взаимопонимания и сотрудничества в рамках БРИКС+ для достижения общих целей³⁷.

Заключение

Текущие глобальные геополитические трансформации привели к появлению новых центров силы, сосредоточенных вокруг стран БРИКС+ [10. Р. 539-550]. В условиях, когда США пытаются сохранить свои позиции в качестве мировой сверхдержавы, присоединение к объединению новых стран, обладающих значительным влиянием на международной арене, растущая экономическая и политическая мощь Китая, а также вызов, брошенный Россией существующему международному порядку, стимулируют дискуссии о важности данного объединения с точки зрения международных экономических отношений.

Если в XX веке взаимосвязи между участниками данного объединения зачастую отличались напряженностью или были менее значимыми, то в настоящее время их совместные инициативы способствовали значительному укреплению международного влияния. Традиционные мировые державы,

входящие в состав G7, сталкиваются с ослаблением своего влияния, тогда как роль стран БРИКС+ продолжает усиливаться, в частности на региональном уровне. На сегодняшний день страны БРИКС+ наряду с G7 составляют 11 из 12 крупнейших экономик мира, и ожидается, что в ближайшие десятилетия их позиции значительно укрепятся³⁸.

Расширение БРИКС+ за счет новых стран представляет собой важный шаг к формированию международного многополярного порядка. Повышение геополитической значимости данного объединения создает дополнительные механизмы влияния на формирование глобальной экономической политики, что позволяет бросить вызов традиционным западным институтам.

Кроме того, БРИКС+ обладает значительным потенциалом для коллективного решения глобальных проблем, таких как изменение климата, эпидемии и региональные конфликты, которые требуют единого подхода. Культурное разнообразие и совместные усилия позволяют дать более комплексный ответ на эти вызовы, усиливая способность группы выступать в роли медиатора в урегулировании конфликтов, содействовать оказанию гуманитарной помощи и укреплять экономику регионов.

Усиление координации внутри БРИКС+ проявляется не только в экономической, но и в политической и военной сферах. Это позволяет объединению эффективно отстаивать свои интересы на мировой арене, способствуя формированию новой архитектуры международных экономических отношений в противовес однополярному миру. При этом очевидно, что этапы расширения альянса далеки от завершения. БРИКС+ обладает значительным потенциалом, чтобы стать крупнейшим объединением с самой большой территорией, населением и ресурсами, а в скором времени – превратиться в ведущую экономику мира.

³⁶ BRICS Plus: Navigating Global Challenges and Broadening Influence. Observer Research Foundation. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/brics-plus-navigating-global-challenges-and-broadening-influence> (дата обращения: 27.12.2024).

³⁷ The Future of BRICS: Between Objectives and Challenges. Global South Experts Turn the Tables. Stimson. URL: <https://www.stimson.org/2023/the-future-of-brics-between-objectives-and-challenges/> (дата обращения: 27.12.2024).

³⁸ Gross Domestic Product (GDP) of the BRICS Countries from 2000 to 2029. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/254281/gdp-of-the-bric-countries/> (дата обращения: 28.12.2024).

Литература:

1. Леонова О.Г. Расширение БРИКС и его геополитические последствия // Россия и современный мир. 2024. № 2.
2. Лисоволик Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении // Международная аналитика. 2023. № 14(1).
3. Мареева Ю.А. Стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай» в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5(26).
4. Мозиас П.М. Россия в сообществе стран БРИКС: выбор приоритетов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2023. № 2. 37-66.
5. Сергеева Н.В. Россия и БРИКС в новых геополитических реалиях // Экономика. Налоги. Право. 2024. № 17(1).
6. Храмова И.Ю., Морозова Т.С. Сравнительная оценка экономических потенциалов стран БРИКС и «Группы семи» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. №1.
7. Щербина Е.М. Роль БРИКС в создании многополярного мира // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. № 4(105).
8. Яковлев И.А., Антонина А.Т., Черкасов В.Ю. Международные расчеты: вызовы и возможные решения для БРИКС // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 6.
9. Agarwal M. Kumar S. BRICS Countries' Increasing Role in the World Economy, Including Institutional Innovation // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol. 4. No. 2.
10. Gouvea R., Gutierrez M. "BRICS Plus": A New Global Economic Paradigm in the Making? // Modern Economy. 2023. No. 14.

COOPERATION WITHIN BRICS+ AS A NEW FORMAT FOR THE INTEGRATION PROCESS OF RAPIDLY DEVELOPING COUNTRIES

Introduction. In the context of global transformations driven by economic crises, shifts in international politics, and processes of deglobalisation, the emergence of a new multipolar world order has become one of the key trends. The intergovernmental alliance BRICS+, which includes countries such as Brazil, Russia, India, China, South Africa, Egypt, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Iran, and Ethiopia, plays a significant role in this process. BRICS+ is emerging as an alternative to traditional Western institutions, offering new approaches to economic cooperation, dedollarisation, and the creation of alternative payment systems. The objective of the study is to assess the impact of BRICS+ on the global economic architecture and to identify the current challenges associated with the expansion of this intergovernmental alliance.

Materials and Methods. This study utilises data from open sources, including statistical reports, analytical materials from international organisations, and publications in academic journals. To analyse the economic indicators of BRICS+ member states, comparative analysis methods were employed, including the comparison of data on GDP, trade volumes, and energy resources. Initiatives by BRICS+ in the areas of dedollarisation and the creation of alternative payment systems were also examined. Particular attention was paid to the processes of the alliance's expansion and its impact on the global economic architecture.

Results of the Study. The expansion of BRICS+ and its economic successes call into question the dominance of traditional Western institutions such as the World Bank and the IMF. However, internal disagreements among member states, such as tensions between China and India or between Saudi Arabia and Iran, may hinder the achievement of consensus on key issues. Additionally, differences in levels of economic development and political systems necessitate a more flexible approach to coordinating cooperation. Despite these challenges, BRICS+ possesses significant potential to strengthen its role in the global economy. Initiatives aimed at dedollarisation and the creation of alternative payment systems could represent an important step towards establishing a new financial architecture independent of Western institutions. Expanding cooperation with regional blocs such as the Eurasian Economic Union (EAEU), ASEAN, and MERCOSUR also opens up new opportunities for economic growth and integration.

Discussion and Conclusion. BRICS+ is becoming a significant player on the global stage, offering an alternative to traditional Western institutions and contributing to the formation of a multipolar world order. The expansion of the alliance and its growing economic indicators demonstrate its increasing influence. However, for further success, member states need to strengthen coordination and find compromises on key issues. In the context of global economic instability, BRICS+ has the potential to become a

platform for harmonious interaction among Global South countries and a counterbalance to the hegemony of Western powers.

Anastasia E. Chikova,
Lecturer at the Department of Economic
Policy and Public-Private Partnership,
MGIMO University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

деглобализация, многополярный мир,
БРИКС+, экономическое сотрудничество,
регионализация, дедолларизация,
международные институты, торговые
отношения, политическая мощь.

Keywords:

deglobalisation, multipolar world, BRICS+,
economic cooperation, regionalisation, de-
dollarisation, international institutions, trade
relations, political power.

References:

1. Leonova O.G., 2024. Rasshirenije BRIKS i ego geopoliticheskie posledstviya [BRICS Expansion and Its Geopolitical Consequences]. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]*. № 2.
2. Lisovolik Ya.D., 2023. BRIKS+ kak novaya sila v globalnom upravlenii [BRICS+ as a New Force in Global Governance]. *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*. № 14(1).
3. Mareeva Yu.A., 2012. Strategicheskij treugolnik "Rossiya-Indiya-Kitay" v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The Strategic Triangle "Russia-India-China" in International Relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO-University]*. № 5(26).
4. Mozias P.M., 2023. Rossiya v soobshchestve stran BRIKS: vybor prioritetov [Russia in the BRICS Community: Choosing Priorities]. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9: Vostokovedenie i afrikanistika [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 9: Oriental Studies and African Studies]*. № 2.
5. Sergeeva N.V., 2024. Rossiya i BRIKS v novykh geopoliticheskikh realiyakh [Russia and BRICS in New Geopolitical Realities]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics. Taxes. Law]*. № 17(1).
6. Khramova I.Yu., Morozova T.S., 2024. Sravnitel'naya otsenka ekonomicheskikh potentsialov stran BRIKS i "Gruppy semi" [Comparative Assessment of the Economic Potentials of BRICS and G7 Countries]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*. № 1.
7. Shcherbina E.M., 2023. Rol BRIKS v sozdanii mnogopolyarnogo mira [The Role of BRICS in Creating a Multipolar World]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke [Russian Customs Policy in the Far East]*. № 4(105).
8. Yakovlev I.A., Antonina A.T., Cherkasov V.Yu., 2024. Mezhdunarodnye raschety: vyzovy i vozmozhnye resheniya dlya BRIKS [International Settlements: Challenges and Possible Solutions for BRICS]. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*. № 16(6).
9. Agarwal M., Kumar S., 2023. BRICS Countries' Increasing Role in the World Economy, Including Institutional Innovation. *BRICS Journal of Economics*. No. 4(2).
10. Gouvea R., Gutierrez M., 2023. "BRICS Plus": A New Global Economic Paradigm in the Making? *Modern Economy*. No. 14.

СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БРИКС С ЦЕЛЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Алексей Васильев*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-207-216

Введение. С 2020 года взаимодействие в рамках БРИКС развивалось в соответствии с Концепцией сотрудничества, инициированной Российской Федерацией. Концепция была рассчитана до 2025 года, соответственно сегодня активно обсуждаются контуры будущего взаимодействия. В представленной статье автор изучает возможности внутриблочного взаимодействия с точки зрения обеспечения национальной экономической безопасности стран-участниц. В статье рассмотрены национальные интересы, определены точки совпадения и сложности в двусторонних отношениях. На основе проведенного анализа дана оценка потенциала сотрудничества и предложены наиболее эффективные формы взаимодействия.

Материалы и методы. При написании статьи использовался сравнительный метод научного исследования. На первой стадии был проведен анализ нормативных документов, прямо или косвенно регулирующих вопросы национальной экономической безопасности стран-участниц. Также было проведено сравнение положений этих документов с положениями «Концепции сотрудничества стран БРИКС». Далее на основе анализа официальных статистических данных, представленных как международными структурами, так и национальными агентствами и министерствами, был оценен прогресс стран по достижению собственных национальных интересов в сфере экономической безопасности.

Результаты исследования. В ходе исследования было установлено, что у стран БРИКС есть четыре подхода к регулированию вопросов экономической безопасности: наличие специального документа, закрепление положений экономической безопасности в конституциях, включение вопросов безопасности в общее экономическое регулирование, реализация общенациональных программ. Также было выявлено несовпадение интересов и приоритетов у ряда стран. Часть стран, включая Россию, больше озабочены вопросами меняющегося миропорядка, энергетической безопасности, отхода от доллара в международных расчетах, обхода экономических и финансовых санкций. В то же время для ряда стран наиболее актуальными остаются вопросы продовольственной безопасности и бедности.

* **Васильев Алексей Владимирович**, соискатель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства (ЭПЧП) МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: 89189067477@list.ru
ORCID ID: 0009-0003-6235-025X

***Обсуждение и заключение.** Среди стран БРИКС всеобъемлющая стратегия экономической безопасности есть только у России. Обеспечение экономической безопасности в рамках общеэкономического регулирования осуществляют КНР и Индия. Иран, Индонезия и в Египет закрепили основные положения в своих конституциях. Остальные страны предпочитают общенациональные программы по наиболее актуальным направлениям. Анализ как нормативных документов, так и расходов на проведение определенной экономической политики позволил установить, что проблемами обострения конкуренции за лидирующие позиции в мировой экономике озабочены Россия и КНР. Проблема энергобезопасности актуальна для всех, но для России и Ирана это стабильный экспорт, а для ЮАР – это проблема энергетической бедности. Отход от доллара важен для России, Ирана, КНР и в определенном объеме для ОАЭ. Проблемы продовольственной безопасности и бедности актуальны для Египта, Бразилии, Эфиопии, ЮАР, частично для ОАЭ. Было установлено, что среди рассмотренных стран в наибольшей «экономической безопасности» находятся Индонезия и ОАЭ.*

Введение

В 2020 году Россия выступила инициатором создания Концепции сотрудничества стран БРИКС. Данный документ рассчитан на период до 2025 года, соответственно сегодня как в политических, так и научных трудах идет активная дискуссия относительно того, как должны выглядеть дальнейшие контуры внутри блокового сотрудничества. При вступлении страны в любую организацию, особенно такую, которая оказывает заметное влияние на изменение мирового порядка, определяющим фактором становится то, как потенциальное участие скажется на обеспечении и укреплении национальной экономической безопасности. В этой связи главной целью статьи является сравнительный анализ подходов к обеспечению национальных экономических интересов стран-участниц для дальнейшей оценки как потенциала сотрудничества, так и для выработки наиболее эффективных форм взаимодействия внутри БРИКС.

Исследование проводится с помощью сравнительного метода. В качестве критериев для проведения сравнения были взяты следующие аспекты: наличие специального законодательства, регулирующего политику в области достижения национальной экономической безопасности; основные угрозы и вызовы, декларируемые странами-участницами; особенности практической реализации политики достижения национальной экономической безопасности, а также подходы к выстраиванию национальной

внешнеэкономической политики (с особым вниманием к проблемам двусторонних отношений).

Исследование

Обеспечение экономической безопасности является одной из главных задач любого правительства. Однако далеко не во всех странах есть специальные законы, которые регулируют эту сферу. Так, в случае со странами-участницами БРИКС в большинстве государств нет специального правового акта, все вопросы решаются либо в рамках масштабных концепций или в рамках отраслевых программ. Фактически, только Россия приняла специальный всеобъемлющий документ – Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. В какой-то степени можно сказать, что такой документ есть и у Индии, т.к. в национальной Доктрине национальной безопасности вопросам именно экономической безопасности уделено особое внимание.

Если говорить о других странах, то там вопросы обеспечения экономической безопасности являются частью общеэкономического регулирования. Так, в Китае в 2012 году была сформулирована так называемая «Китайская мечта». Ее реализация намечена к столетию образования КНР, т.е. к 2049 году. «Мечта» в свою очередь состоит из нескольких стратегических концепций. Самой известной является выдвинутая в 2013 концепция «Один Пояс – Один Путь», объединившая проекты «Экономический пояс

Великого шелкового пути» и «Морской шелковый путь». В 2014 году была сформулирована концепция «Новой нормы», которая подразумевает отход от гонки за высокими темпами развития в пользу выстраивания новой более сбалансированной экономической структуры, при этом упор в ней делается не на внешний контур, а на удовлетворение внутреннего спроса, сближение уровня жизни деревни и города [6].

Аналогичный подход наблюдается и в Индии. Главная задача экономической политики Индии – стать развитой экономикой к 2047 году, т.е. к столетию со дня обретения независимости. К этому сроку предполагается увеличить годовой доход на душу населения почти в семь раз [9]. В качестве основного вектора развития правительство страны видит обеспечение устойчивого инклюзивного развития. Для этого было запущено несколько программ: в 2014 году – программа «Сделай в Индии» («Make in India»), направленная на привлечение инвестиций в высокотехнологичные отрасли, в частности, в производство чипов, мобильных телефонов, и другие высокотехнологичные сферы. Внутри предусмотрены подпрограммы: «Сделай в Индии совместно с Германией» и «Сделай в Индии совместно с Японией».¹ Кроме того, в 2020 году была запущена программа «Самодостаточный Бхарат», которая предусматривает построение эффективной экономики за счет использования таких преимуществ, как масштаб страны, численность населения, низкие издержки производства. С определённой долей допущения можно сказать, что по этому пути идут ОАЭ, хотя серьезных проблем в сфере именно экономической безопасности у них сегодня нет. В ОАЭ в 2010 году была принята «Концепция ОАЭ 2021», а в 2022 – году новый десятилетний план «ОАЭ 2031» (We the UAE 2031)².

В ряде стран национальные интересы в области экономической безопасности закреплены в конституциях или других основополагающих документах, например, в Иране, Индонезии и в Египте. В 2014 году аятоллой Хаменеи были сформулированы десять принципов, которые легли в основу так называемой «экономики

сопротивления», и по своей сути являются концепцией экономической безопасности. Данная работа осуществляется в рамках пятилетних планов развития страны, а сама возможность планирования закреплена в статье 44 Конституции, в которой говорится о приоритете государственной собственности, охватывающей основные отрасли промышленности, внешнюю торговлю, банковское дело, производство электроэнергии. Особенностью Ирана является та роль в достижении экономической безопасности, которую играют такие структуры как Корпус стражей исламской революции (КСИР) и Штаб исполнения приказов имама. В Индонезии статья 156 глава 14 Конституции, «Национальная экономика и социальное благосостояние»), а также статьи 149-152, посвященные образованию, по сути, раскрывают основные положения государственной политики по достижению целей национальной экономической безопасности.³ В развитие соответствующих конституционных статей принимаются более конкретные и целенаправленные законы, например, Закон № 7 о водных ресурсах 2004 года.

В остальных странах наблюдается приоритет общенациональных программ. Так, в ЮАР предпочитают сосредотачиваться на основных проблемах, в частности на энергообеспеченности. Именно поэтому в стране существует солидная нормативная база, регулирующая вопросы развития ТЭК, которая может рассматриваться как основа и энергетической, и экономической безопасности. В 1998 году была опубликована Белая книга по энергетической политике, 2005 году вышла национальная стратегия по энергетической эффективности, а в 2008 г. – закон о национальной энергетике. Большое внимание уделяется вопросам рынка труда. Приоритеты развития экономики и обеспечения экономической безопасности Эфиопии изложены в ряде программ, таких как: План роста и трансформации экономики (2010 г.), Национальный план адаптации Эфиопии в рамках Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК) (2017 год), Стратегия цифровой трансформации страны (2024 год)⁴.

¹ https://www.mea.gov.in/Images/attach/Make_in_India_Initiative.pdf

² <https://wetheuae.ae/en>

³ Конституция Индонезии в редакции 2003 г. <https://jdih.bapeten.go.id/unggah/dokumen/peraturan/116-full.pdf>

⁴ https://ethiopia.mid.ru/ru/ob_efiopii/

Теперь необходимо обратиться к сравнительному анализу основных вызовов и угроз национальной безопасности государств-участников БРИКС. Анализ вышеописанных документов наглядно показал, что одной из серьезнейших проблем БРИКС является их практически полное несовпадение. Если постараться выделить проблемы, которые волнуют сразу несколько стран из рассматриваемой группы, то получается следующий список.

Стремление развитых государств использовать преимущество в уровне развития экономики в качестве инструмента глобальной конкуренции представляется серьезной проблемой с точки зрения России и Китая [16]. Решение этой проблемы Россия видит, в первую очередь, в укреплении экономического суверенитета; повышении устойчивости экономики к внутренним и внешним вызовам и угрозам; обеспечении экономического роста; поддержании научно-технического потенциала на мировом уровне. Китай, в свою очередь, смотрит на проблему по-другому. Правительство страны четко разделяет вызовы и угрозы. Согласно китайскому подходу, угрозы, в основном, исходят извне. Для решения внутренних проблем в 2014 году была сформулирована уже упомянутая концепция «Новой нормы», предусматривающая обеспечение сбалансированности между отраслями и регионами, повышение эффективности капитальных вложений, уменьшение энергоемкости экономики, сокращение выбросов парниковых газов и вредных веществ.

Абсолютно все страны озабочены своей *энергетической безопасностью*, но если для одних (Россия, Иран) это вопрос обеспечения стабильных экспортных поставок и, соответственно, доходов, то для других (ЮАР) – это вопрос доступности энергии и энергоресурсов. Рассмотрим этот аспект подробнее. Общим моментом для всех стран является озабоченность волатильностью цен на нефть и нефтепродукты, но только Россия и Бразилия, которая является как экспортером, так и импортером энергоносителей и лидером по производству биотоплива, активно участвуют в политике ценообразования в рамках специализированных международных организаций, таких как «Группа двадцати», БРИКС, ОПЕК+.

Особенно остро проблема энергетической безопасности стоит для ЮАР. В исследованиях по состоянию экономики этой страны часто встречается термин «энергетическая бедность». Это значит, что примерно

13% населения не имеет доступа к электроэнергии, хотя в среднем с этой проблемой на африканском континенте сталкивается около 40% населения. В случае с ЮАР речь идет скорее о том, что высокоразвитая и энергоемкая горнодобывающая и металлургическая промышленность требуют много энергии. Более того, поскольку ЮАР не располагает собственными нефтяными месторождениями, 90% импорта сырой нефти приходится всего на три страны – Саудовская Аравия, Нигерия и Ангола.

Китай также уделяет большое внимание вопросам энергетической безопасности. КНР обладает серьезными запасами различных ископаемых, но принятая модель экономического роста ведет к их быстрому истощению. Для решения этой проблемы у КНР есть два пути: разработка собственных ресурсов и экспорт энергоносителей. По первому пути Китай шел в 1960-70 гг. Этот период вошел в историю страны под названием «Великая битва за нефть». Однако уже к 1980-м годам стало ясно, что собственных ресурсов не хватит. В этой связи в 1982 г. была основана «Китайская морская нефтяная корпорация», что стало началом китайской политики «открытости миру». Сегодня КНР уделяет большое внимание своей экспансии в страны Африки, Латинской Америки и Центральной Азии, идя зачастую на высокие риски, связанные с внешнеполитической нестабильностью в ряде стран этого региона [5, 6, 17].

Одним из самых значимых аспектов национальной безопасности для всех стран, но особенно для России, Китая [16] и Ирана, является вопрос возможности *отхода от доллара в международных расчетах*. Пока рано говорить о реальном создании единой валюты БРИКС, но уже сегодня есть несколько достаточно успешных примеров на уровне двустороннего или регионального сотрудничества. Самым интересным представляется опыт российско-иранского сотрудничества.

После введения санкций, в частности, ограничения доступа к SWIFT, проведение международных финансовых операций заметно осложнилось. Это вынудило Россию разработать новый банковский механизм для осуществления двусторонних расчетов в национальных валютах. С этой целью в России разработали национальную систему передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС). Интерес к ней был проявлен со стороны БРИКС, ШОС, ЕАЭС и, конечно, Ирана. В 2022 году на иранской бирже стартовали торги по валютной паре

«рубль-риал». В 2023 году центробанки двух стран заключили соглашение о соединении межбанковских систем обмена финансовыми сообщениями. Главным институтом, обеспечивающим двусторонние платежи, является «Мир Бизнес Банк» со стопроцентным участием иранского капитала. Банк работает вне системы SWIFT. В целом, механизм сотрудничества в межбанковской сфере отработан, но по ряду вопросов требуется дальнейшая работа по его совершенствованию. В частности, серьезной проблемой является курсовая разница между курсом рубля в «Мир Бизнес Банке» и на валютном рынке Ирана. Более того, учитывая, что инфляция в России приближается к 10%, а в Иране к 40%, отмечается большая нестабильность валютного курса. Но самая серьезная проблема кроется в структуре взаимной торговли (как и в случае с российско-индийскими отношениями), а именно, российский экспорт в 3-4 раза превышает импорт из Ирана, поэтому у сторон возникают трудности, связанные с проблемой использования излишка накопившейся валюты⁵.

Отдельного упоминания заслуживает политика Китая по использованию юаня в международных расчетах. Сегодня это вторая по величине расчетная валюта в мире. Национальный банк Китая подписал двусторонние соглашения о валютных свопах с центробанками 33 стран⁶. Также интересен опыт ОАЭ. В 2019 году и Саудовская Аравия создали совместную криптовалюту под названием «Aber» для облегчения взаимных финансовых операций, однако курс дирхама до сих пор остается жестко привязанным к доллару США.

Завершая список угроз, которые наиболее актуальны для России, следует сказать о *необходимости обхода западных санкций*. Эта проблема актуальна для России и Ирана, но и в ЮАР не забыли, как во времена апартеида международное сообщество наложилось на страну нефтяное эмбарго, больно ударившее по энергетической безопасности. В целом, механизмы обхода санкций универсальны [1]. Помимо описанных выше

финансовых мер, страны стремятся к диверсификации внешней торговли и налаживанию более тесного двустороннего сотрудничества с дружественными странами [11].

Теперь перейдем к анализу тех угроз, которые менее актуальны для России, но являются главными для других стран БРИКС: проблема голода (продовольственной безопасности) и бедности. В список этих стран входят Египет, Эфиопия, Бразилия, ЮАР и даже ОАЭ, зависящие от импорта продовольствия.

Несмотря на то что в рамках БРИКС вопросы *продовольственной безопасности* разработаны очень хорошо, единого модельного механизма для ее обеспечения на национальном уровне пока нет [18]. Одним из лидеров в этом вопросе можно назвать Бразилию, хотя проблема голода и бедности для нее пока еще остается актуальной. Так, в 2003 году в стране запустили программу «Голода нет»⁷, предусматривающую разноплановую финансовую поддержку фермерским хозяйствам. В 2011 году был принят национальный план по продовольственной безопасности, целями которого являются обеспечение устойчивого развития сельского хозяйства, доступа всех жителей к качественным продуктам питания и воде⁸. В рамках участия страны в «Группе двадцати» и БРИКС был подготовлен План действий против волатильности цен на сельхозтовары. В 2011 году представитель Бразилии возглавил ФАО, что явилось международным признанием страны в деле обеспечения продовольственной безопасности [15, 20].

Другой подход к решению продовольственной безопасности демонстрирует Египет. О важности проблемы говорит тот факт, что вопросы продовольственной безопасности закреплены в Конституции страны. В ст. 79 говорится о том, что каждый гражданин страны имеет право на получение здоровой пищи, а обязанность обеспечения продовольственного суверенитета лежит на государстве. Согласно статье 44 государство обязано защищать реку Нил и минеральные источники для достижения водной

⁵ Клуб Валдай. Финансовое сотрудничество между Ираном и Россией <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/finansovoe-sotrudnichestvo-mezhdu-iranom-i-rossiei/>

⁶ <https://ru.tradingeconomics.com/china/indicators>

⁷ <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/477f16c2-d607-4515-85a4-dc1102fb38a0/content>

⁸ Приоритетное направление политики правительства Бразилии в 2024 году – укрепление продовольственной безопасности <https://tvbrics.com/news/prioritetnoe-napravlenie-politiki-pravitelstva-brazilii-v-2024-godu-ukreplenie-prodovolstvennoy-bezo/>

безопасности. Из-за особенностей климата и катастрофического недостатка пригодных для сельского хозяйства земель Египет всегда был зависим от импорта продовольствия. Учитывая тот факт, что до начала СВО на Россию приходилось примерно 75% поставок зерна, а на Украину – 20%, Египет вынуждено смягчил традиционно жесткие требования к качеству импортируемого зерна и начал искать альтернативных поставщиков, ориентируясь на Казахстан, Аргентину и Францию.

Третий подход к решению проблемы продовольственной безопасности демонстрирует Эфиопия. Несмотря на то что сельское хозяйство обеспечивает 90% валютных поступлений и дает 44% ВВП, а также то, что в этой сфере занято 85% населения, страна зависит от импорта продуктов питания. В стране действует ряд программ, официально нацеленных на решение наиболее важных задач, включая проблемы голода и бедности, например, План роста и трансформации экономики (2010 г.), Национальный план адаптации Эфиопии в рамках Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК) (2017 год), Стратегия цифровой трансформации страны (2024 год), но их отличает несколько размытый и всеобъемлющий подход. Самым действенным механизмом решения проблемы голода, к сожалению, до сих пор остается зарубежная продовольственная помощь.

Выше была упомянута проблема бедности. Ее анализ в рамках БРИКС [20] заслуживает отдельного исследования. Главная сложность при сравнении политики в этой сфере заключается в том, что рассматриваемые страны находятся на несопоставимых уровнях социально-экономического развития. Так, для Эфиопии, Бразилии, ЮАР, Египта актуальны вопросы не только борьбы с абсолютной бедностью, но и такие связанные проблемы как доступ к чистой воде и медицинским услугам. Лидером здесь можно по праву считать Бразилию, которая смогла за последние пять лет сократить уровень бедности на один процентный пункт⁹. Вместе с тем, несмотря на бурное экономическое

развитие проблема бедности и неравенства доходов населения, по-прежнему, остаётся актуальной для Бразилии. При этом доходы сильно разнятся не только от социального статуса, но и по территориальному принципу. Наиболее бедным является северо-восточный регион страны, а наиболее богатым – юго-западный. Для решения этой проблемы было разработано несколько программ: «Бразилия без бедности», «Голода нет», «Школьный кошелек», «Семейный кошелек», на реализацию которых из бюджета выделялись большие средства. За последние годы острота проблемы значительно снизилась. Уже в 2010 году в Бразилии за чертой бедности проживало 16 млн человек или 9% населения. А за период 2019-2023 гг., по данным Всемирного банка, Бразилия показала самые хорошие результаты в регионе по этому показателю¹⁰, который сократился до 8,5%.¹¹ В целом, это сопоставимо с ситуацией в России (13 млн человек или 9,3% населения¹²).

В свою очередь, более благополучные страны (Россия, Китай, Индонезия) в своей политике более сконцентрированы на развитии и совершенствовании таких направлений, как доступность медицинских услуг, развитие высококвалифицированного рынка труда, сокращение территориальных диспропорций. В этой связи интересен опыт Индонезии. Для страны характерно нетипичное преобладание микробизнеса, что нашло свое отражение даже в Конституции страны (статья 156 глава 14 «Национальная экономика и социальное благоденствие»), в которой говорится, что «национальная экономика создаётся совместными усилиями как общественное достояние, в основе которого лежит семейный труд¹³. В стране провозглашена политика, которая одновременно ориентируется на Цели развития тысячелетия и на более поздние Цели устойчивого развития. Также для решения специфических проблем (массовые инфекционные заболевания, доступ к питьевой воде, которого нет у более, чем 30% населения) имеются специальные законы, например, Закон № 7 о водных ресурсах 2004 года. Но самым

⁹ <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d>

¹⁰ <https://blogs.worldbank.org/ru/voices/up-or-down-how-have-poverty-rates-low-and-middle-income-countries-changed-2023>

¹¹ <https://rossaprimavera.ru/news/c67f1d19>

¹² <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d>

¹³ Конституция Индонезии в редакции 2003 г. <https://jdih.bapeten.go.id/unggah/dokumen/peraturan/116-full.pdf>

ценным в опыте Индонезии представляется их политика в области образования. В Конституции страны в редакции 2003 года образованию посвящена целая глава (статьи 149-152). В них говорится о том, что каждый гражданин имеет право на базовое образование, а правительство обязано гарантировать его получение и обеспечить организацию и управление единой системы национального образования. Согласно статье 152, государство должно в приоритетном порядке выделять не менее 20% государственного бюджета и бюджетов провинций для целей обеспечения потребностей национального образования.

Заключение

Обеспечение национальной безопасности на национальном уровне практически невозможно без использования механизмов международного сотрудничества и кооперации. При этом не следует ожидать, что вступление в БРИКС или любую другую международную организацию автоматически решит все проблемы страны. Вместе с тем представляется, что именно формат БРИКС позволяет странам максимально полно использовать преимущества членства в национальных интересах без ущерба для интересов других стран.

Дело в том, что концепция организации предполагает возможность ориентации на собственные национальные цели, добавляя к этому возможность сотрудничества в тех областях, где национальные интересы совпадают. С одной стороны, это придает большую «гибкость» всему институту БРИКС в сравнении с традиционными интеграционными блоками, в частности ЕС. С другой, – позволяет обходить сложные вопросы в двусторонних отношениях, что дает возможность сосредоточиться

на продвижении взаимовыгодных инициатив. Так, есть неурегулированные политические разногласия между Индией и Китаем, к которым относятся и территориальные вопросы, и видение будущей логистической карты мира, и некоторые конкурирующие между собой положения «Китайской мечты» и программы «Самодостаточный Бхарат», но это не мешает им мирно продвигать другие инициативы БРИКС. Еще пример, большинство стран-участниц одновременно входят в другие интеграционные объединения или международные организации. Например, все рассмотренные страны являются членами ООН, 6 стран входят в G-20, Бразилия – член МЕРКОСУР, АРЕ и Эфиопия входят в Африканский Союз, Индонезия – член АСЕАН. Можно сказать, что в определенном смысле БРИКС дополняет инициативы в рамках ШОС и ЕАЭС. Именно эта «гибкость» формата позволяет странам максимально использовать статус члена БРИКС в целях обеспечения собственной экономической безопасности. Более того, для некоторых стран, например Ирана, БРИКС дает дополнительную возможность выхода на международный уровень.

Интересно отметить, что при анализе политики по обеспечению собственной национальной экономической безопасности было установлено, что у большинства рассмотренных стран четко прослеживаются общие черты, которые по праву могут считаться отражением российского и даже советского опыта. В частности, для этих стран характерна большая доля государства в экономике, у всех присутствует планирование, а у некоторых именно пятилетнее (Иран, Индонезия). Более того, не следует забывать, что действующая концепция сотрудничества стран БРИКС была разработана Россией. Вместе с тем есть и влияние международной повестки, особенно «зеленой».

Литература:

1. Андропова И.В., Гусаков Н.П., Завьялова Е.Б. Финансирование терроризма: новые вызовы для международной безопасности // Вестник международных организаций. Т. 15. № 1. 2020. С. 120–134. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-05.
2. Баетов А.Б. Концепции глобальной и региональной финансовой безопасности государства в современный период // Юридическая наука. 2016. № 2.
3. Глинская М.В., Абросимова В.В. Анализ деятельности стран альянса БРИКС по обеспечению экономической безопасности в глобальном пространстве на современном этапе // Мировая экономика в XXI веке: Value and Values: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 7 декабря 2018 г. 2019. С. 73-85.

4. Есиков С.Н. Проблемы интеграции России в мировое хозяйство и ее экономическая безопасность // Прогрессивная экономика. 2024. № 2.
5. Завьялова Е.Б. Проблемы современного Китая: неравенство доходов, бедность, система социального обеспечения // Социальная ответственность: вызовы времени : коллективная монография / Под ред. Е.Б. Завьяловой. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 89-101.
6. Завьялова Е.Б. Торгово-экономические отношения России и Китая в новых мировых условиях // Социально-экономические векторы развития России и Китая: сб. материалов российско-китайского круглого стола V международного форума «Сотрудничество государства и бизнеса для решения социальных проблем». (Москва, МГИМО, 4 декабря 2015 г.) / Под ред. Е.Б. Завьяловой и Лю Цзюань. М., 2017 - С. 20-27.
7. Киртон Д.Д., Ларионова М.В. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. № 2.
8. Козырь Н.С., Яркина М.В. Разработка подходов к оценке экономической безопасности государств на примере альянса БРИКС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 8(365).
9. Кумар Сурендер. Стратегия развития для будущей Индии и программа «Самодостаточный Бхарат» // Современная мировая экономика. № 1(4). 2024. DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-4-72-90.
10. Леванова Е.Г. Проблема продовольственной безопасности в рамках БРИКС // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2015. № 1.
11. Миронов Р.Ю., Григорьева Е.М. Оценка потенциала создания наднациональной валюты стран БРИКС // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. № 5.
12. Орлов К.А. Влияние процессов глобализации и локализации на экономическую безопасность государства // Инновации и инвестиции. 2018. № 10.
13. Пак А.Ю., Андропова И.В. Концептуальные основы экономической безопасности регионального интеграционного объединения // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2022. № 4.
14. Прикладова А.А. Влияние стран БРИКС на экономическую безопасность России // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 3(56).
15. Сотрудничество государства и бизнеса для решения социальных проблем: коллективная монография / Под ред. Е.Б. Завьяловой. М.: МГИМО, 2017. - 254 с.
16. Социально-экономические векторы развития России и Китая: сб. материалов российско-китайского круглого стола V международного форума «Сотрудничество государства и бизнеса для решения социальных проблем». (Москва, МГИМО, 4 декабря 2015 г.) / Под ред. Е.Б. Завьяловой и Лю Цзюань. М., 2017 - 157 с.
17. Стратегическое партнерство России и Китая в сфере энергетики: монография / Под ред. Е.Б. Завьяловой, Ван Сяоцюаня. М., 2019. - 296 с.
18. Тумайкина И.И. Экономическая безопасность Группы БРИКС // Гуманитарный научный журнал. 2015. № 2.
19. Шаховская Л.С., Матковская Я.С. Интеграционные объединения в современной мировой экономике: глобальные тенденции и возможности их использования в интересах экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 4 (349).
20. Шашло Н.В., Астраханцева А.В. Политика и практика обеспечения продовольственной безопасности стран-участниц союза БРИКС // АНИ: экономика и управление. 2018. № 3(24).
21. Шашло Н.В., Родионов А.В., Ким В.В. Факторы обеспечения экономической безопасности транснациональных банковских структур // АНИ: экономика и управление. 2018. № 4(25).

COOPERATION WITHIN THE BRICS TO ENSURE NATIONAL ECONOMIC SECURITY

***Introduction.** Since 2020, cooperation within the BRICS has been developing in accordance with the Concept of Cooperation initiated by the Russian Federation. The concept was designed until 2025, so the contours of future cooperation are being actively discussed today. In the presented article, the author examines the possibilities of intra-block interaction for ensuring the national economic security of the participating countries. The article examines national interests, identifies points of convergence and difficulties*

in bilateral relations. Based on the analysis, the potential for cooperation is assessed and the most effective forms of interaction are proposed.

***Materials and methods.** When writing the article, the comparative method of scientific research was used. At the first stage, an analysis of the national documents of the participating countries directly or indirectly regulating the issues of economic security was carried out. The provisions of these documents were also compared with the provisions of the "BRICS*

Cooperation Concept". Further, based on the analysis of official statistical data provided by both international structures and national agencies and ministries, the progress of the countries in achieving their own national interests in the field of economic security was assessed.

The results of the study. The author found that the BRIC countries have four approaches to regulating economic security issues: the existence of a special document, the consolidation of economic security provisions in the constitution, the inclusion of security issues in general economic regulation, and the implementation of national programs. There was also a discrepancy between the interests and priorities of a number of countries. Some countries, including Russia, are more concerned about the changing world order, energy security, moving away from the dollar in international settlements, and circumventing economic and financial sanctions. At the same time, food security and poverty remain the most pressing issues for other countries.

Discussion and conclusion. Among the BRICS countries, only Russia has a comprehensive economic security strategy. Ensuring economic security within

the framework of general economic regulation is carried out by China and India. Iran, Indonesia and Egypt have fixed the main provisions in their constitutions. Other countries prefer nationwide programs in particular areas. An analysis of both regulatory documents and the expenses for implementing a certain economic policy has made it possible to establish that Russia and China are concerned about the problems of increasing competition for leading positions in the global economy. The issue of energy security is relevant for everyone, but for Russia and Iran it is a stable export, and for South Africa it is a problem of energy poverty. Moving away from the dollar is important for Russia, Iran, China, and to a certain extent for the UAE. The problems of food security and poverty are relevant for Egypt, Brazil, Ethiopia, South Africa, and partly for the UAE. It was found that Indonesia and the UAE are among the countries considered to be in the relevant «economic security».

Alexey V. Vasilev,
applicant, the Department of Economic
Policy and Public-Private Partnership (EPPP)
of MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Ключевые слова:

экономическая безопасность, Россия, Китай, Бразилия, Индия, Эфиопия, ЮАР, Индонезия, ОАЭ, БРИКС.

Keywords:

economic security, Russia, China, Brazil, India, Ethiopia, South Africa, Indonesia, UAE, BRICS.

References:

1. Andronova I.V., Gusakov N.P., Zav'yalova E.B., 2020. Finansirovanie terrorizma: novye vyzovy dlya mezhdunarodnoi bezopasnosti [Terrorism Financing: New Challenges for International Security]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii [International Organisations Research Journal]*. Vol. 15. № 1. S. 120–134. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-05.
2. Baetov A.B., 2016. Kontseptsii global'noi i regional'noi finansovoi bezopasnosti gosudarstva v sovremennyi period [Concepts of global and regional financial security of the state in the modern period]. *Yuridicheskaya nauka [Legal science]*. № 2.
3. Glinskaya M.V., Abrosimova V.V., 2019. Analiz deyatel'nosti stran al'yansa BRIKS po obespecheniyu ekonomicheskoi bezopasnosti v global'nom prostranstve na sovremennom etape [Analysis of the activities of the BRICS alliance countries to ensure economic security in the global space at the present stage]. *Mirovaya ekonomika v XXI veke: Value and Values: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, RUDN, 7 dekabrya 2018 g. [Global Economy in the 21st Century: Value and Values: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, RUDN, December 7, 2018]*. S. 73-85.
4. Esikov S.N., 2024. Problemy integratsii Rossii v mirovoe khozyaistvo i ee ekonomicheskaya bezopasnost' [Problems of Russia's integration into the world economy and its economic security]. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*. № 2.
5. Zav'yalova E.B., 2016. Problemy sovremennogo Kitaya: neravenstvo dokhodov, bednost', sistema sotsial'nogo obespecheniya [Problems of modern China: income inequality, poverty, social security system]. *Sotsial'naya otvetstvennost': vyzovy vremeni. Kollektivnaya monografiya [Social Responsibility: Challenges of the Time. Collective Monograph]*. Ed. by E.B. Zav'yalova. Moscow, MGIMO-University, S. 89-101.
6. Zav'yalova E.B., 2017. Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Rossii i Kitaya v novykh mirovykh usloviyakh [Trade and economic relations between Russia and China in the new world conditions]. *Sotsial'no-ekonomicheskie vektory razvitiya Rossii i Kitaya: sb. materialov rossiisko-kitaiskogo kruglogo stola V mezhdunarodnogo foruma «Sotrudnichestvo gosudarstva i biznesa dlya resheniya sotsial'nykh problem». (Moskva, MGIMO, 4 dekabrya 2015 g.) [Socio-economic vectors of development of Russia and China: collection of materials of the Russian-Chinese round table of the 5th international forum "Cooperation of the state and business to solve social problems". (Moscow, MGIMO-University, December 4, 2015)]*. Ed. by E.B. Zav'yalova and Liu Juan. Moscow, S. 20-27.

7. Kirton D.D., Larionova M.V., 2022. BRIKS. Pervye 15 let sotrudnichestva [BRICS. The First 15 Years of Cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii [International Organisations Research Journal]*. № 2.
8. Kozyr' N.S., Yarkina M.V., 2018. Razrabotka podkhodov k otsenke ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstv na primere al'yansa BRIKS [Development of approaches to assessing the economic security of states using the example of the BRICS alliance]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]*. № 8 (365).
9. Kumar Surender, 2024. Strategiya razvitiya dlya budushchei Indii i programma «Samodostatochnyi Bkharat» [Development Strategy for Future India and the Self-Reliant Bharat Programme]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika [Modern world economy]*. № 1(4). DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-4-72-90.
10. Levanova E.G., 2015. Problema prodovol'stvennoi bezopasnosti v ramkakh BRIKS [The Problem of Food Security within BRICS]. *Politika, ekonomika i sotsial'naya sfera: problemy vzaimodeistviya [Politics, economics and social sphere: problems of interaction]*. № 1.
11. Mironov R.Yu., Grigor'eva E.M., 2023. Otsenka potentsiala sozdaniya nadnatsional'noi valyuty stran BRIKS [Assessing the Potential for the Creation of a Supranational Currency for the BRICS Countries]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]*. № 5.
12. Orlov K.A., 2018. Vliyanie protsessov globalizatsii i lokalizatsii na ekonomicheskuyu bezopasnost' gosudarstva [The impact of globalization and localization processes on the economic security of the state]. *Innovatsii i investitsii [Innovation and Investment]*. № 10.
13. Pak A.Yu., Andronova I.V., 2022. Kontseptual'nye osnovy ekonomicheskoi bezopasnosti regional'nogo integratsionnogo ob'edineniya [Conceptual foundations of economic security of a regional integration association]. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika [RUDN Bulletin. Series: Economics]*. № 4.
14. Prikladova A.A., 2018. Vliyanie stran BRIKS na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii [The Influence of BRICS Countries on Russia's Economic Security]. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene [National Security]*. № 3(56).
15. Cotrudnichestvo gosudarstva i biznesa dlya resheniya sotsial'nykh problem: kollektivnaya monografiya [Cooperation between the state and business to solve social problems: a collective monograph]. *Ed. by E.B. Zav'yalova*. Moscow, MGIMO-University, 2017. - 254 s.
16. Sotsial'no-ekonomicheskie vektory razvitiya Rossii i Kitaya: sb. materialov rossiisko-kitaiskogo kruglogo stola V mezhdunarodnogo foruma «Sotrudnichestvo gosudarstva i biznesa dlya resheniya sotsial'nykh problem». (Moskva, MGIMO, 4 dekabrya 2015 g.) [Socio-economic vectors of development of Russia and China: collection of materials of the Russian-Chinese round table of the 5th international forum "Cooperation of the state and business to solve social problems". (Moscow, MGIMO-University, December 4, 2015)]. *Ed. by E.B. Zavyalova and Liu Juan*. Moscow, 2017 - 157 c.
17. Strategicheskoe partnerstvo Rossii i Kitaya v sfere energetiki: monografiya [Strategic partnership of Russia and China in the energy sector: monograph]. *Ed. E.B. Zavyalova, Wang Xiaoquan*. Moscow, 2019 - 296 c.
18. Tumaikina I.I., 2015. Ekonomicheskaya bezopasnost' Gruppy BRIKS [Economic Security of the BRICS Group]. *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal [Humanitarian Scientific Journal]*. № 2.
19. Shakhovskaya L.S., Matkovskaya Ya.S., 2017. Integratsionnye ob'edineniya v sovremennoi mirovoi ekonomike: global'nye tendentsii i vozmozhnosti ikh ispol'zovaniya v interesakh ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Integration associations in the modern world economy: global trends and possibilities of their use in the interests of economic security of Russia]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*. № 4 (349).
20. Shashlo N.V., Astrakhantseva A.V., 2018. Politika i praktika obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti stran-uchastnits soyuza BRIKS [Food security policy and practice of the BRICS member countries]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]*. № 3(24).
21. Shashlo N.V., Rodionov A.V., Kim V.V., 2018. Faktory obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti transnatsional'nykh bankovskikh struktur [Factors of ensuring economic security of transnational banking structures]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]*. № 4(25).

ПАРТНЕРСКИЕ ФИНАНСЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЬ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Эльвира Аминова*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-217-224

Введение. В статье анализируются промежуточные итоги реализации эксперимента по партнерскому финансированию в соответствии с ФЗ от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В условиях нарастающего санкционного давления возрастает значение партнерского финансирования как дополнительного источника ресурсов для экономического развития страны.

Материалы и методы. В работе использованы общенаучные и специальные методы познания: метод системно-структурного анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнительно-правовой и формально-юридический метод.

Результаты исследования. Современный этап развития института партнерского финансирования ознаменовался принятием ряда базовых документов, легализующих создание и развитие партнерского финансирования в России, в частности, ФЗ № 417-ФЗ «О проведении эксперимента ...», который устанавливает ключевые требования, в том числе порядок приобретения статуса и осуществления деятельности участника эксперимента, виды предлагаемых исламских финансовых продуктов и др. Прошедший год продемонстрировал определенный рост зарегистрированных в Реестре Банка России организаций партнерского финансирования, объем сделок за первое полугодие 2024 года составил 5,4 млрд рублей, но также выявил ряд вопросов, сдерживающих развитие партнерского финансирования в России.

Обсуждение и заключение. В ходе реализации эксперимента по партнерскому финансированию выявлены определенные проблемы: невысокие темпы регистрации участников эксперимента и территориальная неоднородность создания таких организаций; достаточно небольшой перечень предлагаемых

* **Аминова Эльвира Маиловна**, кандидат юридических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры финансов и финансового менеджмента Одинцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: el.aminova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-0747-882X

финансовых продуктов и их более высокая стоимость и, соответственно, меньшая конкурентоспособность по сравнению с классическими банковскими продуктами; недостаточная осведомленность и финансовая грамотность населения и бизнеса в области партнерских финансов и др. Предложены меры по совершенствованию правового регулирования партнерского финансирования. Партнерское финансирование следует рассматривать как перспективную альтернативную бизнес-модель, которая позволит расширить перечень предлагаемых финансовых продуктов, привлечь новых участников и инвестиции в экономику страны, а также как инструмент стратегического направления развития международного сотрудничества с исламскими странами.

Введение

Российская кредитно-финансовая система, в значительной степени испытывая негативные последствия санкций (отсутствие доступа к зарубежным капиталам, отключение от международных платежных систем, др.), находится в стадии трансформации, поиска альтернативных финансовых инструментов [3].

Одним из таких альтернативных финансовых инструментов в условиях усиливающегося санкционного давления, является исламский (партнерский) банкинг, который, несмотря на недолгую историю развития, продемонстрировал финансовую устойчивость и деловую гибкость в кризисных ситуациях¹ [7]. Исламский банковский сектор, в соответствии с заявлениями международных экспертов, действуют сейчас в 105 странах, а совокупная стоимость активов под управлением исламского банкинга в 2020 году составила около \$2,9 триллиона². По прогнозам в ближайшие годы рынок исламского банкинга будет продолжать расти, достигнет к 2024 году \$3,8 триллиона, что составляет примерно 6,6 % от общего мирового банковского рынка [8].

Исследование

Становление и развитие партнерского банкинга в России происходило в несколько этапов. В ряде субъектов Российской

Федерации (Татарстане, Башкортостан, Дагестане) с 1990-х годов был наработан определенный опыт предоставления отдельных продуктов исламского банкинга. Однако до 2023 г. развитие исламского банкинга характеризовалось отсутствием нормативного регулирования этой сферы и использованием лишь отдельных его инструментов. Эта ситуация не позволила сформировать полноценную эффективную финансовую модель, которая отличалась бы доходностью и инвестиционной привлекательностью.

Тем не менее специалисты считают, что партнерский банкинг может способствовать привлечению в экономику страны финансовых ресурсов «российских мусульман в объеме нескольких миллиардов рублей и инвестиций из стран Центральной Азии и Ближнего Востока»³ и как альтернативный источник финансирования способствовать «повышению роли финансового рынка в финансировании трансформации российской экономики; повышению финансовой доступности для граждан и бизнеса; трансформации внешнеторговых платежей и расчетов; обеспечению финансовой стабильности»⁴.

Современный этап становления института партнерского финансирования, связан с принятием политического решения о внедрении инструментов исламского банкинга и выбором оптимальной для России модели регулирования банкинга, основанного на нормах шариата. В «Основных

¹ Официальный сайт информационно-аналитического издания «Исламские финансы и бизнес в России»// <http://islamic-finance.ru/>

² Islamic Finance Development Indicator [Electronic resource]. URL: https://icdps.org/uploads/files/ICD%20Refinitiv%20ifdi-report-20221669878247_1582.pdf.

³ Официальный сайт информационно-аналитического издания «Исламские финансы и бизнес в России»// <http://islamic-finance.ru>.

⁴ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. Одобрены Советом директоров Банка России. 06.12.2022.

направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов», Банк России впервые отчетливо заявил, что «в изменившихся условиях может усилиться роль партнерского финансирования как еще одного источника ресурсов для экономического развития»⁵.

В мире сложилось несколько подходов к правовому регулированию исламского банкинга, сформировавших монистическую, дуалистическую и комбинированную модели регулирования. Банком России была избрана комбинированная модель, в рамках которой партнерское финансирование регулируется традиционным банковским законодательством с учетом специфики исламских норм. Опыт использования данной модели существует в таких странах, как Азербайджан и Казахстан [1].

Были приняты и другие документы стратегического характера, легализующие создание и развитие партнерского финансирования в России, такие как «Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора», утвержденные Банком России, «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2030 года», утвержденной Правительством РФ, в которой также указывается, что одним из ключевых аспектов решения системных проблем в экономике и социальной сфере является расширение доступа к финансовым ресурсам для реализации проектов развития, в том числе за счет внедрения финансовых продуктов, «аналогичных исламскому банкингу»⁶.

И наконец, 4 августа 2023 г. был принят Федеральный закон N 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым стартовал «эксперимент по развитию партнерского

финансирования в нескольких субъектах Российской Федерации (Республике Башкортостан, Республике Дагестан, Республике Татарстан и Чеченской Республике)»⁷. По итогам эксперимента будет выявлена эффективность правового регулирования партнерского финансирования и целесообразность распространения данной бизнес-модели банкинга на другие регионы России.

Закон устанавливает правовые основы регулирования партнерского финансирования и деятельности субъектов по предоставлению финансовых услуг на российском финансовом рынке. Источниками регулирования этой деятельности являются также нормативные акты Банка России (в частности, Указание Банка России от 11 августа 2023 г. № 6503-У «О ведении Банком России реестра участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию») и рекомендации Экспертного совета, созданного при Правительстве РФ.

Закон приводит расширенный перечень субъектов, которые вправе осуществлять партнерское финансирование. Ими могут быть не только кредитные и некредитные финансовые организации, но также потребительские кооперативы, автономные некоммерческие организации, общественно полезные фонды, хозяйственные общества или товарищества. Достаточно большой перечень организаций, не являющихся финансовыми и не имеющих опыта такого рода деятельности, особенно на этапе становления партнерского финансирования, может привести к различного рода негативным последствиям и дискредитации новой бизнес-модели финансирования на российском рынке. Указание Банка России № 6503-У п. 2.11.3. предусматривает также возможность участия в эксперименте «юридического лица, зарегистрированного в иностранном государстве в форме акционера, не являющегося кредитной организацией

⁵ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. Одобрены Советом директоров Банка России. 06.12.2022. https://cbr.ru/Content/Document/File/139354/financial_market_20220804.pdf

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2022 № 1089-р (ред. от 19.08.2023) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года».

⁷ ФЗ от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

или некредитной финансовой организацией». В перспективе предполагается также открытие филиалов иностранных банков дружественных государств в целях дополнительного финансирования и «привлечения иностранных инвестиций в экономику России и ее структурной трансформации»⁸. Можно надеяться, что это положение будет реализовано на следующем этапе развития партнерского финансирования. Создание филиалов стабильных и эффективных исламских банков под контролем ЦБ РФ, обладающих значительным опытом в этой сфере, могло бы способствовать популяризации и развитию партнерского финансирования в России.

Воспользоваться инструментами партнерского финансирования могут как физические, так и юридические лица, вне зависимости от социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Важно отметить, что в целях обеспечения конкурентоспособности партнерского финансирования физические лица, заключающие договор купли-продажи с отсрочкой (рассрочкой) платежа, имеют право на получение государственной поддержки на оплату в соответствии с ФЗ от 3 июля 2019 года № 157-ФЗ⁹, а также могут использовать средства материнского капитала¹⁰. Однако эта норма распространяется только на договоры купли-продажи, заключенные с кредитной организацией, что создает неравные условия для других участников эксперимента.

ФЗ № 417-ФЗ устанавливает относительно низкие требования (по сравнению с традиционным банкингом) к минимальному размеру собственного капитала участника эксперимента, не являющегося кредитной организацией или некредитной финансовой организацией, в размере 10 миллионов рублей; с 1 января 2024 года - 15 миллионов рублей»¹¹. Ограничения установлены так-

же на стоимость имущества в неденежной форме, не более 20 % долей в уставном капитале участника эксперимента. При соответствии установленным требованиям и внесении участника эксперимента в реестр Банка России, он приобретает право на проведение сделок по партнерскому финансированию при соблюдении следующих условий:

- «запрет на установление дохода в виде процентной ставки (при этом возможно установление вознаграждения в виде дохода величина которого меняется в зависимости от результатов совершения сделок (операций);

- запрет финансирования производства табачной и алкогольной продукции, оружия, боеприпасов, торговли такими товарами, а также с игорным бизнесом»¹².

ФЗ № 417-ФЗ устанавливает ограниченный перечень допустимых сделок (операций) для участников эксперимента:

- 1) «привлечение денежных средств и (или) иного имущества физических и юридических лиц в форме займа, путем размещения облигаций, приема имущества в доверительное управление и (или) приема вклада (пая) в уставный (складочный, паевой) капитал участника эксперимента;

- 2) предоставление денежных средств в форме займа физическим и юридическим лицам;

- 3) финансирование физических и юридических лиц путем купли-продажи товаров (в том числе недвижимого имущества) на условиях рассрочки (отсрочки) оплаты товаров;

- 4) финансирование физических и юридических лиц путем предоставления имущества по договору финансовой аренды (лизинга);

- 5) выдачу поручительств за третьих лиц»¹³.

В отличие от ФЗ от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской дея-

⁸ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (разработаны Банком России).

⁹ ФЗ от 3 июля 2019 года № 157-ФЗ «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)».

¹⁰ ФЗ от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

¹¹ ФЗ от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹² Там же

¹³ Там же

тельности» на участников эксперимента не распространяется принцип исключительности банковской деятельности, что позволяет им совмещать партнерский банкинг с другими видами деятельности, в том числе и торговой.

Самыми сложными вопросами в организации деятельности по партнерскому финансированию являются вопросы осуществления контроля (надзора) за соблюдением законодательства РФ в данной сфере, обеспечением эффективности партнерского финансирования и качеством предоставляемых финансовых услуг. Базовыми условиями успешного партнерского банкинга являются исламские этические стандарты и ответственность сторон, которые способствуют укреплению доверия, честности и социальной ответственности [6]. С этим также связано получение одобрения от шариатских советов, которые состоят из ученых-мусульман и экспертов по финансам, и наличие которых обязательно для исламских банков. К сожалению, статья 10 ФЗ № 417-ФЗ, устанавливающая нормы по контролю и надзору за деятельностью участников эксперимента, носит описательный характер и приводит лишь перечень функций Банка России по контролю и надзору за соблюдением участниками эксперимента нормативных актов Банка России. При этом не регулируются вопросы организации внутреннего контроля в самих организациях-участниках эксперимента. В связи с этим при осуществлении внутреннего шариатского аудита, участники эксперимента сталкиваются с недостатком высококвалифицированных специалистов в этой сфере, часто возникает необходимость привлечения внешнего эксперта для получения шариатского заключения, поскольку небольшие активы компаний, занимающихся партнерским финансированием, не позволяют покрывать расходы на внутренний шариатский аудит.

С целью решения указанных задач Сбербанк и Духовное управление мусульман России (ДУМ РФ), создали совместную рабочую группу, в состав которой вошли представители ДУМ РФ и Шариатского консультационного совета Сбербанка, которая и будет заниматься разработкой и развитием инициатив в данной сфере.

Не урегулированными остались также вопросы разрешения споров в сфере пар-

тнерского финансирования и соблюдения законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [4]. Безусловно, дальнейшее развитие партнерского банкинга в России потребует нормативного регулирования этих вопросов.

Как сообщила директор департамента стратегического развития финансового рынка Банка России Екатерина Лозгачева на форуме «Экономика Дагестана: потенциал и вектор развития», промежуточные итоги реализации проекта по внедрению партнерского финансирования показывают, что отмечается определенный рост участников эксперимента, при этом «объем сделок за первое полугодие 2024 года превысил 5 млрд рублей (привлеченных средств – 3 млрд рублей, объем средств по размещению – 2,4 млрд рублей)¹⁴.

Однако прошедший год выявил ряд проблем, препятствующих эффективному развитию партнерского финансирования:

Невысокие темпы регистрации участников эксперимента и территориальная неоднородность формирования организаций – участников эксперимента. Так, в реестре Банка России к сентябрю 2024 г. зарегистрировано 23 организации. При этом, 17 из них созданы в Татарстане, 6 – в Москве, 4 – в Башкортостане, 1 – в Чеченской Республике. В Дагестане на данный момент только Сбербанк осуществляет услуги по партнерскому финансированию. Ранее зарегистрированная организация исключена из Реестра ЦБ РФ. При этом в РД услуги по продаже товаров в рассрочку в соответствии с Гражданским кодексом РФ предоставляют более 15 организаций.

Интерес к этому проявляют и зарубежные партнеры: участие в эксперименте планирует «Мир Бизнес Банк» из Ирана. Для успешной реализации эксперимента по развитию партнерского финансирования в России необходимо более широкое освещение и активное продвижение этого проекта во всех регионах-участниках эксперимента;

Пока продукты партнерского финансирования являются более дорогими и, соответственно, менее конкурентоспособными по сравнению с классическими банковскими продуктами. В частности, финансирование купли-продажи недвижимого имущества

¹⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7064872>

на условиях рассрочки (ипотека) обходится для участников эксперимента (кроме кредитных организаций) дороже, чем традиционные ипотечные кредиты, на которые распространяются различные программы льготного кредитования. Учитывая, что основные клиенты партнерского банкинга — это многодетные семейные пары, доступность жилья для них очень значима. Ситуацию можно было бы улучшить, если бы участники эксперимента стали частью программы субсидирования процентной ставки и других льготных программ (семейной ипотеки, сельской ипотеки и др.). Это могло бы способствовать повышению доступности жилья и решению вопросов социальной справедливости.

Кроме того, традиционные банки могут получать недорогие кредиты от ЦБ, что не предусмотрено для некредитных финансовых организаций, осуществляющих партнерский банкинг. Еще одна проблема, по мнению автора, заключается в низкой капитализации организаций партнерского финансирования (с 2024 г. -15 млн рублей). Столь небольшие активы не позволяют эффективно осуществлять деятельность, влияют на стоимость, качество и количество предлагаемых услуг. Крупные финансовые организации, в том числе филиалы иностранных банков, осуществляющих эту модель банкинга, могли бы стать драйверами в процессе развития партнерского финансирования в России. Тем более что в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов» предусмотрена возможность создания филиалов иностранных банков дружественных государств.

Небольшой перечень финансовых продуктов, предоставляемых в соответствии с ФЗ № 417-ФЗ. Так, в связи с покупкой автомобиля в рассрочку возникают вопросы обязательного страхования, требования к которым не позволяют осуществлять их в рамках ислама. В целом правовое регулирование сферы страхования в соответствии с нормами ислама, в том числе страхование здоровья, является еще одним важным направлением, сопровождающим процесс успешного развития партнерского финансирования в России.

Необходимость создания единой инфраструктуры партнерского финансирования, включающей в себя электронную торговую

площадку, единый информационный портал, способный объединить предложения участников рынка, информационно-обучающие материалы и др.

Недостаточная осведомленность и финансовая грамотность населения и бизнеса в области партнерских финансов, а также дефицит квалифицированных кадров в этой сфере сказываются на темпах развития партнерского финансирования [8]. Как показывают исследования, «знание продукта, его преимущества статистически значительно влияют на восприятие доверия к исламским банкам, что в свою очередь оказывает существенное влияние на внедрение партнерского банкинга в стране»¹⁵.

Заключение

Проведение эксперимента по партнерскому финансированию в первую очередь направлено на привлечение свободных денежных средств и финансирование жителей России, исповедующих ислам. Однако данная бизнес-модель может быть привлекательной для более широкого круга лиц и носить светский характер, т.к. базовым принципом исламского финансирования является система участия в акционерном капитале, предусматривающая распределение прибыли между участниками, и в целом обладает социально-ответственной экономической направленностью.

Так, общемировая практика показывает, что более 57% клиентов исламского финансирования – не мусульмане. Например, в Малайзии более 67% клиентской базы исламских финансовых институтов – не мусульмане. Такая же ситуация характерна и для Великобритании, Германии, Швейцарии, Люксембурга, а основной рынок исламских ценных бумаг – это Ирландия. То есть на мировом финансовом рынке формируется клиентский сектор, который не относит себя к какой-либо религии, но пользуется исламскими финансовыми продуктами.

Привлекательность партнерского финансирования обусловлена также социально ориентированным подходом к распределению прибыли и солидарной ответственностью между финансовой организацией и клиентом по реализуемым сделкам. Эти подходы соответствуют «ESG (Environmental, Social, Governance) principles – принципам

¹⁵ URL: <https://ria.ru/20231103/banking-1907301781.html?ysclid=lph1yfy2lg802556553>

деятельности компании, основанным на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добро-совестном отношении с сотрудниками и клиентами и надлежащем корпоративном управлении» [5,7].

Таким образом, партнерское финансирование следует рассматривать как альтернативную модель ведения банковского бизнеса, способствующую увеличению спектра

предлагаемых финансовых продуктов, привлечению новых клиентов и инвестиций в экономику государства [2]. Развитие партнерских финансов также является перспективным инструментом для взаимодействия с исламскими странами. «Это стратегическое направление развития международного сотрудничества, привлечения инвестиций, расширения рынка экспорта отечественной продукции»¹⁶.

Литература:

1. Алексеева Д.Г. Правовые проблемы совершенствования российского законодательства в целях развития инструментов партнерского банкинга // Актуальные проблемы российского права. № 3. 2017. С. 108-115.
2. Аминова Э.М. Смена приоритетов во внешнеэкономической деятельности российских регионов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. № 2. 2023, С. 97-101.
3. Аминова Э.М. Влияние внешних рисков на обеспечение финансовой и экономической безопасности Российской Федерации // Право и управление XXI век. № 2 (55). 2020. С. 68-75.
4. Осадчев Д.Н. Развитие исламского банкинга в мире и его соответствие нормам противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 4 (172). 2023. С. 43-49.
5. Харисова Ф.И., Дерзаева Г.Г. Принципы управления и ESG-принципы в свете федерального закона о партнерском финансировании // Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2023: сборник материалов / Сост.: Р.Ш. Ахмадиева, Р.Н. Минниханов. Казань, 2023. С. 611-617.
6. Aijaz Khoso, Ubaid Ahmed Khan, Syed Ayaz Ahmad Shah, Tahira Firdous, Arif Mahmood Mustafai, Nasir Amin, Mahmood Ahmad. The impact of islamic ethical principles on employee commitment and retention in islamic banking institutions // Russian Law Journal. Vol. 11. No. 12s. 2023. P. 806-815.
7. Khatib Ahmad Khan, Hafiz Tahir Islam, Syed Shameel Ahmed Quadri, Muhammad Sarwar, Summer Aslam, Muhammad Ayyoub. Islamic model of political economy and finance and contemporary trends of financial engagements from historical policy management // Russian Law Journal. Vol. 11. No. 4. 2023. P. 782-786.
8. Sharofiddin Ashurov, Anwar Hasan Abdullah Othman. The effects of trust mediator and education level moderator on adoption of Islamic banking system in Tajikistan // Russian Journal of Economics. No. 5(3). 2019. P. 277-296. DOI: 10.32609/j.ruje.5.33497

PARTNERSHIP FINANCE AS AN ALTERNATIVE BUSINESS-MODEL OF FINANCING

Introduction. The article analyzes the interim results of the implementation of the experiment on partner financing in accordance with Federal Law No. 417-FZ dated August 4, 2023 "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the implementation of partner financing activities in certain subjects of the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". In the context of increasing sanctions pressure, the role of partner financing as another source of resources for the economic development of the country is increasing.

Materials and methods. The work uses the following general scientific and special methods of cognition: the method of system-structural analysis, synthesis, induction, deduction, comparative-legal and formal-legal method.

Research results. The current stage of development of the institute of partner financing was marked by the adoption of a number of basic documents legalizing the creation and development of partner financing in Russia, in particular Federal Law No. 417-FZ "On conducting an experiment ...", which, setting out the basic requirements for participants in the experiment, contains a number of unresolved issues

¹⁶ URL: <https://ria.ru/20231103/banking-1907301781.html?ysclid=lph1yfy2lg802556553>

(dispute resolution in the field of partner financing and compliance with legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime, etc.). The past year has demonstrated a certain growth of organizations registered in the Register of the Bank of Russia, the volume of transactions for the first half of 2024 amounted to 5.4 billion rubles and revealed a number of problems hindering the development of partner financing in Russia.

Discussion and conclusion. A number of problems can be noted during the implementation of the experiment on partnership financing: low rates of registration of participants in the experiment and the territorial heterogeneity of the creation of such organizations; so far, financial products of partnership financing are more expensive and, accordingly, less competitive compared to classical banking products; a fairly small list of financial products offered;

insufficient awareness and financial literacy of the population and business in the field of partner finance, etc. Measures to improve the legal support for partner financing are proposed. Partnership financing should be considered as a prospective alternative business model that will expand the list of financial products offered, attract new participants and investments in the country's economy. and as an instrument for the strategic direction of the development of international cooperation with Islamic countries.

Elvira M. Aminova,
Candidate of sciences (law),
Candidate of technical sciences, associate
professor, the Department of Finance
and Financial Management, Odintsovo
Branch of MGIMO-University

Ключевые слова:

партнерское финансирование,
альтернативная бизнес- модель, исламский
банкинг, международное сотрудничество с
исламскими государствами.

Keywords:

partnership financing, alternative business
model, Islamic banking, international
cooperation with Islamic states.

References:

1. Alekseeva D.G., 2017. Pravovy'e problemy sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva v celyax razvitiya instrumentov partnerskogo bankinga [Legal problems of improving Russian legislation in order to develop partner banking tools]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Topical issues of russian law]*. № 3.
2. Aminova E.M., 2023. Smena prioritetov vo vneshnee'ekonomicheskoy deyatel'nosti rossijskix regionov [Change of priorities in foreign economic activity of Russian regions]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: e'konomika, nauka, texnologii [Competitiveness in a global world: economics, science, technology]*. № 2. S. 97-101.
3. Aminova E.M., 2020. Vliyanie vneshnix riskov na obespechenie finansovoj i ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Influence of external risks on ensuring financial and economic security of the Russian Federation]. *Pravo i upravlenie XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2 (55). S. 68-75.
4. Osadchev D. N., 2023. Razvitie islamskogo bankinga v mire i ego sootvetstvie normam protivodejstviya legalizacii (otmy'vaniyu) doxodov i finansirovaniyu terrorizma [Development of Islamic Banking in the World and Its Compliance with Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism Norms]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal [Economics and Management: scientific and practical journal]*. № 4 (172). S. 43-49.
5. Xarisoa F.I., Derzaeva G.G., 2023. Principy' upravleniya i ESG-principy' v svete federal'nogo zakona o partnerskom finansirovanii [Management principles and ESG – principles in the light of federal law on partnership financing]. *Mezhdunarodny'j forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2023: sbornik materialov [International forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2023: collection of materials]*. Ed. by R.Sh. Axmadieva, R.N. Minnixonov. Kazan, S. 611-617.
6. Aijaz Khoso, Ubaid Ahmed Khan, Syed Ayaz Ahmad Shah, Tahira Firdous, Arif Mahmood Mustafai, Nasir Amin, Mahmood Ahmad, 2023. The impact of islamic ethical principles on employee commitment and retention in islamic banking institutions. *Russian Law Journal*. Vol. 11. No. 12s. P. 806-815.
7. Khatib Ahmad Khan, Hafiz Tahir Islam, Syed Shameel Ahmed Quadri, Muhammad Sarwar, Summer Aslam, Muhammad Ayyoub, 2023. Islamic model of political economy and finance and contemporary trends of financial engagements from historical policy management. *Russian Law Journal*. Vol. 11. No 4. P. 782-786.
8. Sharofiddin Ashurov, Anwar Hasan Abdullah Othman, 2019. The effects of trust mediator and education level moderator on adoption of Islamic banking system in Tajikistan. *Russian Journal of Economics*. No. 5(3). P. 277-296. DOI: 10.32609/j.ruje.5.33497.

ЦИФРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Александр Волков*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-225-236

Введение. В условиях стремительного развития информационных технологий и их интеграции в различные сферы общественной и государственной жизни Цифровое правительство стало важным инструментом модернизации государственного управления. Цифровизация государственных услуг не только способствует повышению их доступности и прозрачности, но и значительно улучшает качество взаимодействия государства с гражданами и бизнесом. Российская Федерация и Республика Корея, несмотря на различия в социально-экономическом контексте, активно развивают направления цифрового государственного управления и цифрового правительства, реализуя масштабные государственные программы цифровизации. Эти страны демонстрируют различный подход к созданию и внедрению цифровых технологий, что делает их сравнительный анализ особенно значимым для выявления наиболее эффективных стратегий и технологий. Республика Корея традиционно занимает лидирующие позиции в мировых рейтингах по уровню развития электронного правительства, тогда как Россия наращивает темпы цифровизации, стремясь достигнуть глобальных стандартов в этой сфере.

Материалы и методы. В рамках исследования были использованы методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения данных, а также контент-анализ официальных документов, регулирующих цифровизацию государственного управления в Российской Федерации и Республике Корея.

Результаты исследования. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация государственного управления в Российской Федерации и Республике Корея развивается в различных институциональных и технологических контекстах, что обуславливает отличия в подходах и результатах. Республика Корея демонстрирует высокий уровень интеграции цифровых технологий в систему государственного управления, что

* **Волков Александр Сергеевич**, аспирант кафедры экономической политики и государственно-частного партнёрства МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: dvv2v@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-1171-5055

выражается в её ведущих позициях в международных рейтингах электронного правительства и успешной реализации концепции проактивных государственных услуг. В то же время Россия, находясь на этапе активного формирования цифровой инфраструктуры, делает упор на устранение цифрового неравенства и развитие базовых условий для масштабной цифровой трансформации.

Обсуждение и заключение. Сравнительный анализ показал, что российская модель цифровизации может извлечь значительные преимущества из адаптации элементов корейского опыта, особенно в таких аспектах, как персонализация услуг, использование искусственного интеллекта и построение умных городов. Таким образом, исследование не только выявило сильные и слабые стороны цифровых стратегий обеих стран, но и обозначило перспективные направления для обмена опытом и взаимного обогащения практик цифрового государственного управления.

Введение

В последние десятилетия информационные технологии играют ключевую роль в трансформации государственного управления, экономики и обществ в целом. Одним из наиболее значимых результатов этой трансформации стало развитие концепции цифрового государственного управления и электронного правительства, которая представляет собой комплекс мер и технологий, направленных на повышение эффективности и прозрачности взаимодействия государства с гражданами, бизнесом и другими участниками социально-экономических процессов. Цифровое правительство позволяет оптимизировать предоставление государственных услуг и существенно сокращать издержки, связанные с бюрократическими процессами, что делает его важным элементом модернизации государственного управления в большинстве стран мира [4].

В настоящее время цифровизация государственных услуг стала неотъемлемой частью государственной политики, и многие страны стремятся внедрять передовые технологии для повышения конкурентоспособности на международной арене и удовлетворения потребностей своих граждан. В этом контексте внимание привлекают усилия правительств таких стран, как Российская

Федерация и Республика Корея, чьи подходы к развитию электронного правительства существенно различаются [1]. Российская Федерация активно развивает инициативы в рамках национальных программ цифровизации, таких как «Цифровая экономика Российской Федерации» действующая с 2018 по конец 2024 года, делая акцент на расширении спектра цифровых услуг и интеграции новых технологий в государственное управление, а также самая современная национальная программа «Экономика данных и цифровая трансформация государства», действующая с 2025 года по 2030-й, декларирующая целью "цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы за счёт обеспечения кибербезопасности, бесперебойного доступа к Интернету, подготовки квалифицированных кадров для ИТ-отрасли, цифрового госуправления, развития отечественных цифровых платформ, программного обеспечения, перспективных разработок и искусственного интеллекта"¹. Республика Корея, в свою очередь, является одним из мировых лидеров в области цифровизации, занимая высокие позиции в рейтингах Организации Объединенных Наций по уровню развития электронного правительства² благодаря таким программам, как e-Government и "Digital New Deal"³,

¹ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» / Сайт Правительства РФ // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> Дата обращения: 15 февраля 2025 года

² Индекс развития электронного правительства в разбивке по странам на декабрь 2024 года / URL: <https://www.theworldranking.com/statistics/712/e-government-development-index-by-country/> Дата обращения: 12 февраля 2025 года

³ «Government Announces Overview of Korean New Deal» / Сайт министерства экономики и финансов Республики Корея // URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4940> Дата обращения: 20 февраля 2025 года

анонсированная в июле 2020 года в рамках программы цифровизации государственного управления "Korean New Deal".

Сравнительный анализ подходов этих стран позволяет выявить наиболее успешные практики, оценить их применимость в различных условиях стран и определить направления для совершенствования национальных стратегий цифровизации. Важно отметить, что обе страны активно используют передовые технологии, такие как искусственный интеллект, блокчейн и большие данные, что поднимает вопросы о технологических, организационных и социальных аспектах их внедрения.

Целью данной статьи является сравнительный анализ электронного правительства Российской Федерации и Республики Корея для выявления перспективных направлений развития цифрового государственного управления в РФ.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования решаются следующие задачи:

1. Провести анализ ключевых государственных программ цифровизации в России и Корее, их целей, этапов реализации и достигнутых результатов.
2. Сравнить подходы к внедрению цифровых технологий в государственное управление, включая использование инновационных инструментов и обеспечение кибербезопасности.
3. Оценить влияние национальных особенностей, включая уровень цифровой грамотности населения и культурные аспекты, на успешность реализации программ.
4. Выявить перспективные направления развития ЦГУ в РФ.

Научная значимость исследования заключается в возможности обобщения опыта двух стран, находящихся на разных уровнях цифровой зрелости, что может быть полезно для разработки эффективных стратегий цифровизации в условиях глобальной трансформации. Проведенный анализ позволит глубже понять современные тенденции в области цифровизации государственного управления, оценить возможности и вызовы, с которыми сталкиваются страны в процессе реализации цифровых технологий, а также предложить рекомендации по повышению эффективности электронного правительства в условиях быстро меняющегося технологического ландшафта.

Исследование

Цифровое государственное управление, включающее в себя Цифровое правительство, представляет собой концепцию, основанную на применении информационно-коммуникационных технологий для улучшения взаимодействия между государственными органами, гражданами и бизнесом. В основе этой концепции лежит использование цифровых технологий для повышения эффективности, прозрачности и доступности государственных процессов и услуг. Переход к цифровому государственному управлению стал неотъемлемой частью глобальной цифровой трансформации и является ключевым инструментом модернизации государственного аппарата [6].

Теоретические основы цифрового государственного управления базируются на нескольких ключевых положениях. Во-первых, цифровизация государственных услуг направлена на упрощение процедур и устранение избыточной бюрократии. Это достигается за счет автоматизации процессов, интеграции данных и создания цифровых платформ, которые позволяют гражданам и бизнесу получать доступ к услугам в режиме онлайн. Во-вторых, цифровое управление способствует повышению прозрачности деятельности государственных органов [13]. Благодаря внедрению технологий, таких как блокчейн, системы электронного документооборота и открытые данные, граждане получают возможность в новом формате получать государственные услуги, контролировать выполнение государственных функций и оценивать качество предоставляемых услуг. Соответственно снижается нагрузка на государственный аппарат и появляется необходимость в новых квалифицированных кадрах.

Эволюция цифрового государственного управления прошла в несколько этапов, начиная с создания электронных систем взаимодействия и переходя к более сложным моделям, таким как умное государство и цифровая экосистема. Обобщая широкий пласт информации, можно выделить три этапа. Первый – этап информатизации, в рамках которого государственные органы начали использовать интернет для публикации информации о своей деятельности. Вторым этапом были созданы платформы, предоставляющие гражданам возможность

взаимодействовать с государством через электронные формы, порталы и системы обратной связи. На третьем этапе появились полноценные транзакционные услуги, такие как онлайн-оплата налогов, подача заявлений и регистрация бизнесов. Современный этап цифровизации характеризуется интеграцией всех систем в единую цифровую платформу, использованием искусственного интеллекта (с разработкой генеративного ИИ для последующего внедрения) и Интернета вещей.

Цифровое государственное управление обладает рядом преимуществ, которые делают его не только актуальным, но и необходимым инструментом для современного общества. Цифровизация государственных услуг позволяет значительно сократить временные и финансовые издержки как для граждан и бизнеса, так и для государства. Современные цифровые технологии обеспечивают более высокий уровень персонализации, адаптируя услуги под конкретные потребности пользователей. Их использование способствует устранению коррупционных рисков за счет автоматизации процессов и минимизации человеческого фактора.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, внедрение цифрового государственного управления сопровождается рядом вызовов. Одним из наиболее острых является цифровое неравенство, которое выражается в неравномерном доступе к интернету и цифровым технологиям в разных регионах. Например, по данным из отчёта ПАО «Ростелеком» в России "неравенство ощущается в удаленных и малонаселенных районах, где стоимость подключения высока, а качество связи неудовлетворительное. В крупных городах доступ к Сети стал практически повсеместным"⁴, а уровень проникновения интернета к населению составил 92,2%⁵. В сравнение в Республике Корея уровень проникновения интернета к населению составляет 97,2% от общего населения страны⁶. Кроме того, важным вызовом остается

обеспечение кибербезопасности и защита персональных данных. Увеличение объема обрабатываемых данных и рост числа кибератак требуют разработки эффективных систем защиты информации. Не менее значимой проблемой является уровень цифровой грамотности населения, что создаёт барьеры для использования электронных услуг.

Одним из ключевых компонентов концепции цифрового государственного управления является взаимодействие между государственными органами, гражданами и бизнесом, которое может быть классифицировано по следующим направлениям [8]:

- G2C (Government-to-Citizen): предоставление услуг гражданам через цифровые платформы, включая регистрацию, подачу заявлений, получение справок и социальную поддержку.
- G2B (Government-to-Business): взаимодействие с бизнесом, направленное на упрощение процессов регистрации компаний, уплаты налогов, участия в государственных закупках и других административных процедур.
- G2G (Government-to-Government): координация и обмен данными между различными уровнями и органами государственной власти для повышения эффективности их взаимодействия.

Стоит добавить, что цифровое управление тесно связано с концепцией устойчивого развития. Оно способствует достижению целей устойчивого развития, таких как сокращение бедности, повышение уровня образования и улучшение качества медицинских услуг⁷. Использование цифровых технологий в управлении позволяет государствам более эффективно распределять ресурсы, обеспечивать доступ к базовым услугам и сокращать социальное неравенство.

Республика Корея

Республика Корея является одним из мировых лидеров в области внедрения цифровых технологий в государственное

⁴ «Цифровое неравенство в России» / Ростелеком // URL: <https://blog.rt.ru/b2c/kak-cifrovoye-neravenstvo-vliyaet-na-razvitiye-obshestva.htm> Дата обращения: 12 февраля 2025

⁵ Симон Кемп, «Digital 2025: Russian Federation» // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation?rq=russia%20digital%202025> Дата обращения: 5 марта 2025

⁶ Симон Кемп, «Digital 2025: South Korea» // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-south-korea> Дата обращения: 5 марта 2025

⁷ Исследование ООН: Электронное правительство 2024 / ООН, Департамент по экономическим и социальным вопросам // URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf> Дата обращения: 1 февраля 2025

управление. Успехи в цифровизации обусловлены долгосрочной государственной политикой, высокотехнологической инфраструктурой и значительными инвестициями в инновации [5]. Правительство страны начало последовательную работу по модернизации в государственном управлении в начале 21 века, опережая не только страны Азиатско-Тихоокеанского региона, но и подавляющее большинство западных стран. Важнейшими инструментами цифровой трансформации в Корее стали масштабные национальные программы, такие как стратегия электронного правительства, инициатива «Digital New Deal» и концепция «Умного государства». Эти программы направлены на создание устойчивой цифровой экосистемы, способной не только повысить качество предоставления государственных услуг, но и обеспечить конкурентоспособность страны в условиях глобальной цифровой экономики [13].

Одной из первых крупных инициатив в области цифровизации стала программа электронного правительства, начатая в 2001 году. Она предусматривала автоматизацию государственных процессов, создание интегрированных платформ для взаимодействия с гражданами и бизнесом, а также развитие открытых и доступных государственных данных [2]. На начальном этапе реализации программы основное внимание уделялось созданию цифровых систем для обмена информацией между государственными органами (G2G) и предоставления базовых электронных услуг гражданам (G2C). Это позволило значительно повысить прозрачность и эффективность работы государственных служб, что в свою очередь укрепило доверие населения к государственным институтам. Программа продолжает успешно развиваться, что подтверждается высокими позициями страны в глобальных рейтингах. Например, в отчётах ООН о развитии электронного правительства Республика Корея неоднократно занимала лидирующие места, благодаря интеграции цифровых технологий в государственное управление, высокой степени готовности инфраструктуры и доступности услуг. Одним из ключевых компонентов программы стало создание национальной цифровой платформы, объединяющей широкий спектр государственных сервисов,

таких как налоговые онлайн-системы, системы регистрации бизнеса, электронные медицинские записи и социальные услуги.

Важным шагом на пути цифровой трансформации последних пяти лет стал запуск инициативы "Digital New Deal" в 2020 году. Эта программа является частью более широкой стратегии "Korean New Deal", направленной на восстановление экономики после пандемии COVID-19 и подготовку страны к вызовам будущего [13]. Основная цель "Digital New Deal" заключается в создании цифровой экономики, основанной на инновациях, устойчивости и инклюзивности. Программа охватывала несколько ключевых направлений, включая развитие инфраструктуры 5G, искусственного интеллекта, больших данных и блокчейна, а также внедрение технологий интернета вещей в различные сферы, такие как транспорт, здравоохранение и образование.

Одним из ключевых элементов "Digital New Deal" декларировано создание "Национальной платформы данных"⁸, которая объединяет базы данных государственных и частных организаций для их анализа и использования в целях принятия более эффективных управленческих решений. Эта инициатива направлена на повышение прозрачности, упрощение доступа граждан и бизнеса к информации, а также создание условий для развития цифровых инноваций. Развитие платформы сопровождается внедрением технологий искусственного интеллекта, которые позволяют анализировать большие объёмы данных и разрабатывать предиктивные модели для решения различных социально-экономических задач.

Республика Корея также активно развивает концепцию умных городов (Smart Cities), которые представляют собой интеграцию цифровых технологий в городскую инфраструктуру для создания комфортной и экологичной среды. Примеры таких инициатив включают внедрение интеллектуальных транспортных систем, управление энергопотреблением с использованием IoT и создание систем мониторинга окружающей среды. Крупнейшие проекты реализуются в городах Сонджу и Пусан, где цифровые технологии помогают улучшить качество жизни граждан, оптимизировать городские процессы и повышать их устойчивость.

⁸ KOSTAT запускает корейскую информационную платформу по ЦУР / Научно-исследовательский институт статистики Республики Корея // URL: <https://kostat-sdg-kor.github.io/sdg-indicators/public/report/press2.pdf>

Резюмируя, государственные программы цифровизации в Республике Корея демонстрируют высокую степень зрелости и инновационности. Они направлены не только на улучшение предоставления государственных услуг, но и на создание долгосрочной цифровой экосистемы, способной обеспечить устойчивое развитие страны в условиях глобальных изменений. Опыт Республики Корея в цифровизации государственного управления представляет интерес для Российской Федерации, поскольку Корея демонстрирует высокие показатели эффективности, прозрачности и удобства предоставления государственных услуг. Создание национальных платформ данных, развитие умных городов и проактивное предоставление услуг, может быть адаптировано для России, что ускорит цифровую трансформацию, повысит доступность услуг для граждан и создаст более конкурентоспособную цифровую экосистему.

Российская Федерация

Российская Федерация встала на путь цифровизации государственного управления значительно позже Республики Корея. Это дало возможность опираться на передовой опыт стран-лидеров в цифровизации государственного управления, с одной стороны, и, с другой, – привело к сравнительному цифровому отставанию в период с начала нулевых до 2010-х годов. В настоящее время в стране ведётся активное внедрение цифровых технологий в государственное управление, что обусловлено необходимостью повышения эффективности предоставления государственных услуг, улучшения качества взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами, а также укрепления конкурентоспособности страны на международной арене [9]. Основой цифровизации в России стали национальные программы и проекты, направленные на развитие цифровой экономики, внедрение инновационных технологий и модернизацию государственных институтов. Главным стратегическим документом в этой области выступил **национальный проект "Цифровая экономика Российской Федерации"**, в котором определены основные направления цифровизации и который стал платформой для реализации различных инициатив. Проект был разработан в соответствии с указом Президента Российской Федерации и призван повысить конкурентоспособность России на мировой арене, а также обеспечить

переход к экономике нового типа — цифровой экономике, основанной на данных, инновациях и современных технологиях. Целями установлены развитие информационной инфраструктуры, внедрение передовых технологий, обеспечение компьютерной грамотности населения и создание нормативно-правовой базы, способствующей цифровизации [3].

Национальный проект включает в себя комплекс взаимосвязанных федеральных проектов, каждый из которых ориентирован на решение конкретных задач цифровой трансформации. В их число входят такие направления, как "Информационная инфраструктура", "Цифровая среда", "Кадры для цифровой экономики", "Государственное управление цифровой экономикой" и другие. Основной целью проекта является создание современной цифровой экосистемы, которая обеспечит повсеместный доступ к высоким технологиям, ускорит цифровизацию государственного управления и бизнеса, а также повысит качество жизни граждан.

В рамках развития направления цифровой инфраструктуры проводилось создание высокоскоростных сетей передачи данных, включая сети связи пятого поколения (5G), а также обеспечение доступа к интернету в удалённых и малонаселённых регионах страны. Это позволило сократить цифровое неравенство и обеспечить равный доступ к цифровым услугам для всех граждан. Также особое внимание в проекте уделено развитию кадрового потенциала. Федеральный проект "Кадры для цифровой экономики" направлен на подготовку специалистов с современными цифровыми компетенциями, что должно способствовать удовлетворению растущего спроса на квалифицированные кадры.

Национальный проект включает инициативы по развитию сквозных цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные, Интернет вещей (IoT), блокчейн и квантовые технологии [7]. Эти технологии предполагалось внедрять в ключевые отрасли экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность и транспорт. Также важное место в проекте занимает федеральное направление, связанное с цифровизацией государственного управления. Оно подразумевает внедрение электронных платформ, автоматизацию административных процессов и развитие проактивных

государственных услуг, что повысит их доступность и удобство для граждан.

Таким образом, национальный проект "Цифровая экономика" направлен на достижение конкретных показателей, таких как увеличение доли расходов на цифровизацию в ВВП страны, повышение доли граждан, использующих цифровые государственные услуги, и рост числа высокотехнологичных рабочих мест. Реализация проекта обеспечивает основу для устойчивого развития экономики, повышения её технологической независимости и создания благоприятных условий для инновационного роста.

Особое внимание в России уделяется вопросам кибербезопасности и защиты персональных данных. Учитывая растущие объемы данных, обрабатываемых в процессе цифровизации, разработка и внедрение эффективных систем защиты информации стали приоритетом государственной политики. В рамках программы "Цифровая экономика" реализуются проекты по созданию национальных стандартов безопасности, развитию технологий защиты данных и обучению специалистов в области информационной безопасности [10]. Эти меры направлены на снижение рисков кибератак, утечек данных и других угроз, возникающих в процессе цифровой трансформации.

Кроме того, важным вызовом остаётся необходимость интеграции различных информационных систем и баз данных, используемых государственными органами. Разрозненность таких систем может приводить к задержкам в предоставлении услуг и снижению их качества. В рамках инициативы "Цифровое правительство" предпринимаются шаги по созданию единого цифрового пространства, которое обеспечит взаимодействие между различными ведомствами и повысит уровень автоматизации процессов [11].

Таким образом, государственные программы цифровизации в Российской Федерации направлены на создание современной, технологически продвинутой системы государственного управления, способной эффективно реагировать на вызовы глобальной цифровой трансформации. Успешная реализация проекта "Цифровая экономика Российской Федерации" и связанных с ним инициатив способствует улучшению качества предоставления государственных услуг, формированию благоприятных условий для экономического роста и повышения уровня жизни населения. Однако для достижения поставленных целей требуется

продолжение работы по устранению существующих барьеров, развитию инфраструктуры и повышению цифровой компетентности населения особенно в отдалённых регионах страны.

Сравнительный анализ

Цифровизация государственного управления в Российской Федерации и Республике Корея представляет собой два различных подхода к внедрению современных технологий в деятельность государственных органов. Оба государства активно реализуют национальные программы цифровой трансформации, однако различия в социально-экономических условиях, уровне технологического развития и институциональных основах управления обуславливают важные различия в подходах и результатах. Сравнительный анализ позволяет выявить как общие черты, так и ключевые различия в стратегиях, технологиях и практиках цифрового управления.

Цели и стратегические подходы. Основной целью цифровизации в обеих странах является повышение эффективности, доступности и прозрачности государственных услуг. В Российской Федерации ключевым направлением является создание основ для устойчивого развития цифровой экономики за счет модернизации инфраструктуры, внедрения передовых технологий и улучшения нормативно-правовой базы, что отражено в проекте "Цифровая экономика Российской Федерации". В то же время Республика Корея делает акцент на интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь населения и бизнеса, что проявляется в амбициозной инициативе "Digital New Deal", направленной на создание цифровой экосистемы через развитие технологий искусственного интеллекта, 5G и больших данных.

Стратегический подход Кореи характеризуется высокой степенью гибкости и долгосрочным видением, включающим адаптацию к быстро меняющимся технологическим условиям. В свою очередь, Россия опирается на централизованное управление цифровыми проектами с акцентом на широкомасштабное развитие инфраструктуры и интеграцию информационных систем в различных секторах.

Технологическая инфраструктура и использование технологий. Республика Корея является лидером в области технологической инфраструктуры, что подтверждается высоким уровнем проникновения высокоскоростного интернета и развертыванием

сетей 5G. По данным на 25 июля 2024 года, Южная Корея занимает 6-е место в мире по скорости мобильного интернета и 31-е — по скорости широкополосного доступа (139 Мбит/с и 150 Мбит/с соответственно)⁹. Это обеспечивает основу для развития умных городов, автоматизированных транспортных систем и высокоэффективных цифровых платформ. В то же время, Россия заняла 87-е место в рейтинге стран с самым быстрым мобильным интернетом и 67-е в топе стран с самым быстрым домашним интернетом¹⁰. В России, несмотря на значительные инвестиции в развитие инфраструктуры, сохраняется цифровое неравенство, особенно в удалённых регионах, где доступ к интернету остаётся ограниченным.

Внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и большие данные, активно осуществляется в обеих странах. Однако Корея демонстрирует более высокий уровень интеграции этих технологий в государственное управление. Например, национальная платформа данных в Республике Корея уже активно используется для анализа больших данных и поддержки принятия управленческих решений. В России внедрение таких технологий только набирает обороты, хотя проекты в области ИИ, такие как системы распознавания лиц и предиктивная аналитика, уже успешно применяются в отдельных областях, включая безопасность и здравоохранение.

Доступность и удобство государственных услуг. Обе страны уделяют значительное внимание созданию удобных и доступных цифровых сервисов для граждан и бизнеса. В России основным инструментом является портал "Госуслуги", который предоставляет доступ к широкому спектру услуг, включая регистрацию документов, оплату налогов и получение социального обеспечения. В Корее аналогичные функции выполняют интегрированные платформы электронного правительства, такие как e-People и G4C (Government for Citizens), которые отличаются высокой степенью персонализации услуг и их адаптации под потребности пользователей.

Корея также демонстрирует более высокий уровень удобства и эффективности предоставляемых услуг, что связано с высокими

стандартами пользовательского опыта, постоянным мониторингом удовлетворённости граждан и интеграцией цифровых платформ с передовыми технологиями, такими как биометрическая идентификация [5]. В России, несмотря на значительный прогресс в цифровизации, остаются проблемы, связанные с фрагментацией систем и недостаточной интеграцией данных между различными ведомствами.

Социальные и культурные аспекты. Социальные и культурные различия между Россией и Кореей также находят отражение в подходах к цифровизации. В Корее высокий уровень доверия граждан к государственным системам и готовность использовать цифровые технологии способствуют успешной реализации программ. Кроме того, цифровая грамотность населения в Корее находится на высоком уровне, что позволяет активно использовать даже самые сложные цифровые сервисы [10].

В России наблюдается более низкий уровень цифровой грамотности, особенно среди пожилого населения и жителей сельских районов. Это ограничивает доступ к электронным услугам и требует реализации дополнительных программ по обучению и повышению компетенций, что уже заложено в национальной программе «Цифровая экономика».

Финансирование и управление проектами. Финансирование цифровых проектов в Республике Корея отличается значительными объёмами инвестиций, что обусловлено высокой приоритетностью цифровизации в государственной политике. Программа "Digital New Deal" предусматривает масштабное финансирование, включая активное участие частного сектора, что ускоряет внедрение инноваций. В России финансирование цифровых проектов также осуществляется на значительном уровне, но оно в большей степени сосредоточено на базовой инфраструктуре и обеспечении цифрового доступа в регионах [11].

Управление проектами в Корее характеризуется высокой степенью координации между различными ведомствами, что позволяет минимизировать дублирование функций и ускорить реализацию инициатив. В России централизованный подход к управлению цифровыми программами

⁹ Speedtest Global Index // URL: <https://www.speedtest.net/global-index> Дата обращения: 28 февраля 2025

¹⁰ Speedtest Global Index // URL: <https://www.speedtest.net/global-index/russia> Дата обращения: 28 февраля 2025

обеспечивает стабильность, но иногда приводит к замедлению процессов из-за сложных административных процедур.

Результаты и международное признание. Республика Корея занимает лидирующие позиции в международных рейтингах цифрового управления, включая Индекс развития электронного правительства ООН¹¹, что подтверждает высокую эффективность её программ. Россия демонстрирует устойчивый прогресс в этой области, однако пока не входит в число мировых лидеров. Это связано с необходимостью решения инфраструктурных и социальных проблем, а также дальнейшей интеграцией цифровых технологий в государственное управление.

Выводы по сравнительному анализу. Анализ цифрового управления в Российской Федерации и Республике Корея показывает, что обе страны продвигают масштабные инициативы, направленные на развитие цифровых технологий в государственном управлении. Однако их подходы и результаты существенно различаются. Корея демонстрирует более высокий уровень интеграции новых технологий, удобства и доступности услуг, а также успешно решает задачи кибербезопасности и цифровой грамотности. Россия, в свою очередь, делает акцент на создании базовой инфраструктуры и преодолении цифрового неравенства, что является необходимым условием для дальнейшего развития. Опыт Республики Корея полезен для России в плане разработки интегрированных платформ, повышения цифровой грамотности населения и внедрения инновационных технологий.

Заключение

Цифровизация государственного управления представляет собой один из ключевых трендов современного мира, определяющий развитие как отдельных государств, так и глобальной системы управления в целом. Российская Федерация и Республика Корея демонстрируют два отличающихся подхода к цифровой трансформации, что обусловлено различиями в социально-экономических, культурных и технологических аспектах. Тем не менее, обе страны объединяет стремление к повышению эффективности,

прозрачности и доступности государственных услуг через внедрение передовых цифровых технологий.

Республика Корея, являясь лидером в области цифровизации, успешно внедряет инновационные технологические решения, такие как искусственный интеллект, блокчейн и Интернет вещей, в управление государственными процессами. Высокий уровень технологической инфраструктуры, такие как сети 5G, а также интеграция данных через национальные платформы способствуют созданию умных городов и проактивного государственного управления. Корея демонстрирует высокий уровень персонализации услуг и готовности населения к использованию цифровых технологий, что подтверждается её лидирующими позициями в международных рейтингах электронного правительства. Для России, где цифровизация государственных услуг активно развивается, но ещё сталкивается с рядом инфраструктурных и организационных вызовов, адаптация подобных решений может стать стратегическим шагом в повышении эффективности и персонализации государственного управления.

Россия, в свою очередь, активно развивает базовую цифровую инфраструктуру, что является необходимым условием для преодоления цифрового неравенства, особенно в удалённых и сельских регионах. Проект "Цифровая экономика Российской Федерации" и связанные с ним проекты обеспечивают модернизацию ключевых областей, таких как здравоохранение, образование и транспорт. Сравнительный анализ позволил выявить, что наиболее успешные аспекты цифровизации в Республике Корея, такие как интеграция данных, развитие умных городов и проактивные подходы к управлению, могут быть полезны для совершенствования цифрового управления в России.

Современные тенденции цифровизации, такие как внедрение искусственного интеллекта, развитие умных городов, устранение цифрового неравенства и обеспечение кибербезопасности, определяют перспективы дальнейшего развития цифрового государственного управления. Обе страны обладают значительным потенциалом для реализации инновационных проектов

¹¹ Исследование ООН: Электронное правительство 2024 / ООН, Департамент по экономическим и социальным вопросам // URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf> Дата обращения: 1 февраля 2025

и совершенствования своих стратегий, что позволит им оставаться конкурентоспособными в условиях глобальной цифровой трансформации.

Таким образом, цифровизация государственного управления остаётся важным инструментом модернизации и устойчивого развития для Российской Федерации

и Республики Корея. Выявленные в ходе анализа сильные и слабые стороны их подходов к цифровизации могут стать основой для обмена опытом и международного сотрудничества, что, в свою очередь, будет способствовать созданию эффективных и инклюзивных моделей цифрового управления в глобальном масштабе.

Литература:

1. Акимов В.Г. Стратегические направления сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея // Кореистика в России: направление и развитие. 2022. Том 3. № 2.
2. Белова Л.Г. Южная Корея: движение от информационного общества к вездесущему обществу // Транспортное дело России. 2014. № 3.
3. Боровков А.И., Рождественский О.И. Дорожная карта по развитию сквозной цифровой технологии "Новые производственные технологии". Результаты и перспективы // Инновации. 2019. № 11 (253).
4. Ваславский Я.И., Габуев С.В. Варианты развития электронного правительства. Опыт России, США, КНР // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1.
5. Волкова Е.Ю. Программный подход в развитии цифровой экономики: Республика Корея и Россия // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 9.
6. Кипервар Е.А., Мамай Е.В., Мизя М.С. Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 10.
7. Лебедев А.С. Цифровая экономика: новые угрозы и вызовы для экономической безопасности России // Инновации и инвестиции. 2023. № 5.
8. Лолаева А.С. Место электронного правительства в системе государственного управления // Право и политика. 2022. № 2.
9. Макарова О.А., Макаров А.Д. Состояние и перспективы развития цифрового законодательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Том 15. № 1.
10. Сморгцова Л.Н. Цифровое правительство как перспектива государственного управления в России: информационно-правовые аспекты // Правовая информатика. 2022. № 2.
11. Черных С.И., Байбулатова Д.В. Национальный проект (программа) «Цифровая экономика Российской Федерации»: проблемы целеполагания и финансирования // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 2.
12. Шашкова Н.И. Цифровое государственное управление: роль, риски и новые парадигмы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 3.
13. Шпакова А.А., Горюнова С.А. Стратегические программы по цифровизации экономики Южной Кореи // Ars Administrandi (Искусство управления). 2021. Том 13. № 2.

DIGITAL GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF STATE DIGITALIZATION PROGRAMS

Introduction. In the context of the rapid development of information technologies and their integration into various spheres of public and state life, Digital Government has become a crucial tool for modernizing public administration. The digitalization of public services not only enhances their accessibility and transparency but also significantly improves the quality of interaction between the state,

citizens, and businesses. The Russian Federation and the Republic of Korea, despite differences in their socio-economic contexts, are actively developing digital public administration and Digital Government by implementing large-scale state digitalization programs. These countries demonstrate different approaches to the development and adoption of digital technologies, making their comparative analysis

particularly valuable for identifying the most effective strategies and technologies. The Republic of Korea consistently ranks among the global leaders in e-government development, while Russia is accelerating its digitalization efforts to meet global standards in this area.

Materials and methods. The study employed methods of comparative analysis, data systematization and generalization, as well as content analysis of official documents regulating the digitalization of public administration in the Russian Federation and the Republic of Korea.

Research results. The conducted research reveals that the digitalization of public administration in the Russian Federation and the Republic of Korea is evolving within different institutional and technological frameworks, leading to divergences in approaches and outcomes. The Republic of Korea demonstrates a high level of integration of digital technologies into its public administration system, reflected in its leading positions in international e-government rankings and the successful

implementation of proactive public service concepts. Meanwhile, Russia, currently at the stage of actively building its digital infrastructure, focuses on reducing digital inequality and creating the foundational conditions for widespread digital transformation.

Discussion and conclusion. The comparative analysis indicated that the Russian digitalization model could benefit significantly from adapting elements of Korean experience, particularly in areas such as service personalization, the use of artificial intelligence, and the development of smart cities. Thus, the study not only identified the strengths and weaknesses of the digital strategies of both countries but also outlined promising directions for experience exchange and mutual enrichment of digital public administration practices.

Alexander S. Volkov,
graduate student, the Department
of Economic Policy and Public-Private Partnership,
MGIMO University of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

Ключевые слова:

цифровое правительство, цифровое государственное управление, национальные проекты, цифровая экономика, цифровая инфраструктура, государственные услуги, государственное управление, сравнительный анализ.

Keywords:

digital government, digital public administration, national projects, digital economy, digital infrastructure, public services, public administration, comparative analysis.

References:

1. Akimova V.G., 2022. Strategicheskie napravleniya sotrudnichestva Rossijskoj Federasii i Respubliki Koreja [Strategic Directions of Cooperation Between the Russian Federation and the Republic of Korea]. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie* [Korean Studies in Russia: Directions and Development]. Vol. 3. № 2.
2. Belova L.G., 2014. Yuzhnaya Koreya: dvizhenie ot informatsionnogo obshchestva k vezdesushchemu obshchestvu [South Korea: Moving from an Information Society to a Ubiquitous Society]. *Transportnoe delo Rossii* [Transport Business of Russia]. № 3.
3. Borovkov A.I., Rozhdestvensky O.I., 2019. Dorozhnaya karta po razvitiyu skvoznoy tsifrovoy tekhnologii "Novye proizvodstvennye tekhnologii" [Roadmap for the Development of Cross-Cutting Digital Technology "New Production Technologies". Results and Prospects]. *Innovatsii* [Innovations]. № 11 (253).
4. Vaslavsky Ya.I., Gabuyev S.V., 2017. Varianty razvitiya elektronogo pravitelstva. Opyt Rossii, SShA, KNR [Variants of E-Government Development: Experience of Russia, the USA, and China]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes]. Vol. 15. № 1.
5. Volkova E.Yu., 2022. Programmiy podkhod v razvitii tsifrovoy ekonomiki: Respublika Koreya i Rossiya [Programmatic Approach in the Development of the Digital Economy: Republic of Korea and Russia]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. Vol. 28. № 9.
6. Kipervar E.A., Mamay E.V., Miziya M.S., 2020. Tsifrovoe gosudarstvennoe upravlenie: veroyatnye riski i novye vozmozhnosti [Digital Public Administration: Probable Risks and New Opportunities]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. Vol. 14. № 10.
7. Lebedev A.S., 2023. Tsifrovaya ekonomika: novye ugrozy i vyzovy dlya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [The Digital Economy: New Threats and Challenges to Russia's Economic Security]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments]. № 5.
8. Lolaeva A.S., 2022. Mesto elektronogo pravitelstva v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [The Place of E-Government in the Public Administration System]. *Pravo i politika* [Law and Politics]. № 2.

9. Makarova O.A., Makarov A.D., 2021. Sostoyanie i perspektivy razvitiya tsifrovogo zakonodatelstva [The State and Prospects of Digital Legislation Development]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* [Topical Issues of Economics and Law]. Vol. 15. № 1.
10. Smorchkova L.N., 2022. Tsifrovoe pravitelstvo kak perspektiva gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: informatsionno-pravovye aspekty [Digital Government as a Perspective for Public Administration in Russia: Informational and Legal Aspects]. *Pravovaya informatika* [Legal Informatics]. № 2.
11. Chernykh S.I., Baybulatova D.V., 2023. Natsionalnyy proekt (programma) «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii»: problemy tselepolaganiya i finansirovaniya [National Project (Program) "Digital Economy of the Russian Federation": Problems of Goal-Setting and Financing]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice]. № 2.
12. Shashkova N.I., 2023. Tsifrovoe gosudarstvennoe upravlenie: rol, riski i novye paradigm razvitiya [Digital Public Administration: Role, Risks, and New Paradigms of Development]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law, and Sociology]. № 3.
13. Shpakova A.A., Goryunova S.A., 2021. Strategicheskie programmy po tsifrovizatsii ekonomiki Yuzhnoy Korei [Strategic Programs for the Digitalization of South Korea's Economy]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (The Art of Management)]. Vol. 13. № 2.

РЕЦЕНЗИЯ НА ЧЕТЫРЁХТОМНИК И.В. ПОНКИНА И А.И. ЛАПТЕВОЙ ПО МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИТИКИ

Евгений Охотский*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-237-239

Научная рецензия на четырёхтомное 5-е издание учебника по методологии науки и прикладной аналитики за авторством И.В. Понкина и А.И. Лаптевой [1, 2, 3, 4].

Писать рецензию на столь масштабное по тематическому охвату и столь обширное по объёму издание, как четырёхтомник «Методология научных исследований и прикладной аналитики» за авторством доктора юридических наук, профессора Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ И.В. Понкина (в соавторстве с к.ю.н. А.И. Лаптевой - второй том) – дело непростое. И вопрос не только в том, что суммарно это 1640 страниц достаточно плотного текста, свыше 3300 сносок, многие тысячи источников, многие сотни тематических разбивок. Сложность рецензирования такого рода издания определяется как сложностью

темы, так и научно-методологической проблематикой тех источников, на каких готовят учёных-аналитиков и практиков-управленцев современной формации.

Актуальность этой темы не вызывает сомнения. Тем более, что многие ныне издаваемые учебно-методические издания не дают главного – объяснения конкретных методов научно-аналитической деятельности и тем самым обеспечения высокой эффективности конкретных практик публично-политической и административно-управленческой деятельности.

Комплект книг И.В. Понкина и А.И. Лаптевой, напротив, - издание неординарное, не тривиальное, полезное не только для тех,

* **Охотский Евгений Васильевич**, эксперт научно-исследовательского Центра государственной службы и управления, доктор социологических наук, профессор, Почетный работник высшей школы Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: e.ohotskii@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2386-8238

кто только приступает к своей первой диссертации и тех, кто работает над завершением диссертации, но и для всех тех, кто, в принципе берётся за любой другой сколько-нибудь долгосрочный весомый исследовательский проект.

В рецензируемых изданиях на высоком качественном и достаточно детализированном уровне изложены теоретические основы и ключевые концепты и парадигмы современной методологии исследований, особенности и аранжировки эффективных исследовательских методов и инструментальный состав аналитических практик, проблемы обеспечения, планирования и реализации исследовательского процесса. Не менее значимо и то, что в учебнике представлено много иллюстративного материала, причем достаточно новаторского в силу того, что авторы в своей творческой деятельности активно задействуют программы генеративного искусственного интеллекта. Но ценнее всего содержание.

В первом томе (по аналитике) изложены более тридцати *позиций в списке общенаучных методов и подходов, в том числе:* интуитивной аналитики; фреймирования; свёртывания и развёртывания; эксплицитно-структурированного, имплицитно-структурированного и дескриптивно-экспликативного теоретизирования; сценарного моделирования; древа текущей реальности; упрощения онтологизированных образов научных или аналитических конструктов; построения причинно-следственной матрицы, ситуационно-логической аналитики и др. Во втором томе (по науке) в перечне *общенаучных исследовательских методов и подходов* представлено 26 *позиций, включая методы* анализа и синтеза, индукции и дедукции, классификации и моделирования формализации, наблюдения, сравнения и аналогии, экспертных оценок, экстраполяции и эксперимента. Особое внимание обращается на значимость *частно-научных правоведческих методов и подходов:* формально-юридического, сравнительно-правового, юридико-аксиоматического, правовой аналогии, юридического наблюдения, прогнозирования и моделирования. Представлены также так называемые *гибридизированные методы:* судебно-автороведческие; судебно-подчерковедческие; судебно-медицинские, в том числе судебно-психиатрические; судебно-психологические и мн. др. методы.

Материал отличается высоким уровнем чёткости изложения и ясности объяснения такого большого числа методов. Не менее

ценным является также тщательно разработанный оценочный аппарат, который представлен во втором томе (по науке) рецензируемого издания. Особо значимы оценочные параметры и средства, касающиеся сложности исследования; содержательной глубины и результативности исследования; ясности научного письма и исследовательского продукта; оптимальности, единства и внутренней целостности исследовательского продукта; оригинальности мышления, исследования и исследовательских результатов. Все указанные сюжеты снабжены уникальными авторскими объяснительными концептами.

В качестве замечаний по рецензируемому четырёхтомнику хотелось бы высказать три с нашей точки зрения замечания чисто технического порядка. Во-первых, в конце издания недостает полноценного приложения – базового тезауруса. Учитывая, что в издании представлено много авторских определений, сделать такое приложение не составило бы труда. Во-вторых, изданию явно не хватает двух «навигаторов» – списка упоминаний имён и фамилий лиц и списка упоминаемых терминов с соответствующими отсылками к тем страницам учебника, где они оперируются авторами. С таким аппаратом оперировать учебником стало много проще, гораздо удобнее и эффективнее. В-третьих, учебнику не хватает рабочих примеров и заданий для самостоятельной работы для закрепления материала.

В целом же вниманию научного сообщества представлен действительно добротный учебник, написанный хорошим научным языком (хотя и, надо сказать, не лёгким для восприятия), полностью соответствующий методологической координатной системе современного научного поиска и репрезентации научных знаний. Учебник вносит существенный вклад в понимание исследователем, прежде всего того, кто работает над диссертацией, что, зачем и как они должны делать, где и когда надо проявить исследовательскую смелость, способность сузить фокус научного внимания и на чем следует особо сконцентрироваться. Учебник предоставляет чёткие описания технологий, методов, подходов, применение которых делает процесс подготовки научного продукта гораздо более управляемым, оптимальным, экономичным и целеустремлённым. Разработанные авторами в рецензируемом издании методологические подходы и обобщения, можно гарантировать, не останутся незамеченными в научном сообществе.

Литература:

1. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: 5-е изд., дополн. и перераб. В 2 т. Т. 1: Прикладная аналитика: Мастерство и искусство аналитического мышления и аналитической работы. М., 2024.
2. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: 5-е изд., дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научной работы. М., 2025.
3. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Прилож. № 1 к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». М., 2024.
4. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в научно-исследовательскую работу. Прилож. № 2 к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». М., 2025.

REVIEW FOUR-VOLUME WORK «METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH AND PRACTICAL ANALYTICS» OF I.V. PONKIN AND A.I. LAPTEVA

A scientific review of the four-volume 5th edition of the textbook on methodology of science and applied analytics by I.V. Ponkin and A.I. Lapteva is published.

Evgeny V. Okhotsky,
expert of the Research Center
for Public Service and Management,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of the
Russian Federation, Moscow, Russia

Ключевые слова:

метод, исследование, конструирование,
реальность, наука, аналитика, подготовка
учёных.

Keywords:

method, research, construction, reality, science,
analytics, training of scientists.

References:

1. Ponkin I.V., 2024. Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki: 5-e izd., dopoln. i pererab. V 2 t. T. 1: Prikladnaya analitika: Masterstvo i iskusstvo analiticheskogo myshleniya i analiticheskoi raboty [Methodology of scientific research and applied analytics: 5th ed., supplemented and revised. In 2 volumes. Vol. 1: Applied analytics: Mastery and art of analytical thinking and analytical work]. Moscow.
2. Ponkin I.V., Lapteva A.I., 2025. Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki: 5-e izd., dopoln. i pererab. V 2 t. T. 2: Nauchnye issledovaniya: Masterstvo i iskusstvo nauchnogo myshleniya i nauchnoi raboty [Methodology of scientific research and applied analytics: 5th ed., supplemented and revised. In 2 volumes. Vol. 2: Scientific research: Mastery and art of scientific thinking and scientific work]. Moscow.
3. Ponkin I.V., 2024. Ilyustrirovannoe vvedenie v prikladnuyu analitiku. Prilozhenie № 1 k uchebniku «Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki» [Illustrated Introduction to Applied Analytics. Application No. 1 to the textbook "Methodology of Scientific Research and Applied Analytics"]. Moscow.
4. Ponkin I.V., 2025. Ilyustrirovannoe vvedenie v nauchno-issledovatel'skuyu rabotu. Prilozhenie № 2 k uchebniku «Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki» [Illustrated Introduction to Research Work. Appendix No. 2 to the textbook "Methodology of Scientific Research and Applied Analytics"]. Moscow.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

•
международные
отношения

•
страны и регионы
мира

•
мировая
экономика

•
международное
право

•
иностраные
языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна

© Право и управление. XXI век, 2025

 МГИМО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ	Отпечатано в Издательском доме МГИМО 119454, Москва, пр. Вернадского, 76 mgimo.ru/id print@inno.mgimo.ru
1 8 2 9	Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,25. Подписано в печать 27.03.2025 г. Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 844